Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

На правах рукописи

Суслов Иван Владимирович

Реидеологизация цифрового общества

5.7.7. Социальная и политическая философия

Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук

Научный консультант
доктор философских наук,
профессор С. В. Тихонова

Саратов 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава 1. Феномен реидеологизации: философские основания и социально-исторические трансформации 32

§ 1.1. Идеология в ракурсе методологических поворотов социально-философского знания. 32

§ 1.2. Цивилизационно-темпоральная динамика реидеологизации: философско-исторический подход 53

§ 1.3. Цифровая идеология в структуре политической коммуникации 77

Глава 2. Субъекты реидеологизации в цифровом обществе 97

§ 2.1. Идеологические смыслы в медиаповестке: публичная деятельность политиков как фактор реидеологизации. 97

§ 2.2. Гибридизация субъектности в цифровом обществе: от сетей к алгоритмам 116

§ 2.3. Творческая элита как цифровой агент реидеологизации. 135

Глава 3. Технологии реидеологизации современности 154

§ 3.1. Визуализация идеологических кодов в ситуации постмодерна 154

§ 3.2. Темпоральные режимы идеологического проектирования позднего капитализма: 178

§ 3.3. Метафоризация идеологического пространства. 206

Глава 4. Реидеологизация социально-политического пространства современной России 238

§ 4.1. Процессы реидеологизации в постсоветской России: идеи, дискурсы, тренды 238

§ 4.2. Социально-эпистемические арены идеологических дискуссий о советском прошлом 273

§ 4.3. Идеологическая акселерация российской молодежи. 297

Заключение. 323

Список литературы. 328

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Современная эпоха характеризуется кардинальными социально-политическими и технологическими изменениями, обусловленными процессами цифровизации и деглобализации, что создает качественно новые условия для функционирования и трансформации идеологии.

Переход к цифровому обществу создает новые каналы распространения идеологических посланий, меняя структуру производства и потребления смыслов. Формирование и продвижение идеологии все чаще происходит в децентрализованных сетевых структурах, где традиционные акторы – государства и политические партии – теряют монополию на контроль над информацией. Революция в коммуникативных технологиях, связанная с процессами цифровизации, приводит к возникновению экранной культуры, в контексте которой идеологические коды, послания приобретают визуальные формы.

Протекающая в настоящий момент деглобализация, фрагментирующая мировое экономическое и социокультурное пространство, создает предпосылки для возникновения новых идеологических проектов. В условиях распада глобальных экономических связей и культурного униформизма начинают формирование макрорегионы, в каждом из которых должны быть выработаны собственные идеологические стратегии, направленные на поддержку культурно-идеологического суверенитета и легитимирующие собственно процессы деглобализации.

Философский анализ идеологических процессов становится необходимым для понимания новых механизмов воздействия на массовое сознание и формирования политических идентичностей. Молодежь, являясь основной аудиторией и активным участником сетевых платформ, приобретает статус субъекта актуализации политических смыслов, что требует исследование

особенностей их вовлечения в идеологические дискуссии. В условиях цифровизации повышается роль творческой элиты, моделирующей идеализированные формы взаимодействия между обществом и властью, превращая культуру в инструмент политической социализации молодых поколений.

Современные общества в условиях заката глобализационного проекта, политических кризисов, геополитических конфликтов и культурной неопределенности демонстрируют растущую потребность в переосмыслении структурирующих человеческую жизнь ценностей и смыслов, что объясняет феномен актуализации вопросов идеологии в публичном дискурсе или другими словами реидеологизации.

Дискуссии, связанные с выработкой новой идеологии разворачиваются и в современной России, политическое руководство которой стремится к организации на постсоветском пространстве независимого и самобытного макрорегиона, обладающего политико-культурным суверенитетом и экономической автаркией.

Необходимость деидеологизации общественной жизни, официально утвержденная в Конституции 1993 года, доминировала в российском научном и публичном дискурсе в течение первого постсоветского десятилетия. Однако в начале XXI века происходит постепенное укрепление позиций сторонников реидеологизации социально-политического и культурного пространства России.

А.В. Рубцов отмечает, что идеологический уклон в сторону осторожной идеократии произошел в 2010-2011 годы. Прогрессивный модернизм быстро уступил место традиционализму, с акцентом на уникальную духовность и моральные ценности. Изменился и язык идеологии: такие понятия как модернизация, инновация, экономика знаний, человеческий капитал были заменены духовностью, традициями, скрепами, идентичностью и культурными кодами[1].

[1] Рубцов А.В. Иллюзии деидеологизации. Между реабилитацией идеологического и запретом

Изменение в классификации научных специальностей в России, связанное с введением новой категории «Социальная и политическая философия», отражает усиление статуса политической философии как самостоятельной и значимой области исследований. Этот шаг свидетельствует о признании необходимости комплексного анализа политико-идеологических процессов с учетом их философских оснований и социальной динамики.

Реидеологизация современного социально-политического пространства актуализирует задачу философского переосмысления роли и сущности идеологии в условиях цифровизации и глобальных изменений, без которого невозможно решить политическую задачу, включающую разработку эффективных идеологических стратегий, способных помочь социуму и конкретному человеку ответить на текущие вызовы современности.

Таким образом, научная актуальность изучения феномена реидеологизации обусловлена:

1. усилением влияния цифровых технологий на политическую коммуникацию, актуализирующего необходимость философского осмысления механизмов адаптации идеологии к новой социо-технической реальности;

2. растущей важностью изучения идеологических процессов в условиях глобальных и региональных конфликтов, сопровождаемых процессы деглобализации;

3. эволюцией форм реактуализации идеологических кодов публичного дискурса в медиа пространстве.

Исследование процессов реидеологизации требует определения факторов, логики, субъектов, технологий и ключевых трендов современной трансформации идеологических систем в цифровом пространстве, а также предложения концептуальных подходов к их осмыслению.

Степень научной разработанности проблемы. Попытки дать однозначное определение понятию «идеология» в философской науке до сих пор являются безуспешными, а многочисленные дебаты лишь усложняют его

на огосударствление идеологии // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 66-75.

понимание. Вдобавок, ни одна из дисциплин — политология, история, социология или философия — не обладает монополией на изучение феномена идеологии, что затрудняет его концептуализацию.

Систематизация знаний и онтологическое осмысление идеологии предпринимались в разные исторические периоды развития философской мысли. Впервые термин «идеология» был введен в начале XIX века французским философом Дестютом де Траси, охарактеризовавшем его как науку о создании, выражении и распространении идей[2]. Долгое время термин «идеология» использовался в двух значениях: как наука об идеях и как догматическая, оторванная от реальности теория. В качестве самостоятельной науки идеология так и не оформилась, однако представление о ней как о ложном знании, требующем разоблачения, стало преобладающим в социально-философских теориях XIX века.

В марксизме идеология трактуется как форма ложного сознания, отражающая интересы определенного класса, но выдающая их за универсальную истину. Идеология как инструмент манипуляции со стороны господствующего класса имеет экономическое основание[3]. Согласно историческому материализму, общественное бытие определяет общественное сознание, а идеология, являясь его формой, не только отражает, но и изменяет социальную реальность.

В.И. Ленин дополнил марксистское понимание идеологии, введя концепцию «научной идеологии», под которой понимал марксизм как объективно верное учение[4]. В советской философии этот тезис стал основополагающим: марксистско-ленинская идеология провозглашалась единственно научной, а все другие идеологические течения объявлялись

---

[2] Де Траси Д. Элементы Идеологии. Ч.1. Идеология в собственном смысле слова. Гл. 11. Размышления о предшествующем и о способе Кондильяка анализировать мысль // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 149—154.

[3] Маркс К., Энгельс Ф. Полное Собрание Сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1966. Т. 39. С. 82-86.

[4] Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. М.: Политиздат, 1984. 478 с.

иллюзорными социальными мифологиями, враждебными коммунистической доктрине, что нашло отражение в работах таких исследователей, как Н.Б. Биккенин[5], А.К. Уледов[6], Т.И. Ойзерман[7], В.Ж. Келле[8], М.В. Яковлев[9].

К. Манхейм утверждал, что идеология — это продукт мышления правящих элит, тогда как утопия исходит от угнетенных социальных групп[10] и способна стать господствующей. Идеология перестала ограничиваться партийной пропагандой, а пронизывает информационное пространство и деятельность социальных институтов, что формирует массовое сознание, определяя восприятие заданных социальных ролей и общественных отношений как «естественных». А. Грамши описывал этот процесс через концепцию «культурной гегемонии»[11], Франкфуртская школа — как «культурную индустрию», а Л. Альтюссер — как «идеологические аппараты государства»[12]. Концепция ложного сознания получила дальнейшее развитие в концепции Г. Маркузе, рассматривавшего идеологию как рациональный механизм отчуждения, при этом её иллюзорность коренилась в самой социальной действительности[13].

Однако в социальном познании наметились и следующие альтернативные парадигмы, которые косвенно были связаны с концептом «коллективных/социальных представлений» Э. Дюркгейма[14] и С. Московичи[15].

---

[5] Биккенин Н.Б. Социалистическая идеология. М.: Прогресс, 1980. 205 с.
[6] Уледов А. Общественная психология и идеология. М.: Мысль, 1985. 268 с.
[7] Ойзерман Т.И. Формирование философии марксизма. М.: Мысль, 1962. 462 с.
[8] Келле В.Ж. Коммунизм и гуманизм (Коммунистическая идеология - самая гуманная идеология). М.: Знание, 1962. 48 с.
[9] Яковлев М.В. Идеология: противоположность марксистско-ленинской и буржуазных концепций. М.: Мысль, 1979. 270 с.
[10] Мангейм К. Идеология и утопия. М.: ИНИОН РАН, 1992. 245 с.
[11] Грамши А. Тюремные тетради. Часть первая. М.: Издательство политической литературы, 1991. 564 с.
[12] Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2011. № 3. С. 14-58.
[13] Маркузе Г.И. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: Refl-book, 1994. 368 с.
[14] Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. 352 с.
[15] Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд. М.: Психологический журнал, 1995. 352 с.

Т. Парсонс акцентировал внимание на функциональной роли идеологии, определяя её как систему ценностей, обеспечивающую когнитивную ориентацию и социальную интеграцию[16]. У. Матц видел в идеологии механизм регулирования политических отношений[17], а К. Гирц анализировал её как культурную модель, структурирующую социальные процессы через символические корреляции[18].

В середине XX века концепции гиперидеологизации Франкфуртской школы была противопоставлена теория деидеологизации (Р. Арон[19], Д. Белл[20], С. Липсет[21]), согласно которой в демократических обществах роль идеологий снижается. Однако уже через несколько десятилетий те же авторы разработали теорию реидеологизации, отмечая новый виток идеологического противостояния в мире.

В конце XX века в политической философии идеология продолжает оставаться объектом изучения (Р. Будон[22], Т. Иглтон[23], М. Фриден[24]). Исследования сосредоточены на эволюционной динамике идеологии (А.И. Соловьев[25]) и функционировании в нормативно-символических системах (Дж. Шварцмантель[26]). В рамках фрейдомарксизма С. Жижек трактует идеологию как нечто интимное и спонтанное, пронизывающее повседневное восприятие

---

[16] Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический проект, 2002. 830 с.

[17] Матц У. Идеологии как детерминанта политики в эпоху модерна // Полис. Политические исследования. 1992. № 1. С. 130-145.

[18] Гирц К. Идеология как культурная система // Новое литературное обозрение. 1998. № 1. С.5-38.

[19] Арон Р. Опиум интеллектуалов. М.: Издательство АСТ, 2015. 480 с.

[20] Bell D. The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. New York: Collier Books, 1962. 484 p.

[21] Lipset S.M. Ideology and no end: The controversy till now // Encounter. 1972. №39. P. 17-22.

[22] Boudon R. The analysis of ideology. Cambridge: Polity Press, 1989. 264 p.

[23] Eagleton T. The Ideology ofthe Aesthetic. Oxford: Blackwell, 1990. 436 p.; Иглтон Т. Идея культуры. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 192 с.

[24] Freeden M. Ideology and political theory // Journal of political ideologies. 2006. Vol. 11. № 1. P. 3–22; Freeden M. Thinking politically and thinking ideologically // Journal of political ideologies. 2008. Vol. 13. № 1. P. 1–10; Freeden M. The coming realignment of ideology studies // Journal of Political Ideologies, 2019. Vol. 24, №. 1. P. 1-10.

[25] Соловьев А.И. Политическая идеология: логика исторической эволюции // Полис. Политические исследования. 2001. № 2. С. 5–23.

[26] Шварцмантель Д. Идеология и политика. Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2009. 312 с.

реальности[27].

В России в первые годы после распада Советского Союза термин «идеология» также стал восприниматься как устаревший и утратил популярность как в академической среде, так и в общественно-политическом дискурсе. За исключением отдельных исследователей (А. Зиновьев[28], Ю. Волков[29], А. Панарин[30], Н. Козин[31]), большинство отечественных ученых и политиков сознательно избегало не только самого термина, но и связанных с ним концепций, особенно в публичных выступлениях.

Кроме того, ведутся исследования роли идеологии в современном мире и обсуждаются перспективы формирования новой российской идеологической концепции. К числу авторов, занимающихся этими вопросами, относятся Б.С. Славин[32], В.Н. Кузнецов[33], А.И. Демидов[34], В.С. Мартьянов, Л.Г. Фишман[35], С.В. Тихонова[36], А.Г. Дугин[37].

Сегодня наиболее актуальным направлением является рассмотрение идеологии через призму возможностей господствующих институтов воспроизводить систему культурных ценностей, понятий и символов, легитимирующих существующий социальный порядок (С. Холл[38], А.

---

[27] Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал, 1999. 237 с.
[28] Зиновьев А.А. Идеология партии будущего. М.: Канон+, 2023. 264 с.
[29] Волков Ю.Г. Образы идеологии и гуманизма в современной России. М.: КноРус, 2016. 208 с.
[30] Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: Эксмо, 2003. 416 с.
[31] Козин Н.Г. Искушение либерализмом // Вопросы философии. 2006. № 9. С. 47-66; Козин, Н. Г. Идентификация. История. Человек // Вопросы философии. 2011. № 1. С. 37-48.
[32] Славин Б.Ф.. Идеология возвращается. М.: Социально-гуманитарные знания, 2009. 648 с.
[33] Кузнецов В.Н. Российская идеология 21. М.: Книга и бизнес, 2004. 551 с.
[34] Демидов А.И. Политический ресурс идеологии // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2012. № 1(30). С. 53-58; Демидов А. Идеология как инструмент политической коммуникации и власти // Власть. 1998. № 8–9. С. 41-47.
[35] Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / под ред. В. С. Мартьянова, Л. Г. Фишмана. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 334 с.; Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции. М.: Весь Мир, 2010. 256 с.
[36] Афанасьев И.А, Тихонова С.В. Контуры российской патриотической идеологии: к проблеме конструирования // Власть. 2007. № 1. С. 65-70.
[37] Дугин А.Г. Проект «Евразия». М.: Эксмо Яуза, 2004. 512 с.
[38] Hall S. Notes on Deconstructing «the Popular» // Cultural Theory and Popular Culture / J. Storey (Ed.). Athens : University of Georgia Press, 1998. P. 442–453.

Гоулднер[39]). Важную роль в изучении идеологических процессов играют герменевтические и социосемантические подходы (Ю. Хабермас[40], Дж. Б. Томпсон[41], Т. Ван Дейк[42]), позволяющие подчеркнуть, что идеология проявляется в культуре, языке и коммуникационных практиках (А.Р. Тузиков[43], К.С. Гаджиев[44], А.В. Жукоцкая[45], И.Д. Невважай[46]). Значительное внимание уделяется изучению мифологической составляющей идеологии. Среди авторов, занимающихся данной проблематикой, можно отметить А.Г. Иванова[47], Г.И. Мусихина[48], А.Н. Кольева[49] и С.В. Тихонову[50], анализирующих присутствие мифологических элементов в структуре идеологии, а также процесс рационализации мифологии в рамках идеологических конструкций. О.Ю. Малинова[51], В.Г. Скочилова[52] изучают символические аспекты идеологических конструкций.

---

[39] Gouldner A.W. The dialectic of ideology and technology. The origins, grammar and future of ideology. N.Y.: Seabury press, 1976. 328 p.

[40] Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология»: сборник статей. М.: Праксис, 2007. 201 с.

[41] Thompson J.B. Ideology and Modern Culture: Critical Social Theory in the Era of Mass Communication. Oxford: Polity Press, 1990. 376 p.

[42] Dijk van Teun A. Ideology: A Multidisciplinary Approach. London; Thousand Oaks, Calif.: Sage Publications, 1998. 388 p.

[43] Тузиков А.Р. Масс-медиа: идеология видимая и невидимая // Полис. Политические исследования. 2002. № 5. С. 123-133; Тузиков А.Р. Проблемы консолидации социума и структурно-технологические особенности идеологического конструирования социальной реальности // Безопасность Евразии. 2004. № 2. С. 446-453.

[44] Гаджиев К.С. Метаморфозы идеологии в век информатики. М.: Университетская книга, 2016. 456 с.

[45] Жукоцкая А.В. Старые опасения и новые идеологии // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2015. № 2(14). С. 10-21.

[46] Невважай И.Д., Денисова Н.Ю. Логики власти // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2024. Т. 7. № 2. С. 81-90; Невважай И.Д. Коммуникативный правогенез // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 4(123). С. 216-223.

[47] Иванов А.Г. Политика как пространство эксплуатации идеологиями социальных мифов // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. №1. С. 13-18.

[48] Мусихин Г.И. Очерки теории идеологий. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 288 с.

[49] Кольев А.Н. Политическая мифология: Реализация соц. опыта. М.: Логос, 2003. 382 с.

[50] Тихонова С.В. Социально-онтологический статус мифа // Философия и общество. 2008. № 3. С. 44-57.

[51] Малинова О.Ю. Концепт идеологии в современных политических исследованиях // Политическая наука. 2003. №4. С. 8-30.

[52] Скочилова В.Г. Идеология в политическом процессе современной России // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2010. №3 (11). С. 76-85.

Стремительная цифровизация общественных отношений актуализирует рассмотрение таких феноменов как идеология и медиакратия в публичном интернет-пространстве (Е.О. Сонина[53], М.М. Назаров[54], А.А. Трунов[55], С.В. Тихонова[56], Д.А. Давыдов[57]). Трансформация информационного пространства детерминирует переход общественного мнения в состояние «постправды», что в свою очередь влияет на представления о будущем (С.И. Мозжилин, А.В. Рязанов[58]) и прошлом (Д.С. Артамонов[59], С.В. Тихонова[60]), активно формирующихся в виртуальном медиапространстве (Е.Н. Шапинская[61], Г.И. Зверева[62], А.П. Романова, М.М. Федорова[63])., в котором происходит

Модернизация социально-культурной сферы под влиянием технологического прогресса в современных коммуникационных процессах, детерминирующего формирование нового цифрового общества, исследуется

---

[53] Сонина Е.О. Конструирование идеологического дискурса в информационном обществе // Вопросы управления. 2023. Т. 17, № 6. С. 5-18.

[54] Назаров М.М., Иванов В.Н. Популярные журналисты и блогеры в российской информационной среде: доверие и социальные представления аудитории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024. Т. 24, № 2. С. 387-403.

[55] Трунов А.А. Идеология и интеллектуалы в эпоху медиакратии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2019. № 44 (4). С. 729–737.

[56] Тихонова С.В. Как цифровые котики приручают идеологию: котоконтент советской ностальгии в роли идеологического медиатора // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2024. Т. 6, № 4. С. 194-214.

[57] Давыдов Д.А. И сказал Интернет: сотворим нетократию по образу и подобию нашему. Критический взгляд на концепцию посткапитализма А. Барда и Я. Зодерквиста // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19, № 4. С. 66-81.

[58] Мозжилин С.И., Рязанов А.В. Образ будущего в условиях постправды // Манускрипт. 2021. Т. 14, № 6. С. 1160-1164

[59] Артамонов Д.С. Историческая наука, историческая память и идеология // Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы - 2021. Этика как наука и профессия: материалы конференции. Санкт-Петербург, 18–20 ноября 2021 года. СПб: Сборка, 2021. С. 292.

[60] Тихонова С.В. Великие стройки коммунизма в зеркале советской ностальгии // Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований. 2024. № 3(8). С. 276-301.

[61] Шапинская Е.Н. Советское ретро в нарратологии цифровой эпохи // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 1.(124). С. 202-209.

[62] Зверева Г.И. Рядовой пользователь социальных медиа как историк: способы создания исторического нарратива на YouTube // Преподаватель XXI век. 2019. № 4 (2). С. 323—337.

[63] Романова А. П., Федорова М. М. «Советская ностальгия» несоветского цифрового поколения. Российской Федерации // Южно-российский журнал социальных наук. 2021. Т. 22, № 1. С. 6-18.

Е.В. Листвиной, М.О. Орловым, С.А. Даниловым[64].

Философская проблематика цифровизации, связанная с системно-коммуникативным измерением общества и трансформацией онтологических оснований современности, раскрывается в трудах А.Ю. Антоновского[65]. Е.О. Труфанова трактует цифровое общество как пространство, в котором радикально изменяются формы идентичности, коммуникации и субъектности[66].

Культурно-идеологический анализ современности проводится в работах А.В. Павлова[67], С.А. Либермана[68], Н.Б. Афанасова[69], А.Г. Некиты и С.А. Маленко[70], показывающих как визуальные коды массовой культуры становятся инструментами идеологического воздействия. Общий исследовательский горизонт в анализе массовой культуры состоит в выявлении

---

[64] Листвина Е.В. Социокультурные риски цифровизации современного общества // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2019. Т. 13, № 3. С. 78-82; Орлов М.О., Шаткин М.А. Приватность в условиях цифровизации: правовые и экономические аспекты // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 15-26; Листвина Е.В. Современные социокультурные коммуникации: трансформации в цифровую эпоху // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. № 4. С. 386-389; Орлов М.О., Данилов С.А. Роль коммуникации в политической жизни современного общества // Философия и общество. 2008. № 4(52). С. 126-131.

[65] Антоновский А.Ю. Несоизмеримость и коммуникация: к эволюционно-коммуникативному повороту в философии науки // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59, № 4. С. 92-110; Антоновский А.Ю., Погожина Н.Н. Системно-коммуникативная теория: структура, аномалии, применение // Человек. 2023. Т. 34, № 5. С. 7-28.

[66] Труфанова Е.О. Субъект: вызовы цифровизации // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2024. Т.6, №4. С. 215-234; Труфанова Е.О., Хан Ш.Д. Трансформации культурной идентичности в цифровую эпоху // Вопросы философии. 2022. № 12. С. 84-94.

[67] Павлов А.В., Сидоркин С.А. «Симпсоны» как феномен идеологии и политики // Полис. Политические исследования. 2007. № 5. С. 81-91; Павлов А.В. От социальной аллегории к политическому высказыванию: академическая рецепция американского хоррора XXI века // Антиномии. 2023. Т. 23. Вып. 2. С. 77-96; Павлов А.В. Враги по разуму: робот как революционный субъект // Социология власти. 2017. № 29 (2). С. 116-132.

[68] Либерман С. Космотехника и космоопера «Mass Effect»: будущее, смерть и выход из капитализма // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2023. № 6(152). С. 105-122; Либерман С.А. Алармический дискурс будущего: от киберпанка к экологии // Человек. 2022. Т. 33, № 3. С. 119-137.

[69] Афанасов Н.Б. Киберфеминизм как научная фантастика. Нарисовано в Японии // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. Т. 4, № 1. С. 71-95.

[70] Некита А.Г., Маленко С.А., Широкова О.В. Идеология суррогатного постапокалипсиса: биополитика киберпространства в голливудском фильме ужасов // Векторы благополучия: экономика и социум. 2021. № 2(41). С. 102-114; Маленко С.А., Некита А.Г. Возвышенная жертвенность или тотальная месть: образы науки и ученого в американском фильме ужасов // Философия науки и техники. 2021. Т. 26, № 1. С. 131-143.

скрытых форм идеологизации, конструирующих представления о власти, субъективности, будущем, не прибегая к прямой политической пропаганде.

Политико-идеологические и социально-философские аспекты цифровизации раскрываются в исследованиях С.А. Храпова[71], О.Ф. Русаковой[72], Л.Г. Фишмана[73], М.В. Яковлева[74], К.Ю. Аласании и Е.Н. Мощелкова[75], анализирующих современные технологии политической мобилизации, управления массовым сознанием и конструирования национальной идентичности. Особое внимание уделяется проблеме цифрового авторитаризма, трансформации ценностного ядра общества и политики памяти в условиях цифровой эпохи.

В современной российской социальной философии продолжается рассмотрение идеологии в канве бытийных процессов. Здесь представления об идеологии также весьма неоднородны. В онтологическом срезе идеологию либо буквально возводят в ранг доминирующей силы общественного развития, либо вовсе отрицают ее (А.А. Кара-мурза[76], П.С. Гуревич[77]). В гносеологическом

---

[71] Храпов С.А., Крючкова С.Е. Национальная идентичность современной России:поиск модели и риски конструктивного формирования // Вопросы философии. 2025. № 2. С. 5-15; Храпов С.А., Топчиев М.С. Информационный фактор формирования новой национальной идентичности республики Казахстан: оппозиции образов «Свой-Иной/Другой-Чужой-Враг» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2024. № 2(68). С. 135-149.

[72] Русакова О.Ф. Дискурс государственной политики памяти как фактор формирования национальной идентичности современной России // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20, № 2. С. 32-51; Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г. Интернет-технологии в политической коммуникации: вызовы и возможности // Дискурс-Пи. 2021. Т. 18, № 3. С. 176-185.

[73] Фишман Л. Г. «Культура отмены» в России: от неприятия к ограниченному применению? // Антиномии. 2024. Т. 24, № 3. С. 70-82; Фишман Л.Г. Обойдемся без миссии. Почему постсоветская номенклатура не может выработать национальную идеологию? // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20, № 2. С. 52-67.

[74] Яковлев М.В. Киберпсихология управления массовым сознанием в современном государстве // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21, № 3. С. 42-59; Яковлев М.В. Государство датификации и его дисциплинарные техники: направленность социально-политической трансформации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 71. С. 246-259; Яковлев М.В. Цифровой авторитаризм: концептуальные основания и модель легитимации // Вопросы философии. 2022. № 8. С. 45-54.

[75].Аласания К.Ю., Мощелков Е.Н. Разрушение духовных ценностей России как цель современной цивилизационной войны // Социум и власть. 2024. № 4(102). С. 58-69.

[76] Кара-Мурза А.А. Как идеи превращаются в идеологии: российский контекст // Философский журнал. 2012. № 2(9). С. 27-44.

подходе чаще всего наблюдается политизация этого феномена духовной жизни (Ю.М. Резник[78]), и, как следствие, утилитарно-прагматичное моделирование идеологической сферы бытия[79]. Идеология чаще всего понимается как сугубо конъюнктурное образование и обрастает множеством стереотипов, штампов, что сводит ее к средству манипулирования сознанием человека (Э.Ю. Соловьев[80], В.М. Межуев[81], А.А. Гусейнов[82]).

Анализ степени разработанности темы и совокупности связанных с ней проблемных вопросов позволяет сделать вывод о том, что проблемы политико-идеологической эволюции общественных систем косвенно обозначались в различных исследованиях. Однако в настоящее время существует необходимость концептуализации в едином исследовательском поле социально-философских и методологических оснований процессов реидеологизации в современном цифровом пространстве.

Несмотря на накопленный аналитический материал, сохраняется ряд концептуальных пробелов. Не хватает системного осмысления взаимосвязи онтологических, культурных и политико-управленческих измерений, анализа динамики формирования новых идеологем и их интеграции в социальные структуры цифрового общества, а также философского рассмотрения ценностного содержания цифровой идеологии, что актуализирует необходимость выявления внутренних закономерностей цифровой идеологической трансформации, определение влияния цифровой среды на структуру субъектности, медиапрактики и социально-политическое пространство современного общества, а также сформировать системное

---

[77] Гуревич П.С. Философская экспертиза идеологии // Философская антропология. 2018. № 1. С. 8-26.

[78] Резник Ю.М. Должна ли философия служить государству? // Вестник Российского философского общества. 2022. № 3-4. С. 6-42.

[79] Сыродеева А.А. Философия и идеология: иллюзия деидеологизации (обзор «круглого стола») // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 207-217.

[80] Соловьев Э.Ю. Философия как критика идеологий. Часть I // Философский журнал. 2016. № 4. С. 5-17.

[81] Межуев В.М. Философия как идеология // Философский журнал. 2017. № 4. С. 171-180.

[82] Гусейнов А.А. Философия и идеология (к столетию «Философского парохода») // Вопросы философии. 2023. Т. № 9. С. 5–13.

понимание темпоральной, культурной и технологической динамики реидеологизации.

Объект исследования – реидеологизация как социально-политический процесс, обусловленный переходом к цифровом обществу.

Предмет исследования – особенности, механизмы и последствия реидеологизации политико-ориентированных коммуникаций и медиапрактик цифрового общества.

Целью исследования является выявление субъектов, форм и технологий реидеологизации в условиях цифровой трансформации современного социально-политического пространства.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих **задач:**

– выявить методологические возможности социально-философского подхода к анализу процессов реидеологизации в современном социально-политическом пространстве.

– охарактеризовать реидеологизацию как процесс адаптации идеологических систем к социально-культурным и технологическим изменениям, раскрыв и интерпретировав ее существенные признаки и факторы.

– обосновать цифровую идеологию как самостоятельный концепт современной социальной и политической философии.

– обьяснить роль медиаактивности политиков как фактора легитимации и делегитимации, адаптации и актуализации идеологических смыслов в общественно-публичные дискурсы.

– концептуализировать цифровой субъект реидеологизации, опираясь на социально-философские концепции сетевого общества, фиджитал-реальности, алгоритмической идентичности.

– обозначить способы, факторы формирования и трансляции идеологических кодов через художественные и медийные практики творческой элиты цифрового общества.

– проблематизировать визуализацию как технологию

идеологического воздействия в ситуации перехода от прямой пропаганды к постмодернистской игре с идеологическими кодами современности.

– определить актуальные темпоральные режимы конструирования смыслов в условиях современного кризиса проектной функции идеологии и утраты будущего как конструкта, а также тренда на реполитизацию прошлого.

– выявить результаты и факторы идеологической метафоризации посредством интеграции в политико-коммуникативное пространство фантастических визуальных нарративов.

– выделить и оценить противоречия, риски и перспективы формирования и продвижения государственной идеологии в современной России в условиях фрагментированного массового сознания.

– реконструировать механизмы инструментализации советской ностальгии в медиапространстве социально-эпистемических арен современных российских идеологических дискуссий.

– выявить основополагающие факторы идеологической социализации молодежи в современнной цифровой среде.

Методология и методы диссертационного исследования представлены совокупностью общих принципов и установок философско-методологического анализа, адаптированных для достижения поставленной цели. В процессе диссертационного исследования применялся комплекс формально-логических методов общенаучной группы, включающий анализ, синтез, индукцию, дедукцию и абстрагирование, позволяющие выявить внутренние связи и отношения между исследуемыми объектами, а также определить их роль и способы интеграции в социальную реальность, уточняя характер их функциональной реализации в рамках процессов реидеологизации.

Исследование основано на синтезе методологических стратегий классической, неклассической и постнеклассической рациональности, что обеспечило целостный анализ реидеологизации в широком историко-социокультурном контексте. В качестве методологического вектора выбрана научная рациональность, позволяющая интегрировать субъект-объектный,

субъект-субъектный и объект-объектный подходы в исследовании особенностей коммуникационных процессов цифровой эпохи.

Формирование методологии было связано с калибровкой социальной философии, предполагающей ннструментализацию социальных категорий для анализа непосредственных феноменов социального бытия. Конструирование социально-философского метода предполагает модификацию коммуникационного метода для исследования процессов реидеологизации, в рамках которого общество интерпретируется как динамическая структура, воспроизводящаяся через процессы социальной коммуникации. Индивиды в цифровом обществе конструируют социальную реальность и наделяют её смыслом посредством медиатизированных коммуникативных практик (М. Маклюэн, Ю. Хабермас, С.В. Тихонова).

Теория сетевых структур и актантов (М. Кастельс, Б. Латур) позволяет рассмотреть цифровую среду как пространство гибких, децентрализованных взаимодействий, в котором распространяются и трансформируются идеологические смыслы, что предполагает анализ формирования новых форм идеологической коммуникации и их влияния на восприятие политических процессов. В ситуации становления сетевого общества происходит переход идеологических структур в распределенное состояние полицентричности. Субъектами, производящими идеологию оказываются государственные институты, цифровые платформы, медиа-корпорации и сами пользователи.

Методологическая основа работы базируется на принципах критической теории (Т. Адорно, М. Хоркхаймера, Ю. Хабермаса, Г. Маркузе), определяющих идеологию как механизм господства и контроля, что позволяет анализировать цифровые платформы, алгоритмы и медиатехнологии как идеологические аппараты (Л. Альтюссер), транслирующие смыслы и формирующие паттерны восприятия идеологизированного контента. Использование в диссертационном исследовании концепции постидеологического общества (Ф. Фукуяма, С. Жижек, П. Слотердайк) указывает на кризис традиционных идеологических макронаративов,

уступающих место гибридным идеологическим формам, подразумевающим, что аудитория, осознавая манипулятивную природу идеологических процессов, продолжает в них вовлекаться.

В диссертационном исследовании идеология рассматривается не как статичная система взглядов, а в постструктаралистской традиции (Ж. Бодрияйр) как подвижная и фрагментированная структура, претерпевающая постоянные модификации в условиях цифровой среды. Идеологические конструкции (превращаясь в симулякры) теряют свою референциальную привязку и начинают функционировать в режиме самореференции, что проявляется в феномене цифровых мифологем, конструирующих политическую реальность.

Пространственный подход, опирающийся на концепцию пространственного характера социального бытия, применяется для анализа культурных практик конструирования идеологических установок в социокультурном контексте (П. Бурдье, Э. Гидденс, В.П. Рожков, В.Б. Устьянцев, Д. Харви, А. Аппадураи). Концепции культурных нарративов и политического мифотворчества (Р. Жирар, К. Гирц, Э. Лакло), бытующих в социальном пространстве, применяются к исследованию механизмов идеологической репрезентации в цифровой медиа среде.

Научная новизна диссертационного исследования может быть выражена следующими положениями:

1. Впервые апробировано направление комплексного социально-философского анализа процессов реидеологизации цифрового общества. Интеграция дискурсов классической социальной философии (Маркса, Маннхейма, Альтюссера) с медиатеориями (Маклюэна, Бодрийяра) позволила обосновать, что не рациональные концепты, а визуальные коды и символы, способные к быстрой мобилизации коллективного сознания, становятся основным форматом выражения идеологии в основанном на механизмах симуляции и гиперреальности цифровом обществе.

2. Доказано, что в процессе реидеологизации происходит адаптация

системы идеологического воздействия на массовое сознание к технологическим инновациям изменяющим условиям общественно-политической жизни. Показано, что развитие коммуникационных технологий изменяет формы распространения идеологического контента, переопределяя природу и значимость идеологии в политических процессах.

3. Проведена систематизация различных исследовательских подходов к определению концепта цифровая идеология. Предложена авторская концепция «гибридной цифровой идеологии», являющейся результатом постоянной пересборки и адаптации идеологических нарративов в связи с цифровизацией коммуникационных процессов.

4. Проанализирован процесс возвращения идеологических смыслов в общественную повестку через медиаактивность политиков в цифровой среде, которая одновременно способствует кризису официальных идеологических макронарративов. Доказано, что феномен «гражданской бдительности» граждан, связанный с контролем этических стандартов публичной масс-элитной коммуникации, является фактором усиления процессов реидеологизации российского политического пространства.

5. Произведена интерпретация цифрового субъекта реидеолгизации как производного от алгоритмической логики и сетевой онтологии, отличного от автономного и рационального агента коммуникации; продемонстрирован механизм производства идеологических нарративов в рамках цифровых платформ, наделённых элементами машинного агентства.

6. Охарактеризованы стратегии идеологической артикуляции творческой элиты, выступающей в роли ключевого агента формирования и трансляции идеологических кодов в условиях становления цифрового общества. Показано, что цифровизация публичного пространства размывает границы между частным и публичным, способствуя превращению представителей творческой элиты в производителей новых идеологических смыслов и субъектов политической мобилизации.

7. Визуализация впервые определена как ключевая стратегия

формирования идеологических нарративов, определяющая актуальную форму реидеологизации цифрового общества. Проблематизирована концепция идеологического влияния визуальных нарративов в условиях массового распространения сатирических, пародийных и гротескных образов власти. Исследована роль визуализации в формировании «просвещённого ложного сознания» (П. Слотердайк) в эпоху постидеологии.

8. Впервые апробируется темпоральный подход к изучению идеологии в цифровую эпоху, рассматривающий перераспределение временных акцентов — от проектности будущего к сакрализации прошлого в контексте процессов реидеологизации; уточняется процедура темпоральной реконфигурации современных идеологических проектов.

9. Выявлены социокультурные факторы, влияющие на мифологизацию массового сознания в условиях цифровизации. Проанализирована роль фантастических персонажей как инструментов идеологического кодирования и репрезентации современных политических конфликтов. Установлена специфика использования идей мультикультурализма, социальной справедливости и политкорректности в фантастических произведениях.

10. Впервые систематизированы философские подходы к пониманию реидеологизации в постсоветской России. Охарактеризован процесс перехода постсоветской России 2010–2020-х годов от состояния деидеологизации к поиску эффективной идеологической модели. Введено различение доктринальных и ценностных идеологий сосуществующих в цифровом обществе.

11. Обозначены ключевые стратегии реконструкции образа советского прошлого в цифровом обществе и их влияние на формирование идеологических нарративов. Показано, что советская ностальгия, балансируя в российском цифровом пространстве между мифологизацией и критическим осмыслением прошлого, является ключевым фактором реидеологизации. Предложена методология исследования реидеологизации в цифровую эпоху, учитывающая

интеграцию количественных и качественных методов, а также потенциал цифровой гуманитаристики для анализа больших объемов данных.

12. Выявлена трансформация молодежи от пассивного потребителя идеологического контента к ситуативному участнику политико-коммуникационных процессов, что подрывает традиционные иерархические модели политической социализации. Обоснована связь между алгократией и формированием политической инфантильности, а также ситуативности и идеологической фрагментированности молодежного сознания, что демонстрирует структурное влияние цифровых коммуникаций на процесс реидеологизации молодежи.

Положения, выносимые на защиту:

1. В рамках методологических поворотов (интрепретитвного, визуального и коммуникативного), совершенных в XX веке в социально-философском познании, были открыты теоретические ресурсы, позволяющие исследовать процессы реидеологизации общественно-политического пространства в эпоху кризиса больших идеологических проектов модерна. В современных условиях становления цифрового общества реидеологизация происходит преимущественно в визуально-символических формах, обеспечивающих в процессе политических коммуникаций устойчивый обмен идеологическими смыслами между элитами и массами. Идеология в условиях цифровизации является неотьемлимой частью визуального дискурса: идеологическое воздействие в цифровом обществе осуществляется через эмоционально-узнаваемые образы, а не через имплицитно обладающие аналитической глубиной текстовые сообщения. Семиотический анализ становится ключевым инструментом философской критики идеологического воздействия в эпоху цифровых медиа.

2. Процессы адаптации идеологических систем к изменениям в коммуникационных технологиях прослеживаются на разных этапах цивилизационного развития: от Галактики Гуттенберга и массовой печати до цифрового общества. Распространение грамотности и аудиовизуальных медиа в

конце XIX века привело к проникновению в массовое сознание идеологических концепций, ранее доступных только элите, что обусловило укрепление классических идеологий (либерализма, консерватизма. социализма). Переход общества на цифровой этап развития, сопровождающийся переформатированием коммуникационных стратегий взаимодействия власти и общества, приводит к трансформации идеологии в сторону большей интерактивности, демократичности (доступности) и фрагментированности. Технологический прогресс в сфере коммуникаций, обеспечив массовый доступ к сложным идеологическим концептам в упрощённо-визуальной, символико-мифологической или меметической форме, является основным фактором современной реидеологизации, актуализированной кризисом классических идеологий, экзистенциальной неуверенностью массового сознания, а также процессами (де)глобализации и геополитическими конфликтами.

3. Цифровая идеология является самостоятельным этапом в развитии идеологий, сменившим виртуальную идеологию эпохи киберкультуры. Понятие «цифровая идеология» следует рассматривать в двояком смысле: как официальная доктрина цифровизации и как совокупность сетевых субидеологий, возникающих как результат сочетания алгоритмического управления интернет-пространства с массовой анархической генерации смыслов. В формирующейся «динамической идеологической среде» производство идеологических смыслов становится полицентричным, сетевым, мультимодальным и высоко-интерактивным. Современные цифровые платформы, с одной стороны, навязывают идеологические смыслы, с другой стороны, создают условия для их децентрализованного формирования массовыми пользователями, что приводит к радикальному изменению субъектности в идеологических процессах. Под влиянием перехода коммуникаций в цифровой формат переопределяется позиция субъекта и объекта реидеологизации. Развитие искусственного интеллекта и алгоритмических систем управления информацией приводит к тому, что идеология перестаёт быть исключительно продуктом человеческого

творчества, а становится гибридным феноменом, формируемым на пересечении человеческого и машинного мышления.

4. Субъекты реидеологизации цифрового общества комбинируют телеологическую субъектность политического актора и спонтанную субъектность актанта, приобретающего статус актора в контексте его вовлечения в идеологические коммуникации. Адаптация и трансформация идеологических макронарративов в медиаповестке, рутенизирующая и интегрирующая идеологические смыслы в повседневные коммуникативные практики, могут быть определены как форматы реидеологизации цифрового общества. Политики, выступая активными участниками медиапространства, играют роль трансляторов идеологических смыслов. Публичная медиаактивность либо усиливает доверие к государственным идеологическим установкам, либо способствует их кризису и формированию общественного недоверия. Внедрение цифровых технологий в политическую коммуникацию приводит к появлению общественной (гражданской) «цифровой бдительности», усиливающей динамику идеологического контроля российского социально-политического пространства. Этические провалы политических элит в публичных коммуникациях способствуют изменению идеологической повестки, актуализируя запрос на справедливость и социальную ответственность. Политики как традиционный субъект, производящий идеологический контент, предоставляют массам/общественности (традиционно являющимся объектом идеологического просвещения) смыслы, обсуждение которых в медиапространстве усиляет процессы реидеологизации, производя очевидно незапланированные идеологические эффекты.

5. Цифровой субъект реидеологизации формируется в условиях существования децентрализованных сетей, алгоритмических систем и фиджитал-реальности, стирающих онтологическую чёткость границы между онлайном и офлайном. Переход к фиджитал-реальности означает технологическое сращение онлайн и офлайн-режимов, с последующей трансформацией социальной реальности, в которой традиционный субъект

(человек, интернет-пользователь) переводится в состояние объекта наблюдения, предсказания и управления. Алгоритмы персонализации, рекомендации и таргетирования становятся ключевыми механизмами формирования алгоритмической идентичности — формы субъективности, не поддающейся анализу в терминах, предлагающихся классическими теориями идеологии. Цифровые платформы, функционируя в рамках медиатехнологического поля, выступают в роли новых агентов идеологического производства, обладающих способностью изменять политико-идеологические установки пользователя без его явного согласия или осознания. Идеология в цифровую эпоху перестает использовать дискурсивную форму вербальных аргументов и превращается в инфраструктурную практику управления вниманием интернет-пользователей, встроенную в логику кода, интерфейса и алгоритма. Возникают такие риски скрытой идеологизации через технологические интерфейсы как монополизация информационных потоков, фильтрация альтернативных взглядов, фрагментация публичной сферы и эрозия этической рефлексии.

6. Творческая элита благодаря своим профессиональным навыкам в области символического производства влияет на формирование и трансляцию идеологических кодов в обществе и претендует на роль ключевого субъекта реидеологизации цифрового общества. Цифровизация, превращая социальные сети, видеоблоги в новые каналы распространения идеологических смыслов, изменяет формы и степень идеологической артикуляции творческой элиты, повышая ее значимость в пространстве публичного политического дискурса. Представители творческой элиты, традиционно формулировавшие идеологические высказывания в художественных произведениях или во время офлайн-акций, с развитием медиапространства оказываются под давлением ожиданий цифрового коллективного объекта (поклонников, подписчиков в соцсетях), оказывающего идеологизирующее влияние на своих кумиров. Размывание границ между частным и публичным пространством в цифровую эпоху, связанное с трансформацией медиаполя, в котором традиционные

медиаструктуры уступают место горизонтальным сетевым сообществам, способствует институционализации новых форм политического воздействия, превращая деятелей искусства в субъект, а искусство в инструмент формирования идеологической повестки. В публичной деятельности оппозиционно настроенных деятелей искусства наблюдается отказ от рациональных политических аргументов в пользу эмоциональных реакций.

7. Современные медиа-технологии способствуют возвращению общества к архаическому мифическому мышлению, в котором сложные политические концепции заменяются упрощенными нарративами, подданными с помощью визуальных образов. Визуальная форма медиа контента превращается в эффективный инструмент идеологического влияния, оказывая более мощное воздействие на массовое подсознание, чем текстовая информация. Зритель усваивает идеологические концепты, с одновременным эмоциональным вовлечением в их воспроизведение. Постмодернистское осознание манипулятивной природы политического дискурса сопровождается его пассивным принятием, что ведет к снижению критической субъектности зрителя, для которого цинизм и скептицизм заменяют политическую активность. В цифровую эпоху пропаганда отказывается от трансляции однозначных идеологических установок в пользу активного использования иронии, пародирования, встраивая идеологические посылы в развлекательные, исторические и фантастические сюжеты массовой культуры. В условиях кризиса традиционных идеологий визуализация становится технологией тестирования таких новых идеологических конструктов, как концепции постгуманизма, технократии и цифровой идентичности, формируя новые конструкции социального консенсуса.

8. Современная идеология утрачивает проектный характер, а будущее перестаёт выступать в роли телоса. Темпоральная перспектива идеологической деятельности характеризуется реполитизацией прошлого, основанной на ностальгических конструктах. Исторический кинематограф в условиях цифрового гиперпроизводства смыслов становится инструментом

конструирования коллективных идентичностей и норм. Исторический жанр, по своей сути, оказывается формой репрезентации настоящего через симуляцию прошлого, заменяя утопии будущего ностальгическими фантазмами. Темпоральный режим идеологии капиталистического реализма основывается на фетишизации прошлого и отказа от будущего, которое представляется либо в рамках катастрофического сценария, либо как продолженное настоящее, в котором отсутствует альтернатива рыночно-капиталистическим отношениям.

9. Цифровые технологии радикально изменили процессы идеологизации массовой культуры, трансформируя формы кодирования и стратегии трансляции ключевых политических нарративов. Алгоритмы стриминговых платформ формируют иллюзию выбора, на деле предлагая контент, соответствующий идеологическим и культурным стандартам корпораций, что приводит к унификации глобального медиапространства. Доминирование в современной массовой культуре фантастических и фэнтезийных жанров способствует метафоризации идеологических коммуникаций, позволяющей в аллегорической форме обсуждать такие сложные социальные проблемы как мультикультурализм, неравенство и экологические кризисы, репрезентирующие страхи общества перед технологическим прогрессом, кризисами глобализации и социальной нестабильностью. Тем самым формируется «комиксный» способ восприятия политической реальности, упрощающий сложные социальные и идеологические вопросы до уровня стереотипных мифологизированных нарративов.

10. Реидеологизация в современной России проявляется как государственный проект и многоуровневый философский дискурс, включающий отсылки к гуманизму, интегрирующей роли культуры, коммунитаризму и идеи духовной автономии философии. В период 2010–2020-х годов происходит переход от конституционно закреплённой деидеологизации к реидеологизации, требующий формирование гибкой, медийно эффективной идеологической модели, основанной на ценностной мобилизации и проявляющей адаптивность к фрагментированному цифровому пространству и

(как следствие) массовому сознанию. Успешная реидеологизация обязана наполнять публичный дискурс эмоционально заряженными символами, не связанными жесткими рамками традиционных идеологических доктрин. Новая концепция интегрирующей идеологии должна отражать переход от теоретически насыщенных конструкций к медийно-эмоциональному режиму формирования политического сознания в условиях цифровой среды.

11. Советская ностальгия в российском медиапространстве является значимым фактором реидеологизации, обеспечивающим переосмысление настоящего через идеализацию прошлого. Дискуссии о советском прошлом отражают внутренние идеологические противоречия российского общества, включая антисоветизм, советский патриотизм и имперский дискурс. Цифровая гуманитаристика предоставляет новые инструменты для анализа процессов реидеологизации, позволяя изучать динамику медиапредставлений и влияние пользователей на формирование историко-идеологических нарративов. В современном российском медиапространстве наблюдается двойственный процесс: деполитизация отдельных аспектов советского наследия (эстетика, быт) и реполитизация вопросов идеологии и власти, что отражает поиск общественного консенсуса между прошлым и настоящим. Процессы реидеологизации связаны с неоднозначностью восприятия советского эстетического и этического наследия (реакций на советскую культуру и кинематограф), выраженной в форме межпоколенческих различий. Осмысление «советского» в медиапространстве представлено двумя основными стратегиями: 1) создание мифологизированных и идеализированных образов СССР, отвечающих доминирующему общественному запросу на эмоционально-интеллектуальный поиск идеалов для подражания в прошлом и 2) идеологические споры вокруг негативных интерпретаций советского государственного опыта и антропологического типа («хомо советикус»).

12. Реидеологизация молодежи в цифровом обществе характеризуется ситуативным и фрагментарным характером интеграции политической информации в развлекательный контент, подаваемый в эмоционально

окрашенной форме. Блогеры и цифровые лидеры мнений выступают ключевыми субъектами реидеологизации, оперируя скандальными и провокационными нарративами, которые формируют гибридные идеологические установки. Гибридизация молодежного сознания проявляется в сочетании скептицизма, лояльности и патриотических установок, что ведет к размыванию традиционных границ между классическими идеологиями. В цифровом пространстве меняется традиционно иерархическая субъект-объектная форма политической социализации. Социально-психологические особенности молодёжи, которая традиционно воспринималась объектом идеологических усилий, начинают определять характер и структуру, предлагаемого ей идеологического контента, что связано с алгоритмической логикой рекомендательных механизмов цифровых платформ и предает молодёжи статус значимого другого для субъектов, создающих идеологические смыслы.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в развитии и уточнении концептуальных подходов к изучению процессов реидеологизации в условиях цифрового общества. В результате исследования сформирован новый взгляд на трансформацию идеологических структур, выходящий за рамки классических интерпретаций идеологии как стабильной системы взглядов и ценностей. Синтез критической теории, постструктурализма и медиа-исследований позволяет расширить понимание механизмов формирования, распространения и функционирования идеологических конструктов в современной цифровой среде.

Работа вносит вклад в развитие социальной и политической философии, расширяя понимание роли цифровых технологий в формировании общественного сознания и управления массовыми представлениями. Исследование демонстрирует, что реидеологизация не является исключительно процессом «возвращения» к традиционным идеологическим парадигмам, а представляет собой сложную переструктуризацию идеологического пространства, включающую элементы гибридизации, децентрализации и

алгоритмического контроля.

Особую теоретическую ценность представляет анализ мифологизации политики и роли симулякров в формировании современной идеологической реальности. Введение концепции цифровых мифологем и их влияния на массовое сознание позволяет с нового ракурса рассмотреть современные процессы легитимации власти, конструирования идентичности и политической мобилизации.

Практическая значимость исследования заключается в возможностях его применения в различных сферах анализа идеологических процессов и политических коммуникаций. Полученные выводы могут быть использованы в политической аналитике и стратегическом планировании для понимания механизмов управления общественным сознанием, прогнозирования идеологических трендов и противодействия манипулятивным технологиям в цифровой среде. Результаты диссертации могут найти применение в образовательных программах по философии, политологии и социологии.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты диссертационного исследования представлены и обсуждены на конгрессах, форумах и конференциях различного уровня: Борисовские чтения. IV Международная конференция «Современная наука и новые общественные вызовы» (Самара, СГТУ, 11-12 сентября 2025), V Всероссийская научно-практическая кинематографическая конференция «Кино как действительность: эмоции и кинематограф» (Санкт-Петербург, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, 2 - 3 июля 2025), IX академическая конференция «Мир человека: нормативное измерение – 9. Anormal: pro et contra» (Саратов, СГЮА, 5-7 июня 2025), V Всероссийская научная конференция «Утопические проекты в истории культуры» на тему «Социализм между утопией и антиутопией» (Ростов-на-Дону, ЮФУ, 24-26 октября 2024), XV международная конференция Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ «Культура в эпоху

цифровизации» (Москва, 24-26 октября 2024); Международная научная конференция «Мифологии, идеологии и утопии в современном мире» (Санкт-Петербург, Социологический институт РАН - филиал ФНИСЦ РАН, 17 - 18 октября 2024); Конгресс Русского общества истории и философии науки «Наука, технологии и ценности в неустойчивом мире» (Вологда, ВоГУ, 27 – 29 сентября 2024); XI Всероссийская научная конференция «Культура отмены и социальный остракизм в истории и современности» (Екатеринбург, Институт философии и права УрО РАН, 17 мая 2024); Всероссийская научно-практическая конференция «Советское прошлое и современное российское общество: культурные концепты, актуальные практики, социальные эффекты» (Липецк, РАНХиГС, 6 октября 2023); III Всероссийская научная конференция «Кино в цифровую эпоху» (Челябинск, ЮУрГУ, 5-7 июля 2023); VIII Международная конференция «Мир человека: нормативное измерение - 8.0. Анормальное» (Саратов, СГЮА, 8-10 июня 2023); Научная конференция «Биополитические технологии власти: теория, идеология, институциональные практики» (Великий Новгород, НГУ, 18 - 19 апреля 2023); Communication Strategies in Digital Society Seminar (семинар «Коммуникационные стратегии в цифровом обществе», Санкт-Петербуг, ЛЭТИ, 12 апреля 2023); XIV Международная научная конференция «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы – 2022. К 100-летию ‘Философского парохода’» (Санкт-Петербург, СПбГУ, 17-19 ноября 2022 г.); Международная научная конференция «Пронизывающая темпоральность» (Саратов, СГТУ, 16 сентября 2022; всероссийская конференция «Нормативность в философии киноискусства» (Волгоград, ВолГУ, 3-4 июня 2022); Всероссийская научно-практическая конференция «Деструктивная сущность радикальной идеологии и профилактика распространения экстремистской идеологии в образовательных организациях» (Пятигорск, ПГУ, 14-16 декабря 2021); Международная конференция «Политика памяти в сети» (Санкт-Петербург, ЕУ СПБ, 29-31 октября 2021); Всероссийская научная конференция «Политика развития в условиях цифровизации общества» (Краснодар, КубГУ, 22-

23 октябрь, 2020); Международный научный форум конфликтологов «Управление региональными конфликтами в условиях цифровизации современного общества: методология и практики реализации» (Казань, КФУ, 20-21 ноябрь 2020); Всероссийская научная конференция РАПН «Траектории политического развития России: Институты, проекты, акторы» (Москва, МГПУ, 6-7 декабря 2019).

Основное содержание работы отражено в 51 публикациях автора общим объемом около 29 печатных листов, из них 1 монография в соавторстве и 1 коллективная монография, 15 статей в журналах из Перечня российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Диссертация обсуждалась на кафедре философии ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

Структура диссертации включает введение, четыре главы, двенадцать параграфов, заключение и список литературы.

Глава 1. Феномен реидеологизации: философские основания и социально-исторические трансформации

§ 1.1. Идеология в ракурсе методологических поворотов социально-философского знания

В политической философии XIX–XX веков идеология рассматривалась преимущественно как инструмент власти — совокупность идей, представлений и норм, формируемых и распространяемых правящими группами с целью легитимации господства и управления массовым сознанием[83]. В рамках марксистской традиции идеология трактовалась как форма «ложного сознания» (К. Маркс, Ф. Энгельс)[84], то есть как искажённое отражение социальной реальности, закрепляющее классовое неравенство, что оказало значительное влияние на дальнейшее развитие исследований идеологии[85].

Л. Альтюссер, развивая марксистский подход, подчеркивал функциональную роль идеологии в стабилизации общественного порядка[86]. Идеология понималась им как механизм символического контроля, обеспечивающий целостность общества, формирующий политическую лояльность и нормативные ориентиры через культуру, искусство и образование. По выражению Маннхейма, идеология служит постоянному воспроизводству существующего образа жизни и способствует обеспечению единства общества[87].

На ранних этапах развития идеологических теорий господствовало представление о жёстких, догматических системах, в рамках которых индивид принимает готовый набор ценностей и установок, аналогичный религиозной

---

[83] Thompson J.B. Ideology and Modern Culture: Critical Social Theory in the Era of Mass Communication. P. 28.
[84] Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. М.: Политиздат, 1988. 574 с.
[85] Eagleton T. Ideology: An Introduction. London; New York: Verso, 1991. 263 p.
[86] Альтюссер Л. Ленин и философия. М.: «Ад Маргинем», 2005. 176 с.
[87] Мангейм К. Идеология и утопия. М.: ИНИОН РАН, 1992. С. 78.

доктрине[88]. Идеологическое поле мыслилось как ограниченное и структурированное — с чёткими границами между идеологиями, число которых считалось фиксированным.

Однако во второй половине XX века благодаря работам Р. Арона, Д. Белла, Х. Арендт, С. Липсета получила концепция деидеологизации. Исследователи полагали, что в условиях развитого индустриального общества идеология теряет своё значение, уступая место научному рационализму, технологическому управлению и прагматическим формам регулирования общественной жизни.

На фоне технического прогресса, начала «холодной войны» и переосмысления сталинского наследия в западной интеллектуальной среде возникла идея о «конце идеологии». Впервые выражение в 1946 году использовал Альбер Камю[89]. Затем в 1955 году французский социолог Раймон Арон назвал одну из глав своей книги «Опиум интеллектуалов» — «Конец идеологического века?»[90]. В том же году американский социолог Эдвард Шиллз вынес словосочетание «конец идеологии» в заголовок доклада на конгрессе в Милане[91]. Арон и Шиллз высказывали неуверенность в неизбежности краха тотальных идеологий и ставили все же знаки вопроса.

В 1955 году, находясь на конгрессе «Будущее свободы» в Италии, Сеймур Липсет обратил внимание на отсутствие острых идеологических разногласий среди участников с различными политическими взглядами. По его наблюдениям, присутствующие уже достигли консенсуса в отношении ключевых политических понятий, что позволило сделать вывод об ослаблении и даже утрате традиционными линиями разделения между левыми и правыми прежней актуальности[92]. В условиях снижения идейной поляризации

---

[88] Gerring J. Ideology: A definitional analysis // Political research quarterly. 1997. № 50 (4). P. 957-994.
[89] Camus A. Neither Victims nor Executioners. New York : Liberation, 1960. P. 13.
[90] Арон Р. Указ. соч. С. 449-479.
[91] The end of ideology debate / C.I. Waxman (Ed.). N.Y.: Simon and Schuster, 1968. P. 217.
[92] Липсет С. Политический человек: социальные основания политики. М.: Мысль, 2016. С. 474.

политическая сфера, по мнению Липсета, стала рутинной и предсказуемой. На первый план вышли вопросы прикладного характера, связанные с управлением и принятием решений, в то время как идеологическая проблематика отошла на второй план. Таким образом, западное общество обрело черты идеологической однородности, что дало основание для утверждения о наступлении постидеологической эпохи.

При этом Липсет не отрицал наличие классовых противоречий, однако полагал, что они будут проявляться в менее выраженных формах — без прежней массовости и идеологически окрашенной символики. Следовательно, представители левых интеллектуальных кругов будут вынуждены переориентировать свою критическую деятельность с экономической и политической проблематики на сферу культуры, которая впоследствии действительно стала центральным объектом анализа в рамках западного марксизма[93].

Схожие идеи высказывались и другими участниками дискуссий середины XX века. Так, Дэниел Белл в сборнике статей «Конец идеологии» (1960) выдвинул тезис об исчерпании идеологическими системами XIX века своего ресурса. На смену традиционным идеологиям приходят более фрагментарные формы политической рефлексии[94].

Суть идеи «конца идеологии» базировалась на довольно узком понимании самого термина. Главным примером идеологии для её критиков служил сталинизм, который Арон охарактеризовал как «гротескную форму» тотальной исторической картины мира, придающей смысл как прошлому, так и будущему, соединяющей моральные и фактические суждения, а также предсказывающей «желаемое будущее», вырастающее из настоящего. То есть идеология трактовалась не просто как система взглядов определённой социальной группы — это определение, по мнению Белла, было слишком общим. Под идеологией понимались утопические, мессианские учения, своего

---

[93] Kellner D. Western Marxism // Modern Social Theory: An Introduction / A. Harrington (Ed.). Oxford, GB: Oxford University Press, 2004. P. 164.
[94] Bell D. The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. P. 79.

рода светские аналоги религии, призванные направлять эмоциональную энергию масс.

Умеренные политические позиции, вроде либерализма и консерватизма, в эту категорию не попадали. Более того, сам термин «идеология» использовался скорее с негативной окраской. По мнению сторонников теории «конца идеологии», целый ряд изменений в западных странах — успех экономической модели, спад классовой борьбы, снижение роли политического радикализма, укрепление демократии и создание консенсуса вокруг модели государства всеобщего благосостояния — сделали идеологии ненужными. Менялся и статус интеллектуалов, которые ранее часто играли роль идеологов. Тем не менее, считалось, что идеологии могут сохранять актуальность в развивающихся странах. По мнению Липсета, хотя в зрелых демократиях страсть и идеология уже не требуются для поддержания социальной борьбы, они всё ещё нужны там, где идёт становление политических и экономических институтов.

Однако само понятие «конца идеологии» оказалось уязвимым: достаточно было немного расширить определение термина — включив в него все систематизированные идеи, объясняющие общественные процессы и легитимирующие действия власти — чтобы стало ясно: идеология никуда не исчезла. Более того, критики идеологии сами действовали как идеологи.

На смену спору вокруг концепции «деидеологизации» в 1960-х годов пришёл новый вопрос: действительно ли идеологии по-прежнему играют значимую роль в мобилизации масс и в обосновании власти в современных политических системах?

Политическая динамика 1960-х годов опровергла тезис о завершении идеологической эпохи[95]. В этот период сформировались и активно развивались новые идеологические движения, включая студенческий радикализм, борьбу за права расовых меньшинств, феминистские инициативы, антивоенное движение, а также консервативные и либеральные политические проекты. Примерами

[95] Munck R. The Difficult Dialogue: Marxism and Nationalism. London; Atlantic Highlands, NJ: Zed Books, 1986. 200 p.

последнего служат такие государственные программы, как «Новые рубежи» Джона Кеннеди и «Великое общество» Линдона Джонсона. Уже к середине 1960-х годов стало очевидно, что идеология сохраняет свою мобилизационную силу и по-прежнему играет ключевую роль в общественно-политической жизни[96]. Более того, практика показала, что попытки устранить идеологические элементы из политического пространства неизбежно оказываются неэффективными[97].

Когда стало очевидным, что универсалистские идеологические системы не утратили своего значения в общественно-политическом пространстве, исследователи, ранее выступавшие с тезисом об их «исчерпанности», скорректировали свои подходы. Так, Д. Белл позднее признал, что его идея «конца идеологии» отражала конкретную историческую фазу, в которой действительно наблюдалась деполитизация массового сознания и эрозия идеологических оппозиций[98]. Однако последующие процессы опровергли изначальный тезис: идеология не исчезла, а, напротив, обрела новые формы и вернулась в общественную жизнь в модифицированном виде.

С. Липсет в переиздании своей ключевой работы «Политический человек» указывает, что его тезис о «конце идеологии» не следует интерпретировать как провозглашение конца самой идеологической формы мышления, но как констатацию снижения политической эффективности и радикальной притягательности революционных программ, прежде всего в контексте классовой борьбы[99].

Однако исследователь утверждает, что возрождение идеологической риторики в студенческой и интеллектуальной среде не опровергает тезис об общем снижении идеологической насыщенности массовой политики,

---

[96] Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество Опыт социал. прогнозирования. М.: Academia, 1999. 783 с.
[97] Липсет С. Указ.соч.. С. 550.
[98] Bell D. The End of Ideology Revisited // Government and Opposition. 1988. № 2. P. 131-150.
[99] Липсет С. Указ.соч. С. 577.

подчёркивая, что интеллектуальные элиты и молодёжные радикальные круги изначально не входили в сферу его анализа[100].

В этот же период развивается эмпирическая линия изучения идеологии. Р. Лейн акцентируют внимание на повседневных формах политического мышления[101], предлагая расширенное понимание идеологии, включающее неупорядоченные, слабо осмысленные установки, характерные для «обычного» человека. В рамках данного подхода идеология рассматривается как совокупность индивидуальных оценок, формирующих политическое поведение.

Так в американской политической науке середины XX века обозначился поворот к анализу идеологии с позиций эмпирических методов, что сопровождалось отходом от восприятия феномена как целостного учения в пользу его рассмотрения как набора разрозненных и подчас противоречивых убеждений. Процесс формирования идеологических систем под влиянием концептуальных сдвигов стал интерпретироваться как открытый и многоуровневый, в котором участвуют как элитные, так и массовые субъекты, что, в свою очередь, выявило сложность и внутреннюю неоднородность идеологических конструктов, формируемых в условиях плюрализма мнений и социальной гетерогенности.

Появление эмпирических исследований политических ориентаций совпадает с утверждением в рамках социально-философского дискурса понимания идеологии как формы коллективного сознания и неустранимого элемента общественной жизни. Клиффорд Гирц, Ролан Барт, Тэн ван Дейк, Майкл Фриден, и другие начали рассматривать идеологию шире: как совокупность идей, образов и символов, живущих в повседневном сознании людей. Через трансформацию, утрату прежних конфигураций, выступая как способ символического упорядочивания политического опыта и артикуляции

---

[100] Липсет С. Указ.соч. С. 584.

[101] Lane R. Political ideology: Why the American common man believe what he does. N.Y.; Glencoe, 1962. 536 p.

социальных интересов, идеология сохраняет свою значимость до тех пор, пока существует само политическое[102].

Выход в 1964 году сборника «Идеология и недовольство» под редакцией Д. Аптера ознаменовал собой важный этап в переоценке понятия идеологии в свете дискуссий о её предполагаемом упадке[103]. Участники сборника предложили новые интерпретации термина. Среди прочего, в издание вошла работа К. Гирца «Идеология как культурная система», в которой идеология трактуется как система символов и значений, формирующая коллективные представления и регулирующая социальное поведение.

Работы американского антрополога Клиффорда Гирца ознаменовали собой важный поворот в исследовании идеологии. Если ранее в рамках марксистской и неомарксистской традиций идеология трактовалась как совокупность взглядов или доктрин, инструмент искажения социальной действительности, средство сокрытия конфликтов и поддержания существующих форм господства, то после Гирца акценты смещаются. Идеология начинает пониматься как сложная система культурных символов и значений, с помощью которой общество структурирует восприятие политической и социальной реальности[104].

Интерпретативный поворот, оформившийся еще в начале 1970-х годов, стал важной вехой в развитии гуманитарного знания, ключевыми идеями которой становится расширение понятия «текста» и внедрение метафоры «культуры как текста». В философском отношении поворот опирается на герменевтическую традицию (Гадамер), идеи Франкфуртской школы, а также взгляды Пола Рикёра. Центральной фигурой интерпретативного поворота стал антрополог Клиффорд Гирц, опубликовавший эссе «Размытые жанры»[105], в котором культура рассматривается как система значений, подлежащая «чтению». Переосмысление того, что может считаться «текстом» возрождает

---

[102] Жижек С. Указ соч. С. 11.
[103] Ideology and discontent / D.E. Apter (Ed). London: Glencoe, etc., 1964. 350 p.
[104] Гирц К. Интерпретация культур. М.: Росспэн, 2004. 406 с.
[105] Geertz C. Blurred genres. The refiguration of social thought // Geertz C. Local knowledge. Further essays in interpretive anthropology. N.Y: Basic Books, 1983. P. 19–35.

исследовательский интерес к текстуальным интерпретациям и анализу процессов приписывания смыслов как базовому элементу конституирования социального.

Согласно К. Гирцу, идеология представляет собой своеобразную когнитивную матрицу — систему интерпретации мира, через которую социальные группы формируют коллективную идентичность, выступая в качестве символического кода, ориентирующего в социуме и фиксирующего ключевые смыслы в условиях изменчивой и неоднозначной политической реальности. Таким образом, особую значимость приобретает функция идеологии как средства символической стабилизации, позволяющей человеку осмыслять социальные конфликты, проектируя внутренние напряжения на внешнего «другого» — оппонента или представителя иной социальной группы. Так идеология выполняет задачу не просто объяснения мира, но и внутреннего упорядочивания переживаний, снижая тревожность и неопределённость.

К. Гирц подчёркивает, что в отличие от традиционных обществ, где поведение регулируется устойчивыми культурными установками и социальными нормами, в современных обществах человек сталкивается с высокой степенью неопределенности. Биологические инстинкты оказываются недостаточными для координации поведения, и именно идеология — в качестве культурного и символического ориентира — заполняет эту пустоту, предлагая схемы восприятия и оценки событий, формируя определённые модели действия.

В традиционных обществах идеология играет второстепенную роль, поскольку социальная структура воспроизводится преимущественно за счёт обычаев и обрядов. Однако в условиях модернизированного мира наблюдается разрушение прежних форм социальной легитимации, а идеология становится основой формирования политических идентичностей и инструментом осмысления сложной и быстро изменяющейся социальной действительности. Подводя итог, Гирц определяет идеологию как символическую «карту» сложного и проблематичного социального мира, которая дает возможность

ориентироваться в нем, создавать образы порядка, объяснять происходящее и находить смысл.

Начиная с работ Клиффорда Гирца, в научном дискурсе утвердилась тенденция рассматривать идеологию как символически организованную структуру социального действия, обладающую интегративным потенциалом. В рамках данного подхода идеология осмысляется как специфический язык, делающий возможной политическую коммуникацию. На уровне социальной психологии это выражается в способности идеологических конструкций объединять индивидов на основе устойчивых моделей политического поведения, как поддерживающих, так и критикующих существующую систему. На уровне политической риторики идеология проявляется через формирование упрощённых, но эффективно воздействующих символических форм, способных мобилизовать коллективное воображение и побуждать к совместному действию. Подобные трактовки получили развитие врамках интерпретативной парадигмы, предлагающей рассматривать идеологию как элемент культурного кода общества.

Несмотря на методологическое разнообразие подходов к пониманию феномена идеологии общим вектором является смещение исследовательского интереса от анализа сущностной (онтологической) природы идеологии к механизмам ее функционирования в обществе. В отличие от преимущественно спекулятивного осмысления идеологических функций в рамках эпистемологических и социологических (социально-философских) теорий знания, новое направление акцентировало внимание на эмпирически верифицируемых аспектах идеологической практики.

Понимание идеологии, предложенное Клиффордом Гирцем как системы интерпретации социальной реальности, получило дальнейшее развитие в исследованиях, сосредоточенных на процессе символического обмена. В рамках этой перспективы утверждается, что символические формы сами по себе не являются идеологическими. Их идеологический характер проявляется лишь в ходе конкретного применения и интерпретации в социальном контексте.

Соответственно, акцент в анализе смещается с самих форм на ту социальную структуру, которая порождает и направляет их использование.

Значительный вклад в развитие этой линии анализа внёс британский социолог Джон Б. Томпсон, который предпринял попытку пересмотреть понятие идеологии, объединив его культурное и критическое измерения, сохраняя способность понятия к социальной критике и учитывая новые условия смыслопроизводства и коммуникации. Основой его теоретических построений стала философская герменевтика, прежде всего — труды Поля Рикёра.

Дж. Томпсон определяет идеологию как «способы, с помощью которых значения, зафиксированные в символических формах, способствуют утверждению и сохранению властных отношений»[106]. Такое понимание открывает возможность для многоуровневого анализа, включающего: исследование способов создания и передачи смыслов через язык, изображения, повествования, ритуалы и иные символические структуры; анализ социальных условий и контекстов, в которых эти формы функционируют; выявление механизмов через которые символические конструкции укрепляют или легитимируют существующие структуры власти и подчинения.

Свое теоретическое видение идеологии Томпсон впервые изложил в 1984 году[107], опираясь на герменевтическую традицию, прежде всего — на работы Поля Рикёра. Именно герменевтический подход позволил ему рассматривать идеологический процесс интерпретации, подверженный влиянию социального контекста и структур власти.

Одной из ключевых особенностей подхода Томпсона стало расширение сферы действия идеологии на повседневные формы общения и взаимодействия. Даже обыденные речевые практики, по его мнению, могут выполнять идеологическую функцию, если они способствуют воспроизводству неравенства и закреплению властных различий. Подобное расширение

---

[106] Thompson J.B. Ideology and modern culture. P. 26.

[107] Thompson J.B. Studies in the Theory of Ideology. Cambridge: Polity; Berkeley: University of California Press, 1984. 368 p.

трактовки феномена идеологии, предполагающее анализ символически практик выходит за рамки классического марксизма и экономического редукционизма.

С развитием новых интерпретаций исследование идеологии перестало быть исключительно областью политической философии, истории идей и общественных движений, переместившись в сферу дискурс-анализа и культурологии, что иллюстрируют современные работы Джона Балкина и, в особенности, Тэна ван Дейка.

Тэн ван Дейк, исследуя методы реализации политической идеологии, акцентирует внимание на анализе дискурсивных практик. По его мнению, именно свойства текста и речи позволяют непосредственно формулировать и выражать абстрактные идеологические убеждения[108]. Голландский лингвист утверждает, что источник идеологии не следует искать исключительно в дискурсе, однако именно в нём создается поле смыслов, формирующее идеи, ценности и установки. Стоит отметить, что для ван Дейка дискурс понимается как речь и её влияние на сознание, но для нашей исследовательской работы представляется более продуктивным изучение дискурсивных практик как совокупности всех коммуникативных действий, направленных на реализацию властных механизмов. Дискурсы выполняют роль носителей идеологических концепций, служат легитимизацией определённых идеалов и мотивируют конкретные типы поведения. Дискурсивные практики играют ключевую роль в процессе формирования политической идеологии.

Дж. Балкин, в свою очередь, предлагает рассматривать идеологию как инструмент понимания, созданный в человеческой культуре, считая, что социальная природа мышления лучше всего выражается именно в термине «идеология», так как большинство других понятий, таких как дискурс, хабитус, традиция, языковые игры и интерпретативные сообщества, являются различными версиями теории идеологии, которые фокусируются лишь на отдельных аспектах этого комплекса.

---

[108] Ван Дейк Т. Язык. Познание. Коммуникация. М.: ЛЕНАНД, 2015. 320 с.; Ван Дейк Т. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», URSS, 2013. 344 с.

Для определения основной функции идеологии Дж. Балкин использует метафору программного обеспечения, утверждая: «Мы можем сравнить определённые черты культуры и её способы функционирования с программным обеспечением, которое должно быть установлено в компьютере для обработки информации. Как и компьютерные программы, культурное программное обеспечение не только позволяет нам понимать, но и ограничивает наше понимание»[109]. Таким образом, культурное программное обеспечение может создавать идеологический эффект, который определяется социальным контекстом. Если Томпсон связывает «идеологичность» символической формы с её способностью поддерживать существующие отношения господства, то Балкин утверждает, что культурные программы производства символического способны создавать или поддерживать несправедливость.

Способы формирования смыслов через символические формы прямо зависят от исторических условий, организации власти и состояния массовой культуры. Эрнст Блох, возможно, наиболее полно исследовал диалектическую природу идеологий в их культурном проявлении, посвятив работы критике культурной гегемонии капитализма и нацизма, а также изучению возможностей идеологического сопротивления фанатизму и насилию. В его подходе идеология не ограничивается только негативным смыслом ложного сознания, скрывающего гегемонистские системы, но также имеет положительный компенсаторный аспект, который заключается в проектировании альтернативной реальности освобожденного будущего[110]. Блох рассматривал идеологический след не только в «высокой культуре», но и в архитектуре, массовой литературе, моде и даже спорте.

Символ можно рассматривать как смысловую матрицу, обеспечивающую стабильность политической коммуникации между элитами и обществом, эффективность которого обусловлена способностью ассоциироваться с уже существующими и понятными образами, а также придавать абстрактным идеям

---

[109] Balkin J.M. Cultural software: A theory of ideology. New Haven: Yale University Press, 1998. P. 4.

[110] Bloch E. Das Prinzip Hoffnung. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1985. 548 p.

наглядность и конкретность. В отличие от простого знака, символ несёт дополнительную смысловую нагрузку, формируемую как его создателем, так и реципиентом, интерпретирующим его в зависимости от личного опыта и уровня осведомлённости[111].

Кодирование информации с помощью символов выполняет двойную функцию: оно облегчает её распространение среди тех, кто знаком с контекстом, но одновременно усложняет её восприятие для непосвящённых. Однако этот процесс имеет и противоречивые последствия. Современные медиа, активно использующие визуальные образы, могут создавать иллюзию вовлечённости, превращая аудиторию из активных участников политического процесса в пассивных потребителей информации[112].

Возвращение к образному восприятию в связи с развитием телевидения, а позднее и Интернета после длительного доминирования письменной культуры открывает новые возможности для воздействия на массовое сознание. Визуальные медиа, соединяя эмоции и воображение, создавая эффект вовлечённости, расширяют пространство для манипуляции, позволяя зрителю самостоятельно достраивать смыслы, делая его уязвимым для управляемых интерпретаций. Таким образом, расширение свободы восприятия политических образов одновременно усиливает возможности для их направленного использования в пропагандистских целях[113].

В современной политической практике образ представляет собой мощное средство влияния на массовое сознание и используется для мобилизации общества, регулирования его поведения и распространения идеологических концепций. Благодаря своей символической природе образ способен воздействовать на людей на подсознательном уровне, побуждая к действиям, которые могут идти вразрез с собственными интересами. В политической пропаганде этот инструмент играет ключевую роль, поскольку позволяет

---

[111] Барт Р. Мифологии. М.: Академический проект, 2019. 351 с.
[112] Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2022. 464 с.
[113] Postman, N. Amusing Ourselves to Death: Public Discourse in the Age of Show Business. New York: Penguin Books, 1985. 197 p.

формировать эмоциональную вовлечённость и управлять общественными настроениями[114].

Образы обладают высокой степенью проникновения в общественное сознание: не требуют перевода, легко запоминаются, способны передавать значительный объём информации в компактной форме и эффективно преодолевают барьеры недоверия. Однако следует учитывать различия в механизмах восприятия текстов и образов, поскольку они оказывают различное влияние на мышление и поведение людей[115].

Текст, несмотря на его многозначность, является рациональным инструментом коммуникации, ориентированным на осмысленное восприятие. Для его понимания требуется определённый культурный уровень, а его структура предполагает логическое объяснение, аргументацию и постановку целей. В отличие от текста, образ синкретичен, объединяет различные элементы в единую, неделимую структуру. Его основная сила заключается в способности пробуждать эмоции и создавать эффект мгновенной реакции. Образ не требует рационального осмысления, направлен на мотивацию и мобилизацию. Однако его ограниченность заключается в отсутствии аналитичности: он не даёт детального плана действий, концентрируя внимание на конечных целях, оставляя средства их достижения на усмотрение аудитории[116]. Становление образа как основного элемента политической коммуникации приводит к дерационализации политического процесса, создавая основу для хаотичных и непредсказуемых действий[117].

Современный человек оказывается воспринимаем всеохватывающим взглядом, абсолютизирующим визуальный опыт, погружаясь в потоки изображений, пытаясь осмыслить их структуру и механизмы действия[118], что порождает интерес к философия фотографии и кино, семиотике моды,

---

[114] Laclau E. On Populist Reason. London: Verso, 2005. 296 p.
[115] Барт Р. Указ соч. С. 83.
[116] Маклюэн М. Указ. соч. С. 52.
[117] Postman N. Amusing Ourselves to Death: Public Discourse in the Age of Show Business. P. 99.
[118] Баль М. Визуальный эссенциализм и объект визуальных исследований // Логос. 2012. № 1 (81). С. 212-249.

философии рекламы и др., которые можно объединить под общим названием философии визуальных форм – по аналогии с философией символических форм Эрнста Кассирера.

Иконический поворот, произошедший в XX веке, обозначил существенные изменения в восприятии визуального как важнейшего аспекта человеческого существования. Суть «визуального поворота» (по Г. Бёму) или «иконического прорыва» (по М. Маклюэну) заключается в смещении акцента с вербальных форм коммуникации на визуальные, что отражает изменение всей социокультурной ситуации. Современная реальность характеризуется избытком визуальных образов во всех сферах жизни – от политики и культуры до рекламы и интернета, что приводит к формированию новой реальности – гиперреальности, описанную Жан Бодрийяром как мир, в котором изображения заменяют собой действительность[119]. В гиперреальности визуальные образы утрачивают статус вторичных, наоборот, они становятся центральной формой восприятия мира.

Приоритет дискурсивных практик, акцентируемый в трудах Р. Барта, М. Фуко, Ж. Лакана, Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Бодрийяра и ряда других представителей структуралистской и постструктуралистской традиции, становится едва ли не доминирующей тенденцией в философско-гуманитарном знании второй половины XX века. Именно в их работах были сформированы концептуальные основания теоретического дискурса, ныне обозначаемого термином «постмодернизм».

Наступление эпохи постмодерна сопровождается радикальной трансформацией эпистемологических установок, выраженной в отказе от таких универсалистских и метафизически нагруженных метанарративов как платонизм, христианская онтология, позитивистская вера в объективную истину и другие формы нормативной рациональности[120].

---

[119] Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. 196 с.
[120] Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Алетейя, Санкт-Петербург, 1998. 160 с.

Современность предстает как символическая конструкция, артикулируемая посредством языка и опосредованная системой знаков, текстов, мифологических и идеологических структур. Эта реальность не столько существует, сколько продуцируется в языке, а потому становится объектом семиотического анализа, деконструкции, и — в духе постмодернистской иронии — игровой интерпретации в соответствии с множественностью возможных смысловых кодов. Феномены социокультурной реальности редуцируются до симулякров — знаков без референтов, квазиреальности, рождающейся в результате языковых и символических манипуляций.

Визуальное, не рассматриваясь только как феномен непосредственного восприятия, интерпретируется как текстуальная форма, производная от дискурсивного кода. Образ становится «читаемым», то есть подчинённым логике языкового означивания. Подобный сдвиг оказывает существенное влияние на антропологическую оптику философии и теории культуры, что приводит к концептам «смерти автора» (Барт) и более широкой идее исчезновения автономного субъекта как носителя и источника смыслов.

Интерпретации визуального образа Роланом Бартом предполагает, что всякая коммуникативная практика, включая визуальную, организована по принципу знаковой системы, основанной на специфических кодах, прежде всего языковых. Хотя основное внимание Барта сосредоточено на вербальных нарративах (в литературе, мифах, повседневных сообщениях), визуальное сообщение также становится предметом его анализа.

Среди работ, в которых затрагивается проблематика визуального, особо значимы такие тексты, как Система моды[121], Camera lucida[122], а также статьи «Фотографическое сообщение», «Третий смысл», «Рекламное сообщение» и особенно «Риторика образа»[123]. В 1960-е годы, придерживаясь левых

---

[121] Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. 512 с.

[122] Барт Р. Camera lucida. М.: Ad Marginem, 1997. 272 с.

[123] Дорофеев Д.Ю., Семенова В.Н. Образ человека и визуализация политической коммуникации в эпоху постмодерна // Вестник Санкт-Петербургского университета.Философия и конфликтология. 2020. Т. 36. Вып. 4. С. 687–699.

интеллектуальных установок, Барт развивает критику господствующего буржуазного порядка, анализируя медиа-дискурсы — в частности, рекламу — как механизмы воспроизводства идеологических конструкций посредством символической артикуляции.

Стремительное развитие информационных и коммуникационных технологий придает значимость визуальному повороту в исследовании феномена идеологии. Люди проводят значительную часть времени перед экранами, вовлечены в цифровую среду, а идея виртуальной реальности постепенно реализуется, что приводит к сближению и даже отождествлению таких понятий, как «визуальное», «электронное», «информационно-коммуникативное», «виртуальное» и «медиальное». В исторической перспективе, следуя логике Маршалла Маклюэна, можно выделить три этапа смены медиаторов коммуникации: устный, письменный и электронный, последний из которых тесно связан с визуальностью. Однако важно помнить, что визуальное не исчерпывается электронным: образ может существовать и вне цифровой среды.

Существенное переосмысление феномена идеологии произошло благодаря медиальному повороту в социально-философском дискурсе. Джон Томпсон указал на ограниченность прежних концептуализаций идеологии, в которых недооценивалась медиатизация как определяющий фактор современной культуры, тогда как чрезмерное внимание уделялось процессам её секуляризации и рационализации[124].

До медиального поворота идеология представлялась преимущественно как светский аналог религии — кодифицированный набор идей, предназначенный для поддержания социальной солидарности на основе ценностей, транслируемых доминирующими группами. Между тем, по мнению Томпсона, именно медиатизация, а не секуляризация и рационализация, должна быть ключевой координатной системой анализа идеологических процессов в

[124] Thompson J.B. Ideology and Modern Culture: Critical Social Theory in the Era of Mass Communication. P. 12.

современных обществах. При этом подчёркивается, что средства массовой информации не являются единственным пространством воспроизводства идеологии: идеологические практики могут обнаруживаться в самых различных формах — от повседневных разговоров до институционализированных политических заявлений. Однако развитие медиасреды кардинально трансформировало масштабы и формы распространения идеологических смыслов, обеспечив возможность массовой трансляции символических форм, охватывающей аудиторию, распределённую во времени и пространстве.

Таким образом, медиа становятся платформами, способствующими формированию новых форм социального взаимодействия и, как следствие, реорганизации общественных связей. В результате исследовательский фокус смещается от анализа философских и программных документов к изучению многообразных дискурсивных практик, с особым вниманием к сфере массовых коммуникаций.

Центральной идеей Томпсона в более поздних работах становится тезис о медиатизации современной культуры. Исследователь утверждает, что в эпоху массовой коммуникации медиа играют ключевую роль в формировании, распространении и легитимации идеологических смыслов. В книге Ideology and Modern Culture (1990) подчёркивается, что анализ идеологии сегодня невозможно вести вне внимания к структурам и логике функционирования медиапространства, поскольку именно через него происходит основное производство символических значений и закрепление властных позиций.

Современные исследователи сталкиваются с новыми вызовами, обусловленными ускорением политико-социальной динамики, цифровизацией, медиатизацией политических процессов, а также прогрессирующей демократизацией коммуникационной среды. Эти тенденции способствуют ослаблению традиционных идеологических систем, неспособных оперативно реагировать на постоянно меняющуюся информационную повестку. В связи с

этим в научном поле появились новые категории, в частности «идеолоноиды», предлагаемые как концептуальные замены классическим формам идеологии[125].

Возникает вопрос: не означала ли новая интерпретация понятия идеологии ее коренное изменение? Не сталкиваемся ли мы с двумя разными концепциями идеологии? М. Фриден решительно отвергает идею о «двух концепциях». По его мнению, мы наблюдаем нормальный процесс развития дисциплины, которая изучает политическое мышление, направленное на руководство политической деятельностью. Идеология «вернулась», но не как единая система идей, а как выражение множества различных идей. Для ее исследования требуются новые теоретические подходы, и в этом процессе важную роль играют антропология, лингвистика и герменевтика, предложившие способы интерпретации идеологии[126]. В результате предлагается рассматривать идеологию как способ концептуализации различных социальных смыслов и коммуникаций в семантических и культурных концептах, бытующих в медиапространстве.

Проявляются новые тенденции: вместо изучения идеологий на макроуровне специалисты стали исследовать ее микросоставляющие; произошел переход от анализа «великих» идеологий — к изучению более узких, менее систематичных и более эклектичных идеологий; от описания ярко выраженных идеологий, использующих традиционный политический язык, к психоаналитическим и символическим подходам, исследующим язык как посредника. Также отмечается фрагментация идеологий или, с другой стороны, дифференциация политических идей, что связано с изменениями в процессе их производства. М. Фриден замечает, что в новых социальных движениях в Европе (и в меньшей степени в США) функция создания и распространения идеологии перестала быть монополией политической элиты. Ранее идеи консерватизма, либерализма, коммунизма и фашизма были тщательно

---

[125] Freeden M. Loose Talk Costs... Nothing // The Journal of Political Ideologies. 2018. Vol. 23, №. 1. P. 1-9.

[126] Freeden M. Editorial: Political ideology at century’s end // The Journal of Political Ideologies. 2000. Vol. 5, № 1. P. 5–15.

разработаны элитами, однако в последние десятилетия наблюдается явная демократизация групповых дискурсов, и новые силы начали бороться за легитимизацию публичного языка и ценностей. Например, идеология «зеленых» в Германии продвигалась различными политическими группами в различных направлениях, что конструировало ее концептуальную эклектичность, одновременно паразитируя на ней.

С распространением интернета и цифровых технологий возникает новый тип политического субъекта — «сетевой человек»[127]. Солидарность в цифровом пространстве приобретает скорее символический, чем практический характер и выражается в лайках, репостах и комментариях, нежели в активных действиях[128]. Сетевой человек становится одновременно свободным от интеллектуального груза и зависимым от внешних информационных потоков, легко меняет взгляды в ответ на сильные эмоциональные раздражители, что делает его податливым к манипуляциям. Вместо последовательного анализа реальности он реагирует на яркие образы и сенсационные события, формируя своё мнение под влиянием текущих информационных всплесков.

Таким образом, возникает субъектность нового типа, ориентированная на моментальные реакции, а не на осмысленные действия. Возникающий сетевой политический дискурс характеризуется значительным повышением скорости и каналов политического общения. На первый план выдвигается «сигнальная» форма передачи информации в виде сообщений, мнений, оценок и откликов[129]. В сетевом политическом дискурсе стирается грань между реальностью и фикцией, что ведёт к появлению множества политических явлений, фигур и событий, существующих исключительно в медийном пространстве[130]. Их влияние на политические процессы зачастую превосходит реальные феномены. Содержание политического дискурса трансформируется: краткие сообщения

---

[127] Rainie L., Wellman, B. Networked: The New Social Operating System. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2012. 380 p.
[128] Морозов Е. Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети. М.: Corpus. 2014. 528 с.
[129] Castells M. Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age. Cambridge; Malden: Polity PressPolity Press, 2015. 320 p.
[130] Thompson J.B. Ideology and Modern Culture. P. 31.

меняют содержание и форму коммуникации; изменяется сам повод для дискуссии.

Таким образом, идеология становится менее отчетливой и более фрагментированной, но старые формы идеологий не исчезают, а продолжают существовать, хотя и в измененной форме, поскольку вопросы справедливости, свободы, прав, политических обязательств и суверенитета остаются в центре политических дебатов. В первые десятилетия XXI века идеологии становятся более текучими, краткосрочными, а также массовыми и часто упрощенными, что ослабляет глубину идеологических дискуссий. На смену длинным текстам и серьезным памфлетам приходят краткие и порой эфемерные формы выражения, поддерживаемые электронными средствами. Эти формы часто не углубляют дискуссию, но усиливают ее интенсивность. Современные идеологии становятся все более упрощенными и ориентированными на «здесь и сейчас». Тем не менее, не все так мрачно: серьезные блоги могут быть мощным инструментом для активных интеллектуальных дебатов в общественной сфере, придавая новые оттенки и глубину идеологическим позициям.

Выводы по параграфу: История философии XX века демонстрирует циклический характер отношения к идеологии: от её разоблачения как «ложного сознания» — к попыткам полностью вытеснить из политической практики и далее — к её возрождению в новых формах. Концепция деидеологизации, заявленная в середине XX века, оказалась временным этапом, уступив место новой волне идеологической мобилизации, особенно в условиях цифрового общества. Современная идеология всё более опирается не на вербальные доктрины, а на визуальные символы, активно вовлекающие массовое сознание посредством эмоций, узнаваемости и кодируемости. Визуальные медиа становятся важнейшим каналом передачи идеологического содержания, способным как усиливать критическое мышление, так и провоцировать манипуляции. Символ в цифровую эпоху выполняет двойную функцию: с одной стороны, это средство легитимации власти, с другой — инструмент сопротивления и проектирования альтернативных смыслов.

Понимание современной идеологии требует обращения к семиотике, философии визуальности и постструктуралистским теориям, где визуальный образ трактуется как дискурсивная конструкция, насыщенная властью.

Таким образом, происходит отход от восприятия идеологии как статичной системы идей и переходит к анализу подвижных, фрагментарных и конфликтных практик, через которые субъект соотносит себя с социальным порядком. Идеология становится неотъемлемым элементом культуры, медиасреды и политических взаимодействий в условиях цифровой эпохи и глобализированной множественности идентичностей. современное понимание идеологии радикально отличается от классических представлений. В условиях цифровой культуры, медийной фрагментации и полисемии идентичностей идеология становится подвижной, фрагментарной и мультицентричной, сохраняя при этом свою функцию структурирования социального воображаемого и обеспечения когнитивной и эмоциональной координации в политическом пространстве.

§ 1.2. Цивилизационно-темпоральная динамика реидеологизации: философско-исторический подход

В традиционных обществах идеологическая система, оправдывающая социальный порядок и безраздельную власть высших правителей, имела религиозный характер. Роль ключевого фактора, регулирующего обыденную жизнь человека, играла судьба[131] (предначертанность, фатум, карма)[132]. Жизненный мир индивида был символически регламентирован, предназначение сводилось к следованию религиозным нормам, а социальная реальность определялась как результат божественных усилий.

---

[131] Вскоре после рождения судьба ребенка определялась греческими мойрами, римскими парками, германскими норнами, славянскими суденицами и т.д.

[132] Бутина С.Л. Трансформация мифологии в аспекте становления государственности // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2002. № 3. С. 67-82; Горан В.П. Древнегреческая мифологема судьбы. Новосибирск: Наука, 1990. 334 с.

Предпосылки для появления возможности критического обсуждения реальности связывается с расцветом общественной мысли в середине первого тысячелетия до нашей эры (учения Лао-Цзы и Конфуция в Китае, Будды в Индии, пророков в Палестине, философов в Греции)[133].

Мыслители древних цивилизаций создали ряд идеологических проектов, призванных определить ориентиры социальных трансформаций, ведущих к построению лучшего общества. Древняя Греция отличилась многообразием философских школ, предлагающих собственные схемы объяснения мироздания. Полисная организация древнегреческого общества, в которой феномен гражданственности существовал неотделимо от повседневного бытия человека, оказалась благоприятной для формирования особой среды, способствующей появлению особого рода мыслительной деятельности, связанной с конструированием идеологических проектов (например, платоновского) изменения социальной реальности.

Расцвет античной цивилизации сменился ее закатом, сопровождавшимся укреплением позиций христианской религии. В слабых варварских государствах, возникших на пространстве Римской империи, христианство, утверждая себя как безальтернативную идеологию, ограничивало пространство возможностей для создания иных идеологических проектов.

Однако к XIII веку в Западной Европе расцветает феномен проповедничества, обличения, связанного с осознанием неблагополучия религиозных, этических и социальных отношений и стремлением оказать спасительное воздействие на общество[134]. Предельным выражением трений и

---

[133] Комков О.А. К вопросу об экзистенциальном статусе культуры в философии истории Карла Ясперса // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 4. С. 118-126; Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 32. Конфуцианство и еврейские пророки большее внимание уделили социально-политическим аспектам, буддизм – мистической рефлексии, а Греция стала колыбелью научного знания.

[134] Ле Гофф Ж. Цивилизация Средневекового Запада. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 568 с.; Ле Гофф Ж. С Небес на Землю (Перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе XII—XIII вв.) // Одиссей. Человек в истории. М.: Наука, 1991. С. 30.

напряженности между мирянами и церковью можно считать популярность ересей[135].

Ересь, религиозное инакомыслие тлело в народных массах[136], и в тоже время набирались силы средневековые города, в которых зарождались ростки секуляризованной культуры. Падение власти церкви в «мирских делах сопровождалось и формированием новой политической культуры. В трудах Дж. Локка («О человеческом разумении», 1670 г.), Д. Юма («Трактат о человеческой природе») закладываются представления о контролирующей силе общественного мнения, о свободе индивидов на одобрение или порицание действий государства, возможности общества влиять на принятие политических решений. Д. Дефо в памфлете «Кратчайший способ расправы с диссидентами» (1702 г.) призывал искоренять еретиков. Когда выяснилось, что в памфлете доводы религиозных фанатиков представлены в абсурдном свете, Д. Дефо был подвергнут репрессиям.

Философы Просвещения утверждали необходимость дезавуировать власть церковных и семейных авторитетов[137], воздвигали авторитет научного рационального познания и критиковали социальное устройство современного им социума. Великая Французская буржуазная революция, вдохновленная идеалами Просвещения, привела к исчезновению сословного общества и абсолютной власти монарха[138], легитимируя появления в общественно-политическом пространстве дискуссий, в которых отстаивались различные идеологические позиции.

---

[135] Демоны и еретики в культуре переходной эпохи: историко-литературные и мировоззренческие контексты в исследовательской перспективе / Е. В. Белякова, Л. И. Журова, К. А. Костромин [и др.] // Quaestio Rossica. 2023. Т. 11, № 2. С. 633-656.; Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М.: Искусство, 1989. С. 219-220.

[136] М. Бахтин, исследуя творчество Ф. Рабле, показал как средневековый человек с помощью смеха, веселых карнавальных пиршеств избавлялся от мистического «страха божия». См.: Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990. С. 104-105.

[137] Фуко М. Что такое Просвещение? // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002. С. 335-337.

[138] Токвиль А. Старый порядок и революция. М.: Московский философский фонд, 1997. 260 с.

Образование «общества равных» (на месте сословного общества) сопровождалось усилением власти государства и появлением идеологий в современном смысле этого слова. Собственно и сам концепт «идеология» как некая совокупность идей, был предложен во времена Французской революции А. Дестютом де Траси.

Либеральная идеология провозгласила важность и возможность конкуренции между идеологическими проектами, определяющими направление государственного развития, что предполагало начало борьбы идеологов и политиков за общественное мнение. В эпоху Просвещения зародилась так называемая публичная сфера, ставшая одним из главных атрибутов модернистского общества. Развитие книгопечатания, средств коммуникации, складывание единого информационного поля обмена мнений и появление площадок идеологических обсуждений социально-политических проблем привели, по мнению Ю. Хабермаса, к образованию виртуальной общности индивидов[139], одновременно разделившихся по идеологическим лагерям.

В России, однако, просвещенным человеком (то есть, разделяющим идеи Просвещения) мог быть лишь монарх (вспомним А. Радищева и его «Путешествие из Петербурга в Москву», 1790). Появление альтернативных абсолютизму идеологических проектов в первой половине XIX века сдерживалось цензурным и полицейским охранением (вспомним «сумасшедшего» А. Чаадаева и, например, печальную судьбу петрашевцев). С. Бойм на примере А. Пушкина показывает, что в целом для российской дворянской интеллигенции того времени было присуще осознанное не-противление абсолютистскому режиму[140], а значит запрос на идеологические проекты существовал в подполье. Однако процессы профессионализации литературно-критической деятельности в Российской Империи в XIX веке все

---

[139] Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. М.: Издательство «Весь Мир», 2016. 344 с.

[140] Бойм С. От остранения к стебу: риторика свободы в русской культуре XX в. // Культуральные исследования / Под ред. А. Эткинда, П. Лысакова. СПб; М.: ЕУ СПб, Летний Сад, 2006. С. 96.

же позволили сформировать поле, где возможны идеологические дискуссий (хотя в первую очередь через обсуждение литературного материала).

Великие реформы Александра II способствовали развитию независимой коммерческой прессы, постепенному формированию сферы публичной дискуссии, зарождению общественного мнения, критически настроенного по отношению к власти, с критически настроенной пишущей и читающей публикой. Таким образом, пользуясь терминологией Ю. Хабермаса, следует сделать вывод, что в российском дореволюционном обществе, возникла публичная сфера идеологических дебатов, развивавшаяся до 1917 года. Одновременно социально-экономическое развитие детерминировало зарождение и расширение слоя разночинской демократической интеллигенции[141], откуда рекрутировались сторонники социалистической идеологии.

Следует отметить, что в публичной сфере (как на Западе, так и в России) на легальных основаниях в XIX веке конкурировали две доминирующие идеологические системы: либеральная и консервативная. Появление и заявка на лидерство со стороны третьей идеологии оказалось возможным благодаря тому, что один из ее главных отцов-основателей смог не просто создать идеологическую концепцию, но и одновременно предложить первую (и к тому же критическую) теорию, анализирующую идеологию как социокультурный и политический феномен.

К. Маркс и Ф. Энгельс заложили основы изучения «идеологии» как феномена массового сознания[142]. «Политическая формула», вторил Г. Моска, оправдывающая власть правящего класса, может принимать различные формы: от идеи «божественной власти» до концепта «воли народа»[143]. Именно эти

---

[141] Волков В. Общественность: забытая практика гражданского общества // Pro et Contra. 1997. Т. 2, № 4. С. 77-91.

[142] Разоблачение буржуазной идеологии, писали К. Маркс и Ф. Энгельс, является необходимой предпосылкой для революции. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. С. 36-37.

[143] Моска Г. Правящий класс // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 192-193.

положения были впоследствии развиты в критических теориях Г. Лукача, А. Грамши[144].

Новая идеология с момента зарождения объявляла массы – главной действующей силой исторического развития. Высокие темпы урбанизации, возрастание потребности в демократизации политического режима, критика сословных перегородок способствовали наступлению эпохи «восстания масс». Революционеры-социалисты оказались первыми, кто решился на проведение идеологической работы непосредственно с полуграмотными народными массами.

Ранее идеологические дискуссии велись преимущественно словом печатным, а салонные дискуссии и споры интеллектуалов (которые так любила грамотная публика в России особенно во времена западников и славянофилов) были скорее дополнительной опцией в меню великосветских развлечений. В конце XIX века приходит время устных идеологических баталий, определивших появление нового типа идеолога и идеологии.

Реализация пропаганды (в виде устного слова и телесного жеста) на площадях, заводах и «броневиках» приводит к возрождению дописьменных социальных моделей, в частности партиципаторной (участвующей) мистики, создающей у слушателей эмпатическую идентификацию с говорящими на митинге вождями и иллюзии общественного соучастия в событиях. Другими словами аудиовизуальный контекст митинга или стачки формирует атмосферу восприятия реальности схожую с той, что существовал в архаичную эпоху («первичной устности» по Уолтеру Онгу)[145], известную формой мировоззрения, которую принято называть мифологической.

В. Кантор в эссе, посвященном причинам победы большевиков в России, отмечает, что после падения монархии коллективное сознание поддалось хаосу, а рациональность отошла на второй план, уступая место эмоциям и массовым

---

[144] См.: Лукач Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. М.: Логос-Альтера, 2003. 416 с.

[145] Ong W.J. Orality and Literacy: The Technologizing of the Word. London: Methuen, 1982. 268 p.

инстинктам. Автор отмечает, что в моменты кризиса разрушается личность, исчезает способность здраво оценивать происходящее, а на передний план выходит массовое поведение. Элиты оказались парализованы и неспособны к осмысленным действиям, а их поведение напоминало «оцепенелый покой» (по М. Хайдеггеру)[146]. Особую роль начинают играть вожди, способные влиять на массовое сознание. Ленин становится символом надежды для масс, обещая им иллюзорный «золотой век». Общество, окутанное по выражению И. Бунина «великим дурманом»[147], утратив критическое мышление, принимала любые лозунги с восторгом.

Сила убеждающего идеологического слова явила себя миру в большевистской России и определила дальнейшее развитие пропаганды в сторону распространения устного слова. Радио оказывается в 1920-1950-е гг. (до начала массового внедрения телевидения) основным средством коммуникации элиты и масс, определяя и основное направление развитие политической социологии, задавшейся вопросом о возможности манипулирования массовым сознанием. В 1927 году Гарольд Лассуэлл публикует классический труд «Техника пропаганды в мировой войне», в котором выдвигается тезис о неспособности рядового индивида самостоятельно формулировать представления о происходящих событиях[148], а потому склонного к информационному влиянию со стороны медиа.

Идеология, прежде являвшаяся привилегией интеллектуального меньшинства, проявляющего интерес к политическим трактатам и романам, становится в XX веке пульсирующим нервом массового общества. Если прежде слово писателя (Руссо или Чернышевского), обращалось к тем, кто владел навыком интерпретации сложных текстов, то в эпоху индустриальной революции идеология пережила демократизацию, приобретя новые,

---

[146] Кантор В. Революция как сон разума // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17, № 2. С. 226-241.

[147] Бакунцев А.В. Лекция И. А. Бунина «Великий дурман» и ее роль в формировании литературной репутации писателя // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2012. №4. С. 72-78.

[148] Лассуэлл Г. Техника пропаганды в мировой войне. М.: ИНИОН РАН, 2021. 341 с.

агрессивные формы, «вышла» из библиотек и салонов на улицы, стала «кричать», «размахивать» плакатами, а затем «заговорила» — сначала с трибун, потом через листовки, а наконец — через радио. Переход из элитарного к массовому стал революцией восприятия, в результате которой возникла тоталитарная природа современного массового общества.

Публицистика и проповеди революционеров XIX века (российских народников или их западноевропейских собратьев), впервые медиатизировали и демократизировали идеологию, сделав ее доступной для всех, кто мог читать — или, по крайней мере, слушать. Листовка была поэтическим и эмоциональным «упрощением» идеи, призывом, кратким, как молния, разрывающая тьму. Однако именно радио, появившееся на стыке эпох, кардинальным образом перевернуло принципы взаимодействия между властью и массами, сделав идеологию «гласом времени». Ключевым фактором становится не только изменение формы идеологического сообщения, но и субъекта его производства. Если ранее «идеологами» выступали мыслители или писатели, чьи тексты переживали годы и поколения, то теперь идеология создавалась в реальном времени, на радиоволнах, в монтажных студиях агитационного кино, на страницах учебников массового образования, становилась оперативной, динамичной, бесконечно воспроизводимой и потому неизбежной.

Но именно здесь скрывается парадокс: идеология, стремясь стать общедоступной, теряла свою глубину, превращалась в ритуал, а значит повторение и эмоциональный резонанс были важнее содержания. Радиоголос, раздающийся каждый день, делал идеологию частью быта, предметом привычки и автоматизма. Так формировалось массовое общество, в котором каждый индивид ощущал себя частью огромного идеологического целого, а сама идеология переставала восприниматься как нечто внешнее и навязанное и оказывалась естественной средой — как воздух или свет. Таким образом, появление массовой коммуникации (в форме радио и кино) расширило влияние идеологии, изменив ее природу.

В первой половине XX века мир столкнулся с феноменом массового общества, являющегося прямым следствием процессов индустриализации, урбанизации и технологического прогресса. В Западной Европе и США этот переход был менее драматичен, чем в Советском Союзе, но не менее глубок по последствиям. Формирование массового сознания в условиях рыночной демократии отличалось от тоталитарных экспериментов не отсутствием идеологизации, а разнообразием и конкурентностью её форм. Технологии массовой коммуникации сыграли двойственную роль, будучи проводниками модерности и потребительства, а также инструментами, способными мобилизовать массы и формировать коллективные мифы.

В Советском Союзе прямой государственный контроль массовой коммуникации позволил создать монолитную идеологическую реальность. В странах Запада технологии массовой коммуникации развивались на стыке рынка/экономики, политики и культуры. Однако и здесь идеологизация, проявляющаяся в новой, коммерческой и культурной форме была неизбежна.

Критическая теория Франкфуртской школы раскрыла противоречие западной «индустрии культуры»[149]. Кинематограф и радио определялись как механизмы производства «одноразового сознания», предполагающие, что любые произведения культура (в первую очередь фильмы или радиопередачи) должны соответствовать требованиям массового зрителя: простота формы, эмоциональная насыщенность, отсутствие критической глубины. Технологии массовой коммуникации создали «псевдосвободное» общество, поддерживаемое потребительскими и национальными мифы, наслаивающимися друг на друга, управляющими массовым сознанием с помощью механизмов манипуляции и соблазна.

Ги Дебор в «Обществе спектакля» писал о том, что реальность в условиях развитого капитализма подменяется образами, а индивиду навязывается роль

[149] Пеннер Р.В., Тихонова С.В. Поколения Франкфуртской школы: генезис критической теории и ее современность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2024. Т. 40, № 1. С. 81-96; Марков Б.В. Незавершенная революция: политическая философия Франкфуртской школы // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология . 2018. №1. С. 79-90.

пассивного зрителя[150], а, следовательно, можно справедливо утверждать факт идеологизации массовое общество и в Западной Европе/США. Технологии массовой коммуникации, превратившись в стержень культурного и политического процесса, породили новые механизмы управления массами. Радио, кино и печать конструировали реальность, формируя коллективное восприятие мира и, что более важно, коллективное чувство принадлежности к нации, классу и/или потребительскому обществу.

К середине XX века, после травматического опыта двух мировых войн и кризиса тоталитарных режимов, западное общество оказалось на перепутье. Критические теории массового общества, разработанные Франкфуртской школой, настаивали на отчуждении, манипуляции и стандартизации социокультурного пространства. Однако уже в 1960-1970-е годы интеллектуальный ландшафт изменился: концепции постиндустриального общества, сформулированные такими мыслителями, как Дэниел Белл и Эдвард Шилз, предложили более оптимистичное видение будущего. Постиндустриализм стал своеобразной компромиссной теорией, которая стремилась соединить экономический, культурный и технологический подходы, утверждая возможность социальной гармонии и раскрытия человеческого потенциала.

Дэниел Белл в знаковой работе «Грядущее постиндустриальное общество»[151] предложил структуру новой социальной формации, основанной на переходе от индустриального производства к экономике знаний и услуг. В результате которого должны быть сняты характерные для индустриального общества классовые антагонизмы, прекращена борьба между буржуазией и пролетариатом, определяющая характер социально-политических процессов. Отчуждённая массе, описанная Адорно и Дебором уходит в прошлое, так как в постиндустриальном обществе человек перестает быть «винтиком» системы. Наоборот, знание и компетенции становятся основными ресурсами, а индивид

[150] Тищенко Н.В. Идеология в контексте культурных практик: Л. Альтюссер, А. Грамши, Г. Дебор // Общество: философия, история, культура. 2018. №1. С. 143-147.
[151] Белл Д. Указ. соч. С. 85.

оказывается в центре новой политико-экономической и социокультурной реальности. Теория постиндустриального общества, таким образом, является апологией социального прогресса, выражающегося в нивелировании различий и вражды между стратами, достигнутое благодаря обеспечению равенства возможностей и доступа к культурным и интеллектуальным ресурсам.

Одновременно с объявлением конца эпохи модерна в политической философии и социально-гуманитарных науках Запада оформляется концепция деидеологизации, основанная на предположении о постепенном ослаблении идеологического фактора в условиях постиндустриального развития общества. В работе Дэниела Белла «Конец идеологии» (1960)[152], утверждалось, что идеология как систематическая форма легитимации власти теряет свою значимость в условиях рационализации, технологического прогресса и глобализации. На смену таким конфронтационным «великим нарративам» XX века, как коммунизм и фашизм, по мнению Белла, приходят прагматические, технократические формы управления, ориентированные на решение конкретных социально-экономических проблем. В развитии массовой культуры (в первую очередь в медиасфере) на первый план выходит потребление, развлекательный контент и аполитичность медиа-дискурса.

Однако уже в 1970-е годы концепция деидеологизации подверглась острой критике со стороны представителей неомарксистски ориентированных теоретиков культуры (в частности Франкфуртской школы), а также постструктурализма. Юрген Хабермас указывал на иллюзорность «конца идеологии», полагая, что деидеологизация — это не исчезновение идеологии как таковой, а лишь замаскированное продолжение господства через манипуляцию сознанием[153]. Медиа-системы Запада рассматривались Жаном Бодрийяром как инструмент легитимации культуры потребления в эпоху симулякров[154].

---

[152] Bell D. The End of Ideology. P. 12.
[153] Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». С. 32.
[154] Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: Рипол-классик, 2015. 240 с.

Реальность в условиях тотального доминирования медиа заменяется ее знаковым представлением: новости, реклама и телешоу формируют гиперреальность, в которой социальные противоречия нивелируются, а индивид оказывается втянутым во «вторичную идеологичность» или другими словами заключается в неосознаваемую систему символов и образов. Одновременно рост глобализации и социальных противоречий неизбежно приводит к возникновению новых форм идеологической поляризации, порождаемые культурными и ценностными конфликтами. В медиа-пространстве это выражается в усилении интенсивности «символической политики», предполагающей введение борьбы не столько за экономические интересы, сколько за контроль над культурными кодами и идентичностью.

Ойген Лемберг утверждал, что массовые медиа в условиях развитого капитализма способствуют «деполитизации» массового сознания, превращая политику в спектакль и «событийное шоу»[155]. Лемберг критиковал утверждения Белла, настаивая на том, что вместо деидеологизации или исчезновения идеологии, наблюдается ее трансформация в латентные формы. Господствующие группы продолжают продвигать интересы через культурные символы, рекламу и развлекательные программы.

В противоположность концепции деидеологизации был предложен термин «реидеологизация», описывающий процесс возвращения идеологического дискурса в обществах позднего модерна. В условиях нарастающего социального неравенства и культурной фрагментации медиа становятся ареной для конкурирующих идеологий, использующих эмоциональную мобилизацию и визуальные средства воздействия. Телевидение, а в последствии и новые медиа заменяют рациональный политический дискурс популистскими лозунгами и мифологизированными образами.

Таким образом, после Второй мировой войны в результате технологической революции второй половины XX века сложилось

[155] Рубцов А.В. Указ. соч. С. 67.

представление, что модернизированные общества постепенно преодолевают идеологические противоречия и движутся к состоянию рационально управляемой стабильности. Это восприятие на некоторое время укрепилось с крахом тоталитарных режимов в Европе и консолидацией демократических институтов в глобальном масштабе. Однако уже в середине 1990-х годов дискуссия, одной из центральных фигур которой стал Фрэнсис Фукуяма, о природе идеологии, ее функциях и возможностях возвращения вспыхнула с новой силой.

Фукуяма в знаковой работе 1992 года «Конец истории и последний человек» утверждал, что крах Советского Союза и триумф либеральной демократии знаменуют собой завершение идеологической эволюции человечества. Либеральная демократия, по его мнению, является высшей формой социальной организации, способной удовлетворить как материальные, так и духовные потребности человека. В рамках фукуямовской парадигмы идеология теряет свою актуальность, поскольку конфликт альтернатив исчерпан: ни социалистические, ни авторитарные модели не смогли предложить жизнеспособной альтернативы либеральному капитализму[156]. Этот тезис вписывается в более широкую постиндустриальную идею, утверждающую, что технологический прогресс, экономическая глобализация и культурный плюрализм создают условия для рационального консенсуса.

Однако критическое прочтение тезиса Фукуямы показывает его утопичность, особенно очевидную на рубеже XXI века. Прогноз о «конце истории» и исчезновении идеологии оказался несостоятельным перед лицом реидеологизации современного общества. С одной стороны, распад традиционных социальных структур и культурный разрыв в условиях глобализации породили новые идеологии, акцентирующие внимание на идентичности: религиозный фундаментализм, национализм, экологизм, антиглобализм. С другой стороны, сами либеральные демократии оказались втянуты в идеологическую борьбу за ценности. Технократический оптимизм и

[156] Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2007. 588 с.

глобальный капитализм стали восприниматься как угроза регональным идентичностям и индивидуальному самовыражению.

Реидеологизация, таким образом, оказалась неизбежной реакцией на несовершенство либерального проекта, скрываемые противоречия которого привели к новым конфликтам. Постиндустриальные технологии массовой коммуникации, которые, как предполагалось, должны были стать нейтральными инструментами прогресса, сыграли ключевую роль в этом процессе. Радио, телевидение и, в особенности, интернет оказались платформами для производства и распространения конкурирующих идеологий и разнородных мировоззрений, претендующих на объяснение глобальных вызовов современности.

Фукуяма описал образ «последнего человека» — субъекта, утратившего экзистенциальное стремление к борьбе и идеалам в условиях либерального комфорта. Однако возвращение идеологии показывает, что «последний человек» — лишь иллюзия: человеческое общество остается ареной духовного поиска, борьбы за ценности и смыслы. В эпоху цифровых технологий идеология меняет свою природу, трансформируясь в гибкую и фрагментированную систему, способную быстро адаптироваться к меняющимся условиям и находить новые точки опоры в массовом сознании.

Таким образом, реалии постиндустриальной эпохи демонстрируют, что «конец истории» не состоялся. Вместо этого мир вступил в фазу идеологического полиморфизма, предполагающего, что различные идеологии (как индустриального, так и постиндустриального общества) сосуществуют и конкурируют, используя возможности глобальных технологий коммуникации. Возвращение идеологии становится реакцией на кризис идентичности и социального неравенства, а также выражением неудовлетворенности современного человека, для которого технологический прогресс и экономическое благополучие не смогли заменить потребность в смысле.

Концепция реидеологизации, возникая как ответ на иллюзорный «конец истории», предполагает, что идеология не статичная структура, а динамическое

явление, подверженное постоянной трансформации под влиянием социально-полтических, культурных и технологических сдвигов. Перерождение и усиление идеологии происходят в ответ на кризисы легитимности, которые неминуемо сопровождают позднекапиталистическую фазу развития. Новые механизмы медиа-коммуникации выступают в роли создателей производственных цехов и инкубаторов идеологического дискурса. Реидеологизация, таким образом, становится качественно новым процессом, протекающим на фоне описанного Лиотаром кризиса метанарративов, вызванного утратой доверия к универсалистским проектам модерности и рационалистическим конструкциям.

Цивилизационно-темпоральная динамика реидеологизации неизбежно приводит к необходимости рассмотрения изменений в структурах социального взаимодействия, вызванных технологическими трансформациями. В условиях современного постиндустриального общества формируется качественно новая форма социокультурной организации — сетевое общество, в котором ключевую роль играет не вертикальная иерархия институтов, а горизонтальная взаимосвязанность в информационном пространстве агентов коммуникации. Подобная трансформация социального пространства и его временных режимов подчеркивает важность перехода от линейных форм исторического развития к нелинейным, сетевым, ретикулярным формам социальной темпоральности. Иначе говоря, современность как таковая больше не существует в форме единого исторического вектора, а расщепляется на множество параллельных временных режимов и социальных онтологий, порожденных цифровыми технологиями. создающим новые медиальные среды.

Социальные сдвиги XXI века, вызванные технологической революцией массовых коммуникаций, фиксируются в ряде концепций, описывающих и анализирующих наступление информационной эры и переход от индустриального общества к обществу сетей. Среди наиболее авторитетных подходов в данном направлении следует выделить теорию сетевого общества Мануэля Кастельса, акцент в котлрой сделан на структурации современного

общества не вокруг промышленного производства, как это было характерно для модерна, а вокруг производства, переработки и распространения информации[157].

Особую значимость приобретает институциональное и структурное встраивание новых коммуникационных технологий в ткань социального мира, что переформатирует принципы организации социальное пространство на всех уровнях и приводит, согласно Кастельсу, к возникновению Сетевого общества[158].

Таким образом, речь идет не только о технической революции, но и о коренной трансформации самой социальной среды — той самой «социальной онтологии», которая определяет формы власти, коммуникации и культурного производства в новых условиях. В контексте философии истории это означает пересмотр классических представлений о прогрессе, линейном времени и телеологическом развитии. Сетевое общество, как подчеркивают современные исследователи, порождает асинхронность исторического опыта и множественные версии настоящего, в которых одновременно сосуществуют архаичные, индустриальные и постиндустриальные формы социальной жизни[159]. Переход от модерна к постмодерну, от индустриальной логики к цифровой, от централизованной иерархии к распределенной сетевой архитектуре сопровождается, по сути, реидентификацией субъектов истории и власти.

В условиях технологической революции коммуникационного пространства необходимо сместить социально-философскую оптику на сетевые технологии, трансформирующие медийные практики, форматы коммуникации, а следовательно, и формы идеологического воздействия. Именно здесь открывается путь к анализу сетевого общества как медиальной среды, в

---

[157] Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Т. 1: Власть идентичности. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 22.

[158] Castells M. Communication, Power and Counter-power in the Network Society // International Journal of Communication. 2007. № 1. P. 238–266

[159] Харви Д. Состояние постмодерна: исследование: исследование истоков культурных изменений. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. С. 117–129.

которой фундаментально меняются способы создания, распространения и интерпретации информации.

Для углубленного анализа процессов реидеологизации в условиях цифровой трансформации социума необходимо обратиться к концептуальному полю медиафилософии, в рамках которой исследуется взаимосвязь между типами коммуникационных технологий и структурными параметрами социальной организации. Одним из ключевых положений этого подхода является отрицание нейтральности медиа как каналов передачи информации. Напротив медиаканалы детерминируют когнитивные стили, способы социального взаимодействия и форматы политической субъектности, оказывая тем самым прямое влияние на формирование и трансформацию идеологий.

Согласно теории Маршалла Маклюэна, каждое новое средство коммуникации представляет собой «продолжение» человеческого тела и сознания, радикально перестраивающее способы восприятия реальности и коллективной координации действий.

В программной работе «Понимание медиа: внешние расширения человека» 1964 года Маклюэн пишет, что медиа изменяют масштаб, ритм, структуру человеческой деятельности и межличностных отношений[160]. Этот тезис получил развитие в более поздней работе «Война и мир в глобальной деревне», в которой подчеркивается, что коммуникационные технологии, включая электронные средства, формируют окружающую среду и саму ткань общественного сознания[161].

Таким образом, медиафилософия предлагает рассматривать коммуникационные технологии как определяющие параметры социокультурной реальности. Уолтер Дж. Онг, продолжая линию Маклюэна, также анализировал переход от устной к письменной, а затем к вторично-

[160] Маклюэн М. Указ соч. С. 33.
[161] Маклюэн М., Фиоре К. Война и мир в глобальной деревне. М.: АСТ; Астрель, 2012. 219 с.

устной (электронной) культуре как глубинное изменение структуры мышления и коллективной памяти[162].

Важным этапом развития медийной теории стало предложение концепции «второго возраста медиа» (The Second Media Age) Марком Постером[163]. противопоставившего первую эру медиа — эпоху централизованных вещательных технологий (телевидения, радио, печати), — второй, связанной с цифровыми, интерактивными, сетевыми медиа, прежде всего с интернетом. Если вещательные медиа характеризовались моделью коммуникации «один ко многим», централизованным контролем, слабой обратной связью и ориентированностью на поддержание институционального статус-кво, то интернет-технологии формируют иные условия: децентрализацию, многосторонность коммуникации, стирание национальных границ, усиление индивидуального участия и культурную плюрализацию.

Указанная дихотомия, как отмечают также Г. Рейнгольд[164], Н. Негропонте[165] и Дж. Гилдер[166], сопровождается сменой парадигмы от индустриальной модели информационного вещания к цифровой экосистеме, ориентированной на сетевое взаимодействие, персонализацию контента и расширение возможностей самовыражения. Интернет выступает но как культурная матрица, способная трансформировать формы политической и социальной субъектности, что имеет прямое значение для понимания процессов реидеологизации в условиях постмодерного и постиндустриального общества.

Таким образом, переосмысление роли коммуникационных технологий в свете медиафилософии позволяет выявить структурные корреляты между господствующим типом медиа и социокультурной логикой эпохи, в том числе — логикой идеологического производства и воспроизводства. Именно этот

---

[162] Коломиец Я.Ю. Концепция «Второй устности» У. Онга и ретрайбализация общества посредством социальных сетей в XXI веке. Часть 1 // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т. 6, № 3. С. 426.

[163] Poster M. The Second Media Age. Cambridge: Polity Press, 1995. 204 p.

[164] Rheingold H. The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier. Cambridge: MIT Press, 2000. 484 p.

[165] Negroponte N. Being Digital. New York: Knopf, 1995. 264 p.

[166] Gilder G. Life After Television. New York: W. W. Norton & Company, 1994. 228 p.

ракурс представляется продуктивным для анализа современного этапа идеологической трансформации, в условиях которого цифровые медиа становятся ключевым пространством символической борьбы, репрезентации интересов и формирования идентичностей.

Постепенное смещение акцентов в системе социально-политической идентификации стало особенно заметным с началом перехода западных обществ к постиндустриальной стадии развития, ознаменовавшем фундаментальные изменения в механизмах производства, циркуляции и восприятия смыслов, лежащих в основе политической реальности. Именно на этом этапе начинают проявляться структурные мутации в символическом порядке, через который осуществляется репрезентация власти и легитимация политических решений. Возникает новая конфигурация взаимодействия индивида и политического пространства, обусловленная, с одной стороны, техническим перевооружением социального взаимодействия (в первую очередь — через цифровые медиа и интернет), а с другой — изменением структуры самого субъекта политики, его представлений о нормах, ответственности и границах допустимого. Как справедливо указывает Жан-Франсуа Лиотар, в условиях постмодерна происходит разрушение «больших нарративов» (grand récits), ранее задававших устойчивые координаты интерпретации общественно-политического бытия[167].

Утверждение примата прав человека, обеспечивающихся вне зависимости от групповой принадлежности, призванное защитить автономность субъекта, выключило из политического дискурса значительную часть ранее актуальных проблем. Расширение сферы правового или морального регулирования подорвало потенциал идеологических систем как универсальных рамок символической мобилизации и позволило зафиксировать формирование нового типа политической культуры, в которой определяющими становятся индивидуальный запрос, ситуативный выбор и прагматичное отношение к власти, нежели принадлежность к устойчивым политическим сообществам.

[167] Лиотар Ж.-Ф. Указ. соч. С. 27.

Таким образом, вышеприведенные мутации социально-политического пространства указывают на эрозию модернистских форм политической идентичности и предвещают становление нового символического порядка, характерного для постиндустриального и постмодерного общества.

Вместе с тем, по мере перехода западных стран к постиндустриальному этапу развития начали выявляться и более существенные признаки, сигнализировавшие о качественных изменениях в механизмах формирования нормативно-символической среды.

Расширение и углубление интенсивности массовой коммуникации сопровождается размыванием традиционных источников политической идентификации. Формальные институции (такие как партии, профсоюзы или церковь) теряют влияние, наблюдается переход к психологически и культурно обоснованной индивидуализации отношений в политической сфере . В этих условиях государство (структура, апеллирующая к общей системе ценностей) воспринимается как функциональный агент, обслуживающий интересы множества индивидуальных акторов.

Таким образом, обозначенные тенденции указывают на то, что современное общество вступает в фазу, при которой идеология вновь обретает функцию мобилизации и идентификации, становится инструментом придания устойчивости фрагментированному социальному опыту и выстраивания символических границ между «своими» и «чужими». В условиях, когда традиционные институциональные формы представительства либо теряют эффективность, либо подвергаются сомнению, возвращение идеологического измерения в публичный дискурс оказывается ответом на фундаментальный запрос на смысл, порядок и справедливость. В ситуации, когда социальные и политические связи всё более становятся прерывистыми, а горизонтальные структуры солидарности распадаются, идеология выступает в роли компенсаторного механизма, восполняющего дефицит доверия, идентичности и легитимности.

На фоне радикальных трансформаций в области информационного обмена и цифровой социализации следует говорить о новой форме идеологического воздействия, осуществляющегося не посредством партийных манифестов или доктринальных заявлений, а через микроформы повседневной коммуникации, меметические паттерны, цифровые ритуалы и сетевые символы, что соответствует «гиперреальности», при которой симулякры подменяют референтные структуры, а знак становится самодостаточным элементом политической сцены[168].

В результате, по мере перехода к постиндустриальному обществу исчезновения идеологии не происходит. Идеология радикально преобразуется от структурированной системы мировоззренческих положений к набору эмоционально заряженных, культурно узнаваемых и политически продуктивных смыслов. Именно эти смыслы становятся основой для новых форм политической лояльности и отчуждённости, стимулируя процессы как интеграции, так и исключения.

Следовательно, можно утверждать факт реидеологизации современного социально-политического пространства, под которым понимается процесс возвращения идеологии в качестве неотъемлемого элемента публичного языка, но в новых форматах, подчинённых логике цифрового общества и фрагментарности восприятия, что порождает качественно иные механизмы артикуляции интересов, мобилизации масс и структурирования власти, в основе которых лежит аффективная ангажированность, стилистическая узнаваемость и культурная близость, но не рациональная аргументация[169].

На современном этапе общественного развития попытка реанимации и инициации новых идеологических проектов сталкивается с рядом принципиальных рисков, обусловленных трансформацией структуры социума и механизмов политической коммуникации в условиях цифровой эпохи.

---

[168] Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 389 с.

[169] Mouffe C. On the Political. London: Routledge, 2005. 160 p.; Водак Р. Политика страха. Что значит дискурс правых популистов? М.: Гуманитарный центр, 2018. 404 с.

Во-первых, институциональная карта современного общества уже не соответствует классической модели, в которой идеология мыслится как прерогатива государства или политических партий. Развитие информационного общества сопровождалось масштабной деконцентрацией властных ресурсов[170], в том числе в сфере идеологического производства.

Ключевыми агентами цифровой трансформации выступают негосударственные структуры, прежде всего транснациональные корпорации и цифровые платформы, формирующие новую инфраструктуру общественного бытия и оказывающие непосредственное влияние на процессы социализации и политической мобилизации, чья мотивация выходит за рамки экономической рациональности: в условиях нарастающей симбиотичности политического и экономического полей. Цифровые платформы стремятся занять ведущие позиции и в формировании общественно-политической повестки, де-факто становясь новыми идеологическими акторами.

Во-вторых, массовая цифровизация общественной жизни и обострение конкурентной борьбы между элитами за влияние на сознание граждан привели к тому, что сфера политического всё более смещается в сторону эмоционального, символического, перформативного. Политическая коммуникация в цифровом обществе предупреждает Ю. Хабермас, характеризуется высокой степенью фрагментации, эфемерности и подверженности манипулятивным стратегиям[171]. Благодаря информационным технологиям граждане получают иллюзию активного участия и автономной интерпретации политических процессов, однако на деле оказываются вовлечёнными в сценарии, сконструированные внешними по отношению к ним акторами[172], что усиливает эффект «симуляции демократии», при котором реальные механизмы представительства подменяются процедурной фасадностью и управляемыми публичными акциями.

---

[170] Castells M. The Rise of the Network Society. Oxford; Malden, Mass: Blackwell Publishers, 2000. 626 p.

[171] Хабермас Ю. Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика. М.: Новое литературное обозрение. 2025. С. 52.

[172] Морозов Е. Указ. соч. С. 32.

В-третьих, эффективность идеологии как механизма социального сцепления и мобилизации напрямую зависит от фигуры политического лидера, выполняющего в современных условиях функции сакрализованного посредника между обществом и проектом будущего. Субъектность лидера, транслирующего идеологическое содержание, всё более приобретает черты персонифицированного символа, «человека-знака» (в терминологии Ж. Бодрийяра), чьё существование призвано инкорпорировать в повседневность масс ту модель социальной организации, которую предлагает идеология[173].

Идеологическая функция политики сближается с религиозной: лидер становится носителем идеи и доказательством её «воплощаемости» в социальном теле. Однако в условиях неолиберальной трансформации политического пространства, связанной с доминированием экономических элит и утратой прозрачности в механизмах формирования политических субъектов, фигура лидера всё чаще ускользает от публичной артикуляции. Возникает феномен «теневой политики», при котором принятие решений осуществляется неявными, слабо верифицируемыми структурами[174]. Такая «теневизация» власти препятствует формированию стабильных идеологических идентичностей, подрывая возможность их легитимизации в массовом сознании.

Наконец, фундаментальной проблемой современного идеологического проектирования становится усиливающаяся гетерогенность социального тела. Массовая индивидуализация, вызванная как техническими, так и политико-культурными факторами: глобализацией, миграционными процессами, политикой мультикультурализма, подрывает основания коллективной идентичности, на которой в классической модели зиждилась идеология[175].

Индивидуализация не ликвидирует потребность в идеологической навигации — напротив, она её усиливает, делая символы, бренды и простые

---

[173] Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. С. 11.

[174] Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. 784 с.

[175] Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

нарративы ещё более востребованными как опорные точки в условиях распада целостной картины мира.

Выводы по параграфу: Социально-историческая трансформация феномена идеологии от религиозного легитимирования социальных порядков в традиционных обществах к более сложным и секулярным формам выражения в индустриальную и постиндустриальную эпохи отражает адаптацию идеологических систем к изменяющимся условиям социальной жизни и средствам коммуникации.

Историософский анализ позволил зафиксировать эволюцию идеологии, связанную с переходом от письменной к аудиовизуальной формам, что расширило доступ к идеологическим дискуссиям и неизбежно поменяло их содержание. На рубеже XIX–XX веках идеология из элитарного феномена трансформировалась в массовый. В 1960–1970-х годах концепция деидеологизации, основанная на идеях Дэниела Белла, отражала временное ослабление роли идеологии в условиях перехода к постиндустриальному обществу, связанного с рационализацией, технологическим прогрессом и развитием прагматического управления. Однако вместо исчезновения идеологии произошла её трансформация в латентные и адаптивные формы.

Неспособность «великих нарративов» Просвещения удовлетворить экзистенциальные запросы человека привела к появлению новых форм идеологического дискурса. Возвращение идеологии отражает глубинную потребность человека в смысле, идентичности и стабильности, особенно в условиях неопределенности постиндустриальной эпохи. В настоящее время наблюдается возникновение идеологического плюрализма, конкуриренции фрагментированных и локализованных идеологических проектов, каждый из которых предлагает свою картину мира и свою логику работы с неопределённостью общества риска.

§ 1.3. Цифровая идеология в структуре политической коммуникации

Современный этап социального развития все чаще фиксируется с помощью концепта «цифровое общество». О нем говорят в контексте гибридности его структуры, включающей виртуальное и реальное[176], для того, чтобы подчеркнуть антропологические[177] и социальные[178] эффекты цифровизации, а также для анализа его технологических компонентов[179]. Однако все чаще этот концепт преобразуется в категорию философии истории и социальной философии, фиксирующей закономерный этап в социальной эволюции, соответствующий передовым обществам (или их передовым технологическим авангардам) сегодняшнего дня, обществам, современным для самих исследователей. В этом смысле термин «цифровое общество» используют В.Б. Устьянцев и Д.С. Артамонов, заявляющие о необходимости перехода в цифровую фазу самой философии истории для того, чтобы стало возможным выявление трансисторических закономерностей, приводящих к появлению цифрового общества[180]. Этот диахронический срез, заданный философией историей, дополняется срезом синхроническим, заданным социальной философией, где цифровое общество рассматривается как особый социальный тип[181], обладающий специфическими структурой[182] и рискогенностью[183].

---

[176] Луков В.А. «Хорошее общество» и «цифровое общество» // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 3. С. 3-15; Василенко Л.А., Мещеряков Н.Н. Гибридность цифрового общества: инновационная реальность или утопия? // Философия науки и техники. 2023. Т. 28, № 1. С. 48-65.

[177] Рюмина М.Т. Цифровое общество и проблема человека // Науковедческие исследования. 2020. № 2. С. 79-89.

[178] Киселева Л.С., Семенова А.А. Цифровая трансформация общества: тенденции и перспективы // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2018. № 4(34). С. 157-169.

[179] Смирнов А.В. Цифровое общество: теоретическая модель и российская действительность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1(161). С. 129-153.

[180] Артамонов Д.С., Устьянцев В.Б. Цифровая философия истории: постановка проблемы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, № 1. С. 4-9.

[181] Тузовский И.Д. От «Информационного общества» к «Цифровой эпохе»: гипотетическое

Включая цифровое общество в свой категориальный ряд, социальная философия задает методологическое направление для философии политической, особенно наглядно мы это видим на примере объектов, относящихся к предметной области «совместного ведения», в первую очередь, идеологии. Применительно к проблематике ее изучения «цифровой вектор» означает постановку вопроса о том, какой должна быть идеология в цифровом обществе. Ответ «цифровой» представляется очевидным. Однако анализ научной литературы показывает смысловую неоднозначность понятия «цифровая идеология», связанную с тем, что его применение далеко не всегда подразумевает характеристику современного развития именно идеологии. Рассмотрим сложившуюся традицию применения данной дефиниции подробнее.

Начинается она до преодоления так называемого Великого разрыва[184] – периода, относящегося к концу первого десятилетия нынешнего столетия, начало которому положили расцвет сервисов социальных сетей и рутинизация платформ электронного государства, а максимальное расширение которого произошло благодаря пандемийному опыту тотального онлайна. До Великого разрыва интернет-пользователи совпадали с политически активными слоями наиболее образованных граждан, по мере его преодоления и естественной смены поколений интернет включенность в интернет-пространства стало массовой характеристикой современных граждан.

Соответственно, до Великого разрыва в употреблении был термин «виртуальная идеология». Его выдвинул И.А. Быков на основании характерных признаков исследуемого явления, таких как индивидуализм, представление о

моделирование идеального типа // Вестник культуры и искусств. 2020. № 2(62). С. 78-86.

[182] Носова С.С. Метаморфозис и цифровое сетевое общество // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 5-14.

[183] Лапшин А.О. Глобализация и цифровое общество: заметки на полях // Власть. 2019. Т. 27, № 1. С. 63-68.

[184] Великим разрывом обозначали методологическое противопоставление миров онлайна и офлайна как взаимоисключающих сегментов социальной реальности (См.: Jensen K.B. New Media, Old Methods - Internet Methodologies and the Online/Offline Divide // The Handbook of Internet Studies / M. Consalvo, C. Ess (Eds). Oxford, UK: Wiley-Blackwell, 2011. P. 43–58).

человеке как о нематериальном объекте или как минимум гражданине мира; антигосударственничество и антибюрократизм; свобода слова, переход в отрицательные права на интеллектуальную собственность[185]. Конечно, трудно не согласиться с этим автором, когда он утверждает, что киберпространство повлияло на политические идеологии, интенсифицировав их развитие и вызвав их трансформацию в такие идеологические системы, как хакерство, киберпанк, киберанархизм, сетевое либертарианство[186], но в фокусе анализа А.И. Быкова оказываются конкретные модификации политических идей, выдвинутые пользователями сети в конкретный исторический период, а именно, до преодоления Великого разрыва. Опорные точки этой модификации были проанализированы в эссе Р. Барбрука и Э. Камерона «Калифорнийская идеология» (1995), посвященному технократическому мировоззрению обитателей Кремниевой долины. К ним авторы отнесли технологический оптимизм, веру в то, что киберпространство призвано стать ареной самовыражения индивида, антигосударственный посыл и синкретизм либеральных и консервативных взглядов[187].

После Великого разрыва анархичный анонимный интернет уходит в прошлое под натиском государственной борьбы за прозрачность, и появляются новые группы смыслов, связанные с понятием «цифровая идеология».

Во-первых, цифровая идеология нередко употребляется как синоним идеологии цифрового общества для обозначения доктрины построения особого типа социума, в котором вся политико-правовая инфраструктура социальной системы опирается на электронные платформы. В этом случае выстраивается идейная преемственность между концепциями постиндустриального, информационного и цифрового общества, в которых футурологическая

---

[185] Быков И.А. Интернет-пространство как фактор формирования политических идеологий // Труды X всероссийской объединенной конференции «Интернет и современное общество». СПб: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2007. С. 186-188.

[186] См.: Быков И.А. Киберпространство как фактор развития политических идеологий // Политическая наука. 2008. № 2. С. 79-98.

[187] См.: Барбрук Р., Камерон Э. Калифорнийская идеология // https://spintongues.vladivostok.com/calif.htm. Дата обращения (30.11.2024).

аналитика тесно связана с национальными доктринами цифровизации публичной сферы, а исходной категорией, несмотря на всю противопоставленность постиндустриализма марксизму в вопросах реальности классовой борьбы и классового антагонизма, была и остается экономика.

Расцвет третьего сектора экономики под влиянием сначала компьютеризации, а затем цифровизации привел к росту идеологического значения так называемых постматериалистических ценностей, развиваемых «прекретариатом».

Понятие постматериалистических ценностей появляется еще в работах Д. Белла, отмечавшего, что в условиях постиндустриализма неизбежно происходит автономизация культуры, плюралистичность, появление «интравертного» стиля жизни и увеличивающаяся непредсказуемость поведения людей, которое строится как «discretionary social behavior», т.е. поведение по собственному усмотрению, а не под влиянием традиционных ценностей[188].

О.С. Дейнека и Р.К. Хабибулин справедливо отмечают, что постматериалистические ценности являются результатом эмансипации от традиционных норм общественной морали в процессе секуляризации, предполагают ценностную релятивизацию[189].

В миллениум постматериалистические ценности отражали трансформацию идеологии общества потребления под влиянием расширения класса интеллектуалов, использующего компьютерные технологии в качестве средств производства и диверсифицирующих тем самым образы жизни[190]. На доктринальном уровне государственной политики аксиологический постматериализм дополнялся идеологемами безграничности развития

---

[188][188] Белл Д. Указ. соч. С. 71.

[189] Дейнека О.С., Хабибулин Р.Р. Феномен постматериалистических ценностей и проблема политической стабильности // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 1525.

[190] См., например: Манапова А.Б. Образ жизни и теория постматериалистических ценностей Р. Инглхарта // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 32. С. 2167-2170.

цифровых технологий и их ключевого значения для обеспечения прозрачности и сглаживания асимметрии в отношениях государства и гражданина.

Модель сильного государства сдает свои позиции государству сервисному, которое понимается как государство, реализующее свою социальную функцию через предоставление гражданам публичных услуг в цифровой форме. В России главными достижениями сервисного государства считаются «сеть многофункциональных центров (МФЦ), работающих по принципу «одного окна»; внедрение удаленного доступа через сервер «Госуслуги»; межведомственное электронное взаимодействие; создание специализированных государственных порталов (ярким примером могут служить личные кабинеты налогоплательщиков); функционирование различных единых информационных систем»[191]. Эти позитивные особенности национального электронного государства являются результатом кропотливых реформ и длительных научных дискуссий, в ходе которых эксплицировался национальный характер цифрового общества, зависимость его конкретных черт от политико-правовой доктрины цифрового реформирования. Уже в начале XXI века происходит концептуальное столкновение моделей общества знания и информационного общества, первым примером которого является всемирный доклад Юнеско «К обществам знания» 2005 г., в котором говорится о том, что «в обществах знания каждый человек должен будет уметь свободно ориентироваться в потоке информации, который нас захлестывает, и развивать когнитивные способности и критический ум, чтобы отличать «полезную» информацию от бесполезной»[192]. В этом ключе действующая в России «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.» трактует информационное общество как техническую инфраструктуру общества знания[193], которая сама по себе не дает духовного измерения и нейтральна по отношению к культуре.

---

[191] Какохо Т. Г. Правовая идеология «сервисного государства» // Правовая культура. 2023. № 2(53). С. 18-19.

[192] К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО. Париж : ЮНЕСКО, 2005. С. 21.

[193] Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030

Под влиянием цифровизирующих реформ в разных странах складывается новое понимание современного капитализма, который исследователи определяют как платформенный[194] или цифровой[195]. Ключевую роль в этом направлении играют работы Н. Срничека «Капитализм платформ»[196] и Ш. Зубофф «Надзорный капитализм»[197]. Идеологией платформенного капитализма оказывается постправда[198], в которой под идеологемами «дивидных»[199] виртуальных субкультур типа криптоанархистов, киберфеминисток, шифропанков и шизопанков скрывается капиталистическая логика.

Во-вторых, цифровой контекст бытования идеологии актуализирован в исследованиях экстремистских и террористических движений. В сложившейся геополитической ситуации опасность связи экстремизма и цифровых технологий отмечают многие исследователи. Например, Т.Г. Григорьева и А.А. Павлова анализируют цифровое пространство как среду распространения экстремистской идеологии, показывая эффективность применения цифровых технологий как в массовой вербовке, так и в создании механизмов «управления всеми силами и средствами таких организаций, включая финансовыми инструментами. Через глобальную сеть создаются и управляются экстремистские группировки и ячейки на местах; через них осуществляется идеологическая обработка и подготовка вовлеченных и рекрутированных к

гг., утвержденная Указом Президента РФ от 9 мая 2017 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 290.

[194] Чубаров И., Сеченова Е. Левая критика в эпоху платформенного капитализма // Логос. 2019. Т. 29, № 6 (133). С. 275-308.

[195] Сафронов Э.Е. Трансформации капитализма в XXI веке: концепция «надзорного капитализма» Шошаны Зубофф // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 165-172; Новицкая Т.Е. Агентность и отчуждение в условиях цифрового капитализма // Труды Белорусского государственного технологического университета. Серия 6: История, философия. 2023. № 1(269). С. 181-186.

[196] Срничек Н. Капитализм платформ. М.: НИУ ВШЭ, 2019. 128 с.

[197] Зубофф Ш. Указ. соч. С. 271.

[198] Сафронов Э.Е. Постправда, или Коммуникативная логика цифрового капитализма // Знание. Понимание. Умение. 2023. № 3. С. 96-106.

[199] Т.е. выдвинутые интернет-зависимой молодежью. См: Чердаков О.И., Журавлев А.Л. Идеология виртуальной реальности и права, или роль права в сохранении HOMO SAPIENS в эпоху цифровой революции // Вестник Международного юридического института. 2019. № 1(68). С. 93-98.

совершению экстремистских актов насилия; там же идет сбор средств и оплата акций…Существуют в сети множество интернет-сайтов как непосредственно международных экстремистских и террористических организаций, так и действующих под прикрытием конечных целей создания, где освещаются реальные события с заведомо ложной трактовкой или откровенно лживые фейковые новости, либо «отчитываются» о проведенных акциях или мероприятиях»[200].

С.В. Розенко акцентирует «особую общественную опасность распространения с помощью цифровых технологий террористической идеологии в Российской Федерации как наиболее актуальной формы террористической деятельности, которая пропагандируется скрытыми, конспиративными приемами и способами, где технологии искусственного интеллекта распространяют данную идеологию как альтернативную, доступную сетевую парадигму»[201].

Схожую позицию занимает М.А. Стародубцева, рассматривающая зависимость агрессивных интернет-субкультур от технологий гибридно-информационной войны[202]. Этот аналитический тренд является синхроническим срезом почти четвертьвековой традиции исследования радикализации антигосударственных интернет-настроений, используемых государствами в противостоянии друг с другом.

Началом этой традиции можно считать распространение «Зеленой книги» Муаммара Каддафи и связанной с ней критической традиции, отражавшей противостояние Ливии и США в контексте «Революции внутри революции» в интернете в конце XX века. Три части «Зеленой книги», излагающей основы

---

[200] Григорьева Т.Г. Цифровое пространство как среда формирования и распространения идеологии экстремистской направленности // Вестник северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: История. Политология. Право. 2022. № 3(27). С. 10-13.

[201] Розенко С.В. Цифровые технологии как средство развития террористической идеологии в Российской Федерации: проблемы противодействия и наказуемости // Oeconomia et Jus. 2023. № 3. С. 96-103.

[202] Стародубцева М.А. Закрепление на законодательном уровне правового статуса студенческих антитеррористических отрядов как мера противодействия распространению идеологии терроризма в цифровую эпоху // Современный ученый. 2022. № 1. С. 294-298.

Третьей всемирной теории и вышедшей в 1976-1979 гг., не допускались советской цензурой в отечественное медиапространство вплоть до поздней перестройки. Только в 1989 г. в СССР вышел ее перевод с предисловием автора. Конечно, бесцензурный гипертекстовый интернет конца прошлого века аккумулировал всю радикальную революционную и экстремистскую литературу от «Поваренной книги анархиста»[203] У. Пауэлла до «Партизанской войны» Э. Че Гевары, но положение «Зеленой книги» в контексте военной активности США на Ближнем востоке было особенным, поскольку события «Революции внутри революции» были исторически близкими для радикально настроенной молодежи, мишенью которой выступало американское общество потребления и проект вестернизации. Интернет еще не играл ключевой роли в этой андеграундной среде, смыкавшейся с богемой и криминалитетом[204] в логике предцифрового общества.

Непосредственно цифровые технологии превращаются в политическую силу, с которой приходится считаться, уже в начале XXI в., а именно в 2001 г. происходит Вторая народная революция на Филиппинах, в результате которой был свергнут президент Джозеф Эстрада, печально знаменитый коррупционными схемами. Особенностью Филлипинской революции была манифестация «народной воли» через массовые волнения. Г. Рейнгольд, теоретик сетевого общества, в своей книге «Умная толпа: новая социальная революция», вышедшей в 2002 г., приводит Филлипинскую революцию в качестве признака новой социальной роли мобильной телефонии и интернета: «Наученный опытом технических перемен, я считаю, что вторичные последствия мобильной связи вызовут настоящее цунами в обществе. Рассмотрим некоторые из первых признаков: Политическое движение «Народная власть II», сбросившее президента Джозефа Эстраду в 2001 году, созывая демонстрации в столице Филиппин Маниле рассылкой SMS по

[203] Включена в Федеральный список экстремистских материалов (№2378).
[204] См. подробнее: Тарасов А. Черная кошка на красном фоне. Провинциальные впечатления // Октябрь. 1998. №10. С. 154–159.

сотовым телефонам»[205]. В этом случае протестующие использовали схему, которую Г. Рейнгольд будет описывать как схему внеполитического флешмоба, проводимого для развлечения и эпатажа, а А. Цветков – как схему акций антиглобалистского движения: группа “невидимых атомов” (нигде не зарегистрированные 2 — 3 человека, имеющих доступ к Интернету) выбирает себе локальную цель, вокруг которой и организовывается акция — мирная оккупация объекта, граффити, пиротехника, блокада дорог и т.п.[206] Координируется акция через интернет или смс-рассылку, ее участники могут быть незнакомы друг с другом и никогда больше не встретиться после ее окончания, результат их активности распространяется в интернете как вирусный контент ради медийного резонанса. Анонимность раннего интернета делала такие стратегии социально-политической активности максимально непрозрачными для надзорных служб и силовых ведомств; массы буквально из ниоткуда в назначенное время собирались в публичных пространствах и вели себя так, что их трудно было не заметить (правда, в случае мирных флешмобов это поведение не всегда легко было понять). Соответственно, в традиционных политических схемах такая активность воспринималась как попытка прямого волеизъявления народных масс, прорывающаяся к доступу к демократическим институтам, заблокированным репрессивной государственной машиной[207].

Первое десятилетие нового века отмечено эрозией национальных государств, вызванной глобализацией; пользователи интернета становятся основой активных политических элит, при этом эксплицитно развивая либеральные и либертарные модели отношения с государством, заложенные уже упомянутой «калифорнийской идеологией» как исходной политической доктриной интернета. На содержании калифорнийской идеологии мы останавливались выше, теперь для нас важно показать синкретичный характер протестных движений, антиглобализма и оппозиционных настроений в начале

---

[205] Рейнгольд Г. Умная толпа: Новая социальная революция. М.: Фаир-Пресс, 2006. С. 14.
[206] Цветков А. Призрак антиглобализма // https://zavtra.ru/blogs/2001-05-2342 (дата обращения 27.11.2024).
[207] В западной политологической традиции она по-прежнему именно так и интерпретируется.

века в цифровой среде, существовавшей как альтернатива упорядоченному идеологическому миру офлайновой институциональной политики.

Наиболее явно он проявился в феномене цветных революций. Первая[208] из них получила название оранжевой революции, произошла в 2004 г. на Украине и получила свое название по массовым выступлениям оппозиции под оранжевыми флагами. Затем в 2005 г. происходит тюльпановая революция в Кыргызстане и революция кедров в Ливане, в 2006 г. – васильковая революция в Беларуси (провалилась), в 2007 г. – шафрановая революция в Мьянме, в 2008 г. – «безымянные» массовые протесты в Армении, в 2009 г. – зеленая революция в Иране (провалилась), в 2010 – площадная революция в Минске (провалилась), в 2011-2013 г. – белоленточная или болотная революция (провалилась) в России, в 2013-2014 гг. – революция достоинства на Украине, в 2014 г. – революция зонтиков Китае (провалилась), в 2018 г. – бархатная революция в Армении, в 2020 г. – массовые волнения в Беларуси (провалились). Технология цветных революций систематически исследуется в научной литературе[209], на этот исследовательский тренд вызвал негативную коннотацию на семантических сочетаниях «идеология» и «интернет» вплоть до введения поправок в Конституцию РФ, усиливших роль идеологического влияния российского государства и получившего максимальную востребованность в ходе Специальной военной операции.

И, наконец, в-третьих, понятие «цифровая идеология» используется прямо для анализа идеологических процессов в цифровом обществе, но эти процессы продолжают интерпретироваться в парадигме теорий глобализации.

---

[208] Часто первой цветной революцией считают революцию в Югославии, произошедшую в 2000 г., однако для ее массовых протестов в большей степени характерно использование печатных, а не цифровых технологий. Также и символика бульдозера, штурмующего телецентр, отличается более жесткой экспрессией от цвето-цветочной символики позднейших революций, позиционировавшихся как мирный единодушный порыв народа.

[209] См., например: Дворников А.А., Смирнов В.В. Технология «цветных» революций // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2010. № 4-1. С. 120-124; Фонарев М.А. Роль «цветных революций» на постсоветском пространстве: опасность для России // Вопросы политологии. 2012. № 3(7). С. 194-201; Ковалев А.А. Информационные технологии «цветных революций» как угроза национальному менталитету // Социально-политические исследования. 2023. № 2(19). С. 22-35.

Наиболее привычной эта аналитическая рамка является для политических наук, в которых дискурс глобального миропорядка сочетает категориальные ряды, описывающие международное право Ялтинско-Потсдамских соглашений, регресс коммунистической идеологии (распад СССР в 1991 г) и становление глобального общества потребления в конце XX – начале XXI вв., в котором глобальные медиа стали пространством вестернизированного консумеризма, адаптированного к мультикультурным особенностям через глокализацию. В этом случае «глобальное транснациональное» заменяется цифровизированным, и в условиях заката глобализации исследователи вынуждены фиксировать национальные различия цифровых идеологий. Так, А.А. Чебан отталкивающийся в своем исследовании от таких концептов, как «технооптимизм», «техноскептицизм», «алармизм», «сетевое общество», «ризоматическое общество», приходит к выводу о том, что в условиях разнообразия развития современного информационного общества и наличия неравенства в имплементации цифровых технологий цифровая идеология не может быть ни единой, ни глобальной, не смотря на универсальность социального статуса цифровизации в современных обществах[210]. Последняя констатируется и А.Г. Чернышовым, отмечающим, что «цифра и искусственный интеллект все больше обживаются на культурном пространстве, становятся неотъемлемой частью жизненного ландшафта», и процесс этот достигает таких степеней, что они начинают претендовать на роль новой религии и идеологии[211]. Риски и опасности этого процесса раскрываются С.В. Шибаршиной как «развертывание негативных сторон технократического мышления»[212].

---

[210] Чебан А.А. Особенности формирования глобальной идеологии цифровизации в сетевом обществе: политологический анализ // Вопросы политологии. 2023. Т. 13, № 3(91). С. 1064-1072.

[211] Чернышов А.Г. Искусственный интеллект в качестве новой религии и идеологии цифровых данных // Власть. 2019. Т. 27, № 2. С. 76-83.

[212] Шибаршина С.В. Эволюция алгоритмов: на пути к технократии? // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 7, № 3. С. 228-235.

Третий случай употребления термина «цифровая идеология» является наиболее близким к нашей позиции, но он, на наш взгляд, нуждается в конкретизации. Добиться последней можно, если не ограничиваться постулированием цифровой идеологии, но выявить ее качественную специфику, вскрыв роль цифровых технологий в ее функционировании и бытовании.

Исследование цифровой идеологии как особого этапа в развитии феномена идеологии предполагает признание многообразия составляющих ее элементов. Это многообразие можно уловить, если рассматривать формирование современных идеологий как процесс аккумуляции политических коммуникаций, собирание, интегрирование их в структуры и сети различной плотности, и встраивание этих новых объектов в структуру медиаповестки. В конце первого десятилетия нынешнего века в работах Л.Н. Тимофеевой был поставлен вопрос об оформлении политической коммуникативистики в особую дисциплину[213], которая в течение следующих десяти лет постепенно переориентировалась в интерпретацию социальных медиа в особые формы политической коммуникации. Рассматривая базовые, устоявшиеся к тому моменту, определения политической коммуникации («Политические коммуникации – это смысловой аспект взаимодействия субъектов политики путем обмена информацией в процессе борьбы за власть или ее осуществление. Они связаны с целенаправленной передачей и избирательным приемом информации, без которой невозможно движение политического процесса»[214], «…Данный феномен представляет собой форму существования политики и одновременно способ организации контактных связей акторов, формирующийся на основе целенаправленного обмена между ними информацией, предназначенной для исполнения ими своих функций в пространстве публичной власти, а также осуществления сопутствующих

[213] Тимофеева Л.Н. Политическая коммуникативистика: проблемы становления // Полис. Политические исследования. 2009. № 5. С. 41-54.
[214] Вершинин М.С. Политическая коммуникация в информационном обществе. СПб: Изд-во Михайлова В.А. 2001. С. 63.

действий на всех уровнях политической системы»[215] и др.), Л.Н. Тимофеева приходит к выводу о том, что «политические коммуникации являются одновременно формой, способом и содержательной атрибуцией политики, политических отношений в обществе»[216]. В этом случае политика интерпретируется как совокупность политических коммуникаций, для понимания и объяснения которых требуется метатеория, на роль которой, по мнению автора, и имеет основания претендовать политическая коммуникативистика как новая субдисциплина.

Позднее Л.Н. Тимофеева покажет, что в основе этой теоретической субдисциплины дескриптивно-эмпирические и нормативные и предписывающие подходы, позволяющие описывать свой предмет, выявлять его функции и цели, а также выдвигать практические рекомендации по их использованию «в различных целях правительством, обществом, институтами»[217]. Сами политические коммуникации будут определены ею как «процесс обмена политическими смыслами в форме знаков, символов, актов и т.д., позволяющих отражать, воспроизводить или конструировать политическую реальность в соответствии с ведущими идеями своего времени и потребностями субъектов политики»[218].

Думается, что, если исходить из этого определения, сфера политического исчерпывается полностью. Автор занимает более умеренную позицию, показывая, что политические коммуникации сегодня – эффективное средство конструирования политического[219], и тем самым предполагая, что неназванными остаются какие-то другие средства. Но предложенное определение вытекает из базового определения социальной коммуникации, структурирующего в терминах коммуникативной цепи социальное действие,

---

[215] Соловьев А.И. Политические коммуникации // Политология: Лексикон. М.: РОССПЭН, 2007. С.462-473.
[216] Тимофеева Л.Н. Указ. соч. С. 46.
[217] Там же. С. 78.
[218] Тимофеева Л.Н. Политическая коммуникативистика: мировая и российская проекции // Политическая наука. 2016. № 2. С. 74-100.
[219] Там же. С. 94.

политическим здесь оказывается то, что заранее отнесено к таковому в более широкой социальной системе. Иначе говоря, оно, политическое оказывается не атрибутивным, но релевантным, устанавливаемым, задаваемым каждый раз в зависимости от других параметров.

Этот философско-политический ракурс определяет дальнейшие методологические операции по формированию нашего исследовательского объекта – мы устанавливаем статус и характер политических смыслов на основе анализа конкретных коммуникативных цепей и коммуникационных структур, всякий раз исходя из социально-онтологического статуса коммуникантов. Коммуниканты формулируют некоторые смыслы в качестве политических, исходя из образа той политической реальности, которую они хотят создать. В этом случае наша методология идет вслед за российскими традициями применения социального конструктивизма. Однако, столкнувшись с усложнением средств коммуникации, трансформацией их в непассивные «умные» технологии, что характерно для цифровой эпохи, мы будем вынуждены прибегать к концепту актанта, что будет означать отклонение в сторону объектно-ориентированной онтологии. В современной литературе присутствует позиция о несовместимости этих методологических программ[220], однако мы полагаем, что в условиях методологического плюрализма возможно эвристичное сочетание их умеренных версий.

Но вернемся к идеологии. Изначально само представление об идеологии возникает в конце XVIII в., во времена механицистской картины миры, когда А. Дестют де Траси под влиянием Э. де Кондильяка и вводит сам термин «идеология». В его «Элементах» идеология – это гносеологическая программа, «наука об идеях», обоснованная кондильяковским сенсуализмом, и позволяющая конструировать то, что мы сегодня назвали бы научными фактами ради практических целей[221]. Это противостояние идеи и материи в

[220] Керимов Т. «Онтологический поворот» в социальных науках: возвращение эпистемологии // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21, № 1. С. 109-130.

[221] Траси, де А.Д. Элементы Идеологии. Ч.1. Идеология в собственном смысле слова. Гл. 11. Размышления о предшествующем и о способе Кондильяка анализировать мысль // Вопросы

русле основного вопроса философии при определении мы найдем и у Маркса, и в позитивистской социологической мысли, идеология – это мысль, которая витает над материальной политикой. При этом объективация идеологии, допустим, в архитектурных формах или протоколах ритуалов чаще всего вытесняется в маргиналии исследований мифа как ее вторичные и побочные продукты, хотя что может быть более идеологического, чем план города Солнца утопического социалиста Т. Кампанеллы? Терминология политической коммуникативистики в этом отношении более продуктивна. Политические коммуникации интегрируют идеальное и материальное непосредственно в интерсубъективных актах, над которыми потом надстраивается научное обобщение доктрины. И, коль скоро конструирование интенционального объекта потенциально безгранично, соответственно, политические смыслы могут калиброваться и шлифоваться во множестве коммуникационных актов бесчисленное количество раз.

Разумеется, к идеологии мы относим только обобщенные смыслы, имеющие универсальный характер или претендующие на таковой, в этом смысле неразрывная связь идеологии и философии на уровне доктрины говорит сама за себя. Из смыслов политической коммуникации нам придется «вычесть» ситуативное, координационное, инфраструктурное и промежуточное, но даже после такой редукции мы обнаружим, что оставшееся идеологическое перманентно легитимирует к ней не отнесенное, санкционирует его и наделяет аксиологическом статусом. Но проведенные нами логические операции порождают схемы, которые изначально пренебрегают живой сетью перекличек и коннотаций идеологических смыслов политической коммуникации со всем спектром ее возможных значений. Можно выделить идеологическую политическую коммуникацию в отдельный тип, А.Ю. Суворова показывает процедуру выделения теоретических типов политической коммуникации на основе существующих ее классификаций и иерархий для получения «обобщенной, идеализированной модели, одной из основных логических

философии. 2013. № 8. С. 149-154.

единиц в структуре политической коммуникации»[222]. Идеологическую коммуникацию удобнее всего отслеживать на этапе создания, когда формируемое сообщение, содержащее идеологию, идентифицируется по связи с создавшим его идеологом, или на этапе пропаганды, когда эту связь по-прежнему можно легко атрибуцировать. Но когда речь идет, например, о неформальном живом общении политических акторов, установление идеологических блоков требует известной изобретательности от исследователя, поскольку высказывания лишаются своих традиционных для идеологии жанровых признаков.

Интернет, во-первых, синтезирует устную и письменную речь[223], обнажая процессы рутинных коллективных дискуссий и коллективного творчества. Во-вторых, он гибридизирует жанры[224], задавая обратимость отношений автор-читатель и депрофессионализируя медиакоммуникацию. По мере его максимальной демократизации и включения в число интернет-пользователей большинства населения земли, связанные с ним технологии все активнее выполняют функцию сопряжения различных идеологических пластов, существовавших в доцифровые времена обособленно, а разных сегментах духовной культуры и оформлявшихся в разных жанрах.

Социальные сети впервые предоставили пользователям удобные инструменты управления и интеграцией массовой, групповой и личной коммуникаций, при том, что первые два ее вида ранее контролировались исключительно институтами. Не случайно исследования политической коммуникации последних лет ориентированы на социальные медиа. В.В. Бурдейный так характеризует современную роль интернета в развитии политической коммуникации: «не может быть возврата к прошлому, в эпоху

---

[222] Суворова А.Ю. Политические коммуникации: сущность, структура и современные тенденции развития // Государственная служба. 2016. № 6. С. 105–109.

[223] Кронгауз М. А. Краткий курс новояза // Вопросы литературы. 2015. № 1. С. 7-20.

[224] Маркова С.С. Языковые проявления гибридизации жанра современной публичной речи // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 6. С. 131-137; Северина Е.А. Специфика гибридных жанров в СМИ и причины их гибридизации (на материале современного немецкоязычного фельетона) // Вопросы прикладной лингвистики. 2020. № 39. С. 82-105.

господства традиционных СМИ, место которых начинают прочно занимать новые масс-медиа, которые как инструмент политической коммуникации имеют ряд преимуществ над традиционными каналами… четко сфокусировать информацию на определенной целевой аудитории… с наибольшей эффективностью охватывать различные аудитории… собирать сведения о пользователях… оперативно реагировать на процессы и действия контрагентов по коммуникации… сравнительная бюджетность»[225].

Ключевое значение социальных медиа как каналов политической коммуникации показывает В.П. Ермолаев на примере социальной сети ВКонтакте[226]; Т.В. Прокопенко охватывает в своем анализе более широкий спектр социальных сетей[227]; М.А. Королева ставит эффективность стратегии политической коммуникации в зависимость от применения социальных медиа[228]. Все эти и подобные исследования отражают активную «переупаковку» идеологического содержания в пригодные для социальных медиа малые форматы пользовательского контента. Идеология объективируется в формах так называемого прецедентного контента, наиболее массовым среди которых играют интернет-мемы. Множество исследований в этом направлении весьма обширно и является весьма перспективной областью современных meme studies[229]. Мемы, предлагающие быстрые клише для

---

[225] Бурдейный В.В. Интернет как средство политической коммуникации // Социально-политические науки. 2022. Т. 12, № 1. С. 70-76.

[226] Ермолаев В. П. Социальная сеть ВКонтакте как современный канал политической // Информационные войны. 2017. №. 3(43). Р. 47-55.

[227] Прокопенко Т.В. Роль социальных медиа в политической коммуникации // Коммуникология. 2020. Т. 8. № 4. С. 22-36.

[228] Королева М.А. Цифровая стратегия средств политической коммуникации в социальных сетях // Актуальные исследования. 2023. № 7-1(137). С. 99-104.

[229] Например, Грейдина Н.Л. Медиамемы как векторы политической коммуникации (на материале английского и русского языков) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2021. Т. 18, № 2. С. 5-10; Скоробогатов В.В., Сухарева Е.С. Основные теоретические подходы к исследованию интернет-мема как технологии современной политической коммуникации // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 8(97). С. 17-22; Милованова М.В., Терентьева Е.В. Интернет-мемы как актуальный феномен политической интернет-коммуникации в России // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 93, № 4. С. 58-66; Напалкова И.Г., Семенов А.С. Интернет-мем как метод политической коммуникации // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2022. № 2(17). С. 55-72.; Ребрина Л.Н., Шамне Л.Н. Интернет-мем как актуальный формат политической

нестандартных эмоций и перекидывающие эпистемический мостик между сложными процессами и некомпетентным обывателем, одновременно визуализируют идеологию и формируют новую идеологическую дискурсивную эрудированность, несомненно, куда более поверхностную, нежели предшествующие формы, но зато куда более широкую.

Выводы по параграфу: цифровые технологии обеспечивают оперативную когерентность идеологических метанарративов и малых форм. Иногда эта связь работает как прямая гипертекстовая ссылка, иногда – как постирония в рамках актуальной медиаповестки. Пластичность, динамичность и подвижность идеологии в настоящее время объясняется именно ее технологическим характером, поэтому ее можно определять как цифровую, а механизм постоянной пересборки идеологических компонентов на платформе медиаповестки рассматривать как социоонтологическую основу перманентных процессов реидеологизации. Этот механизм и составляет качественную специфику цифровой идеологии, которая может быть определена как идеология обществ, перешедших на цифровой этап развития.

Производство и тиражирование идеологии основано на перманентном перераспределении ролей идеологов и пользователей, использующих интернет для интегрирования идеологических жанров, нарративов и дискурсов, в которой присутствие макронарративов обеспечивается аллюзивной работой прецедентных феноменов.

Выводы по первой главе:

В первой главе диссертации была раскрыта эволюция философского осмысления идеологии от критики как формы ложного сознания до понимания

коммуникации Германии (на материале тематической группы «Олаф Шольц») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2022. Т. 21, № 4. С. 38-58; Ребрина Л.Н. Интернет-мемы как актуальный феномен политической интернет-коммуникации в Германии : тематическая группа «Большая коалиция» // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 4. С. 239-257; Артамонов Д.С., Тихонова С.В. Политика памяти в интернет-мемах: от визуализации истории к фейкам // Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 75-87.

её как медиатизированного культурного механизма, адаптирующегося к изменяющимся историческим и технологическим условиям. Показано, что идеология, вопреки тезису о «конце» в эпоху деидеологизации, сохраняется как структурный элемент общественного сознания. В рамках герменевтического и дискурсивного поворота в философии идеология рассматривается как способ символической организации социальной реальности. Идеология превращается в «программное обеспечение» культуры, регулирующее интерпретации справедливости, истины и власти. В главе представлена цивилизационно-историческая динамика идеологии — от сакральных форм легитимации в традиционных обществах к секулярным и затем медиатизированным моделям. Медиатизация превращает идеологию в визуально-аффективный и повторяющийся код, формирующий повседневное бессознательное. В главе введено и концептуализировано понятие «цифровая идеология», появление которой символизирует наступление нового этапа эволюции идеологического мышления, возникающий в результате радикальных технологических сдвигов. Цифровое общество определяется как среда трансляции идеологии и активный субъект её производства. Реидеологизация в условиях цифровизации проявляется как конкуренция фрагментированных нарративов в медийно-платформенном пространстве, конструирующем политическую реальность.

Таким образом, реидеологизация предстает как философский и социокультурный процесс повторной актуализации идеологии в новых — прежде всего цифровых — форматах, связанный с изменением природы коммуникации, субъектности и исторического опыта.

Во второй главе исследовательское внимание будет обращено на структурные условия и технологические механизмы формирования субъектности в идеологическом поле цифрового общества. Будут рассмотрены: особенности цифровой коммуникации субъектов политического дискурса; роль социальных платформ, алгоритмов и цифровых интерфейсов в процессе идеологической фильтрации информации; риски манипуляции, фрагментации общественного сознания и утраты субъектности в условиях платформенной

логики. Таким образом, вторая глава углубляет понимание медийно-технологических условий, в которых происходит трансформация субъектов, производящих идеологию, что сопровождается видоизменением и перестройкой структуры социального мышления в цифровую эпоху.

Глава 2. Субъекты реидеологизации в цифровом обществе

§ 2.1. Идеологические смыслы в медиаповестке: публичная деятельность политиков как фактор реидеологизации

Прямая трансляция идеологии обычно обозначается термином пропаганда. Деидеологизация предполагает демонтаж пропаганды и устранение государственной идеологии, в результате этих мер, медиасфера и публичное пространство зачищаются от очевидных идеологических сообщений, их доминирующим содержанием становится массовая культура. Реидеологизация предполагает возвращение идеологических смыслов в трафик контента, который осуществляется косвенно, в стратегиях мягкой силы через непрямое воздействие. Как мы видели, ядром механики реидеологизации является пересборка идеологических элементов на платформе медиаповестки, в которой масскультные прецедентные феномены укрепляют присутствие идеологических макронарративов в культуре через отсылки к ним. Важным элементом этой механики являются субъекты реидеологизации. Цифровая реальность, основанная на актантности технологий умного интеллекта, встроенных в умные вещи и сервисы, проблематизирует базовую философскую категорию субъекта, что не может не затрагивать современных интерпретаций категории политического субъекта.

В политической мысли политический субъект обозначает «активное звено политического пространства»[230], «мыслящий и действующий агент, являющийся гарантом политической стабильности и проводником политических изменений»[231]. Политический субъект – это субъект

[230] Авдеева В.С. Политический и властный: грани субъекта в поле политики // Ecce Homo. 2022. № 2(4). С. 27-44.
[231] Голофаст А.В. Политический субъект как категория философской рефлексии // Полилог. 2022. Т. 6, № 3.

политического процесса, политического действия, политической активности, политического участия, политической коммуникации.

Эти субъектные роли могут пересекаться, но они отражают принципиально разный «удельный вес» политического в деятельности субъекта, от максимального к минимальному. В литературе они раскрываются детально, мы остановимся на наиболее типовых характеристиках, важных для нашего исследования. Политический процесс представляет собой функционирование политической системы, элементы которой институализированы. Как показывают А.С. Саидов и М.Р. Саидова, понятие политического действия является производным от категории «социальное действие» и закрепляется в литературе сравнительно недавно[232], во второй половине XX века.

Если же говорить о субъектах политики, то здесь мы столкнемся с более узким набором субъектов. Например, С.И. Каспэ обоснованно исходит из тезиса о том, что политическое совпадает с «властным», пронизано им, а власть всегда субъектна («власть по своей природе субъектна»[233]), поэтому субъектами политики всегда являются субъекты властеотношений, т.е. субъекты политического процесса и политического действия.

Политическое участие фиксирует включенность общественности в политические процессы, в этом случае обращение к субъекту политического участия позволяет учитывать минимальные формы вовлечения в политическую жизнь, не достигающих уровня политического процесса и политической системы, поскольку для этого «интересы граждан должны носить сплочённый, коллективный, в определённой степени организованный характер и реализовываться посредством солидарных действий»[234], а также учитывать

---

[232] Саидов А.С., Саидова М.Р. Политическое действие субъекта: специфика и структура // Известия Института философии, политологии и права имени А. Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан. 2017. № 2. С. 80-87.

[233] Каспэ С.И. Еще о понятии политической формы:форма и субъект (Ответ Михаилу Ильину) // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2015. № 2(77). С. 54-65.

[234] Лаврикова А.А. Субъект политического участия: подход к интерпретации понятия // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 2(59). С. 74-78.

возможность пересечений разных форм политического участия в деятельности конкретного субъекта. Важно помнить, что политическая активность в постиндустриальных обществах тяготеет к неинституциональным формам, таким, как социально-когнитивные движения, основанным на сочувствии и частичном разделении идей, проявляющихся в локальных жестах и вкладах. Краудфайндинг[235] и краудсорсинг привели к тому, что политическая активность чаще опирается на лайки, репосты и донаты, чем на демонстрации и митинги.

Субъекты политической коммуникации отождествляются с коммуникаторами, передающими политические смыслы[236], и это определение может включать еще более широкий круг лиц, нежели субъект политического участия, поскольку для субъектности достаточно мыслить и говорить политическое. При этом говорение – ключевая функция политического субъекта сама по себе[237], без нее он невозможен.

Таким образом, в нормативно-институциональном подходе политическими субъектами выступают институты (главным образом, государство), в социально-редукционистском – индивиды и их коллективы[238], но в плоскости политической философии политическим субъектом всегда выступает человек, способный действовать в публичном пространстве и манифестирующий в этом действии как свою, так и коллективную волю, хотя со времен Руссо прозрачней последнее понятие не стало. Коллективные идентичности в политике всегда персонализированы, даже если мы относим к ним гражданство, нацию и государство, от их лица в конечном итоге всегда говорят конкретные люди[239]. Субъекты реидеологизации могут обладать

---

[235] Фаст О.Ф., Джуккаева Л.А. Отдельные аспекты сущности краудфандинга. Краудфандинговые платформы // Базис. 2024. № 2(16). С. 15-19.

[236] Балынская Н.Р. Журналистика как специфический субъект политической коммуникации // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2006. № 7. С. 224-227; Новые медиа как субъект политической коммуникации / Э.Г. Арутюнян, А.В. Байчик, И.Н. Блохин, Д.В. Петросян // Litera. 2024. № 7. С. 1-11.

[237] Голышева О.Н., Останина О.А. Трансформация политического субъекта в условиях глобализации // Вестник Вятского государственного университета. 2019. № 3. С. 23-29.

[238] Авдеева В.С. Политический и властный: грани субъекта в поле политики // Ecce Homo. 2022. № 2(4). С. 27-44.

[239] Алехнович А.С. Гражданство, нация и государство: проблема политического субъекта //

разными формами политической субъектности, но хотя бы минимальная (коммуникационная) у них должна быть. И, хотя в конечном счете речь идет о конкретных людях, эти люди обладают определенными социально-демографическими характеристиками, на основе которых можно основные типы субъектов реидеологизации, а именно, политиков, молодежь, и творческую элиту.

Эти три группы обладают разным функционалом, соответственно, их вклад в реидеологизацию не сводим друг к другу. Политики[240] как держатели идеологических нарративов легитимируют их своей медиаактивностью (либо компроментируют, если сама активность приводит к негативным результатам), молодежь, быстрее и легче осваивающая новые технологии, определяет тренды как ключевая аудитория современной моды, творческая элита вырабатывает инновационные (креативные) формы для идеологических смыслов и выдвигает идеальные модели взаимодействия со властью, используя для них как культурно-политический дискурс, так и формирование исторической памяти. После выполнения этих функций общественность рутинизирует полученные смыслы, включая в типовые социальные отношения и связи.

Важно, что обозначенные нами группы разнородны с точки зрения наличия у них коллективных идентичностей: молодежь и творческая элита вполне могут воспринимать себя и своих «коллег» как часть воображаемого сообщества, как коллективное Мы; политические деятели могут находиться в прямой оппозиции по отношению к чиновникам и экстремально конкурировать друг с другом через радикальную дискредитацию; консолидация всех этих групп в волонтерских движениях и гражданском обществе может принимать различные формы. Кроме того, активность всех этих групп строится в условиях априорной селекции эхокамер. Как теоретический концепт понятие эхокамеры вырастает из концепции третьих мест, описывающей коммуникацию

Вопросы социальной теории. 2019. Т. 11. С. 8-27.

[240] Понятие «политики» мы используем в максимально широком смысле для обозначения акторов, институционально интегрированных в политическую систему, от политических деятелей до чиновников.

журналистов и знаменитостей: формат беседы журналиста и знаменитости из мира культуры и искусства и сама ее атмосфера, пропитанная доверием и непринужденностью, позволяет поместить разговор в так называемое «третье место», в котором, располагаются кофейни, бары, книжные магазины и другие площадки неформальных социальных взаимодействий[241].

Видео, размещенные в социальных сетях, комментируются зрителями, что подтверждает характеристику Г. Рейнгольда[242] киберпространства как неформального общественного пространства, фундамента социальности. Комментирующие дискуссии могут быть более значимой целью для пользователей, нежели сам исходный контент, поэтому дискуссии, по замечанию М. Капранса, напоминают разговоры в ирландском пабе[243].В результате вокруг каналов в социальных сетях формируется определенный круг пользователей, частично (в известной степени) соглашающийся и одобряющий позиции авторов канала, от которого зависит и круг приглашенных на беседу знаменитостей. Таким образом, создаются благоприятные условия для появления доминирующих оценок, схем рассуждения в комментариях к видео и создания того, что Касс Санстейн[244]назвал «эхо-камерами/комнатами». В ходе дискуссий единомышленники формируют все более радикальные позиции, а также демонизируют несогласных с их убеждениями людей.

Как доказали Э. Коллеони, А Розза, А. Арвидссон, создание эхо-камер облегчается тем, что пользователи, чья позиция расходится с позицией большинства, испытывают дискомфорт и отказываются от дальнейших просмотров или дискуссий в комментариях[245]. В дальнейшем активные

---

[241] Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 456 с.

[242] Rheingold H. The virtual community: homesteading on the electronic frontier. P. 42.

[243] Kaprāns M. Hegemonic representations of the past and digital agency: Giving meaning to “The Soviet Story” on social networking sites // Memory Studies. 2016. № 9(2). P. 156–172.

[244] Sunstein C.R. Democracy and filtering // Communications of the ACM. 2004. № 12. P. 57–59.

[245] Colleoni E., Rozza A., Arvidsson A. Echo chamber or public sphere? Predicting political orientation and measuring political homophily in Twitter using big data // Journal of Communication. 2014. № 2. P. 317–332.

подписчики ютуб-каналов способны играть роль лидеров общественного мнения и за пределами пространства виртуальных сетей[246].

Все акторы обозначенных нами групп разделены по своим эхокамерам. Трансляция и циркуляция производимых ими реидеологизирующих смыслов идет не просто не прямо, она проходит серии петель. Если связи между узлами сети достаточно прочные, смыслы могут просачиваться в различные конфигурации хабов эхокамер и тогда они начинают накапливаться в них, буквально оседая в локальных дискурсах словами маркерами. Но непроницаемые для них конфигурации хабов остаются совершенно чистыми от «чуждой риторики» и устойчивыми к ее проникновению именно благодаря отпугивающему воздействию чуждых маркеров.

Свой анализ субъектных групп мы начнем с политиков, которые начали массовое освоение Интернета и сопутствующих ему гаджетов и платформ в конце первого десятилетия XXI века. К этому времени мода на социальные сети, установленная Бараком Обамой, достигла и Россию, где, например, губернаторы в 2010-м году создавали в среднем по две записи в день[247].

Первоначально мировые и отечественные политики воспринимали интернет-коммуникации как разновидность традиционных СМИ (типа, радио, газет, ТВ), позволяющих передавать информацию в одностороннем порядке. Американские конгрессмены, по данным исследования, проведенного в 2010-м году, в твиттер-сообщениях в основном размещали ссылки на новости или другую информацию, размещенную в Интернете (*Gould-Wartofsky, 2015)*. До середины 2010-х социальные сети (позволяющие вступать в интерактивное взаимодействие с гражданами) уступали по частоте использования политиками электронной почте и блогам[248].

---

[246] Karlsen R. Followers are opinion leaders: The role of people in the flow of political communication on and beyond social networking sites // European Journal of Communication. 2015. № 30(3). P. 301–318.

[247] Грачев М.Н. Политика: коммуникационное измерение. Тула: Издательство Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, 2011. 172 с.

[248] Морозов Е. Указ. соч. С. 31.

М. Цернисон, описывая организацию одного из итальянских референдумов в 2011 г., отмечает превращение интернета в коммуникационную среду[249] , позволяющую политикам и чиновникам вступать в интерактивное взаимодействие с гражданами. Д. Райдт и Э. Тошер описывали возможности и риски применения политического микротаргетинга в социальных сетях особенно в период предвыборных кампаний[250]. П. Гербуадо предрекал возникновение «цифровых» партий, основной средой существования которых станет виртуальное пространство[251].

Довольно быстро с информационными технологиями стали связывать надежды на развитие процессов демократизации, углубление гражданского участия управлении государством, увеличение количества и качества публичных слушаний и других видов коммуникаций граждан и политической элиты, что должно было повысить прозрачность и эффективность политики. Предполагалось, что власть и общество, используя возможности цифрового пространства, смогут в интерактивном взаимодействии обсуждать, согласовывать и поддерживать «публичные ценности», концепт, разрабатываемый, в частности К. Бартелзом[252].

Очевидно, что стремление к повышению публичности государственных органов предполагает не только рост эффективности работы политиков и государственных органов, но также и актуализацию политико-морального и этического совершенствования масс-элитных коммуникаций. Последняя сопровождается изменением культуры коммуникации между политической/государственной элитой регионального уровня и гражданами в контексте развития интернет-технологий и цифровизации публичного

---

[249] Cernison M. Social Media Activism: Water as a Common Good, Amsterdam: Amsterdam University Press, 2019. P. 139-164.

[250] Raidt J., Tauscher E. Whither America? A Strategy for Repairing America's Political Culture. Report. Atlantic Council, Washington, 2017. P. 56-65.

[251] Gerbaudo P. The Platform Party: The Transformation of Political Organisation in the Era of Big Data // Digital Objects, Digital Subjects: Interdisciplinary Perspectives on Capitalism, Labour and Politics in the Age of Big Data / D. Chandler, C. Fuchs (Eds). London: University of Westminster Press, 2019. P. 187-198.

[252] Bartels K. Public Encounters: the History and Future of Face-to-face Contact Between Public Professionals and Citizens // Public Administration. 2013. Vol. 91, Iss. 2. P. 469-483.

пространства. Под культурой коммуникации в данном случае понимаются нормы и ценности, которые регулируют процесс публичного взаимодействия представителей власти с гражданами, а их трансформация обнаруживается на материале трендов общественной и властной реакции на неэтичные высказывания и действия региональных элит с учетом возрастания цифровой открытости масс-элитных коммуникаций в публичном пространстве.

Развитие интернет-пространства создает условия интенсификации общественных обсуждений публичного поведения политиков и чиновников в оффлайне, а также их онлайн-комментариев и высказываний в социальных сетях. В эволюции требований общества и государства к публичному (онлайн и оффлайн) поведению представителей региональной политической элиты можно выделить три этапа: 2010-2013 (первый этап), 2014-2017 (второй этап) и с 2018 по настоящее время (третий этап). Охарактеризуем каждый их них.

Первый этап. Рубеж первого и второго десятилетия XXI века характеризуется распространением у граждан цифровых гаджетов, а значит и возможностей вести мобильную видеосъемку наряду с развитием социальных сетей и других информационных платформ в Интернете, позволяющих тиражировать видеоролики. Новые цифровые технологии действительно способствовали повышению прозрачности власти, предложив новые акценты в коммуникативном взаимодействии государства и общества.

Активную деятельность развернули такие российские движения как «Стоп-хам» и «Синие ведерки». Особой любовью интернет-пользователей стали пользоваться сюжеты, связанные с поведением представителей власти на дорогах. Институты гражданского общества, по выражению Д. Тротье, стали проявлять «цифровую бдительность» в форме морального возмущения поведением или высказываниями представителей политической элиты[253].

---

[253] Trottier D. Digital Vigilantism as Weaponisation of Visibility // Philosophy & Technology. 2017. Vol. 30, № 1. P. 55–72. Подробнее о цифровой бдительности см.: Trottier D. Revisiting Privacy in Public Spaces in the Context of Digital Vigilantism // Surveillance, Privacy and Public Space / B.C. Newell, T. Timan, B.-J. Koops (Eds.). London: Routledge, 2018. P. 141–156.

В Интернет-пространстве популярность стали приобретать видеоролики с участием представителей региональной политической элиты. Например, в 2012 году глава Бузулукского района Оренбургской области Владимир Садов хамил и угрожал сотрудникам автоинспекции, однако, после размещения видео в Youtube, попросил прощения[254]. Депутат Тульской областной думы Валентин Соловьев (заместитель главы комиссии по регламенту и депутатской этике) стал героем видеоролика о задержании в стриптиз-клубе за пьяный дебош[255].

В 2013 году глава столичной управы Марьино Александр Сморяков подал в отставку после конфликта своей жены с активистами движения «СтопХам»[256], а глава Липецка Михаил Гулевский стал звездой Youtube благодаря произнесенной с особым выражением (и не нуждающейся в прояснении контекста) фразе: «*Да что вы пристали ко мне с этой дорогой!*»[257].

Таким образом, в первой половине 2010-х возможности Интернета активно осваивались как властью (выдвинувшей идею создания электронного правительства и повышения открытости органов власти), а также и общественностью, которая получила широкие возможности, связанные с обнародованием и всероссийским освещением неприглядных сторон жизни и деятельности политиков и чиновников. Однако на первом этапе скандалы и коммуникативные неудачи, случающиеся с представителями политической элиты, обычно носили юмористический характер, не попадали в актуальную информационную повестку дня и редко вызывали официальную реакцию первых лиц государства.

Второй этап. С 2014 года власти федеральные и региональные власти Российской Федерации предпринимают определенные действия по совершенствованию этической стороны взаимодействия власти и общества:

---

254 Вълкова Н «Я вам протру глаза». Глава района обматерил инспектора ГИБДД // Российская газета – Столичный выпуск. 2012, октябрь 31.

255 Шулепова Е. Прокуратура требует наказать депутата // Российская газета. 2012, ноябрь 9.

256 Шилова С. И.о. главы управы Марьино подал в отставку из-за конфликта жены // Российская газета. 2013, июль 9.

257 Банных С. Звезда YouTube Михаил Гулевский: «Да что вы пристали ко мне с этой дорогой!» // Комсомольская Правда в Липецке. 2013, ноябрь 29.

обновляются кодексы этики для муниципальных и региональных чиновников, собираются рабочие группы, а в городской думе Екатеринбурга, например, создается комиссия по этике[258]. Правда, как пишет А.В. Волкова[259], в России принятие на федеральном уровне Этического кодекса для госслужащих в 2014 году прошло без предварительных широких общественных дискуссий. Однако активное использование социальных сетей гражданами позволило выявить у политиков и чиновников наличие серьезных коммуникативных проблем именно этического характера.

С середины 2010-х годов культура коммуникации между обществом и властью переживает очередную трансформацию. Главными особенностями второго этапа являются, во-первых, увеличение количества скандалов и конфузов, в которые попадают представители региональной власти соразмерно с расширением цифровизации общественной жизни и повседневности. Во-вторых, заметно меняется эмоциональный тон реакции общества на коммуникативные неудачи власти. Если ранее общественный резонанс приобретали скорее случаи-курьезы, то теперь скандальные кейсы получают социальную окраску, превращаясь в иллюстрации проявления социального высокомерия представителями региональной политической элиты. Юмористический стиль характерный для первого этапа масс-элитных коммуникаций в цифровом публичном пространстве уходит в прошлое. В российском обществе заметное влияние набирает запрос на социальную справедливость.

А.В. Волкова отмечает, что цифровые технологии развивают возможности давления на власть и политическую культуру, усиливая запрос общества на открытость, равенство и справедливость масс-элитных коммуникаций[260]. В подтверждение можно привести случай с вице-

[258] Комаров Д. Депутатов оценят по-своему. В думе Екатеринбурга создается комиссия по этике // Коммерсантъ (Екатеринбург). 2015, октябрь 27.

[259] Волкова А.В. Современная публичность и публичные ценности: российские и зарубежные практики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2014. № 1. С. 111-118.

[260] Волкова А.В. Цифровая бдительность: этика сетевой коммуникации и пределы гражданского контроля // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 3. С.

губернатором А. Рявкиным, уволенным после публикации поста в социальных сетях о праздновании Нового 2015 года в Карловых Варах[261].

В 2015 году в Интернет-пространство всероссийскую популярность получили целый ряд ярких видеороликов. Например, в феврале 2015 г. в Y-tube была выложена запись разговора министра ЖКХ Свердловской области Н. Смирнова, который на вопросы о порядке начисления коммунальных платежей ответил: ««*Можно выключить камеру? Я отвечу прямым текстом. Девушка, закройте уши. А тебя *** [волнует] как собирают деньги? Твоя задача — оплатить как собственника, что тебе услуга представлена. Всё остальное вас не должно касаться*»[262].

В 2017 г. глава Хакасии В. Зимин в прямом эфире местного телеканала рассуждал на тему выживания: «*Вы ничего не зарабатываете, вы прямо паразитами являетесь. Неужели не стыдно? Забастовки устраиваете, митинги… „Когда нам зарплату выплатят?“ Ну, заработайте ее. Создайте производство у себя. Хоть что-то сделайте. <…> Сварите тушенку, на рынке продайте… Бабушек сконцентрируйте. Вы же в тайге живете, соберите ягоды, продайте*»[263]. Чаще всего материалы о спорном поведении чиновников, попадающие в Интернет, оставались без официальных комментариев. Подобная ситуация продолжится до 2018 года.

С другой стороны, по причине увеличения цифровой транспарентности всё реже происходят ситуации, когда чиновники или политики требуют к себе особого отношения. Один из последних подобных скандалов произошел в феврале 2018 г. с главой Якутии Б. Егоровым, который опоздав на самолет, требовал продлить время посадки[264]. В том же году Б. Егоров ушел в отставку.

59-64.

[261] Губанов А.В., Зотов В.В. Социальные сети как новый инструмент государственного и муниципального управления в Российской Федерации // Коммуникология. 2017. Т. 5, № 4. С. 83-92.

[262] Митченков МЖКХ — это три веселые буквы // Коммерсант FM. 2015, февраль 17.

[263] Корякин И. Жителей Хакасии отправили в лес. Чем запомнилась «Прямая линия» губернатора республики // Коммерсант FM. 2017, ноябрь 15.

[264] Обедин В., Петрова В. Глава Якутии повздорил с «Аэрофлотом» // Коммерсантъ. 2018, февраль 19.

Таким образом, второй этап развития культуры масс-элитных коммуникаций в цифровом пространстве характеризуется усилением роли и места общественной критики коммуникативных неудач политиков и чиновников в информационной публичной повестке. Традиционные СМИ перестают играть роль контроллера власти, все прочнее занимая позиции наблюдателя[265], в то время как основная субъектность в формировании информационной повестки переходит к обычным пользователям новых социальных медиа, которые активно реагировали на этические нарушения норм масс-элитных коммуникаций. Следует отметить формирование новой социальной группы – цифровой элиты, чье влияние основано на оцифрованном социальном капитале и коммуникативных навыках. Следовательно, информационную повестку стал способен формировать рядовой гражданин[266]. Более того именно рядовые граждане благодаря цифровым технологиям обогатили информационную повестку публичного пространства темами, связанными с коммуникативной культурой политической элиты.

Третий этап. В ходе второго этапа развития культуры масс-элитных коммуникаций в цифровом пространстве представители политической элиты осознали риски, связанные с выбором неверного тона или стиля публичных высказываний в оффлайне, которые моментально тиражировались и обсуждались в Интернет-пространстве. Для третьего этапа характерно обращение общественного внимания на культуру и этику общения представителей политической элиты в онлайне, а именно в социальных сетях.

Социальные сети благодаря своей популярности выглядели удобной площадкой для налаживания публичного взаимодействия политиков и представителей власти с обществом. Уже к 2015 году аккаунты в «Твиттере»

---

[265] Enjolras B., Steen-Johnsen K. The Digital Transformation of the Political Public Sphere: A Sociological Perspective // Institutional Change in the Public Sphere: Views on the Nordic Model / K. Steen-Johnsen, F. Engelstad, H. Larsen, J. Rogstad, D. Polkowska, A.S. Dauber-Griffin, A. Leverton (Eds.). Berlin/Boston: De Gruyter, 2017. 105-113.

[266] Bory P. Challenging the Network Ideologies // The Internet Myth: From the Internet Imaginary to Network Ideologies. London: University of Westminster Press, 2020. 117-128.

имели 50 глав российских регионов и почти 70% чиновников высшего ранга[267]. С. Сигаард указывает на влияние поколенческого фактора на дальнейшую институциализацию социальных сетей как пространства политической коммуникации[268] , связанное с ежегодным увеличением числа потенциальных избирателей, дружественных виртуальному пространству. Исследователь рационально-идеалистически утверждает, что у политиков больше заинтересованности в коммуникации в рамках социальных сетей по причине стратегических интересов и охвата аудитории, что в современных российских реалиях пока подвергается сомнению, хотя зачастую новые социальные медиа используются по тем же схемам как и традиционные средства массовой информации.

Государственная власть Российской Федерации, понимая политическую значимость интернет-коммуникаций в социальных сетях, предпринимала различные шаги по повышению цифровой культуры элиты федерального и регионального уровней. Например, в 2017 году губернаторы посетили специальные семинары-совещания, затрагивающие, в том числе, и вопросы деятельности в социальных сетях[269]. В том же году с депутатами-блогерами провел совещание, посвященное этическим стандартам спикер Госдумы В. Володин[270]. Российские политологи неоднократно рекомендовали представителям политической элиты создавать контент конструктивный и полезный для граждан[271], открыто говорить о проблемах[272].

---

[267] Тхориков Б.А., Корнев В.В. Интернет-коммуникации государственных гражданских служащих: международный опыт и российская практика // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2018. № 4. С. 633-639.

[268] Segaard S. The Institutional Anchoring of Social Media Venues as Arenas for Local Political Communication.: Perceptions by Voters and Politicians // Institutional Change in the Public Sphere: Views on the Nordic Model / K. Steen-Johnsen, F. Engelstad, H. Larsen, J. Rogstad, D. Polkowska, A.S. Dauber-Griffin, A. Leverton (Eds.). Berlin/Boston: De Gruyter, 2017. P. 118-138.

[269] Дорофеев К., Ладинова Е. Губернаторам предстоит командная игра в соцсетях // Известия. 2017, февраль 17.

[270] Юршина М. Законотворчество вышло в соцсети // Известия. 2017, Март 13.

[271] Муращенков С.В. Социальные сети как инструмент организации эффективной политической коммуникации гражданского общества и органов власти в современной России // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2016. № 4. С. 35–40.

Во второй половине 2010-х годов информационно-новостной стиль интернет-публикаций представителей власти в социальных сетях уступал место сообщениям, в которых все больше проявлялась индивидуальность и эмоциональность автора, с одновременным снижением общей культуры подачи и лексики[273]. На смену стилю официальному приходит стиль разговорный, что создает опасность перехода представителями власти известных этических границ в общении с гражданами. Например, негативный общественный резонанс в декабре 2018 года вызвало высказывание министра социально-демографической и семейной политики Самарской области Марины Антимоновой, сделанное ей в социальной сети Twitter при обсуждении вопроса о соцпособиях для малообеспеченных и неполных семей. По мнению чиновницы, государство не должно «всех содержать», а «наше поколение сады и огороды разводило. Если хочешь ребенка, всегда найдешь решение»[274].

Таким образом, в оцифрованной публичной сфере изменился характер информационного контента. Если в доцифровую эпоху граждане и независимая журналистика претендовали на честное освещение собственно политической и государственной деятельности, то сейчас: видимая публичная деятельность все меньше интересна общественности, более того частная (личная) жизнь политиков и чиновников все чаще выносится в сферу публичного обсуждения. Таким образом, к типам коммуникативных ошибок политиков и чиновников следует отнести не только непосредственно высказывания, но и сообщения, касающиеся личной жизни, которые представители власти считают необходимым выкладывать в социальных сетях.

---

[272] Овакимян М.А. Проблемы и перспективы взаимодействия муниципальной власти, предпринимательства и местной власти: опыт России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки Северо-Кавказской академии государственной службы. 2012. № 2. С. 38–45.

[273] Чекунова М.А. «Дискурсивная демократия» и специфика государственно-властного дискурса в условиях развития цифровых коммуникаций // Ценности и смыслы. 2018. № 6 (58). С. 22–48.

[274] Шестирикова М. Министр соцразвития Самарской области предложила одиноким мамам выращивать еду на огородах // Комсомольская Правда в Самаре. 2018, декабрь 28.

Для формализации интернет-коммуникаций власти и общества после ряда упомянутых уже выше скандалов параметр активности в социальных сетях был введен в так называемые KPI для региональных администраций. В течение 2019 г. аккаунты в Instagram завели практически все главы регионов. В феврале 2019 г. фонд «Петербургская политика» провел анализ активности губернаторов в социальных сетях[275]. В качестве критериев были обозначены количество подписчиков, стиль ведения аккаунта, реакция на комментарии. Первую тройку «идеальных» аккаунтов составили главы республик Р. Хабиров (Башкортостан), В. Васильев (Дагестан), Р. Минниханов (Татарстан).

Исследователи фонда «Петербургская политика» высоко оценивают прямые эфиры представителей региональной политической элиты через социальные сети (например, М. Решетникова, главы Пермского края) или ведение блога от первого лица (с высказыванием личных позиций по проблемам и демонстрацией подробностей частной жизни чиновника). Несмотря на разнообразную активность чиновников в социальных сетях создается впечатление, что лишь их меньшая часть включилась в жанр виртуального позиционирования, большая часть ведет аккаунты, потому что это формальное требование, предполагающее презентацию административно одобряемой публичной позиции. Рассмотренные тенденции только усилились в условиях СВО, когда массовый исход прозападно ориентированных политиков и звезд расчистил медиапространство, поставив в центр внимания тех, кто раньше находился в тени, и, одновременно, повысил критерии их оценивания аудиторией.

Зарубежные политологи активно осмысляют публичную деятельность представителей власти в цифровом пространстве, предлагая учитывать следующие факторы. А. Геккер[276] и Д. Тиммерманс[277] приписывают

---

[275] Губернаторы возвращаются в соцсети. Обзор аккаунтов глав регионов. Фонд «Петербургская политика».

[276] Gekker A. Playing with Power: Casual Politicking a New Frame for Political Analysis // The Playful Citizen: Civic Engagement in a Mediatized Culture / R. Glas, S. Lammes, M. De Lange, J. Raessens, and I. De Vries (Eds.). Amsterdam: Amsterdam University Press, 2019. P. 87-419.

[277] Timmermans J. Playing with Others: The Identity Paradoxes of the Web as Social Network //

современным форматам интернет-активности (в первую очередь, в социальных сетях) игровые черты. Пользователи (в том числе и политики с чиновниками) соревнуются друг с другом по количеству подписчиков, лайков, устраивают локальные «шоу» через мемы, обработку фотографий с минимальными последствиями, что в свою очередь может спровоцировать политический скандал.

Ш. Вин фокусирует свое внимание на природе интернет-скандалов (хайпа), отмечая ряд его характеристик[278]. Во-первых, триггерное событие, ставшее поводом для раскручивания спирали скандала часто не связано с тем информационным контекстом, внутри которого оно возникает. Во-вторых, триггерное событие, должно касаться нарушения социальных норм, быть скандальным, а также подходящим для публичного обсуждения в данном социуме. В-третьих, он актуализирует описанное уже П. Вэстерманом возникновение спирали социальных усилений[279], когда отдельные случаи (информационные скандалы) постепенно становятся общими проблемами, превращаясь в информационный мейнстрим.

Как подметил Ф. Энгельштад, уменьшение количества журналистов и увеличение числа пиар-менеджеров является важным свидетельство демократизации масс-элитных коммуникаций[280]. Поскольку, с одной стороны, в новой цифровой реальности социальная и политическая роль журналистики снижается по мере роста возможностей граждан с помощью новых медиа непосредственно формировать информационную повестку. С другой стороны, расширение коммуникационных процессов (в связи с их цифровизацией)

Playful Identities: The Ludification of Digital Media Cultures / Edited by V. Frissen, S. Lammes, M. De Lange, J. De Mul, J. Raessens (Eds.). Amsterdam: Amsterdam University Press, 2015. P. 289-290.

[278] Wien C. Much ado about nothing Five media hypes in a comparative perspective // From Media Hype to Twitter Storm / P. Vasterman (Ed.). Amsterdam: Amsterdam University Press, 2018. P. 149-166.

[279] Vasterman P. ‘Media-hype. Self-reinforcing news waves, journalistic standards and the construction of social problems // European Journal of Communication. 2005. № 20 (4). P. 508-530.

[280] Engelstad F. Strategic Communication and Institutional Change // Institutional Change in the Public Sphere: Views on the Nordic Model / F. Engelstad et al. (Eds.). Berlin/Boston: De Gruyter, 2017. P. 139-141.

трансформирует также сферу взаимодействия государства и общества, мотивируя работников бюрократического аппарата быть готовыми моментально реагировать на свежие информационные. Таким образом, административная работа государственного аппарата и деятельность его представителей в социальных сетях приобретает политическое значение.

Таким образом, в отличие от пропаганды, тиражирующей идеологию, процессы реидеологизации являются непрямыми, поскольку представляют собой косвенные эффекты активности основных групп субъектов. Эти группы, представители которых сегрегированы по эхокамерам, инициируют петлевое движение контента, перенасыщающее родственные эхокамеры идейным и дискурсивным содержанием, которое, в свою очередь становится маркером групповой принадлежности, по которым усиливается эхокамерная сегрегация.

Первой группой, охраняющей господсвующие идеологические макронарративы, являются политики (политические деятели и чиновники), интегрированные в институциональные позиции политической системы.

Процессы ускоренной цифровизации за последнее десятилетие серьезно изменили политическую сферу общественной жизни. Если ранее политиками Интернет-пространство воспринималось как технический инструмент для размещения информации, то сейчас это вполне самостоятельная сфера, которая развивается по своим законам. Меняется само инфополе, характер, каналы коммуникации власти и общества, а значит и культурные (в первую очередь, этические) стандарты.

Эпоха активной цифровизации политической сферы начинается во втором десятилетии XXI века и первоначально рядовые граждане не претендовали на роль полноценного субъекта политического виртуального процесса. Интернет-сюжеты о взаимодействии с представителями власти воспринимались обычно как курьезные случаи.

С 2014 года усилился гражданский запрос на социальную справедливость, что привело к росту критики властей за несоблюдение этических стандартов публичных коммуникаций. Государство, в свою очередь,

предприняло первые попытки формализовать коммуникацию чиновников и политиков в Интернете, сформулировав требования к профилям социальных сетей. В 2018-2019 гг. в условиях экономического спада и усиления политико-административного кризиса, с одной стороны, наблюдается вал публикующихся в Интернете скандальных цитат властной элиты и их активное обсуждение. В этот же период появляются профильные законы, регулирующие как риторику, так и социальные сети, а также выдвигающие квалификационные требования к представителям власти.

Российское государство, как всё еще один из ключевых институтов современного общества, согласно своей природе стремится (с 2017 года) к максимальной институализации и формализации сетевой коммуникации представителей власти и общества. С 2018 г. активность чиновников в социальных сетях становится одним из критериев их эффективности. За последний год усиление внимание государства к Интернет-пространству в России получило нормативное оформление в ответственности за качество информации (фейк-ньюз, использование нецензурных выражений), которая теперь возлагается не только на конкретного человека, но и на социальные сети.

На данный момент уже можно отметить ряд изменений в коммуникации и саморепрезентации представителей власти в интернет-пространстве. Поскольку конфузы с чиновниками и политиками сейчас моментально попадают в сеть, стало заметно меньше ситуаций, где чиновники настаивают на особом отношении к себе. Следует также отметить, что высшая российская элита, требуя от региональных чиновников интернет-активности и позитивного образа, сама еще более слабо представлена в социальных сетях, а значит, не выступает в роли транслятора примеров идеального интернет-позиционирования.

Можно предположить, что интернет-скандалы, связанные с этическими ошибками в масс-элитных коммуникациях, будут выступать поводом для назревших кадровых решений. Важным испытанием (в том числе и для

молодого поколения) властной элиты станет адаптация как политической активности, так и персонального восприятия к условиям массированного информационного потока, связанным не только с политической сферой.

Выводы по параграфу: Политики, проявляющие публичную медиаактивность, выступают ключевыми субъектами возвращения, легитимации или делегитимации идеологических смыслов в публичном пространстве через адаптацию и трансформацию идеологических макронарративов под современные цифровые условия коммуникации. Их действия в публичном пространстве формируют доверие или недоверие к государственной идеологии со стороны широких слоев общества. Цифровые технологии как инструмент формирования и трансляции идеологических смыслов усиливают роль медиаактивности политиков по созданию, корректировке и воспроизведению публичных дискурсов в контексте актуальных процессов циркуляции актуальных идеологических нарративов. Политики играют роль инициаторов и модераторов рутинезации идеологических смыслов, в ходе которого общественность интегрирует их в повседневные социальные практики, усиливая или ослабляя идеологическое содержание медиаповестки.

Эволюция масс-элитных коммуникаций в контексте цифровизации подчеркивает важность культуры публичного взаимодействия представителей власти с гражданами, а также значимость требований к этике и прозрачности поведения политической элиты в онлайн-пространстве. Динамика изменений роли политиков в процессе реидеологизации демонстрирует, что представители власти одновременно выступают и носителями, и трансляторами идеологических макронарративов.

§ 2.2. Гибридизация субъектности в цифровом обществе: от сетей к алгоритмам

Анализ реидеологизации цифрового общества невозможно осуществить без обращения к \ концепту сетевого общества, предложенному в первую очередь в работах испанского социолога Мануэля Кастельса. Сетевое общество (network society) представляет собой новую социальную формацию[281], в которой «потоковое пространство» вытесняет традиционное «пространство мест» и нарушается линейная историческая темпоральность модерна[282].

В условиях сетевой логики власть и знание перестают быть вертикально организованными, циркулируя в форме распределенных, самоорганизующихся узлов, в которых происходит постоянное переподключение символических кодов и идеологических паттернов, что объясняет ускоренную динамику реидеологизации. Традиционные «большие нарративы» утрачивают универсальность, уступая место гибким и адаптивным микроповествованиям, распространяемым через социальные сети и цифровые сообщества.

Задолго до Кастельса о «децентрализованных, ризоматических структурах» как форме сопротивления дисциплинарным и идеологическим репрессиям писали Жиль Делёз и Феликс Гваттари[283]. Именно такой тип «ризоматической» идеологии, воспроизводящейся в виде сетевых паттернов и аффективных контуров, встроенных в цифровую коммуникацию мы наблюдаем сегодня.

Используя терминологический аппарат акторно-сетевой теории Бруно Латура, можно заметить, что в современном обществе агентами идеологического производства могут быть не только люди, но и технологии, инфраструктуры, алгоритмы, участвующие в генерации, трансляции и

---

[281] Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2016. 564 с.
[282] Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. С. 408–423.
[283] Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2010. С. 17–25.

институционализации знания[284]. Темпоральность идеологии смещается, размываясь в многомерной цифровой среде. Прошлое, настоящее и будущее сосуществуют в режиме одновременности, а идеологические конструкции могут быть мгновенно реконфигурированы в зависимости от алгоритмических и аффективных трендов.

Современное социальное бытие всё в большей степени приобретает социотехнический характер, что позволяет говорить о становлении новой фазы общественной реальности, в которой взаимодействие социального и технического образуют неразделимую онтологическую связку. Г. Ловинк, анализируя эволюцию сетевой культуры, утверждает, что действия таких коллективных субъектов, как программисты и разработчики цифровых систем, способствуют переходу социальной активности в режим, опосредованный цифровыми алгоритмами и платформами. Социальное, по сути, становится продуктом цифровой инженерии, проявляясь преимущественно в сетевых форматах[285].

В рамках концепции фиджитал-мира акцентируется неразрывность физического и цифрового пространств. Подобная онтологическая гибридизация фиксирует формирование новых механизмов воздействия на сознание и поведение индивидов, особенно в контексте рыночных и коммуникационных практик, направленных на установление прочных связей между брендом и потребителем, которые формируются через использование алгоритмических систем сбора, интерпретации и капитализации пользовательских данных[286].

В научном поле отмечается неспособность разделить риски, связанные с угрозами приватности и автономии личности и сопряжённые с развитием цифровых форм социального контроля. Исследователи предупреждают как о

---

[284] Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. С. 55–82.

[285] Ловинк Г. Критическая теория Интернета. М.: Ad Marginem: Музей современного искусства «Гараж», 2019. С. 25–39.

[286] Švec M., Madleňák A. Legal Frameworks for the PhygitalConcept // European Journal of Science and Theology. 2019. № 13(6). P. 209–217.

внедрении новых технологий управления массовым сознанием[287], так и о системах наблюдения, охватывающих гражданскую активность в круглосуточном режиме. Новая волна реидеологизации подразумевает вмешательство цифровых структур в социальную ткань и формирование предпосылок для радикального изменения политико-идеологических координат цифрового общества.

Особое внимание заслуживает концепт алгоритмической идентичности, предложенный Дж. Чейни-Липпольдом, конструирующейся не через дискурс, нарратив или социальный опыт, а посредством автоматизированной классификации и сегментации потребляемой информации, осуществляемых алгоритмами цифровых платформ[288]. Речь идёт о принципиально новой логике субъективации, в которой самоопределение подменяется внешним, непрозрачным и зачастую идеологически нагруженным (по сути математическим или цифровым – в прямом смысле этого слова) вычислением.

Так. П. Немитц определяет транснациональные цифровые корпорации (экономических субъектов) носителями новой формы власти, способной влиять на политическую повестку, направлять общественное мнение и устанавливать собственные нормативные порядки, благодаря разработке и применению технологий искусственного интеллекта, инвестиции в которые наделяют их исключительным социальным потенциалом[289].

Существенную коррекцию в понимание цифровой власти вносит российский исследователь Д.С. Жуков, вводящий понятие «политический искусственный интеллект» — как совокупность интеллектуальных решений, целенаправленно применяемых в политической сфере. В отличие от Немитца, Жуков видит главную угрозу не в экономическом доминировании корпораций,

---

[287] Ulbricht L. Scraping the demos. Digitalization, web scraping and the democratic project // Democratization. 2020. № 27(3). P. 426–442.

[288] Cheney-Lippold J. A New Algorithmic Identity: Soft Biopolitics and the Modulation of Control // Theory Culture & Society. 2011. № 28(6). P. 164–181.

[289] Nemitz P. Constitutional democracy and technology in the age of artificial intelligence // Philosophical Transactions of the Royal Society A: Mathematical, Physical and Engineering Sciences. 2018. № 376(2133).

а в недостаточном теоретическом и институциональном осмыслении самого феномена цифрового ИИ как политического актора[290].

Наконец, ряд исследователей поднимают вопросы, касающиеся этико-антропологических последствий цифровизации. Среди обозначенных проблем — неадекватность алгоритмических выводов, вторжение в частную жизнь, подрыв личной автономии, а также разрушение традиционных форм социальности, основанных на межличностном взаимодействии и доверии[291].

Один из существенных вызовов, с которым сталкивается современное цифровое общество, заключается в трудности интерпретации работы алгоритмических систем. Как подчёркивает Д. Маккуиллан[292], в большинстве случаев, за исключением самых простых, невозможно проследить, каким образом алгоритмы машинного обучения приходят к тем или иным результатам, что связано с высокой степенью сложности математических моделей и с множеством переменных, обрабатываемых одновременно. Кроме того, дополнительным фактором усложнения выступает рекурсивная структура алгоритмических систем: они «обучаются» на прошлых данных, формируя прогнозы, не на основе установленных причинно-следственных связей, а через корреляционные зависимости. Такой механизм нередко приводит к ложным обобщениям и выявлению несуществующих закономерностей. Маккуиллан называет этот феномен «алгоритмической паранойей»: цифровые системы становятся замкнутыми на самих себе, усиливая способность к распознаванию, но при этом не решая проблему ошибки и необратимости решений.

Угрозы, возникающие в результате вмешательства алгоритмов в сферу массового сознания, в философском плане могут быть отнесены к проблематике манипуляции. Алгоритмы, ориентируясь на пользовательские

---

[290] Жуков Д.С.. Искусственный интеллект для общественно-государственного организма: будущее уже стартовало в Китае // Журнал политических исследований. 2020. № 4(2). С. 70–79.

[291] Талапина Э.В. Использование искусственного интеллекта в государственном управлении // Информационное общество. 2021. № (3). С. 16–22.

[292] McQuillan D. Algorithmic paranoia and the convivial alternative // Big Data & Society.2016. № 3(2).

предпочтения и предсказуемые поведенческие реакции, выстраивают индивидуализированные информационные пространства, что приводит к фрагментации общественного знания и усложнению доступа к альтернативным мнениям. Тем самым цифровые платформы становятся посредниками в распространении информации и в формировании идеологических рамок восприятия действительности.

Особую обеспокоенность вызывает влияние крупных технологических корпораций, таких как Google и Microsoft, развивающих генеративные модели искусственного интеллекта, способные формировать контент по пользовательскому запросу. Как отмечает С. Юнгхерр[293], подобная практика значительно ограничивает возможности для функционирования независимых медиаплощадок и ведёт к монополизации информационного пространства, что, в свою очередь, может привести к сокращению числа источников политической информации и к потере многообразия точек зрения.

Развитие так называемого платформенного капитализма, о котором пишет Н. Срничек, сопровождается усилением сетевых эффектов: алгоритмы начинают отдавать предпочтение контенту, способному удерживать внимание и стимулировать активность пользователей. Такой подход приводит к приоритету эмоционально насыщенных и сенсационных материалов, в то время как аналитический и критический дискурс вытесняется на периферию. Н. Элькин-Корен[294] подчёркивает, что подобная логика работы платформ чревата ограничением свободы выражения и политического плюрализма, особенно с учётом широкого применения автоматизированных систем контроля и фильтрации контента (например, Amazon Project Zero, YouTube Content ID и др.). Так формируется новый облик цифрового надзора, предполагающего использование технологической инфраструктуры как инструмента социального и политического регулирования.

---

[293] Jungherr A. Artificial Intelligence and Democracy: A Conceptual Framework // Social Media + Society. 2023. № 9(3).

[294] Elkin-Koren N. Contesting algorithms: Restoring the public interest in content filtering by artificial intelligence // Big Data & Society. 2020. № 7(2).

Таким образом, одним из ключевых медиатехнологических механизмов, влияющих на реидеологизацию современного цифрового общества, выступает алгоритмическая фильтрация информации, реализуемая глобальными цифровыми платформами. В основе этого механизма лежат алгоритмы персонализации, направленные на подбор контента в соответствии с предполагаемыми интересами и предпочтениями пользователя. Изначально выполняя утилитарную функцию оптимизации пользовательского опыта, алгоритмы приобретают политико-идеологическое значение, структурируя доступ к информации и формируя специфические когнитивные и мировоззренческие рамки. Концепт «фильтрующего пузыря» (filter bubble), введённый Э. Паризером[295], получает новое прочтение, обозначая технический эффект и форму идеологического структурирования сознания, возникающую в результате взаимодействия алгоритмической селекции, пользовательских практик и коммерческой логики платформенного капитализма.

Фильтрующий пузырь репрезентирует собой специфическую форму индивидуализированного медиаопыта, получая который пользователь подвергается воздействию информации, преимущественно совпадающей с его мировоззренческой установкой, что способствует снижению вероятности встречи с альтернативными точками зрения и усиливает процессы когнитивной замкнутости и аффективной поляризации. Цифровое пространство оказывается системой фрагментированных миров, каждый из которых укреплён собственной алгоритмической логикой воспроизводства. Субъекты реидеологизации — в первую очередь платформенные корпорации и разработчики алгоритмов — выступают невидимыми архитекторами цифровой публичности, наделёнными властью конструировать идеологические горизонты масс.

Однако критическая литература последних лет демонстрирует, что представление о всесилии алгоритмов нуждается в уточнении. Эмпирические

[295] Pariser E. The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You. New York: Penguin Press, 2011. 312 p.

исследования указывают на относительный характер фильтрации, подчёркивая активную роль самого пользователя в процессе медиации. Автоматизация и субъективность переплетаются, тем самым формируя скорее динамическую среду, нарушая герметичность информационных пузырей. Тем не менее, это не отменяет идеологического измерения алгоритмической селекции: алгоритмы действуют, основываясь на рыночной рациональности, политической конъюнктуре, а также эпистемологических ожиданиях пользователей. Платформы, таким образом, становятся посредниками между технологическим управлением и идеологическим производством, формируя специфический тип постиндустриальной власти — «алгоритмического суверенитета».

Реидеологизация в условиях алгоритмизации медиапространства проявляется как латентный, но институционализированный процесс, в котором пользователь, сам того не осознавая, включён в архитектуру идеологического воспроизводства. Философский анализ субъектов реидеологизации не может игнорировать инфраструктурные и технократические компоненты современной публичности. Платформенные алгоритмы становятся не просто технологическим инструментом, но в духе фукоянской традиции — техникой власти, способной структурировать режимы истины.

Таким образом, современные цифровые платформы, функционирующие в логике «платформенного капитализма»[296], трансформируются из нейтральных инфраструктур в полноценные субъектов власти, обладающие возможностью управлять потоками информации и процессами политической и идеологической социализации. Их субъектность проявляется через способность к селективному допуску, модерации, алгоритмической приоритизации контента, а также организации дискурсивного пространства таким образом, чтобы он соответствовал экономическим интересам владельцев и политическим тенденциям, укоренённым в структуре цифровой экосистемы.

Особую роль в постидеологической аффектике цифрового общества играют визуальные микроформы контента — прежде всего мемы и короткие

[296] Срничек Н. Указ. соч. С. 83.

видео, являющихся благодаря массовому характеу идеальными носителями эмоционально заряженных сигналов.

TikTok как цифровая платформа представляет собой предельный пример аффективной инфраструктуры, предполагающей обучение алгоритмов персонализированной ленты на основе реакций тела — скорости пролистывания, длительности взгляда, мимических реакций (в случае использования камер). Контент, который вызывает эмоциональную бурю — независимо от знака (позитив или негатив) — получает приоритетное распространение. В таком медиапространстве политическое сообщение эффективно лишь тогда, когда оно соответствует «ритму тела» — вниманию, возбуждению, скуке, раздражению.

Платформа TikTok тем самым становится постидеологическим генератором аффективных сюжетов, в которых идеологема растворяется в танце, гриме, голосовом фильтре или звуковом шаблоне. Идеологическая индоктринация происходит через эстетику и эмоциональную мимикрию.

Одной из наиболее острых проблем, препятствующих формированию устойчивых идеологических систем в цифровую эпоху, становится нарастающая радикализация и поляризация общественного сознания, происходящая в условиях онлайн-коммуникации[297]. Исследования подтверждают, что такие алгоритмы, как у YouTube, в стремлении удержать внимание пользователя и увеличить длительность его пребывания на платформе, склонны продвигать всё более резонансные и провокационные материалы, что создает предпосылки для постепенного смещения потребляемого контента в сторону экстремальных и радикальных позиций. Как отмечает специалист в области цифрового маркетинга С. Скотт, в ряде случаев при поиске базовой информации, например, о нацизме, уже на второй позиции выдачи могут появляться крайне правые интерпретации, искажающие суть

[297] O'Callaghan D., Greene D., Conway M., Carthy J., Cunningham P. Down the (White) Rabbit Hole: The Extreme Right and Online Recommender Systems // Social Science Computer Review. 2015. Vol. 33(4). P. 459–478.

исторического явления, вплоть до утверждений о якобы «социалистическом» характере нацистской идеологии[298].

С. Скотт указывает, что подобная логика рекомендаций приводит к незаметной трансформации интересов пользователя: человек, искавший информацию о здоровом питании, может через несколько шагов оказаться погружённым в идеологию воинствующего веганства; интерес к вопросам миграции может привести к просмотру ксенофобского контента. Переход от нейтрального интереса к знакомству с радикальными позициями становится всё более типичным для цифровой среды.

Механизм радикализации может быть индуцирован самим принципом вовлечённости, лежащим в основе алгоритмов рекомендательных систем[299]. Чем более экстремален контент, тем выше вероятность его вирусного распространения, что делает радикальные нарративы выгодными в коммерческом смысле. Таким образом, идеологическая структура цифрового общества оказывается производной от алгоритмически управляемой аффективной экономики.

Централизация данных, масштабная инфраструктура сбора и анализа пользовательской активности, а также монополизация доступа к аудитории формируют новый тип власти, алгоритмически опосредованную суверенность, обладающую потенциалом переопределять границы истинного и ложного, нормативного и девиантного.

В отличие от классических институтов идеологической гегемонии (государства, партии, церкви), платформы действуют в качестве инфраструктурных идеологических субъектов[300], не провозглашающих программ, но структурирующих саму возможность их появления.

---

[298] Scott S. YouTube’s algorithm is spreading a series of unfortunate far-right events // The Drum. 2019, 14 May.

[299] Ланье Дж. 10 аргументов удалить все свои аккаунты в социальных сетях: Джарон Ланье. М.: Бомбора, 2019. 192 с.

[300] Plantin J.-Chr., et al. Infrastructure Studies Meet Platform Studies in the Age of Google and Facebook // New Media & Society. 2018. Vol. 20, № 1. P. 293–310.

Платформенный капитализм как система встраивает идеологическую функцию в само тело цифровой инфраструктуры: через модерационные политики, механизмы алгоритмической видимости/невидимости. Политическая философия цифрового общества должна учитывать софтварные и архитектурные формы субъектности. Критический анализ идеологии XXI века невозможен без включения в поле рефлексии программных кодов, инженерных решений и бизнес-моделей как источников латентного нормативного воздействия.

Таким образом, в условиях цифровой медиасреды реидеологизация всё чаще происходит не через прямую артикуляцию доктрин, а посредством управления аффективными состояниями и эмоциональными реакциями пользователей, что указывает на произошедший сдвиг от классической идеологии как системы идей к постидеологической аффектике, режиму власти, основанному на мобилизации чувств, мгновенных оценок, аффективной резонансности сообщений.

Алгоритмы платформ начинают обучаться не на логико-дискурсивных единицах, а на паттернах эмоциональной вовлечённости: лайках, репостах, эмодзи, длительности просмотра. В результате популярность в политико-идеологическом репертуаре приобретают преимущественно те сообщения, которые вызывают вспышку страха, возмущения, возжелания или злорадства. Аффективная логика побеждает рациональную: речь идёт не о «борьбе идей», а о соревновательности стимулов в регистре возбуждения и немедленного отклика.

Переход к постидеологической аффектике трансформирует модус существования идеологии: от системы убеждений — к массиву триггеров и эмоциональных маркеров, встраиваемых в визуальные и речевые паттерны цифрового контента. Аффективная идеология больше не нуждается в теоретическом обосновании, воздействуя напрямую, минуя когницию, формируя отношение к миру через повторяющиеся паттерны эмоционального опыта.

Цифровое общество демонстрирует переход от дискурсивного гегемонизма к аффективному программированию поведения, что требует от политической философии пересмотра понятий «идеологического субъекта» и «интерпелляции» (по Луи Альтюссеру), так как субъект перестает «узнавать себя» в идее, но рефлекторно включается в аффективный поток, управляемый алгоритмами. Реидеологизация становится состоянием непрерывной вовлечённости или «аффективным захватом»[301], порождённым архитектурой цифровых интерфейсов.

Современные обсуждения алгоритмизации социальной реальности нередко упускают из вида радикальные сдвиги в устройстве информационного контроля, прежде всего в роли так называемых «гейткиперов», под которыми понимаются агенты, регулирующие допуск к публичному дискурсу. В эпоху цифровой трансформации функцию посредников между информацией и аудиторией начинают выполнять не только привычные фигуры публичного влияния (лидеры мнений, журналисты, блогеры), но и технологические корпорации, вовлечённые в процессы сращивания цифрового и политического управления. Эти новые акторы (разработчики алгоритмов и компании, стоящие за их внедрением) приобретают возможность задавать идеологическую архитектуру цифровой среды через внедрение в ИИ-системы определённых ценностных установок и логик интерпретации. Алгоритмы (инструменты обработки данных), таким образом, становятся носителями политико-культурных ориентиров, а значит и участниками процессов символического производства и регулирования.

Особое значение приобретает явление технологической конвергенции, в рамках которого происходит сближение методов традиционной пропаганды с новыми цифровыми средствами воздействия. Одной из ключевых форм такой интеграции становится модель «цифрового кентавра» — социотехнической системы, в которой синтезируются действия высококвалифицированного специалиста и адаптированных под его задачи нейросетевых алгоритмов.

[301] Dean J. Crowds and Party. London; Brooklyn, NY : Verso, 2016. 296 p.

Гибридный субъект может эффективно функционировать как в онлайн-, так и в офлайн-пространствах, решая задачи политического влияния, мобилизации, информационного моделирования и контроля.

По сути, перед нами разворачивается становление новых форм цифровой идеологии: инструменты автоматизированного анализа и распространения информации совмещаются с операционным участием человека, что формирует качественно иную конфигурацию власти. Алгоритмы, обрабатывая информацию, участвуют в структурировании общественно-политической повестки, задавая рамки допустимого, репрезентативного и «правильного». Политико-идеологическое влияние приобретает всё более распределённый, но при этом скрытый характер, встраиваясь в пользовательский опыт, цифровые интерфейсы и алгоритмические рекомендации. Следовательно, критический анализ процессов реидеологизации цифрового общества должен учитывать и содержание транслируемых смыслов, и архитектуру самих алгоритмических систем, действующих в логике социотехнической власти.

Благодаря развитию технологий цифрового кинематографа, появлению онлайн-кинотеатров и стриминговых платформ фильмы становятся доступными для просмотра практически в любой точке мира сразу после их выхода, что позволяет содержащимся в них стереотипам и мифам быстро проникать в сознание зрителей, даже тех, кто географически или культурно далёк от Запада. Большинство развлекательных фильмов ориентированы на аудиторию с низким уровнем критического мышления, эмоционально реагирующая на материалы, которые затрагивают чувствительные или провокационные темы. В результате кино, отражая взгляды определённых политических сил, активно формирует мифы, влияя на восприятие и эмоции аудитории[302].

---

[302] Москаленко О.А. Визуальная мифологизация власти в англоязычном медиадискусе как средство конструирования российской действительности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2020. №4. С. 33-52.

Развитие стриминговых (потоковых) видеосервисов в США началось еще в 2000е гг., но переломным моментом стал период пандемии COVID-19[303]. Технологическое развитие привело к возможности просматривать любой контент, включая кино в любом месте и при любой обстановке[304], нет необходимости посещения кинотеатров и поиска дополнительных устройств и носителей информации для просмотра. Запуск стриминговых платформ в начале 2010-х воспринимался как революционное изменение средств массовой коммуникации[305], связанное с формированием среды независимой от централизованного телевизионного вещания.

Идеологема стриминговых платформ, как и других музыкальных, информационных сервисов в сети Интернет, базируется на персонификации: аудитория сама выбирает, что смотреть, слушать, читать, независимо от программной архитектуры канала, хронологического потока публикаций и т.д. Стриминговый сервис должен обеспечивать многообразие выбора и формировать рекомендации для пользователя, что предполагает развитие программного обеспечения, искусственного интеллекта, отвечающего за персонализацию выбора и формирование предпочтений. На данный момент можно насчитать около 6-7 наиболее популярных стриминговых платформ.

Алгоритм стриминговых платформ работает по аналогии контекстовой рекламы. Собирая предпочтения конкретного потребителя, система начинает предлагать аналогичные фильмы и сериалы, тем самым постепенно формирует такую же информационно-герметичную оболочку, как и традиционное телевидение, посредством ложного выбора. Тематическое таргетирование стримингами непосредственно связано со сбором информации об аудитории для рекламодателей, которые на основе пола, возраста, территории с большей

---

[303] Медведева Д.А., Новоселов А.С., Гостилович А.О. Стратегии роста международных стриминговых сервисов: Netflix и Disney // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. № 6. С. 19-31.

[304] Dixon W.W. Streaming: Movies, Media, and Instant Access. University Press of Kentucky, 2013. 204 p.

[305] Bury R. «A small Christmas for me»: A Study of Binge-Watching and Fan Engagement on Reddit // Binge-Watching and Contemporary Television Research / M. Jenner (Ed.). Edinburgh University Press, 2021. P. 40-58.

эффективностью размещают рекламу (например, Disney+ подписала контракт с Publicis, которая специализируется на таргетинге и профайлинге пользователей, HBO Max купила Clypd, занимающейся рекламной цифровой логистикой)[306].

Другой стороной транснационального стриминга и его социальных факторов является влияние на развитие технологий в ряде стран. Распространение и рост популярности стриминговых сервисов в том числе повлияли на улучшение доступа к интернету, рост качества телекоммуникационой инфраструктуры.

Как уже отмечалось, период пандемии COVID-19 изменил не только маркетинг стриминговых сервисов и потребительские предпочтения. Произошла трансформация глобального рынка медиапродукции массовой культуры. До 2020 г. Netflix и Amazon Prime Video вели, по мнению Д. Броэ, молчаливую войну[307] против государственного телевидения. Одновременно происходили слияния ряда медиаигроков: например, объединение студий Disney и Fox, интеграция дистрибьюторов коммуникационных услуг с контентом (AT&T и Time Warner), а также объединение кабельных сетей со спутниковыми операторами, телевизионными каналами и киностудиями (Comcast, Sky, NBC и Universal). В результате этой консолидации и усиливающейся монополизации сформировалась группа крупных потоковых платформ, таких как Netflix, Amazon Prime Video, Disney+, Peacock (Comcast NBCUniversal), Apple+ и HBO Max (AT&T–Time Warner).

Анализируя социально-политический и идеологический спектр сюжетной политики стриминговых платформ, можно выделить следующие полюсы: слева будут находится (по уменьшению экспериментальности) Hulu, Netflix, Amazon Video Prime. От центра к правому полюсу – Apple TV+, Max, Disney+.

Актуальная социальная и политическая повестка наиболее сосредоточена в проектах стримингового сервиса Hulu, где преобладают современное

[306] Steiner E. Commercial Constructions of Binge-Viewers: A Typology of the New and Improved Couch Potato as Seen on TV // Binge-Watching and Contemporary Television Research / M. Jenner (Ed.). Edinburgh University Press, 2021. P. 65–81.
[307] Broe D. Post Corona Film and Television: Stream It, Skip It, or Revolutionize It? // Framework: The Journal of Cinema and Media. 2020. № 61(2) P. 202.

прочтение идей феминизма[308], расовых конфликтов, экономического неравенства. Например, Антиутопия «Рассказ служанки» (2017-…) конструирует крайне традиционалистский мир с такими соответствующими социальными атрибутами как объективация женщин, репрессии в отношении нерелевантных групп, разрушение института личных прав и свобод, культивирование силы. Противоположная версия мироустройства показана в сериале «Y. Последний мужчина» (2021), где визуализируются идеи матриархата. Вопросы прав женщин также поднимаются в сериалах «Куртизанки» (2017-2019), «Кэнди» (2022). Создатели сериала «И повсюду тлеют пожары» (2020) обращаются к роли социального неравенства в современном обществе.

Проекты Netflix делают ставку на провокационность тем, глобальную повестку[309], влияние технологических новаций на общество. Вопросы власти, поднимаются в историко-биографическом сериале «Корона» (2016-2023), посвященном британской монаршей семье. Одним из успешных примеров сотрудничества Netflix с испанской студией Atresmedia является сериал «Бумажный дом» (2017-2021), в котором команда грабителей с лево-анархистскими ценностями борется с репрессивным аппаратом государства и банковской системой. Сериал «Черное зеркало» (2011-…) моделирует трансформацию социальных отношений в постиндустриальном мире.

Аналогичные политико-властные сюжеты, но с большим упором на жанровое разнообразие от антиутопий до сатиры, поднимает Amazon Prime Video. Сатирический сериал «Пацаны» (2019-…) аллегорически и гротескно показывает современные политические элиты и внутривластные отношения. Альтернативно-историческая версия победы во Второй мировой войне нацистской Германии и ее союзников предлагается в сериале «Человек в высоком замке (2015-2019). Классическая супергеройская история, поданная в

---

[308] O'Gorman D. Review [Review of Utopia and Dystopia in the Age of Trump: Images from Literature and Visual Arts, by B. Brodman & J. E. Doan] // Utopian Studies. 2021. № 32(3). P. 707–713.

[309] Lobato R., Lotz A. D. Imagining Global Video: The Challenge of Netflix // Journal of Cinema and Media Studies. 2020. № 59(3). P. 132–136.

формате реалистического жанра, рассказана в сериале «Джек Райан» (2018-2023), повествующем о том, как агент ЦРУ борется с мировым терроризмом.

Политика и власть в проектах Apple TV+ находятся в центре сюжета сериала «Утреннее шоу» (2019-…), показывающего влияние медиа на формирование общественного мнения. Фантастическая проекция на будущее человечества в сериале «Основание» (2021 -…) визуально иллюстрирует институциональную конкуренцию государства и корпораций. В сериале «Укрытие» (2023-…) показывается строго регламентированный мир антиутопии, в котором процветает правовое неравенство, дистанцирование политической элиты от общества, а также роль цифровых технологий в управлении.

MAX делает акценты на исторических и псевдо-историко-фантазийных сюжетах[310]. Эпические сериалы «Игра престолов» (2011-2019) и его спин-офф «Дом дракона» (2022-…) разворачивают средневековые политические процессы, адаптированные под восприятие современного человека. «Чернобыль» (2019) визуализирует специфику кризисного советского управления. Особенности корпоративной борьбы за власть в медиаиндустрии показаны в сериале «Наследники» (2018-2023).

Наиболее традиционалистский сюжетный контент наблюдается у Disney+. Оригинальные сериалы данного стримингового сервиса стараются избегать откровенно провокационных тем, однако поднимая политические темы в фантастических сюжетах таких сериалов как «Локи» (2021-2023), «Секретное вторжение» (2023), «Мандалорец» (2019-…), «Асока» (2023).

Глобалистские тенденции в киноиндустрии активно развиваются с 2010-х гг. Множество оригинальных фильмов и сериалов, созданных национальными киностудиями, выкупались американскими компаниями и переснимались с определенной долей переработки. Так израильский сериал «Военнопленные» (IL, 2010, 2012) породил сериал «Родина» (Showtime, США, 2011–2020),

[310] Weeks R. History by HBO: Televising the American Past. Lexington: University Press of Kentucky, 2022. 258 p.

датский сериал «Forbrydalsen» (DK, 2007–12) стал «Убийством» (AMC, США, 2011–14), а датско-шведский сериал «Брон» (SE/DK, 2011–18) в своей франко-британской версии стал «Туннелем» (2013–18), а в США был переснят под названием «Мост» (FX, США, 2013–14). Впоследствии новые версии кинопродукции далее выкупались иностранными киностудиями, в том числе российскими, с целью производства национальных адаптаций.

Стриминговые сервисы, в том числе Amazon Prime Video и Disney+, довольно активно борются за подписчиков в странах второго и третьего мира. Однако Netflix вышел на новый уровень в борьбе за глобальный юг. Его инвестиции в локальное кинопроизводство и увеличение оригинальных не англоязычных шоу (индийских, латиноамериканских) расширяет присутствие западной культуры в этих регионах, что в свою очередь усиливает глобализационные тенденции, поскольку местное кинопроизводство ориентируется на задаваемые стриминговой платформой стандарты. Стремительно глобализирующийся характер стримиговых сервисов открывает потенциал для всемирной гомогенизации контента, поскольку локальные студии несмотря на потенциальную потерю финансово-культурной автономии активно сотрудничают с западными компаниями.

Видеоконтент Netflix трансформировался из национально-тематического в «транснациональный»[311]. В 2015 году выпускаются «Безродные звери» об африканских военных хунтах, в 2017 - «Окча» про экологическую повестку в Южной Корее[312] и власть корпораций, а также «Ферма «Мадбаунд» о проблемах расизма. Совместные проекты Netflix часто посвящены острым социальным и политическим темам других стран и культур. Так, сериал «Марсель» (Франция, 2016–2018) раскрывает проблемы одного из крупнейших городов Франции, отличающегося неблагополучно-криминогенной

[311] G.-Stolz B., Watts R., Jenner M. Transnational Bingeing: Conclusion // Binge-Watching and Contemporary Television Research / M. Jenner (Ed.). Edinburgh University Press, 2021. P. 201–204.

[312] Kang J.M. A New Style of K-Drama in Netflix Originals: Generic and Stylistic Experiments in Korean «Genre Dramas» // Streaming Video: Storytelling Across Borders / A.D. Lotz, R. Lobato (Eds.). NY: Press, 2023. P. 171–187.

обстановкой. Среди наиболее известных международных не англоязычных проектов Netflix также можно назвать бельгийский «В Ночь» (2020), турецкий «Различия» (2020), южнокорейские «Мы все мертвы» (2022), «Игра в кальмара» (2021-2024), индийский «Хираманди: блеск бриллиантов» (2024), а также множество японских анимэ-проектов.

Постсетевая эра телевидения и ее основной продукт в виде стриминговых каналов (и, как следствие, новых персонализированно-алгоритмических подходов) создавались как альтернатива традиционным централизованным средствам массовой коммуникации, но в итоге ряда трансформаций становится все более похожей на свой первоисточник. Стриминговые сервисы возвращаются к привычному для классического ТВ посерийному режиму выпуска сериалов, имитационной индивидуализации, при которой разнообразие выбора уже изначально имеет строгий ассортимент кинопродукции. Таким образом, вернулась тенденция движения к фактической централизации телевизионного контента только иными технологическими и маркетинговыми инструментами.

Пост-телевизионная эпоха стриминговых платформ формирует массовое сознание не столько дидактичной иллюстрацией современного мироустройства, сколько проблематизацией вопросов социально-политической реальности и подталкиванием зрителя к осмыслению. Так стриминговый канал Hulu стимулирует дискуссии о правах человека, классовом и расовом неравенстве, политическом давлении на общество. Netflix с его целенаправленной транснациональной политикой культивирует идеи социальной справедливости, межнациональной толерантности, предлагает (навязывает) образы будущего и потенциальных рисков, которые исходят как от самого человека и трансформации его психики, так и от технологической среды.

Скептическое отношение к политике и рациональный подход в отношениях общества и власти, социальной ответственности власти и элит, а также расширение границ восприятия реальности и мышления за счет

предложенных сценариев прошлого и будущего заложены в проектах Amazon Prime Video и Apple TV+.

Мифогенерирующую сторону современного кинематографа в наибольшей степени воплощают шоу Disney+, поскольку большая часть проектов/сериалов повествует про вымышленные миры, так ли иначе проецируемые на современную реальность. Однако Disney+ проводит аллюзии очень осторожно, придерживаясь традиционной повестки: семейные ценности, дидактичное деление героев на добрых и злых, восхваление героизма[313], борьба за добро и справедливость[314], оптимистичное восприятие будущего как продолженного настоящего.

Опасения, связанные с утратой цифрового и ценностного суверенитета, подталкивают ряд государств к созданию собственных цифровых экосистем, пространств для осуществления социально-политической коммуникации, независимых от транснациональных технологических корпораций. Процессы деглобализации можно условно охарактеризовать как цифровую сегрегацию политико-государственных режимов. Государства начинают воспринимать технологическое могущество цифровых корпораций как инструмент геополитического влияния, напрямую связанный с внешнеполитическими интересами тех держав, которым эти корпорации лояльны.

Показательно, что в работе Г. Киссинджера, Э. Шмидта и Д. Хаттенлокера «Искусственный интеллект и новая эра человечества» вводится концепт «AI-держав» — государств, обладающих технологической мощью и способных задействовать ИИ как инструмент военного и политического превосходства. К таким державам авторы относят США, Китай и Россию, подчеркивая их потенциал в применении интеллектуальных технологий нового поколения для защиты национальных интересов[315].

---

[313] Brinker F. Superhero Blockbusters: Seriality and Politics. Edinburgh University Press, 2022. 240 p.

[314] Pardy B. The Militarization of Marvel’s Avengers // Studies in Popular Culture. 2019. № 42(1). P. 103–122.

[315] Киссинджер Г., Шмидт Э., Хаттенлокер Д. Искусственный разум и новая эра человечества. М.: Альпина ПРО. 2022. С. 147-148.

Таким образом, переход к многополярной модели глобального устройства сопровождается не только внутренним цифровым суверенитетом, но и созданием так называемых «цифровых ойкумен» — интегрированных социотехнических систем, включающих национальные медиаресурсы, онлайн-платформы, сетевые сообщества и иные коммуникационные каналы, нацеленные на продвижение идеологических и политических нарративов государства за пределами его территории. Использование таких инструментов, как, например генерация дипфейков или алгоритмическое вмешательство в чужие информационные пространства, приближается к формам кибероружия. Цифровая ойкумена становится дополнительным контуром геополитического воздействия.

Выводы по параграфу: параграф демонстрирует, что в условиях цифрового общества субъект идеологизации радикально изменяется: он не столько принимает идеологию, сколько конструируется ею посредством цифровых инфраструктур и алгоритмов. Структура субъекта сегодня задаётся не политическими институтами в традиционном смысле, а логикой цифровых платформ, которые через персонализированные потоки информации, визуальные нарративы и сетевую логику превращают потребление контента в форму политического участия. Таким образом, субъект цифровой реидеологизации представляет собой гибридное образование, возникающее на пересечении культурных кодов, технологических интерфейсов и алгоритмической обработки поведения.

§ 2.3. Творческая элита как цифровой агент реидеологизации

Политический потенциал сферы культуры – это вечная тема социально-гуманитарных наук. Позиции, суждения, взгляды (как бы сказал М. Горький) «мастеров культуры» исторически обладали серьезным весом и были способны если не сформировать общественное мнение, то являться фактором, воздействующим на общую социальную атмосферу. Вклад творческой

интеллигенции в реидеологизацию может быть рассмотрен по двум направлениям – умение находить новые формы, которые определяют развитие культуры и тем самым детерминируют новые форматы объективации идеологии, и выстраивание легитимных моделей отношений с властью (сотрудничество или оппозиция). Первое направление связанно с инновационностью культуры, прорывы в которой представляют специфическую область per se, в синхроническом срезе слабо доступную искусствоведам и непрозрачную для философского анализа.

Теоретическая оценка второго направления рассматриваемого вклада опирается на меньшие трудности. Диалектическое взаимодействие мира культуры и мира политики – это классическая тема социо-гуманитарных наук. Произведения живописи и литературы наполнялись политическими смыслами и функциями уже в эпоху ранних цивилизаций Египта, Месопотамии, Индии, Китая. Искусство, пребывая в сфере религиозного контроля, тесно увязывалось с вопросами пропаганды и легитимации существующего положения вещей.

Массовое распространение грамотности в ареале античной цивилизации Греции и Рима способствовало укреплению политического веса произведений литературы. Эпоха Просвещения утвердила за писателями позиции важных политических субъектов, однако, новые технические изобретения (радио, а затем и телевидение) поменяли расклад сил. На первый план политико-идеологического поля XX века выходят музыка (которую удобно транслировать по радио), а затем и кинематограф.

В российской социально-политической науке наблюдается дефицит исследований политизации мира культуры, искусства, творчества. Отметить можно работы А.А. Бернацкой[316] о влиянии писателей на политические процессы, а также Т. Болдаревой о связи театрального мира и политики[317].

[316] Бернацкий А.А. «ЖД» Д.Л. Быкова: информационно-психологическая война «против» и «за» Россию? // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 1. С. 212-238; Бернацкий А.А. Симптомы информационно-психологической войны в творчестве Л.Е. Улицкой // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. № 1. С. 71-88.

[317] Болдарева Т. Стратегия исследования политического времени и пространства в новейшей драматургии // Филология и культура. 2016. № 3. С. 73-78.

Исследованием арт-активизма занимаются А. Эпштейн[318] и А.В. Скиперский[319]. Взаимоотношения массовой культуры (в первую очередь кинематографа) и политики изучает М. Штейнман[320].

Тотальная цифровая медиатизация культурного пространства в XXI веке трансформирует модель взаимоотношения власти и искусства. Теория «медиатизации всего», как пишут Д. Дикон и Дж. Станир, превращается «в новую влиятельную концепцию, которая ставит средства массовой информации в центр всех важных культурных, политических и социальных событий»[321]. А. Хепп, С. Хьярвард, К. Ландби, изучая принципы соотношения медиатизации реальности с изменением средств массовой информации и междисциплинарной коммуникации, с одной стороны, и изменениями в разных областях культуры и общества — с другой, считают, что возникновение современного типа концептуального проектирования действительности, каким явилась медиатизации реальности, вообще оказывается частью большого парадигматического сдвига в исследованиях средств масс-медиа[322].

Таким образом, с одной стороны, деятели культуры превращаясь в медийных персон, инфлюэнсеров получают больше возможностей влиять на политическую сферу. Сфера искусства привлекает оппозиционный протестный потенциал, а попытка говорить на языке искусства лежит в основе «любой протестной политики» (Дж. Александер). При этом медийные персоны наращивают свое влияние соразмерно с ростом влияние сетевых сообществ (М. Кастельс).

С другой стороны, утверждение господства экранной культуры способствует повышению значимости создателей видео-контента. Литераторы

---

[318] Эпштейн А. Арт-активизм третьего срока Путина. Наследники московского концептуализма и соц-арта в XXI веке // Неприкосновенный запас. 2018. № 1. С. 219-237.

[319] Скиперский А.В. Поверхности протеста: особенности политического письма в современной России // Политическая лингвистика. 2014. № 1. С. 108-113.

[320] Штейнман М. Неполитический потенциал политического мифа в массовой культуре // Вестник РГГУ. Серия Политология. История. 2009. № 1. С. 38-52.

[321] Deacon D., Stanyer J. Mediatization: key concept or conceptual bandwagon? // Media, culture & society. 2014. August 8.

[322] Hepp A., Hjarvard S., Lundby K. Mediatization: theorizing the interplay between media, culture and society // Culture & Society. 2014. № 37 (2). P. 314–324.

(вслед за художниками) безвозвратно теряют позиции «властителей дум», а музыканты остаются интересны лишь как производители клипов. Формирование музыкантами социально-политической идентичности своих поклонников в XX веке было тесно связано с организацией и само воспроизводством многочисленных субкультур, предпочитающих определенный набор стилей и кумиров. Наступление эпохи тотальной доступности аудио-контента в Интернете приводит к падению интегрирующей роли музыки в организации субкультурных движений XXI века, а значит и к уменьшению политического влияния музыкальных исполнителей на аудиторию поклонников.

Изучение современных аспектов взаимодействия культуры и политики требует определение концептуальных рамок, позволяющих разметить предметные области анализа и выявить основные направления возможных исследований. Системный подход предлагает сосредоточить внимание на тех изменениях в институциональной, коммуникативной и культурно-идеологической подсистемах общества, что были вызваны тотальной медиатизацией культурного пространства.

Медиполитизация сферы искусства в эпоху господства экранной культуры может принимать следующие формы. Во-первых, активное проникновение в повседневную жизнь цифровых технологий приводит к превращению известных актеров, музыкантов, писателей, художников в лидеров общественного мнения, транслирующих оппозиционные настроения или актуализирующих политические проблемы[323]. М. Харви, исследуя феномен пропагандистской активности известных личностей, чье влияние строится на возможности актуализации проблем через традиционные и новые медиа, высоко оценивает степень персонального политического влиянии звезд на

[323] Budabin A., Richey L. Celebrity, disruption and neoliberal development // Batman Saves the Congo: How Celebrities Disrupt the Politics of Development. Minneapolis; London: University of Minnesota Press, 2021. P. 1-28; Caulfield T., Fahy D. Science, Celebrities, and Public Engagement. Issues in Science and Technology, 2016. № 32(4). P. 24-26; Mishra A., Mishra, A. National vs. Local Celebrity Endorsement and Politics // International Journal of Politics, Culture, and Society. 2014. № 27(4). P. 409-425.

своих поклонников, при котором фактически стирается четкая граница между политиками и знаменитостями[324].

Конвенциональной формой публичной активности знаменитостей из мира культуры, искусства, шоу-бизнеса являются заявления о необходимости решения глобальных проблем или реакции на стихийные бедствия. Так, еще в 2005 г. певица Селин Дион обратила внимание на бездействие властей в отношении бедных слоев населения после разрушительного урагана в США. Вопросы гендерного равенства не раз были озвучены певцом Рики Мартином и актером Эштоном Кутчером. При этом ученые не всегда положительно оценивают опыт сотрудничества знаменитостей с профильными структурами, в том числе ООН, хотя сами персоны, очевидно, увеличивают свой медийный капитал.

Знаменитости из мира культуры подвергаются одновременному давлению со стороны действующей власти, оппозиции, многочисленных поклонников, собственной совести, а также и журналистов. Перечисленные заинтересованные стороны вынуждают звезд публично объявлять о своих политических позициях. Л.Б. Зубанова и Н.Л. Зыховская, анализируя интервью популярного видеоблогера (затрагивающего в том числе и политические темы), отмечают, что гости (деятели культуры и шоу-бизнеса) дрейфуют между позициями прагматического гедониста, нерефлексирующего конформиста, дистанцировавшегося скептика, гражданского активиста, самозамкнутого мастера[325].

Политизации представителей творческих профессий способствует также общий постматериалистический тренд в мире ценностей (Р. Инглхарт). Цифровая форма, в которую облекаются высказывание и действия селебрити формирует новую культуру участия аудитории. Другими словами миллионные

---

[324] Harvey M. Celebrity Influence: Politics, Persuasion, and Issue-Based Advocacy. Lawrence: University Press of Kansas, 2017. 264 p.

[325] Зубанова Л.Б., Зыховская Н.Л. Сетевые проекты: потенциал воздействия на аудиторию (на примере проекта «Вдудь») // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. № 30. С. 119–126.

просмотры позволяют определить звезд как сильных акторов, формирующих представления о политике у широкой аудитории их поклонников.

Во-вторых, следует отметить, что деятели культуры в условиях роста популярности социальных сетей и виртуальных площадок коммуникации оказываются способны поддерживать оппозиционную политическую деятельность, создавая художественный политический контент**.** Медиатизация реальности беспредельно увеличивает количество каналов распространения информации, что способствует масштабным трансформациям коммуникативной политической подсистемы. Так, например, о протестах в парке Гиза в США были сняты и широко растиражированы в YouTube видеоклипы, в которых активисты используют ряд эстетических и риторических инструментов, таких как различные техники смешивания двух или более разных песен, оспаривая тем самым информацию из репортажей ведущих СМИ, выражая сопротивление доминирующему политическому дискурсу.

Таким образом, медиаполитизация сферы культуры происходит через создание пропагандистского продукта художественными средствами с целью повышения убедительности политической идеи или расширения ареала ее распространения.

В-третьих, политико-идеологический контент деятели культуры и искусства способны создавать с целью художественного самовыражения. При этом эффективность и влияние знаменитости на массовое сознание будет зависеть от размеров фанатской аудитории. Политическая сфера, как пишет К. Сандвосс, вбирает в себя массовую культуру, а «фанатизация» превращается в одну из форм политической активности[326]. Й. Хартл поднимает вопросы о политическом содержании акций, авторами которых становятся художники, размышляя о том, можно ли считать подобные действия политикой, а также не сводится ли политика посредством этих действий к культурным

[326] Sandvoss C. The Politics of Against: Political Participation, Anti-Fandom, and Populism // Anti-Fandom: Dislike and Hate in the Digital Age / M. Click (Ed.). New York: NYU Press, 2019. P. 125-146.

репрезентациям[327]. А. Брызгел отмечает, что активизм в советский период Восточной Европы был в первую очередь способом художественного выражения, а не средством для диссидентской политической деятельности[328].

Эволюцию из субкультурных проектов, зарождавшихся в лоне протеста, в полностью контролируемое явление на примере инди и панк-музыки в Восточной и Южной Азии изучают Х. Шин, Д. Сяо и К. Донг. Часть подобных групп, помимо близкого музыкального стиля, были объединены в транслокальные сети молодых радикальных активистов. Альтернативные музыкальные форматы, ранее представлявшиеся как активизм и протест, путем расширения аудитории и, как следствие, коммерциализации, утрачивают провокационные тональности. С другой стороны, государство, стремящееся взять под свой контроль культурную индустрию, интегрируется с массовой культурой, что приводит к сокращению творческих экспериментов.

Ряд исследований сосредоточились на жанрах протестной музыки, поскольку посредством музыкального творчества в современном мире можно донести как политическую позицию автора, так и сформировать групповую политическую идентичность. В частности, много внимания уделяется рэп и хип-хоп культуре, которая формировалась как позиция оппозиционного афроамериканского меньшинства[329]. Изначально затрагивая темы несправедливости (экономического неравенства, недоступности здравоохранения и образования, дискриминации со стороны правоохранительной системы и судов и т.д.) рэп являлся формой протеста, вышедшей за пределы конкретной этнической группы и непосредственно США. Сейчас, по мнению Л. Боннет, музыкальные продукты в данной стилистике стали общепринятой формой оппозиционно настроенных сил по

---

[327] Hartle J.F. Art Contra Politics: Liberal Spectacle, Fascist Resurgence // Spectres of Fascism: Historical, Theoretical and International Perspectives / S. Gandesha (Ed.). London: Pluto Press, 2020. P. 241-260.

[328] Bryzgel A. Politics and identity // Performance art in Eastern Europe since 1960. Manchester University Press, 2017. P. 223–297.

[329] Chuhg B. Narrating Failure Vc Jins return to rap in the United States // Biography. 2012. Vol 41. № 3. P. 568-586.

всему миру, а также способ интеграции маргинализированных движений[330]. Автор обращает внимание на роль музыки в подобном стиле в самоорганизации «арабской весны». Австрийский опыт хип-хоп и рэп-музыкантов как попытку политического высказывания изучает Ф. Хафец[331]. Исследователь отмечает парадокс: несмотря на то, что значительная доля австрийских авторов рэп и хип-хоп жанра являются представителями или маргинализированной молодежи, или непосредственно мигрантов из стран Азии и Африки, большинство хип-хоп групп ориентируются на молодежь, придерживающуюся ультраправых настроений. показывает как многие исполнители жанра регги в Кот-д'Ивуаре стали политическими деятелями, акторами борьбы за власть, хотя и не всегда успешно[332].

Использование музыки без согласования с правообладателями в предвыборной агитации стало поводом для озвучивания претензий со стороны британской группы The Rolling Stones к Д. Трампу в 2020 г. Участники музыкального коллектива прибегли к правовым методами, чтобы восстановить контроль над политическим использованием или неправомерным использованием своей творческой деятельности на американской политической арене.

В-четвертых, деятели мира искусства и культуры принимают непосредственное оффлайн-участие в политических акциях. Эмпирическое исследование конфликта вокруг сквера в Екатеринбурге в 2019 году показали, что протест воспринимался многими его участниками как форма творческого самовыражения, и более того периодически музыканты давали мини-концерты. Любопытно также, что из 20-ти респондентов (активных участников тех событий) семеро связаны с миром культуры[333].

---

[330] Bonnette L.M. Conclusion: It’s Still Bigger Than Hip-Hop: The Future of Rap and Politics // Pulse of the People: Political Rap Music and Black Politics. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2015. P. 140-154.

[331] Hafez F. Political Beats in the Alps: On Politics in the Early Stages of Austrian Hip Hop Music // Journal of Black Studies. 2016. № 47(7). P. 730–752.

[332] Schumann A. Music at war: reggae musicians as political actors in the Ivoirian crisis // Journal of African Cultural Studies. 2015. № 27(3). P. 342–355.

[333] Белоусов А.Б., Давыдов Д.А., Кочухова Е.С. В постматериалистическом тренде:

Однако факторами, умаляющими политическое значение творческой интеллигенции, являются нерегулярность их участия в протестных акциях и общая политологическая неграмотность. Значительная доля активистов из мира селебрити воспринимается как украшение протестных акций, но не их инициатор или катализатор, а у многих россиян оппозиционная деятельность звезд вызывает снисходительную улыбку.

Опрос ВЦИОМа (в декабре 2021 г.) показал, что в качестве авторитетов к чему мнению прислушиваются россияне, совокупный рейтинг творческой интеллигенции составляет 12%. Опрос Левада-центра в декабре 2021 года позволил выявить и зафиксировать 19% опрошенных, выступающих против шуток по поводу современной власти.

Арест рэпера Хаски в конце 2018 года подвигнул ВЦИОМ к опросу россиян, в котором была затронута проблема отношения к гипотетическому представителю творческой интеллигенции, который высказал критическое суждение о власти. 27% опрошенных отнеслись бы к артисту негативно, 29% его бы поддержали, 19% постарались бы игнорировать данный инцидент. Однако наказывать за подобные высказывания предложили 15% опрошенных. Доля тех, кто предлагает игнорировать политические высказывания артистов и тех, кто одобряет и поддерживает их, разделились почти поровну (35% и 36% опрошенных соответственно).

Таким образом, следует отметить, что россияне отказываются признавать творческую интеллигенцию в качестве авторитета, к чьему мнению следует прислушиваться. С другой стороны, общество в большинстве своем положительно воспринимает политическую активность селебрити, видимо, рассматривая ее как потенциально полезную. За селебрити признается определенное влияние на общественные настроения и политические процессы. Тем более в период кризиса системной партийной оппозиции, теряющей доверие у широких слоев российского общества.

мотивация участников протеста в сквере у Театра драмы в Екатеринбурге // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 53-72.

Основной опыт политической активности медийных персон сводился к привлечению внимания к тем или иным событиям и ситуациям, которые уже имели место, при этом действия селебрити не являлись их причинами. Важно отметить возможность селебрити информировать через социальные сети провинциальную (нестоличную) аудиторию. С другой стороны, с учетом политического (не административного) игнорирования подобных акций, в том числе массовых, со стороны властей активность представителей творческой интеллигенции может восприниматься определенной частью населения как «истинно» политическая. В-третьих, значение «поэтов» в обществе возрастает в контексте слабости элит, а также наличия атмосферы вседозволенности в обществе (особенно в сравнении с советским периодом).

Мотивы участия творческой интеллигенции в гражданско-протестной деятельности определяются как желание привлечь внимания к собственной персоне и одновременно стремление повлиять на решение острых социально-политических проблем. Таким образом, гражданские и личные амбиции селебрити совпадают с настроениями и ожиданиями подписчиков, фоловеров, поклонников и т.п., что в совокупности активизирует и объясняет деятельность творческой интеллигенции.

Можно сделать прогноз о дальнейшем развитие (около)политической оппозиционной деятельности селебрити в конвенциональных рамках, в том числе и в форме создания критикующих социально-политические реалии культурные артефакты (музыка, книги, кино и т.п.). Ужесточение нормативного регулирования политической жизни может удержать от резких поступков творческую интеллигенцию, привыкшую к комфортной жизни. Радикализация протестной активности возможно при условии и как следствие **(**но не как причина) общей радикализации общественных отношений.

Знаменитость артикулирует очень специфическую форму публичной идентичности, которая более или менее связана с расширением личности за пределы основной деятельности и в сложные измерения публичности, славы и в более широкую, по самому своему определению, популярную культуру.

Отношения знаменитостей с другой формой общественной идентичности — политиком/политическим лидером — концептуально и практически связаны их общим отношением к популярному и его артикуляцией через различные опосредованные формы популярной культуры[334]. Эта связь с популярной культурой является одним из способов легитимизации власти, поскольку подлинность политика или знаменитости подтверждается их способностью воплощать граждан в одной сфере и аудиторию в другой.

Благодаря коммуникативным структурам социальных сетей и их возможностям обмена и общения у миллиардов пользователей онлайн-культуры развилась пандемическая воля к публике — то, что идентифицируется как пандемическая личность, — которая напоминает модели с которыми знаменитости и политики сотрудничали на протяжении прошлого столетия. Пандемическая личность привела к новой нестабильности в организации современной политики, поскольку этот новый публичный посредник непредсказуемым образом проникает в то, как процесс репрезентации как в популярной, так и в политической культуре проявляется в том, что можно рассматривать как унаследованные средства массовой информации и унаследованные образования политических институтов и практик.

Проблемы соотношения культуры и политики попадают в ракурс внимания российских и зарубежных исследователей. Однако, большинство научных работ анализируют определенную область культурной сферы. «Мастера культуры» рассматриваются как часть большой социальной группы, которую в западном научном дискурсе принято называть интеллектуалы. Д. Байрау удачно определяет интеллектуалов как образованную часть общества, исполняющую роль провидцев, толкователей и мультипликаторов смысла[335]. Л.А. Фадеева также отмечает одновременное возрастание

---

[334] Marshall P.D. Celebrity, Politics, and New Media: An Essay on the Implications of Pandemic Fame and Persona // International Journal of Politics, Culture, and Society. 2020. №. 1 (33). P. 89–104.

[335] Байрау Д. Интеллигенция и власть: советский опыт // Отечественная история. 1994. № 2.

критической деятельности и ответственности интеллектуалов в современном обществе[336].

Поэты, писатели, художники, журналисты, актеры, музыканты и все остальные представители мира искусства способны работать как на легитимацию, так и критику существующего строя[337]. С одной стороны, язык искусства может быть определен как средство оправдания структурного насилия и властный ресурс подавления[338]. С другой стороны, сфера искусства привлекает оппозиционный протестный потенциал, а попытка говорить на языке искусства/культуры лежит в основе «любой протестной политики»[339].

Цифровизация общества актуализирует изучение феномена политизации в виртуальном и символическом пространстве, в частности в сети Интернет[340]. Например, С.В. Володенков отмечает, что онлайн-активность в поддержку Ивана Голунова оказала несоизмеримо большее влияние на исход дела, нежели оффлайн-поддержка[341].

Значение известных представителей мира искусства/культуры (так или иначе, широко представленных в цифровом пространстве) возрастает в силу того, что политическая борьба, разворачивающаяся преимущественно на площадках виртуальных социальных сетей. По мнению Джеффри Александера соревнование власти и оппозиции заключается в продвижении собственных

С. 91-110.

[336] Фадеева Л.А. Национализм vs. Глобализм в интеллектуальном дискурсе // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2017. № 3. С. 302-308; Фадеева Л.А. Ответственность интеллектуалов: краеугольный камень или камень преткновения интеллектуального сообщества? // Вестник Пермского университета. Серия Политология. 2007. № 2. С. 11-18.

[337] Nozick R. Why Do Intellectuals Oppose Capitalism? // Cato Policy Report, January–February. 1998. Vol. 20 No. 1. P. 1-16.

[338] Даль Р.А.Полиархия: участие и оппозиция. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2010. 288 с.

[339] Андерсон П. Истоки постмодерна. М.: Территория будущего. 2011. 200 с.

[340] Гаджиев Х.А. Цифровое пространство как поле политического противостояния власти и оппозиции // Политическая наука. 2020. № 3. С. 147-171.

[341] Володенков С.В. Влияние технологий интернет-коммуникаций на современные общественно-политические процессы: сценарии, вызовы и акторы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 341—364.

символических репрезентаций в форме рассказов и образов[342]. Мануэль Кастельс также связывает причинно-следственным образом протестную мобилизацию и «совместное переживание чувств возмущения и надежды», которое происходит среди пользователей социальных сетей[343].

Образы, рассказы и воздействие на эмоциональную сферу, как известно, и есть основные составляющие профессиональной деятельности представителей сферу культуры и искусства, а творческие формы самовыражения благодаря горизонтальным связям виртуальных социальных сетей, которые позволяют проще находить единомышленников, расцветают и потенциально способны следовать по пути все большей политизации[344].

Таким образом, исследование мотивов и форм политизации творческой элиты вносит вклад в понимание специфики современных публичных дискуссий, а также способов конструирования диалога между обществом и властью. Определение моральных авторитетов для оппозиционной российской субъэлиты и российского общества в целом дело сложное. Любой рейтинг будет субъективным, но например С.А. Кислицын и Ю.Б. Нектаревская[345] (2019) влиятельными деятелями культуры называют Л. Ахеджакову, Д. Быкова[346], А. Венедиктова[347], М. Веллера[348], А. Макаревича[349], Л. Парфенова, З. Прилепина, А. Проханова, В. Шендеровича[350].

В виду отсутствия формальных критериев, позволяющих отнести (или не отнести) «мастера культуры» к творческой элите, мы приняли условное решение рассматривать в качестве типичных знаменитостей именно тех, на

---

[342] Alexander J.C. Performative revolution in Egypt: an essay in cultural power. L.: Bloomsbury Academic. 2012. 164 p.
[343] Castells M. Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet. P. 54.
[344] Shirky C. Cognitive Surplus: How Technology Makes Consumers into Collaborators. L.: Penguin Books, 2011. 260 p.
[345] Кислицын С.А., Нектаревская Ю.Б. Политические практики функционирования элиты, контрэлиты и фронды в истории России // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 6. С. 137-141.
[346] Признан в России СМИ-иноагентом; внесен в перечень террористов и экстремистов.
[347] Признан в России СМИ-иноагентом.
[348] Признан в России иноагентом.
[349] Признан в России СМИ-иноагентом.
[350] Признан в России СМИ-иноагентом.

кого обратили внимание ютуб-журналисты, чьи видеоблоги в свою очередь также пользуются популярностью. Очевидно, что в этом случае оказалась слабо представленной значительная группа знаменитостей лояльных властям. Вопрос о том, не находилась ли последняя группа в меньшинстве вплоть до начала СВО, мы оставим открытым и сосредоточимся сначала на прямую манифестацию отношений творческой интеллигенции с властью.

Отношения художника/писателя/музыканта/актера и власти входит в число вечно неразрешимых тем, затрагивающих глубинные архетипы массового сознания. Наиболее распространенно мнение о принципиальной аполитичности творцов из сферы культуры и искусства. Приблизительно в половине интервью (размещенных на ютуб-каналах Ю. Дудя[351], К. Собчак, И. Шихман[352]) вопросы об отношениях с властью не затрагивались. Однако во второй половине бесед журналисты настойчиво добивались от своих визави определения политических позиций. Опираясь на вторичный анализ исследований отечественных социологов, анализирующих цифровые интервью селебрити[353], можно представить из публичные высказывания как когерентные нарративы, обнаруживающие повторяющиеся сюжеты, тезисы или, другими словами, *коды***.** Похожие мысли, высказанные даже всего лишь в двух-трех интервью, подвергались кодированию и анализу как значимые *коды*, пусть и не нашедшие (из-за вышеприведенных особенностей формата ютуб-интервью) своего отражения в других беседах.

Анализ нарративов (или схем повествования), представленных в интервью, позволил определить четыре набора политико-культурных кодов, которые использовались знаменитостями мира культуры и искусства при разговоре о политике.

Первый тип нарративной схемы основан на отказе от определения политических позиций и эксплуатации таких кодов как «*отсутствие знаний*»,

[351] Признан в России СМИ-иноагентом.
[352] Признана в России СМИ-иноагентом.
[353] Шентякова А.В., Гришин Н.В. Мобилизация политического протеста молодежи и российские видеоблогеры: результаты когнитивного картирования // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2021. № 3(2). С. 88–109.

«*искусство и политика – это разные планеты*», «*политика не интересна публике*».

Старания журналиста могли привести к появлению в разговоре второго типа нарративной схемы, в соответствии с которой осторожно отрицалась необходимость критики существующего порядка вещей. Знаменитости использовали такие коды как «*политический хайп*» по отношению к действиям оппозиционеров из мира культуры, постироническое юродство (в первую очередь Артемия Лебедева) на тему «*бессмысленности политической активности*», а также «*пророчество апокалиптических последствий*» и потрясений в случае возможной сменой власти. Артисты, выбирающие вторую нарративную схему, выказывали недовольство «*черно-белым мышлением общественности*», вынуждающим делать выбор между двух зол и обязательно занимать ту или иную сторону.

Третья нарративная схема использовалась теми оппозиционно настроенными селебрити, которые заявляли о своей политической осведомленности и подкованности, а также о недовольстве состоянием дел в стране, однако, избегали открытой критики власти. В их повествованиях встречаются коды или рассуждения о современной «*цензуре*», «**самоцензуре**», возможности «*критики власти художественными средствами*» и в тоже время заметна тень «*страха*».

Наконец, четвертая нарративная схема выбиралась теми знаменитостями, что считают своим гражданским долгом производить протестную активность, посещая митинги, демонстрации, производя критические высказывания в социальных сетях или облекая их в творческую форму. Для четвертой нарративной схемы характерно определение мотивов оппозиционности через обращение к коду «*эмоции*», которые возникают как ответ на резонансные действия властей. Часто в рассказах упоминается «*негативная реакция*» пользователей социальных сетей на попытки знаменитых представителей творческой интеллигенции в том или ином виде реагировать или даже влиять на политическую повестку в современной России.

Возражений по поводу плохого понимания артистами политики и нежелательности оппозиционной активности в анализируемых текстах интервью не присутствовало. Другими словами, политизация творческой элиты самими артистами (даже наиболее критично настроенными) оценивается как вынужденный выбор из двух зол меньшего. При этом следует подчеркнуть, что в число гостей на ютуб-каналах редко попадали те, кого можно назвать активными сторонниками власти.

Теоретический анализ политического потенциала творческой интеллигенции позволил сделать следующие выводы. Политический потенциал представителей творческой сферы как аккумуляторов оппозиционных или иных властно-идеологических настроений будет высок в случае, если политическая активность селебрити приобретет форму участия в партийной и электоральной деятельности. Однако на данный момент взаимодействие «классической четверки» парламентских партий с медийными оппозиционными персонами выглядит маловероятной с обеих сторон.

Творческая элита, благодаря своим профессиональным навыкам в области создания символов, рассказов и эмоциональных образов, становится важным актором, моделирующим идеологические отношения в обществе. Инновационное развитие культуры и адаптация художественных форм способствует объективированию новых идеологических кодов, что делает творческую элиту центральным элементом в процессе реидеологизации.

Творческая элита может одновременно выступать как инструмент легитимации власти через использование художественного языка для оправдания структурного насилия, так и как источник оппозиционного протестного потенциала. Эта двойственность отражает глубинную противоречивость отношений между творцами и властью, укоренённую в культурных архетипах массового сознания.

Политизация творческой элиты в современной России проявляется через использование четырех основных нарративных схем, которые варьируются от аполитичности и отказа от критики власти до открытого участия в протестной

активности. Эти схемы фиксируют различные способы артикуляции идеологических позиций в контексте политического давления и социальной напряженности.

Активное проникновение цифровых технологий в повседневную жизнь создало новые возможности для политизации творческой элиты. Социальные сети и горизонтальные связи виртуального пространства усиливают оппозиционный потенциал представителей искусства и делают их ключевыми участниками публичных дискуссий.

Культурная сфера становится ареной идеологической борьбы, где творческая элита через свои профессиональные практики может оказывать влияние на формирование общественного мнения и политической повестки. Постматериалистический сдвиг в системе ценностей современных обществ усиливает роль творческого самовыражения в политической активности.

Творческая элита оценивает свою политизацию, в том числе протестную активность, как вынужденный выбор, обусловленный социальным давлением и необходимостью реагировать на резонансные политические события, что подчеркивает сложность выбора между выражением гражданской позиции и сохранением профессиональной аполитичности.

Выводы по параграфу:

Новые информационные технологии являются катализатором открытого выражения позиций творческой интеллигенции и платформой для формирования новых идеологических кодов. Интервью, видеоблоги и репортажи превращаются в средства массового влияния, что приводит к формированию гибридных идеологических конструкций, в которых переплетаются протест, эмоциональная вовлеченность и художественное самовыражение.

Современная политизация творческой элиты отражает процессы реидеологизации, протекающие в контексте цифровизации и открытого доступа к коммуникациям и приводящие к утрате значения старых идеологических рамок. Размывание границ между частным и публичным пространством

позволяет знаменитостям одновременно выступать как носителям альтернативных идеологий и агентам новых социальных смыслов.

Реидеологизация также проявляется в переходе от рациональных политических аргументов к эмоциональным реакциям, которые становятся центральными в публичной деятельности оппозиционно настроенных знаменитостей. Эмоции, вызванные резонансными действиями власти, приобретают статус новых идеологических маркеров, способных мобилизовать аудиторию.

Процессы реидеологизации, стимулируемые цифровизацией и политизацией творческой элиты, требуют переосмысления традиционных подходов к взаимодействию между властью и обществом. Рост влияния представителей культуры на общественное мнение создает новые риски и возможности для формирования диалога между различными социальными группами.

Выводы по второй главе:

Анализ процессов реидеологизации в условиях цифрового общества позволяет сделать ряд принципиальных выводов. Во-первых, цифровая медиаповестка радикально трансформирует формы и каналы идеологической артикуляции. Идеология перестает быть исключительно результатом институционального проектирования, создаётся и транслируется в гибридных сетевых пространствах, где пересекаются институциональные, креативные и массово-коммуникативные субъекты. Во-вторых, субъектность реидеологизации утрачивает традиционную иерархическую структуру и становится распределённой. На смену централизованным системам идеологического производства приходят децентрализованные сети, в которых идеологическое воздействие осуществляется не только человеком, но и алгоритмическими системами. Возникает новая архитектура власти, в которой ключевую роль играет эмоциональная вовлечённость, подкрепляемая визуальными образами и меметическими структурами. В-третьих, культура и

креативный сектор превращаются в важнейшие пространства идеологического производства. Цифровая медиатизация придаёт деятельностям представителей творческой элиты новые функции, артикулирующих общественные смыслы и активно формирующих идеологические тренды, чье влияние определяется не институциональным статусом, а медийной узнаваемостью, символическим капиталом и способностью к аффективной мобилизации. Таким образом, реидеологизация в цифровом обществе представляет собой сложный процесс трансформации идеологических механизмов, в котором участвуют не только государственные институты, но и цифровые платформы, алгоритмы, инфлюэнсеры и пользователи.

В условиях цифровой медийности особое значение приобретает визуальный режим коммуникации как канал репрезентации и распространения идеологических кодов. Если в предыдущей главе внимание было сосредоточено на субъектах и структурах, участвующих в производстве и распространении идеологического содержания, то в следующей третьей — главе акцент будет смещён на технологии и формы этого процесса. В частности, будет рассмотрено, каким образом массовый кинематограф становится инструментом реидеологизации современности. Анализ визуализации идеологических нарративов позволит прояснить механизмы перевода эстетических технологий в инструменты формирования политического воображаемого.

.

Глава 3. Технологии реидеологизации современности

§ 3.1. Визуализация идеологических кодов в ситуации постмодерна

Исследование визуальной репрезентации идеологических конструктов требует особого подхода, сочетающего философский анализ символического порядка с методами визуальной критики и социокультурной герменевтики. Визуальные образы сопровождают идеологические нарративы и воплощают, нормализуют и эмоционально закрепляют их в коллективном воображении. Образы становятся медиаторами между абстрактными нормативными системами и повседневным восприятием, способными закреплять и воспроизводить властные отношения через чувственное восприятие.

Методологически визуальное следует понимать как автономное измерение идеологического, а не производную или иллюстрацию. Эта позиция отражает суть так называемого «визуального поворота» (visual turn) в гуманитарных и социальных науках. В рамках этого поворота образ понимается не как отражение реальности, а как инструмент её социального и политического производства[354].

Объединение несколько аналитических перспектив позволяет визуальные формы массового производства трактовать как носителей скрытых идеологических установок, нормализующих пассивность и повиновение[355], а визуальные медиа - механизмы интерпелляции, формирующими субъективность[356]. В соответствии с концепцией симулякров визуальные идеологемы функционируют как эстетизированные и самодостаточные коды, подменяющие действительность[357].

---

[354] Митчелл У. Дж. Что такое визуальная культура? // Логос. 2004. № 3 (44). С. 69–91; см. также: Mirzoeff N. An Introduction to Visual Culture. London: Routledge, 1999. 292 p.

[355] Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.: Наука, 1997. С. 134–167

[356] Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства. С. 109–153.

[357] Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. С. 12–38.

Таким образом, сочетание философской герменевтики образа с критикой культуры, визуальной социологией и теорией идеологических интерпелляций исходит из понимания визуального не как вторичного выражения, а как средства перформативного действия идеологии. Образы не только «передают» идеологические смыслы и устанавливают режимы видимости, задавая границы представимого, допустимого и нормативного. При этом идеология действует не в логосе, а в аффективном и вездесущем режиме визуального переживания, предполагающем, что зритель оказывается не интерпретатором, а соучастником.

Следовательно, визуальность представляет собой не просто форму выражения, но и поле формирования субъекта, в котором идеология встраивается в само восприятие мира как такового. Политическое значение кинематографа со времен знаменитого высказывания Ленина «о важнейшем из искусств» является «общим местом» социального дискурса. Утверждение о возможности манипуляций сознанием зрителей во время кинопросмотра воспринимается как популярная банальность. Однако очевидно, что формат диалектического взаимодействия идеологии и кинематографа прошел столетнюю эволюцию.

В постмодернистском контексте медиатексты представляют собой не только продукт массовых коммуникаций, но и являются активными участниками формирования индивидуального и коллективного сознания. Медиатексты, создавая виртуальные реальности, трансформирующие восприятие окружающего мира, взаимодействуют друг с другом, а также и с такими феноменами социального бытия и общественного взаимодействия как искусство и политика, что в совокупности создает сложную сеть значений и символов.

В современную эпоху мы сталкиваемся с новой волной мифологии, которая активно циркулирует благодаря развитию глобальных коммуникаций, что приводит к распространению мифов массовой культуры на мировом уровне, способствует процессу вестернизации, культурному империализму и

информационным войнам. Вместе с тем, формирование общества потребления под влиянием капитализма приводит к появлению новых форм мифотворчества, направленных на манипулирование общественным сознанием для продвижения товаров через рекламу и PR-технологии. Индустрия развлечений, включая кинематограф, также вносит свой вклад в формирование современной мифологии[358].

Благодаря своей уникальной гибкости, миф оставляет пространство для его интерпретации в зависимости от постоянно изменяющихся обстоятельств. Будучи универсальной составляющей культуры, миф присущ человеку на всех этапах развития и играет ключевую роль в жизни, создавая поле значимых смыслов[359]. Таким образом, миф становится фактом сознания, определяя человека под влиянием культурного мифа.

Расширение рациональности в современных обществах, сопровождаемое увеличением и усложнением социальных процессов, вызвало мифологизацию общественного сознания. Сегодня миф стал неотъемлемой частью любой социальной идеи. Таким образом, важным аспектом идеологии становится мифологический уровень, который объясняет, почему существует то, что существует, и почему оно функционирует так, а не иначе. Любая идеология не сможет успешно служить основой для социального развития, если не учитывает существующую в обществе мифологию[360].

Как отмечает К.Э. Разлогов, в современных медийных практиках ключевую роль играют «экраны», транслирующие информацию и формирующие культурные нормы, стереотипы и ценности и их влияние с течением времени только усиливается[361]. Понимание и анализ культурной роли экранов в современном обществе, вступающем в период тотальной

---

[358] Тихонова С.В. Социально-онтологический статус мифа // Философия и общество. 2008. № 3. С. 44-57.

[359] Ставицкий А.В. Методологические особенности исследования современного мифа в контексте постнеклассической науки // SocioTime / Социальное время. 2020. № 2. С. 46-55.

[360] Афанасьев И., Тихонова С. Контуры российской патриотической идеологии: к проблеме конструирования // Власть. 2007. № 1. С. 65-70.

[361] Разлогов К.Э. Экран как мясорубка культурного дискурса // Экранная культура. Теоретические проблемы: сб. статей. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2012. С. 8-15.

цифровизации, является необходимым для формирования критического мышления. Метафора «экрана» как «мясорубки культурного дискурса» указывает на то, что форма представления видеоконтента играет ключевую роль в формировании культурных представлений социума и воздействует на массовое сознание. Экраны создают отпечаток иллюзорной реальности, искаженной и модифицированной в соответствии с целями и задачами ее создателей.

Корреляция между медиареальностью и реальной жизнью может быть относительной и подверженной различным интерпретациям, включающим в себя как документальные, так и вымышленные смысломиры. Например, конструирование образа политического в кинематографе несет в себе пропагандистскую нагрузку и является неотъемлемой частью медийной практики, где идеологические задачи играют ключевую роль. Создание кинообразов политиков может быть направлено на формирование определенного в общественном сознании восприятия политической реальности. Политики могут изображаться как герои, антигерои или даже жертвы, в зависимости от целей авторов, а также идеологической или художественной концепции.

Кино как медиум глубоко воздействует на аудиторию благодаря сильной эмоциональной привязке зрителей к персонажам и сюжетам. Ю.М. Лотман подчеркивает важность кинофильма как продукта своей эпохи, отражающего идеологическую борьбу и культурные тенденции времени, в котором он был создан[362]. Смыслы и значения кинопродукта выходят за границы собственно текста фильма, отражая настроения, идеологии и ценности определенного исторического периода. Историки и современники могут анализировать эстетические, политические и социокультурные аспекты, влияющие на общественное мнение и конструирующие социальные идентичности.

[362] Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллинн: Ээстираамат, 1973. 135 с.

Предметом анализа кинематографических продуктов может выступать модель построения нарративного кинотекста, согласованная с общими законами рассказывания, выработанными человеческой культурой. Специфические особенности «экранных» нарративов связаны с идеей Дж. Урри о наличии у визуальных образов перформативного потенциала не просто отражать существующую действительность, но и активно участвовать в ее создании и изменении[363].

Рассматрение визуальных образов как важный источник знаний о социуме и его динамике помогает выяснить не только текущее состояние общества, но и пути его потенциального развития[364]. Визуальные образы могут выражать латентные убеждения, ожидания и тенденции, которые еще только начинают проявляться и формироваться в общественном сознании.

Визуальные образы служат не только отражением заявленных ценностей и моральных установок общества, но и являются непосредственным взглядом на реально существующее положение дел. Передача социальных ориентиров через визуальные образы создает своеобразный «парадокс двойной репрезентации», подразумевающий, что отражение реально существующих структур и ценностей на экране может привести к попыткам их воспроизведения в реальной жизни[365]. Зритель может или подсознательно, или осознанно внедрять в свою жизнь модели поведения и ценностей, представленные в кино.

В монографии Алана Кирби «Диджимодернизм. Как новые технологии разрушают постмодерн и перекраивают нашу культуру»[366] (Kirby, 2009), опубликованной в 2009 году, было провозглашено наступление эпохи доминирования визуальных способов повествования, что в свою очередь

---

[363] Урри Дж. Как выглядит будущее? М.: Дело, 2018. 351 с.
[364] Жабский М.И. Социология кино. М.: Канон+, Реабилитация, 2020. 512 с.
[365] Ушкин С.Г. Симулякры и симуляция в зеркале современной киноиндустрии // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2010. № 3. С. 94-100.
[366] Kirby A. Digimodernism. How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture. New York, London: Continuum, 2009. 292 p.

способствует регрессу общества к дописьменному, мифическому мышлению, сформировавшемуся в контексте бытования устной культуры. Визуализация реальности на экране гаджетов и девайсов, невероятное насыщение повседневности онлайн-контентом актуализирует концепт «вторичной устности» Уолтера Онга[367], придуманный еще в 1970-е гг., когда появление телевидения предоставило возможность репрезентации реальных событий не через текст, или звук, а через визуальные образы.

Визуализация устного слова и телесного жеста в современных медиа приводит к возрождению дописьменных социальных моделей. В частности телезрители и интернет-пользователи вновь получают возможность испытать опыт партиципаторной (участвующей) мистики, создающей эмпатическую идентификацию с героями «экрана» и иллюзии общественного соучастия в показываемых событиях. Получение информации через визуальные образы позволяет формировать мифологическое доверие к происходящему на экране на бессознательном уровне. Другими словами медиа-технологии экранной культуры создают контекст восприятия реальности схожий с тем, что существовал в архаичную эпоху, известную формой мировоззрения, которую принято называть мифологической.

Аналитико-генеалогический подход предлагает обратить внимание на основные вехи развития политического кино с 1920-х до современности, что позволяет поставить вопрос о влиянии кинематографа на общество (общественное мировоззрение, массовое сознание, социокультурные практики, политические ценности).

Критическое осмысление идеологических посылов массовой культуры в 1920-е годы начинает Зигфард Кракауэр, немецкий социолог и журналист, чьи очерки о негативно-оглупляющем влиянии фильмов на массовое сознание оказывают влияние на Вальтера Беньямина и теоретиков Франкфуртской школы социальных исследований. В 1930-е годы западные кинематографисты осваивают возможности превращения фильмов в политическую предвыборную

[367] Коломиец Я.Ю. Указ. соч. С. 427.

технологию. Например, кинокартина «Молодой мистер Линкольн» – реж. Дж. Форд, 1939, студия «20-century Fox» – была призвана улучшить электоральные позиции Республиканской партии на предстоящих президентских выборах. Стоит пояснить, что фильм создан кинокомпанией, симпатизирующей республиканцам, а будущий победитель рабства (и, что немаловажно, республиканец) показан исключительно в позитивном свете.

Во время и после Второй мировой войны кинематограф стал активно использоваться как инструмент публичной дипломатии. Например, план Маршалла, направленный на экономическое восстановление Западной Европы, активно освещался в американских короткометражных фильмах[368]. Судя по «Инструкции для всех сотрудников дипломатического корпуса» от 1944 г. Государственный департамент США ожидал от американской киноиндустрии содействия в пропаганде американских ценностей и укреплении репутации страны[369].

В эпоху Холодной войны между Голливудом и правительственными структурами сложились сложные взаимоотношения. ЦРУ продолжало использовать кинематограф в качестве инструмента культурной пропаганды, продвигающей позитивный имидж США на международной арене. Например, режиссеру фильма «Сангари» (1953) Эдварду Людвигу было рекомендовано показать на экране «прилично одетых негров», а в фильме «Наконечник стрелы» (1953) были удалены сцены, показывающие негативные аспекты обращения с коренными народами, а именно с племенем апачи[370].

В мультипликационном фильме «Скотный двор» (1955) в соответствии с советом ЦРУ был изменен финал. В отличие от повести Оруэлла, в мультфильме животные восстают против диктатуры свиней, что может быть

---

[368] Лёкен Е.В. «Вы тоже можете быть такими, как мы»: образ американизированной Европы в фильмах плана Маршалла // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2017. № 4 (1). С. 29–46.

[369] Bennett T.M. One World, Big Screen: Hollywood, the Allies, and World War II. Chapel Hill, UNC Press Books, 2012. 362 p.

[370] Alford M. Reel Power: Hollywood Cinema and American Supremacy. New York, Pluto Press, 2010. 236 p.

прочитано как призыв к гражданам Восточной Европы бороться против коммунистических режимов. При экранизации романа того же автора – «1984» – в киносценарий были внесены изменения, призванные усилить ассоциации Большого Брата с коммунизмом[371].

Тайные политические шифры могут быть обнаружены в каждом голливудском кинопродукте. Е. Траубе, разбирая такие фильмы как «Все верные ходы» (1983), «Выходной день Ферриса Бьюллера» (1986), «Ничего общего» (1986), «Секрет моего успеха» (1987), указывает на фоновую пропаганду неолиберальных ценностей рейгановской эпохи, связанных с важностью достижения личного успеха, повышением социального статуса[372] [1994].

У. Райт на примере вестерна показывает, что основой сюжета этого жанра является конфликт таких противоположностей, как цивилизация и дикость или культура и природа. Через эти противостояния раскрываются ключевые ценности американского общества — индивидуализм, предпринимательство и освоение фронтира. Сам фронтир, как символ преодоления границы между «культурным» и «дикарским», воплощает миф об основании Америки, который играет важную роль в исторической памяти США[373].

Анализируя жанр американского боевика 1990-х, В.А. Куренной, выявляет, что его сюжетная структура отражает идею самоорганизующегося гражданского общества, способного самостоятельно защищаться в ситуациях, когда государство оказывается недостаточно сильным. Таким образом, боевик можно рассматривать как своеобразный «социальный миф», подчеркивающий ценность самостоятельности и коллективной самоорганизации[374].

---

[371] Alford M., Secker T. National Security Cinema: The Shocking New Evidence of Government Control in Hollywood. Bath, Oddfiger Books, 2017. 264 p.

[372] Traube E.G. Secrets of Success in Postmodern Society // Culture/Power/History: A Reader in Contemporary Social Theory / G. Eley, S. Ortner, N. Dirks (Eds.). Princeton, N.J.: Princeton UP, 1994. P. 557-585.

[373] Wright W. Six Guns and Society: A Structural Study of the Western. Berkley; Los Angeles, 1975. 240 p.

[374] Куренной В.А. Философия фильма: упражнения в анализе. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 232 с.

Культовый научно-фантастический фильм режиссера Джона Карпентера «Чужие среди нас» (1988), демонстрирующий, как инопланетяне тайно контролируют человечество и манипулируют массовым сознанием, используя рекламные объявления и телевизионные передачи, также может быть определен как отражение страхов и недовольства, вызванных политикой Рональда Рейгана, продвигавшего идеи свободного рынка[375].

Если взглянуть на это шире, можно увидеть схожие закономерности и в других жанрах. Например, научная фантастика поднимает вопросы технологического прогресса и его рисков, тогда как фильмы ужасов часто выражают глубинные страхи общества.

До завершения Холодной войны в теории кино значительное влияние сохраняли идеи неомарксистов из Франкфуртской школы, а также концепции Ноама Хомского, Эдварда Хермана и Бирмингемской школы культурных исследований, основанные на теории культурной гегемонии Антонио Грамши. Однако распад Советского Союза и социалистической системы привел к идеологическому кризису на Западе: исчезновение коммунизма как «противовеса» капитализму лишило западное общество привычного идеологического оппонента. Коммунизм, как альтернативная система ценностей и мировоззрения, долгое время выполнял функцию «значимого другого» для капиталистического Запада, формируя структурный каркас политико-экономического и социокультурного самосознания евроатлантической цивилизации, определяя границы идеологического дискурса и направляя его развитие. Исчезновение «внешнего врага» привело не только к ощущению идеологического вакуума, но и к проблеме самоопределения западного общества.

Франсис Фукуяма в своей знаменитой работе «Конец истории и последний человек» (1992) провозгласил завершение идеологической эволюции человечества и триумф либеральной демократии как финальной формы

[375] Дегтярев Е.В. Темные фигуры: Социально-философский анализ фильмов Джона Карпентера. М.: Высшая школа экономики, 2023. 248 с.

политической организации. Однако это утверждение, по сути, выявило не столько победу, сколько кризис: если история действительно «остановилась», то исчезли и условия для дальнейшего осмысления реальности через диалектическое противостояние, которое всегда подпитывало развитие философской и культурно-художественной мысли. Победа капитализма, будучи финализированной, привела к утрате драйва метанарративов и открыла эпоху идеологической неопределенности и фрагментации.

На этом фоне усиливалось влияние объяснительных концепций Питера Слотердайка, определившего цинизм как ключевой механизм современного мышления. В своей работе «Критика цинического разума» (1983) он утверждает, что современный цинизм представляет собой «просвещённое ложное сознание», при котором индивид осознаёт, что реальность пронизана манипуляциями и идеологией, но, тем не менее принимает её как неизбежную. Если классический идеологический субъект (со времен Карла Маркса) определялся «невежественным» и действующим в рамках навязанной системы ценностей, то современный человек, осознавая объектную роль, отказывается что-либо менять. В медиапространстве этот феномен выражается в двойственном отношении к конкретным продуктам массовой культуры, при котором «просвещенный» зритель обладая знанием о манипулятивным технологиях, продолжает потреблять предлагаемый контент, сохраняя внешнюю ироничность и квази дистанцию.

Таким образом, в условиях постсоветского идеологического кризиса капитализма медиареальность становится полем доминирования иронично-циничного сознания. Кинематограф, как важнейший инструмент конструирования символического порядка, оказывается вписан в эту парадигму, уже не претендуя на роль «рассказчика» или проповедника абсолютных истин, как это было в эпоху идеологических противостояний XX века. Вместо этого фильмы/сериалы эпохи постмодерна и глобализации одновременно демистифицируют идеологические конструкции и

парадоксально подтверждают их власть, предлагая утешение в форме развлечения и иронии.

Социально-политические изменения конца XX века, связанные с распадом Советского Союза, бурным развитием медиапространства и наступлением эпохи, которую Петер Слотердайк охарактеризовал как время торжества циничного разума[376], привели к трансформации как формы, так и содержания политического кинематографа. Поколение зрителей, пришедшее в 1990-е годы на смену беби-бумерам, формировалось в условиях ослабления жёсткой идеологической конфронтации между коммунизмом и капитализмом, на фоне растущей неопределённости и усложнения привычной картины мира. Постмодернистская эпоха, отвергшая метанарративы и провозгласившая хаотичность, а также медиапластичность реальности, способствовала распространению цинизма в обществе по отношению к политике и идеологии.

С приходом постмодернистской эпохи и на фоне кризиса идеологий кино превратилось в зеркало политической неопределённости и цинизма. Политический кинематограф 1990-х и 2000-х годов, столкнувшись с разочарованием нового поколения в традиционных институтах власти, эволюционировал в сторону иронии и сатиры. Такие фильмы, как «Плутовство» и мультсериал «Южный парк», не только отразили эту трансформацию, но и укрепили скептицизм зрителей по отношению к политическим процессам. Амбивалентность политических позиций, гротескное очернение власти и пародийные образы политиков стали доминирующими приёмами кинематографа этого периода, подчёркивая недоверие к устоявшимся идеологиям.

Геополитические преобразования, идеологический кризис Запада, смена поколений становятся фоном для эволюции политического кинематографа. В 1997 году выходит культовое «Плутовство» (или «Хвост виляет собакой»), в котором показано, что «в наши дни мы имеем перед глазами столько примеров

[376] Слотердайк П. Критика цинического разума. М.: Издательство Ивана Лимбаха, 2021. 800 с.

манипулирования информацией, что воспринимаем роль пропаганды в искажении информации как данность»[377] (тезис К. Флада). В своем эссе «Культура, империализм США и глобализация» Джон Карлос Роу утверждает, что «Плутовство» высмеивает хроническое невежество американцев и критикует развлекательный характер новостей, одновременно укрепляя уверенность зрителей в том, что США являются центром мира и что даже «выдуманная» война может иметь смысл и ценность, если ее ведут США[378].

Кинематограф под влиянием социальных трансформаций начинает все чаще выбирать циничную позицию при репрезентации политических процессов, вопросов, дилемм. В 2000-е годы анимационный сериал «Южный парк», подняв планку цинизма и провокационности на недосягаемую высоту, добивается феноменального успеха.

Представление «Южного парка» как «неполитического» шоу из-за тотально-сатирического «вайба» может быть обманчивым. Продвижение идеи бессмысленности любого участия в политике, подрывающее мотивацию для политической активности, укрепляет существующий порядок вещей, способствуя апатии и недоверию к политике[379]. Например, в одном из эпизодов предлагается выбрать символ баскетбольной команды, проголосовав за «сэндвич с дерьмом» или «большую клизму». «Настоящего выбора нет» - кажется, хотят сказать создатели «Южного парка»[380].

Пародия на политику, социальная ирония «Южного парка» привлекает людей, убежденных, что пропаганда везде и главная стратегия борьбы с ней – это остранение, что еще сильнее погружает зрителей в идеологические иллюзии. Анимационный сериал мифологизирует политику для тех, кто

---

[377] Флад К. Политический миф: Теоретическое исследование. М.: Прогресс-Традиция. 2004. 265 с.

[378] Kooijman J. The Desert of the Real: America as Hyperreality // Fabricating the Absolute Fake: America in Contemporary Pop Culture - Revised Edition, Amsterdam University Press, 2013. P. 69–94.

[379] Groening S. Cynicism and Other Postideological Half Measures in South Park // Taking South Park seriously / J.A Weinstock (Ed.). NY: State University of New York Press, 2008. P. 113-138.

[380] Gray J.S. «Vote or Die, Bitch». The Myth that Every Vote Counts and the Pitfalls of a Two-Party System // South Park and philosophy : you know, I learned something today / R. Arp (Ed.). Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2006. P. 121 – 128.

пытается найти стратегии по демифологизации и деидеологизации своего сознания, создавая матрицу в матрице.

Неомарксистская парадигма, указывающая на стремление властных элит (эксплуататорских классов) осуществлять культурное господство, предполагает поиск в мультсериале «Южный парк» идеологического посыла и определение политических позиций его создателей. Какую повестку продвигает сериал? Консервативно-республиканскую или либерально-демократическую? А может быть либертарианскую? (Следует учитывать, что один из создателей сериала член либертарианской партии)[381]. Кажется, что ценностные позиции «Южного парка» от серии к серии диаметрально меняются.

«Южный парк» играет роль зеркала, отражающего различные стороны политического и культурного спектра, не занимая при этом чёткой позиции, оставаясь нейтральным, и предоставляя возможность для саморефлексии как аполитичным зрителям, так и сторонникам различных идеологий. Несмотря на кажущуюся хаотичность и отсутствие направленного политического курса, «Южный Парк» становится своего рода комментарием к состоянию современной политической дискуссии, где часто отсутствует однозначность или готовность к конструктивному диалогу. Вопрос заключается в том, помогает ли такая амбивалентность находить общий язык тем, кто занимает противоположные позиции или, наоборот, способствует усилению поляризации?

Новый поворот в эволюции политического кино связан с выходом сериала «Карточный домик», в котором политическая сфера конституируется преступными действиями[382].

Сериал является символом политического социального дарвинизма, не оставляющего места идеалам. В руках Фрэнка Андервуда, желающего добиться успеха в демократической системе, важные социальные проблемы,

---

[381] Becker M. «I Hate Hippies»: South Park and the Politics of Generation X // Taking South Park seriously / J.A Weinstock (Ed.). NY: State University of New York Press, 2008. P. 145-164.

[382] Taïeb E., Garnier, L. House of Cards: Monsters in Politics. NED-New edition. Intellect, 2022. 150 p.

либеральные ценности цинично превращаются в «разменную монету»[383]. В этом прочтении «Карточный домик» является выражением ценностей поколения, разочарованного политическими событиями. Если вы считаете, что политическая система фундаментально коррумпирована, то моральное возмущение выглядит как устаревший активизм. Единственная уместная и стильная реакция здесь может состоять в том, чтобы полностью принять фатализм и найти утешение в вынужденно-забавном признании собственного бессилия.

Главный политический злодей (в исполнении Кевина Спейси) периодически ломает четвертую стену, обращаясь непосредственно к зрителям, превращая последних в сообщников/соучастников[384]. Сериал разрушает идеалистический образ политического процесса, в котором конкуренция облекается в исключительно мирные формы, а симпатии общества достигаются политиками за счет риторического искусства. Авторы сериала показывают монструозную природу современных политических деятелей, проводя аналогии между политикой и «шоу уродов», примиряя широкую зрительскую аудиторию с «не-нормальностью» поведения представителей политической элиты, что подтверждается концепцией метамодернизма, отмечающей эволюцию чувственности и повышенное внимание современного общества к очеловечиванию монстров (в том числе и политических).

Кажется, что зрительская аудитория после «Южного парка» стала критичнее воспринимать фильмы/сериалы, в которых предлагается реалистическая репрезентация политических проблем. Мейнстримом политического кино становятся или откровенно пародийные произведения («Безмозглые» (2015), «На грани» (2015), «Смерть Сталина» (2017), «Политик» (2019-2020), «Великая» (2020-2023), «Режим» (2024) и др.) или показывающие неприглядную (гипертрофировано черную) сторону политики («Карточный

---

[383] Breitweg F., et al. House of Cards: The American Machiavelli. // Politik in Fernsehserien: Analysen Und Fallstudien Zu House of Cards, Borgen & Co / Niko Switek (Ed.). Transcript Verlag, 2018. P. 243–270.

[384] Conway J. After Politics/After Television: Veep, Digimodernism, and the Running Gag of Government // Studies in American Humor. 2016. № 2. P. 182–207.

домик» (2013-2018), «Годы» (2019)). При этом очевидно-манипулятивные попытки повлиять на политические настроения электората с помощью кинематографа продолжают предприниматься.

Следует отметить, что продвижение идеологических шифров (пропаганда) через кинематограф может быть даже более успешной, нежели через политизированные СМИ. Аудитория, изначально рассматривая фильм как развлечение, некритично воспринимает увиденное, что, конечно, было давно замечено исследователями кино, но зрителями в своей массе рефлексируется далеко не всегда и обычно только в самых очевидных случаях. Алан Кирби, обращая внимание на форму современной подачи информации через визуальные образы – фото, мемы, прямые трансляции (а не печатное слово), а также и кинематограф, утверждает о возвращении цивилизации в архаико-мифологическую эпоху торжества устного слова.

Таким образом, современные визуальные медиа формируют восприятие реальности, схожее с мифологическим мировоззрением архаических обществ, где доверие к визуальным образам заменяет критическое осмысление. Политический кинематограф стал значимым инструментом мифотворчества, закрепляющим идеологические шифры в общественном сознании за счет использования нарративной структуры мифа. Эстетика политических фильмов и сериалов в эпоху цифромодернизма подчеркивает реалистичность и партиципаторность, копируя формат реалити-шоу и создавая иллюзию непосредственной вовлеченности зрителя.

Использование мифологических сюжетов, основанных на бинарных оппозициях, способствует созданию у аудитории ощущения стабильности и закономерности в изменчивом мире, что усиливает влияние массовой культуры на формирование политических представлений. Визуализация реальности, будучи мощным средством воздействия на эмоции, делает кинематограф эффективным инструментом пропаганды, превосходящим традиционные СМИ по способности влиять на массовое сознание.

Мономиф американской демократии раскладывается на структурные части/элементы, которые определяют дизайн сюжетов, персонажей, образов, используемых в политическом кинематографе. Таким образом, следует воспринимать всю совокупность политических фильмов как один меганарратив или визуальный гипертекст, который необходимо анализировать в системной парадигме. На первый взгляд это кажется сомнительным, ведь кинематографическое произведение про политику может быть выпущено в жанре как драмы, так и комедии, посвящено как политикам-негодяям, так и достопочтенным Отцам Отечества, снято в реалистической манере или же откровенно театральной. Однако все же, несмотря на пестроту жанров, сюжетов и стилей, во всех политических фильмах присутствуют незримые мифологемы, поддерживающие большой американский демократический мономиф.

Начнем структурный анализ демократического мономифа с удивления. Чем можно объяснить наличие в американском политическом кинематографе внушительного пантеона тщеславных, корыстных, злонамеренных, эгоистичных антигероев, которые получают (или намереваются получить) власть в стране? Не бросают ли подобные сюжеты реалистичную тень на демократический режим в США, расшатывая тем самым сакральные основы политического порядка?

Успешная карьера Фрэнка Андервуда (в исполнении Кевина Спейси) в «Карточном домике», кажется, лишает демократию собственной сути, дискредитируя американский политический класс. Члены американской парламентской системы (конгрессмены и сенаторы) находятся под контролем лоббистов, а интересы избирателей приносятся в жертву на алтарь прибылей промышленников-бизнесменов. Не конфисковал ли Фрэнк Андервуд и вашингтонский истеблишмент, символом которого он является, демократию? Сериал «Вице-президент» (2012-2019) также показывает мир несчастных, перенасыщенных информацией политиков и бюрократов, проявляющих неуважение ко всему, особенно к голосующей публике.

На первый взгляд кажется, что американский политический кинематограф репрезентирует демократический режим в США в крайне отрицательном свете. Однако, суть первой и главной мифологемы американского мономифа заключается в святости демократических процедур (например, выборов) и институтов (например, парламентаризма и фактической двухпартийной системы), которые обеспечивают правильное течение политического процесса. Например, в 154 эпизодах сериала «Западное крыло» (1999-2006) присутствует значительное количество примеров двухпартийного компромисса как неизбежной необходимости отказа от программы/платформы в целом для достижения ее части.

Идеологический посыл «Карточного домика», рисующего с вавилонским акцентом портрет Вашингтона, источника всех зол, подрывающих Америку, может быть прочитан и как неожиданная культурная легитимация федералистского устройства США. Так поддерживается мифологема о правильности (как уверены американцы) широкой автономии отдельных штатов от федерального центра как основной залог справедливого политического порядка.

Власть изначально представлена как порочная и в юмористическом анимационном сериале «Симпсоны». Однако олигархический и коррумпированный режимы, не посягающие на свободу и независимость граждан, показываются в мультсериале как более приемлемые по сравнению с тиранническим[385]. Настоящая политика и подлинная демократия выражены в местном самоуправлении, а жители Спрингфилда испытывают недоверие к центральной власти, бюрократии и партиям.

Г.И. Мусихин отмечает, что миф о народовластии остается одним из самых устойчивых в современной политике. Он поддерживается ритуалом голосования, который создает у людей иллюзию участия в управлении и формирует массовое ощущение удовлетворенности текущей политической системой или, как минимум, надежду на то, что народ может повлиять на

[385] Павлов А.В., Сидоркин С.А. «Симпсоны» как феномен идеологии и политики. С. 81-91.

принятие решений. Однако этот эффект скорее компенсаторный: большинство избирателей понимают, что политика зачастую ассоциируется с негативом и грязными методами, о чем свидетельствуют многочисленные примеры из СМИ и Интернета. Несмотря на это, люди продолжают голосовать, будто бы политика действительно представляет их интересы[386]. Таким образом, миф о народовластии действует как своеобразный социальный механизм, позволяющий гражданам сохранять иллюзию причастности и возможности влияния на политику, даже когда они критически оценивают политическую реальность.

Многочисленные образы дисфункциональной машины современного американского демократического правительства в политическом кинематографе компенсируются появлением положительных персонажей, которые в фильмах и сериалах демонстрируют управленческую компетентность, несмотря на фундаментально несовершенную систему.

Обычно положительным персонажем выступает не глава государства или лидер партии, а менеджеры среднего звена, чья задача состоит в том, чтобы поддерживать демократический политический процесс, не влияя на его императивы. В «Парках и зонах отдыха» (2009-2015) и «Альфа-доме» (2013-2014) представлены примеры конструктивного политического диалога при соблюдении конституционных демократических принципов.

Вторая важнейшая мифологема американского демократического мифа заключается в восхвалении работы журналистов, секретных агентов, государственных чиновников или рядовых граждан, которые героически раскрывают темные секреты государства. Тимоти Мелли задается вопросом, когда популярным трендом массовой культуры становятся сюжеты о распространении американских государственных секретов, казалось бы, подрывающих авторитет и доверие к американской политической к системе?[387]

---

[386] Мусихин Г.И. Политический миф как разновидность политической символизации // Общественные науки и современность. 2015. № 5. С. 102-117.

[387] Melley T. The public sphere hero: Representations of Whistleblowing in U.S. Culture // Whistleblowing Nation: The History of National Security Disclosures and the Cult of State Secrecy

Роль средств массовой информации в контроле власти была признана в США в 1970-е годы после шокирующих разоблачений программ ЦРУ, официальной лжи о войне во Вьетнаме и Уотергейтского дела. В 2010-е общим местом в популярном кинематографе становится риторика, определяющая раскрытие официальных секретов не как измену, но бескорыстное служение стране.

О трудовых буднях сотрудников вымышленного новостного телеканала ACN (Atlantis Cable News) рассказывается в сериале «Служба новостей» (2012 – 2014). Фильмы «Пятая власть» (2013) и «Мы крадем секреты: История WikiLeaks» (2013) посвящены Джулиану Ассанжу и работе сайта WikiLeaks. Про тайную поддержку ЦРУ крупномасштабных продаж кокаина для финансирования никарагуанских контрас повествует фильм «Убить гонца» (2014).

В 2014 году на экраны выходит фильм «Citizenfour: Правда Сноудена», а в 2016 – «Сноуден». В фильме «Уотергейт. Крушение Белого дома» (2017) рассказывается об агенте ФБР Марке Фелте, ставшего анонимным источником по прозвищу «Глубокая глотка» в расследовании, которое привело к отставке президента Ричарда Никсона. Фильм «Секретное досье» (2017) основан на реальной истории публикации журналистами Washington Post секретных документов Пентагона об участии правительства Соединенных Штатов во Вьетнамской войне.

Фильм «Опасное расследование» (2017) рассказывает о группе журналистов вашингтонского бюро Knight Ridder, которые расследуют причины вторжения администрации Буша в Ирак в 2003 году. Фильм 2019 года «Опасные секреты» посвящен разоблачению незаконной шпионской операции американских и британских спецслужб, собиравшихся шантажировать дипломатов Организации Объединенных Наций перед голосованием по резолюции, санкционирующей вторжении в Ирак в 2003 году.

/ K. Mistry, H. Gurman (Eds.). Columbia University Press, 2020. P. 213–242.

В фильме «Отчёт о пытках» (2019) рассказывается о десятилетней политической интриге, связанной с содержанием, созданием и публикацией 6700-страничного отчета Сенатского комитета по разведке о пытках, применявшихся в ходе расследования ЦРУ теракта 9 сентября 2001 года.

Медиатизация общественной жизни в 2010-е гг. серьезно пошатнула позиции кинематографа как важнейшего из искусств. На массовое сознание гораздо большее влияние начинают оказывать социальные сети и иные информационные интернет-платформы. Политическое влияние фильма стало зависеть от кинокритиков, журналистов, инфлюенсеров, обычных интернет-пользователей, которые стали обращаться для комментирования происходящих событий к кинематографу как источнику политических смыслов и семантическому клондайку мемов.

Например, в статье в Wall Street Journal (2008), озаглавленной «Что общего у Буша и Бэтмена», Эндрю Клаван утверждает*: «Мне кажется, что фильм "Темный рыцарь", бьющий сейчас все рекорды в истории кинопроката, является на определенном уровне комплиментом стойкости и моральному мужеству Буша в это время терроризма и войны. Как и Буша, Бэтмена очерняют и презирают за то, что он борется с террористами их же методами. Как и Бушу, Бэтмену иногда приходится выходить за границы гражданских прав, чтобы справиться с экстренной ситуацией с уверенностью, что он восстановит эти границы, когда чрезвычайная ситуация закончится»*[388].

2019 год (оказавшийся последним спокойным годом перед пандемией и конкуренцией Трампа и Байдена на выборах президента США в 2020-м) в американских СМИ был назван «лихорадочно новостным». Новостной фон действительно был тревожным: стихийные бедствия (разрушительные ураганы, проходившие через Огайо и другие штаты), импичмент Трампа, начало

[388] Макгован Т. Облик героя: необходимая тьма темного рыцаря // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2019. № 3. С. 16-48.

президентской гонки, серия смертоносных стрельб в общественных местах, часто имеющих расовые мотивы.

В октябре 2019 года, когда информационный фон в стране был насыщен различными кризисными событиями, студия Warner Brothers выпустила в кинотеатры фильм «Джокер», режиссёром которого стал Тодд Филлипс.

Реакция общества на фильм, названный «самым спорным фильмом года», и на персонажа «загадочного злодея с проблемами психического здоровья» была крайне противоречивой и соответствовала росту его кассовых сборов. Многие зрители и критики указывали, что режиссер пытался поставить диагноз текущей политической обстановки и общественному «климату», что установился в США после прихода в 2016 году Трампа к власти. Разногласия в общественном восприятии фильма часто отражали общую оценку политической ситуации. Обсуждение фильма сталкивало крайне левых, видевших в нем отражение «социальных недугов» США как неизбежного следствия «эпохи капитализма», с правыми радикалами, придерживающимися идеи «былого величия» и «славного прошлого Америки».

Фильм «Джокер» (2019) неожиданно для его создателей был использован демократическими медиа как доказательство пагубного воздействия правления Дональда Трампа (2017-2020 гг.)[389]. Известный оскаровский лауреат (кинодокументалист) М. Мур писал, что это «*фильм об «Америке, которая дала нам Трампа, Америке, отказывающейся помогать изгоям и обездоленным. Америке, где омерзительно богатые продолжают становиться всё богаче и омерзительнее… Наша страна в глубоком отчаянии, наша Конституция порвана в клочья, жулик-маньяк из Квинса имеет доступ к ядерным кодам – но мы отчего-то должны бояться фильма*»[390].

В 2019 году Макс Бут (автор книги «Коррозия консерватизма» и демократ) писал в «Вашингтон пост»: «*Мы имеем Джокера на экране и*

---

[389] Шумилина И.В. Особенности экранного конструирования образа президента США: Голливуд — медиа — политика // Наука телевидения. 2022. № 1. С. 113–158.

[390] Lattanzio R. Michael Moore Calls ‘Joker’ a Masterpiece: ‘The Greater Danger to Society May Be If You Don’t See This Movie’ // IndieWire. 2019, October 5.

Джокера в Белом доме». Трамп, как и Джокер, по мнению Бута, «нигилистичный, сумасшедший клоун, сумевший возглавить массовое движение»[391].

Славой Жижек интерпретирует фильм «Джокер» как метафору пробуждения пролетарского сознания. Главный герой, загнанный в угол и доведённый до отчаяния, становится символом тех, кто больше не связан иллюзиями и готов на радикальные действия. По мнению философа, Джокер представляет собой угрозу существующей системе, даже если сам ещё не осознаёт своей роли в этом процессе[392]. Его склонность к саморазрушению и суицидальные порывы, которые символизируют крайнее отчаяние, противопоставляются рациональному и холодному прагматизму представителей элиты, таких как Трамп, которые защищают стабильность текущего порядка. Жижек считает, что такая «нулевая точка» (zero point) — момент полного внутреннего крушения — является необходимым этапом для каждого, кто стремится к коренной трансформации общества.

Сторонники Трампа также активно используют кинематографические мемы в своих интересах. Известно, что 4 февраля 2020 года, Дональд Трамп выступал в Конгрессе с ежегодным обращением «О положении страны». Перед речью президент США отказал в рукопожатии Нэнси Пелоси, которая в отместку демонстративно разорвала текст его выступления. Госсекретарь США Майк Помпео отреагировал на выходку, опубликовав в своём Twitter кадр из сериала «Симпсоны», на котором Лиза Симпсон - завзятая феминистка и либералка - рвёт своё эссе и плачет.

Выводы по главе: политический кинематограф в эпоху постмодернизма стал зеркалом циничного отношения общества к власти, подчеркивая кризис идеологий и недоверие к традиционным политическим институтам. Популяризация таких жанров, как сатира и гротеск, позволила кинематографу

---

[391] Boot M. ‘Joker’ nails the nihilism and opportunism of populist firebrands // The Washington Post. 2019, October 7.

[392] Žižek S. More on Joker: From Apolitical Nihilism to a New Left, or Why Trump is no Joker // The Philosophical Salon. 2019, November 11.

привлечь внимание к сложным политическим темам, одновременно разрушая традиционные нарративы и усиливая политическую апатию. «Южный парк» и «Карточный домик», демонстрируют, что амбивалентность и неоднозначность в изображении политики могут как способствовать диалогу между разными слоями общества, так и усиливать поляризацию и общественный цинизм.

В условиях цифровизации и медийной глобализации массовый кинематограф XXI века стал важным инструментом реидеологизации, демонстрируя переход от линейных и однозначных идеологических нарративов к более сложным и многослойным формам, таким как ирония, аллегория и гротеск. Эти формы позволяют адаптировать кино к изменениям общественного восприятия, где ключевую роль играют эмоциональные, а не рациональные стратегии взаимодействия с политической реальностью.

Массовое кино сочетает элементы цинизма, иронии и эмоционального вовлечения, что позволяет ему выступать не только в роли зеркала текущих идеологических изменений, но и в качестве инструмента их критического осмысления.

Цифровая эпоха изменила не только методы производства и распространения кино, но и формы его восприятия. Кинематограф стал платформой для формирования новых идеологических кодов, где визуальное доминирование играет ключевую роль. Политическая эстетика современных фильмов становится мощным инструментом влияния на массовое сознание, предлагая зрителю альтернативные способы переоценки базовых политических ценностей.

В эпоху постмодернизма жанры сатиры и гротеска укрепили свои позиции как главные инструменты массового кинематографа для обсуждения политических тем. Эти жанры позволяют поднимать острые вопросы, избегая прямолинейной идеологической ангажированности, что способствует развитию критического отношения к власти и одновременно подчеркивает кризис традиционных идеологий.

В современных условиях традиционный миф, характерный для архаичного периода, успешно приспособился к особенностям новой эпохи, изменился и обрел новые формы и черты. Сегодня визуальная медийная мифология активно формирует образы мира как арены борьбы за власть, предлагая различные версии социальной структуры, которые получают признание через мифические повествования.

Визуальная мифология американской демократии выполняет две ключевые функции: с одной стороны, она демонстрирует изъяны власти и политической системы, позволяя обществу осознавать проблемы, с другой — усиливает веру в демократические процедуры и принципы как гарантию стабильности. Мифологемы, связанные с народовластием, журналистским контролем и автономией, создают компенсаторный эффект, позволяющий гражданам чувствовать себя вовлечёнными в управление, несмотря на системные недостатки. Таким образом, политический кинематограф служит не только средством развлекательной критики, но и инструментом культурной легитимации демократии, подтверждающим её жизнеспособность и адаптивность в условиях современной эпохи.

Современные медиа-технологии и визуальная культура (кино, сериалы, стриминговые платформы) способствуют возврату общества к архаическому мифическому мышлению. Визуальные образы оказывают более мощное воздействие на массовое подсознание, чем текстовая информация, создавая у зрителя иллюзию соучастия и доверия к происходящему на экране.

Через визуализацию сложных политических явлений и персонализацию героев зрителю предлагаются упрощённые интерпретации, в основе которых лежат идеологические концепты. В частности, американский политический кинематограф формирует мономиф демократических ценностей, при котором процедуры и институты демократии освящаются как безупречные, несмотря на критику отдельных политических фигур или системных дисфункций.

§ 3.2. Темпоральные режимы идеологического проектировагния позднего капитализма

Несмотря на технологическую насыщенность и декларативно прогрессистский характер современного мира, феноменальная особенность сегодняшнего идеологического ландшафта заключается в практически полном исчезновении образа будущего как целенаправленного и коллективно артикулируемого проекта. В отличие от идеологических парадигм Нового времени, модерна и даже позднего XX века, когда идеология (коммунистическая утопия, либеральный прогрессизм или технократический модерн) неизменно опиралась на телеологическую модель — сегодня мы наблюдаем парадокс: чем более ускоряется технологическое развитие, тем менее внятной становится артикуляция будущего как политической и культурной категории.

Исследователи отмечают, что это явление обусловлено глубокой трансформацией самой структуры идеологии, которая в условиях позднего капитализма утрачивает свою проектную функцию и вместо формирования горизонтов возможностей воспроизводит настоящее в режиме бесконечной повторяемости[393]. Одним из наиболее влиятельных теоретиков, обозначивших эту проблему, является британский философ и культуролог Марк Фишер. В работе *«Капиталистический реализм: нет альтернативы?»* утверждается, что одной из ключевых черт современного капитализма является экспроприация не только средств производства, но и самого воображения будущего. По словам Фишера, «легче представить конец света, чем конец капитализма»[394]. Капиталистический реализм в его понимании — это онтологический режим, в котором любые альтернативы к текущему порядку вещей кажутся немыслимыми или обречёнными на провал.

---

[393] Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. 8о8 с.

[394] Фишер М. Капиталистический реализм. Ультракультура 2.0, 2010. С. 5.

М. Фишер показывает, что современная культура под влиянием неолиберальной рациональности и корпоративной логики утрачивает способность к политическому воображению. Сегодня на смену коллективным утопиям пришли эстетика ретро, культурный ностальгизм, перформативное заимствование прошлых форм, фрагментированное воспроизводство уже существующего, что Жижек и Джеймисон называют «постмодернистской неспособностью мыслить исторически»[395]. Идеология в цифровую эпоху превращается из проекта будущего в механизм управления аффектами, эмоциями и вниманием в настоящем[396].

Согласно Бену Андерсону, современное управление будущим принимает форму «управления неопределённостью», при котором стремление к реализации определённой цели, уступает место распределению рисков, страхов и ожиданий в настоящем[397]. Таким образом, происходит институционализация будущего как «зоны возможных катастроф» вместо поля конструктивного замысла, что объясняет тревожную фиксацию современных цифровых и политических нарративов на кризисах, катастрофах, «концах» (истории, человечества, демократии), а не на проектах и стратегиях становления.

Такое состояние может быть охарактеризовано как *пост-футуризм*, в котором будущее не отменяется, но поглощается логикой бесконечного настоящего, модифицируемого лишь в маркетинговых и технологических аспектах. С этим связано и кризисное положение современного идеологического проектирования, которое всё реже апеллирует к «большим нарративам» и всё чаще ограничивается управлением симулякрами будущего через прогнозы, тренды, технооптимистические фантазии, лишённые политического содержания[3987].

---

[395] Žižek S. Violence: Six Sideways Reflections. New York: Picador, 2008. 276 p.; Jameson F.. Archaeologies of the Future: The Desire Called Utopia and Other Science Fictions. New York: Verso, 2005. 522 p.

[396] Dean J. Blog Theory: Feedback and Capture in the Circuits of Drive. London: Polity Press, 2010. 140 p.

[397] Anderson B. Preemption, Precaution, Preparedness: Anticipatory Action and Future Geographies // Progress in Human Geography. 2010. № 34(6). P. 777–798.

[398] Срничек Н., Уильяме А. Изобретая будущее. Посткапитализм и мир без труда, М.: Strelka

Следовательно в фокус внимания исследователей попадают способы репрезентации будущего в современных идеологических конструкциях, а также процессы переработки прошлого и его инструментализация в отсутствие внятного проективного горизонта.

В центре современного идеологического кризиса всё чаще оказывается феномен *дефицита будущего* — состояния, при котором политическая элита и массы утрачивают способность к проективному мышлению. Будущее больше не воспринимается как пространство возможности и реализации идеалов, а редуцируется до предсказуемой (или угрожающей) траектории настоящего. Этот феномен обозначается в научной литературе как — кризис будущности[399].

Будущее перестаёт быть общей целью, становится капиталом, управляемым рынком, объектом экономической и технократической эксплуатации. В позднем капитализме ожидания относительно будущего стали ключевым ресурсом в принятии решений: финансовые рынки, стартапы, маркетинг строятся на спекуляции образом грядущего. Будущность теряет свою политико-утопическую, и экзистенциальную функцию, становясь лишь стратегическим инструментом.

В условиях цифрового гиперпроизводства смыслов общество теряет способность генерировать коллективные образы будущего. Будущее перестает ощущаться как открытая возможность, превращаясь в давление, и тревогу. Наступает состояние «невозможности мечтать», поскольку сама способность воображать альтернативное, другое, иное блокируется информационной перегрузкой.

Центральным понятием для понимания темпорального состояния современности стал *капиталистический реализм* Марка Фишера, предполагающий тотальную маргинализацию социально-политических и эстетических альтернатив. М. Фишер считает, что капиталистический реализм — это атмосфера, проникающая в образование, культуру, наши эмоциональные

Press, 2019. 334 с.

[399] Berardi F. After the Future. Chico: AK Press, 2011. 202 p.; Beckert J. Imagined Futures: Fictional Expectations and Capitalist Dynamics. Harvard University Press, 2016. 358 p.

реакции, делая невозможным само представление о будущем.

Такой тип мышления (симптоматичный для «поздней современности») приводит к отказу от нарративов прогресса, от исторической телеологии и, как следствие, от самой идеи проектного мышления. Зигмунт Бауман ещё в 2000-х называл это состояние «интеррегнумом», то есть временем, когда старые идеологии умерли, а новые не успели родиться, что порождает глубокую онтологическую неуверенность[400]. Арджун Аппадурай, в свою очередь, указывает, что в настоящее время формирование образа будущего делегируется корпорациям, алгоритмам и экспертным системам, вытесняя человека из процесса воображения[401].

Современные цифровые технологии создают особую темпоральную модальность *перманентного настоящего*, что, как утверждает Хармут Роза, приводит к *обрушению горизонтов ожидания*: будущее перестаёт быть предметом планирования, так как настоящее бесконечно перезаписывается, обновляется и оптимизируется в реальном времени[402]. Будущее «откладывается», но не проектируется.

Критики неолиберальной рациональности также подчёркивают, что дефицит будущего связан с упадком коллективных субъектов. Если модерн был эпохой «народов», «классов», «наций», то постмодерн и цифровая эпоха атомизировали субъекта. Индивид теперь ориентирован на адаптацию, а не на трансформацию. Таким образом, субъект становится пассивным носителем страхов, а не активным творцом образов будущего[403].

Таким образом, современное идеологическое проектирование оказывается вынужденным либо обращаться к реликтам прошлого (классическим мифам, фигурам, архетипам), либо воспроизводить техно-

---

[400] Бауман З. Текучая современность. М.: Питер, 2008. С. 11–15.

[401] Appadurai A. The Future as Cultural Fact: Essays on the Global Condition. London: Verso, 2013. 336 p.

[402] Rosa H. Social Acceleration: A New Theory of Modernity. New York: Columbia University Press, 2013. 514 p.

[403] Mirowski P. Never Let a Serious Crisis Go to Waste: How Neoliberalism Survived the Financial Meltdown. London; New York: Verso, 2013. 480 p.

оптимистические клише без подлинной социально-политической глубины. Будущее становится либо приватизированным и фрагментарным (персональные «желаемые сценарии»), либо катастрофическим (связанным с нарративами экологических, биологических, политических коллапсов).

Идеология теряет роль «компаса истории» и всё чаще становится инструментом управления вниманием, эмоциями, поведенческими паттернами в условиях перманентной нестабильности. Следует рассматривать трансформацию идеологии от «проекта будущего» к системе управления настоящим через симуляцию будущего.

На фоне описанного выше дефицита будущего, наблюдается радикальная трансформация статуса *прошлого* в идеологическом воображении. Тогда как модернистские идеологии XIX–XX веков стремились освободиться от традиции и строили образ будущего как радикального разрыва с прошлым (как, например, в марксизме), современные идеологические конструкции всё чаще обращаются к прошлому как к единственно доступному ресурсу смыслопроизводства. Возникает феномен *ретроспективной идеологии* — идеологии, проектирующей не вперёд, а назад[404].

Культуролог Светлана Бойм различает два типа ностальгического отношения к прошлому: *рефлексивная ностальгия*, предполагающая критическое осмысление утраченного, и *восстановительная*/реставрирующая, стремящаяся буквально воссоздать утраченный порядок. Именно второй тип стал доминирующим в условиях идеологической неопределённости и утраты горизонта будущего. Эта восстановительная/реставрирующая ностальгия порождает *симулякры прошлого* — образы и символы, вырванные из исторического контекста и переработанные в соответствии с актуальными политическими задачами.

Историк Энцо Траверсо называет это явление *постмемориальной идеологией*, возникающей в том случае когда политическое воображение формируется не через проект будущего, а через переупаковку и

[404] Бойм С. Будущее ностальгии. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 844 с.

переинтерпретацию ключевых фигур, символов и мифов прошлого. Траверсо подчёркивает, что в постидеологическую эпоху *прошлое стало заменителем утопии*[405], а *отредактированная* память встраивается в политическую риторику и медийные нарративы.

Андреас Хюсен говорит о *гипертрофии памяти*, позволяющей прошлому вытеснить как настоящее, так и будущее. Память становится политическим инструментом, оборачиваясь либо в сторону травматических воспоминаний (мемориальная политика), либо — чаще — в сторону мифологизации «золотого века», будь то национализм, советская ностальгия, или идеализированное средневековье[406].

Работа с прошлым осуществляется по нескольким идеологическим стратегиям:

1. **Редукция сложности прошлого.** Идеология стремится упростить и упрочить прошлое, создавая его *меметический образ*, удобный для воспроизводства в массмедиа. Сложные исторические процессы редуцируются до символов, например, до побед, героев, катастроф, «золотых эпох»[407].

2. **Коммодификация прошлого.** В условиях посткапитализма прошлое становится товаром, исторические символы превращаются в брендированные продукты, стиль, эстетические паттерны. Таким образом, ретро, винтаж, ар-деко и даже советская эстетика выступают в роли носителей желания и основой идентичности.

3. **Сакрализация прошлого как механизма легитимации настоящего** особенно заметно в авторитарных и неолиберальных режимах, которые используют прошлое как аргумент в пользу политического статус-кво. Так формируются *мемориальные режимы*, в которых интерпретация истории подчинена идеологическим целям настоящего[408].

---

[405] Traverso E. Left-Wing Melancholia: Marxism, History, and Memory. New York: Columbia University Press, 2016. 312 p.
[406] Huyssen A. Present Pasts: Media, Politics, Amnesia // Public Culture. 2000. № 12(1). P. 21–38.
[407] Erll A. Memory in Culture. London: Palgrave Macmillan, 2011. 209 p.
[408] Rigney A. The Afterlives of Walter Scott: Memory on the Move. Oxford University Press, 2012. 328 p.

4. **Эксплуатация ностальгии.** Ностальгия превращается в универсальную эмоцию, формирующую массовое воображение. Ностальгия становится способом эмоционального управления, предлагая человеку эмоциональную компенсацию за утрату проекта будущего[409].

Как подчёркивает Марк Фишер, в ситуации, когда даже поп-культура больше не способна изобретать новое, она бесконечно *ремиксирует* прошлое. Это «пережёвывание» знакомых форм и нарративов делает само течение времени нелинейным и цикличным: прошлое «не уходит», а как бы *застревает в настоящем*, становясь его постоянной декорацией[410].

Таким образом, в условиях утраты проектного измерения идеология обращается к прошлому как к доступному источнику легитимации и политической мобилизации. Однако такая работа с прошлым чаще всего носит манипулятивный характер и не способствует подлинному историческому осмыслению, превращаясь в инструмент *симуляции историчности*.

Будущее утрачивает трансцендентную функцию (проецирования радикально иного) при одновременном превращении прошлого в инструмент символической легитимации. Сама идея «представления будущего» претерпевает качественные изменения. Современное «писание будущего» всё чаще оказывается лишь *косвенным способом описания настоящего* — его тревог, социальных противоречий, политических фобий и культурных фантазий.

Эта инверсия временной перспективы указывает на важное философско-идеологическое смещение: будущее перестаёт быть пространством *нового*, становясь зеркалом настоящего, закамуфлированного в форму грядущего. Таким образом, сценарии будущего (будь то утопии или антиутопии) выступают не как попытки вырваться за пределы современности, а как гиперболизированное её повторение. Фредрик Джеймисон считает, что невозможность *«анахронической утопии»* вообразить радикально иное

---

[409] Sedikides C., Wildschut T., Baden D. Nostalgia: Conceptual Issues and Existential Functions // Handbook of Experimental Existential Psychology. 2008. P. 200–214.
[410] Фишер М. Указ. соч. С. 6–8.

приводит к бесконечному повторению уже известного[411].

Главная проблема современного идеологического воображения — *тотальная имманентность*. Любая попытка помыслить выход за рамки существующего строя сразу наталкивается на стену «капиталистического реализма» — идеологического убеждения в том, что альтернатив просто *не существует*, что приводит к ситуации, в которой будущее теряет свою утопическую составляющую и становится лишь *дистопической проекцией* тревожащих нас в настоящем процессов: экологического кризиса, цифрового контроля, социального неравенства, постчеловеческой трансформации. Идеологически такое будущее не предлагает выхода, оно — *зеркало тупика*.

Жак Рансьер в своей теории «режимов эстетического» также показывает, что современное искусство (в том числе кино и литература) всё чаще отказывается от идеи нового, подменяя её постоянным *рефлексированием настоящего под видом будущего*[412]. Таким образом, культурные образы будущего превращаются в форму идеологической критики настоящего, но не предлагают альтернативы, лишь усиливая ощущение беспомощности.

Рассмотрим некоторые характерные примеры. В сериале «Черном зеркале» (Black Mirror) доведены до абсурда уже существующие технологии и социальные практики: лайки как валюта (*Nosedive*), цифровые двойники умерших (*Be Right Back*), нейроинтерфейсы для наказания (*White Bear*). Но в каждом случае речь идёт не о *будущем*, а уже *настоящем*. В сериале «Рассказ служанки» (The Handmaid’s Tale) предлагается фантазия о будущем, в котором женские права уничтожены теократическим режимом, однако, на деле апеллируется к реальным опасностям современности: репродуктивной политике, религиозному фундаментализму, патриархальным структурам власти.

В фильме «Не смотрите наверх» (Don't Look Up) зашифрована

---

[411] Jameson F. Archaeologies of the Future: The Desire Called Utopia and Other Science Fictions. P. 63

[412] Rancière J. The Politics of Aesthetics: the distribution of the sensible. London; New York: Continuum, 2006. 132 p.

дисфункциональность современного общества, его неспособности адекватно реагировать на реальные риски. Сюжет фильма Дюна» (в интерпретации Дени Вильнёва) вращается вокруг очень земных тем: борьба за ресурсы, колониализм, религиозные манипуляции, экологическая катастрофа.

Жанр киберпанка (от «Blade Runner» до «Cyberpunk 2077») позволяет рефлексировать на важные для позднего капитализма темы, связанные с отчуждением, корпоративным контролем, размытой идентичностью, расслоением общества. В произведениях киберпанка будущее конструируется в рамках антиутопической логики. Во многих произведениях аниме и манга (например, *Ghost in the Shell* или *Psycho-Pass*) демонстрируются как контроль, наблюдение, трансгуманизм и алгоритмы уже сейчас вторгаются в частную жизнь.

Как указывал Поль Рикёр, историческое воображение всегда оперирует *трёхмерным временем* — прошлым, настоящим и будущим. Когда это равновесие нарушается, культура начинает терять ориентиры, а политическая субъектность размывается[413]. Жижек добавляет, что доминирование настоящего над будущим способствует деполитизации. Политика без образа иного будущего теряет направленность, приобретая основания «безальтернативности»[414].

Всевозможные проявления кризиса либеральной демократии, рост корпоративного контроля, экономическая нестабильность в художественных интерпретациях присутствуют в современной телевизионной и кинематографической фантастике. Посредством аллегории и критики актуальных угроз кинематограф оказывает терапевтическое воздействие на зрительскую аудиторию. Сериал «Звездный крейсер “Галактика”» (2004-2009) через сайлонов (агентов-диверсантов), внедренных в человеческое сообщество, осмысляет проблему международного терроризма.

В зарубежном кинематографе присутствуют и геополитические

---

[413] Рикёр П. Время и рассказ. Т.1 . Интрига и исторический рассказ. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. 313 с.
[414] Žižek S. Violence: Six Sideways Reflections. P. 73.

нарративы, представленные в иносказательной форме репрезентации внеземных цивилизациях. В 1990-е гг. человечество на телеэкранах демонстрировало открытость к новым формам жизни, что может быть связано с надеждами на конвергенцию стран Первого (капиталистического) и Второго (постсоциалистического) миров. В «Секретных материалах» антагонистами, плетущими заговор, выступали земные спецслужбы и теневое правительство. В «Звездном пути» человечество стремится к миру и интеграции инопланетян в некое космическое сообщество. Однако в 2000-е обозначается откровенное противостояние землян и инопланетных цивилизаций[415], что вызвано напряженной геополитической ситуацией крушения биполярного мира.

В телесериале «Человек в высоком замке» (2015-2019) от Amazon Studios зрителю предлагается следить за борьбой подпольного движения против абстрактных нацистов, представляющих собой образ мирового зла. Во втором сезоне сериала явно продвигаются неолиберальные идеи: один из героев осознает свою сексуальную не-традиционность и, благодаря этому, находит внутреннюю свободу, а подпольное движение, выступающее против режима, набирает обороты и сливается с восстанием темнокожего населения[416].

Культурно-идеологические элементы и смыслы, представленные в кинопродукции, рассматриваются как отражение исторических и идеологических аспектов общества. Именно в данной парадигме анализировался научно-фантастический сериал «Звездный путь»[417], на развитие концепции которого повлияли такие исторические события как Вторая мировая и Холодная война. Создатель сериала - Джин Родденберри, сам был ветераном Второй мировой войны и изначально задумывал сериал о войне, но потом переориентировался на фантастический сюжет. В противостоянии между

---

[415] Vint S., Alexander J. Programming the Future: Politics, Resistance, and Utopia in Contemporary Speculative TV. New York: Columbia University Press, 2022. 256 p.

[416] Строева О.В. Судьба антиутопий и неолиберальные ценности в современной сериальной продукции // Наука телевидения. 2020. № 4. С. 11-29.

[417] Chavkin D. McGuire B. Star Trek: Designing the Final Frontier: How Midcentury Modernism Shaped Our View of the Future. San Rafael: Weldon Owen, 2021. 168 p.; Gonzalez G.A. The Politics of Star Trek: Justice, War, and the Future. New York: Palgrave Macmillan US, 2015. 228 p.

Федерацией планет и Клингонской империей читаются аллюзии на Холодную войну. Однако создатели сериала стремились подчеркнуть важность международного сотрудничества и мира, что видно в интернациональном составе экипажа и акценте на переговорах вместо военного решения проблем. После распада СССР и окончания Холодной войны, «Звездный путь» стал затрагивать такие новые темы как расизм, феминизм и права сексуальных меньшинств[418]. Таким образом, сериал можно рассматривать в качестве платформы для обсуждения и визуализации актуальных социокультурных тем разных временных периодов.

Когда будущее утрачивает своё автономное содержание и превращается в продолжение настоящего, взгляд культуры всё чаще обращается в прошлое. Однако это прошлое становится полем идеологической проекции, ресурсом для переосмысления идентичности и реконфигурации ценностных ориентиров. Подобно тому, как в современной научной фантастике якобы грядущее описывает скрытые травмы настоящего, в исторических нарративах (особенно визуальных — в кино и сериалах) прошлое становится инструментом саморефлексии и выражения социальных фантазмов, коллективных желаний, скрытых напряжений современности. Эту логику Жан Бодрийяр описывал как «симулякр второго порядка», когда историческая форма (например, эпоха империи или древности) подменяет собой рефлексию актуальных политических и культурных процессов[419].

Особенно это заметно в восточном кинематографе, где традиционно сильна мифопоэтическая функция искусства. В отличие от голливудской модели, ориентированной на экспортируемую универсальность, китайское и индийское кино укоренены в национальном мифе, соответствующим цивилизационной логике. Исторический жанр в этих странах, обращаясь к фактам прошлого, ведет символическую работу с культурной памятью.

---

[418] Кирчанов М.В. Научно-фантастические сериалы «Звёздный путь» и «Вавилон 5» как формы конструирования политической и мемориальной культур // Концепт: философия, религия, культура. 2022. № 4. С. 115–137.

[419] Бодрийяр Ж. Симулякр и симуляция. С. 43.

Настоящая борьба в историческом кинематографе разворачивается не между армиями, а между этическими идеалами[420]. Прошлое, особенно героическое и имперское, становится ресурсом для артикуляции современного понимания социальной справедливости, национального достоинства.

Обращение к широкой теоретической рамке, предложенной Хэйденом Уайтом и другими постструктуралистами, позволяет рассматривать историческое знание как подверженное идеологической ангажированности[421]. Следовательно, история народа, показанная в кино, не призвана только реконструировать прошедшие события, но и дать им интерпретацию, провести ревизию. Например: в китайских исторических драмах усиленно подчеркиваются такие ценности, как дисциплина, преданность государству, коллективизм, что коррелирует с современными установками Си Цзиньпина на «великое возрождение китайской нации»[422]. В индийском кино, начиная с «Логана» (2001) и заканчивая «RRR» (2022), историческая рамка используется для выражения новых национальных эмоций, связанных с антиколониальной (антибританской) борьбой, восстановлением достоинства, а также утверждения справедливого гендерного и кастового социального порядка.

Фильмы, рассказывая о прошлом, участвуют в идеологическом моделировании настоящего, способствуя формированию того, что Бенедикт Андерсон называл «воображаемыми сообществами»[423] — национальными идентичностями, которые в том числе конструируются и через медиаповествование.

Исторический жанр, таким образом, превращается в универсальный культурный язык, на котором общество говорит о себе самом: через тропы прошлого, эпические формы и призму коллективной памяти. И именно в

---

[420] Xu F. Historical Films: Beyond National Imagination // Transformation of Contemporary Film Genre. Palgrave Macmillan, Singapore, 2022. P. 147-179.

[421] Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века. М.: Кабинетный ученый, 2023. 528 с.

[422] Brady A.-M. Marketing Dictatorship: Propaganda and Thought Work in Contemporary China. Lanham: Rowman & Littlefield, 2008. 246 p.

[423] Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. С. 30-32.

восточных кинематографических традициях эта работа с прошлым приобретает яркую культурно-цивилизационную специфику, которую следует проанализировать более подробно.

Историческое кино в странах Востока, в особенности в Китае и Индии, выполняет вместе с развлекательной еще и социально-регулятивную функцию, выступая в роли медиатора между культурным наследием и идеологическими установками современности, позволяя обществу переприсваивать прошлое в целях саморефлексии и нормотворчества. Следовательно, фильмы рассказывают не «о прошлом», а о настоящем, облекая в образы прошлого текущие идеологические ожидания и культурные конфликты.

В современных китайских и индийских сериалах также учитывается ценностное содержание общественной идеологии. Анализ китайских исторических сериалов, проведенный А. Саракаевой, позволил заметить наличие антифеминистических установок, возрастание авторитета военных в контексте управления государством, а также доминирование образ варвара (иностранца) как младшего партнера во взаимовыгодных отношениях[424].

Моральные установки, сюжетные линии и образы персонажей китайских сериалов в целом отражают антифеминистические тенденции. В костюмных драмах женщины, за исключением правительниц, обычно представлены либо как дети, либо как служанки, редко проявляя интерес к социальным или политическим вопросам. Следует отметить также и неизменно положительный образ армии и полиции в китайских исторических сериалах. Конфликты между гражданскими чиновниками и офицерами часто разрешаются в пользу последних, что отражает изменение общественных приоритетов.

Ещё одним аспектом политических убеждений китайцев, отражающийся в исторических сериалах, является их отношение к варварским народам на окраинах империи. Варвары, особенно кочевники, оказали значительное влияние на китайскую историю, неоднократно захватывая территории Китая и

[424] Саракаева А.А. Политическая философия китайских исторических сериалов // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2020. № 4. С. 152-186.

непрерывно угрожая его безопасности. Эти конфликты сформировали в китайском обществе представление о себе как Срединном государстве. Варвары часто воспринимались как враги, представляющие угрозу, либо как покорные данники, принимающие своё неравноправное положение в политическом устройстве мира.

Современный китайский исторический кинематограф представляет варваров в более сложном и тонком свете, однако уровень шовинизма остаётся в целом примерно на том же уровне. Варвары могут также изображаться как ученики, которые с благодарностью принимают цивилизационные новшества, предоставленные китайскими благодетелями. Кроме того, в китайском историческом кино встречается мотив неразделённой любви, где варвары безответно влюбляются в китайских персонажей, но никогда не наоборот, что подчёркивает иерархию между этносами.

В китайских исторических фильмах варвары часто без колебаний и с высокой готовностью проявляют самопожертвование ради своих друзей и возлюбленных китайцев, иногда даже для незнакомцев. В то же время китайцы с удивлением и признательностью принимают эти жертвы, но никогда не отвечают на них встречным самопожертвованием.

Таким образом, исследование китайских исторических сериалов показывает, что некоторые политические взгляды претерпели эволюцию от традиционных к современным. Например, отношение к женскому правлению стало более благосклонным, изменились взгляды на роль военных и гражданских чиновников, а также эволюционировал образ варвара.

Кинокритики утверждают, что в Индии в начале XX века фильмы на исторические и мифологические сюжеты создавались с целью отвлечь общество от его социальных проблем. Интересно наблюдать, как сегодня режиссеры и продюсеры продолжают включать, например, «Рамаяну» в современную культуру через литературу и кино, придавая ей актуальность и связь с современными реалиями[425].

---

[425] Сабирова Р.Н. Значение экранизаций эпоса «Рамаяна» в контексте социально-

В 1940-е годы, когда Индия стремилась к независимости, общество нуждалось в символе, который вдохновлял бы на подвиги. Таким символом стал Рама, праведный правитель, ведущий свой народ к процветанию. Фильм «Царство Рамы» стал событием, позволившим зрителям увидеть этого героя на экране. Махатма Ганди лично посмотрел этот фильм, что придало ему особый авторитет, а концепция государства, представленная в киноленте, стала символом борьбы Индии за независимость.

В XXI веке эпос «Рамаяна» остается важным философско-историческим наследием, которое продолжает вдохновлять создание новых киноверсий. В 2008 и 2015 годах режиссеры представили зрителям сериалы, обращающие внимание на роль и положение женщины в обществе. В сериале 2008 года, главные персонажи обретают новые слои смыслов. например, образ Ситы больше не ограничен ее подчиненной ролью; она получает право на собственное мнение, которое ценится ее супругом. Рама обращается к Сите не только как к супруге, но и как к другу. Борьба Рамы с Раваной происходит ради защиты достоинства всех женщин. Режиссер обращается к таким вопросам, как рождение девочек, уважение к женщинам и их право на работу за пределами дома, а также к вопросам гендерного равенства.

Сериал 2015 года, состоящий из 304 серий, представляет историю Рамы через глаза его супруги Ситы, которая в этой версии становится центральным персонажем. Создатели сериала стремятся показать идеальный образ современной индийской женщины, которая соблюдает традиции, но также обладает образованием и самостоятельностью. Сериал сочетает древние традиции и религиозные убеждения с современностью и новаторством. Весь сюжет выделяет роль и достоинство Ситы, поднимая тем самым статус женщины. В конце сериала Сита отказывается от Рамы, поскольку считает его слабым. Ключевым моментом сериала является сцена, где Сита сражается с Раваной и одолевает его, в то время как Рама находится без сознания. Сита сама

политических событий в культуре современной Индии // Культурный код. 2023. №1. С. 25-37.

освобождает себя, но слава достается Раме из-за того, что никто не видел, что произошло на самом деле. Создатели фильма подчеркивают изменения в отношении к сакральному тексту со стороны как самих создателей, так и зрителей, внедряя его в актуальный гендерно-социальный контекст с европоцентристским уклоном.

Одним из ключевых аспектов сюжета является способность захватить внимание зрителя и вызвать у него эмоциональную реакцию, даже если он осознает, что история вымышлена. Еще одним важным свойством сюжета является метод «снежного кома», когда схожие сюжетные линии наслаиваются друг на друга, усиливая общее воздействие идеи. Наконец, третье важное свойство сюжета проистекает из его использования для объяснения реальности с помощью экранов, что также распространяется на политическую сферу. В большинстве случаев общественность не имеет достаточного образования, уровня грамотности в сфере новостей и времени для тщательного сбора, проверки и анализа политической информации.

Таким образом, кинематограф, независимо от его географического или культурного происхождения, является мощным инструментом идеологического воздействия. В эпоху постмодернизма медиатексты играют ключевую роль в создании сложной сети значений и символов, через которую общество осмысливает и интерпретирует реальность.

Исторический жанр в восточном кинематографе это своего рода ценностная лаборатория, позволяющая переосмыслять место личности в истории, роль государства, образ врага и идеалы будущего. В условиях дефицита утопических нарративов и кризиса проекта будущего, именно образы прошлого становятся полем для идеологического маневра.

Если восточное историческое кино в XXI веке всё чаще обращается к прошлому как к источнику вдохновения и мобилизации, то западное — особенно в американской и европейской традиции — демонстрирует склонность к проблематизации и ироническому пересмотру устоявшихся мифов, что связано как с критическим отношением к имперскому наследию, так

и с постмодернистским недоверием к великим нарративам.

Американское историческое кино (особенно в жанрах вестерна, военной драмы и байопика) традиционно было инструментом конструирования национальной идентичности, которая в последние десятилетия находится в кризисном состоянии. Например, в фильме «Линкольн» (2012, реж. Ст. Спилберг) американский президент представлен не как мифический отец-основатель американской нации, а как политик, вынужденный идти на компромиссы. Прошлое не прославляется, а проблематизируется. В исторической драме «Оппенгеймер» (2023, Кр. Нолан) создатель атомной бомбы не возвеличивается, а раздваивается на героя и преступника, что является примером постгероического нарратива, характерного для позднего либерального гуманизма. *Фильм «Куда ты идешь, Аида?»* (2020, Босния и Герцеговина) рассказывает историю трагедии в Сребреницы. Прошлое здесь предстает как *травма*, а не как урок.

Различия двух культурных подхода к историческому нарративу — восточного и западного не столько географические, сколько идеологически-эпистемологические: речь идет о различных способах взаимодействия с прошлым как с ресурсом. Восточные кинематографии (прежде всего индийская и китайская) склонны рассматривать историю как источник силы и легитимации, возвращаясь к образам героев, традиций и исторических побед. Прошлое не представляет собой завершённое время, а является актуальным арсеналом для ответов на вызовы модерности: давление западной цивилизации, кризис семьи, урбанизация, технологическая трансформация. Такой подход мобилизует национальные мифы, переводит их на язык блокбастеров и делает носителями нормативных ценностей. Герой является символом общего, своего, коллективного, а прошлое представляет собой путь к будущему, где нет разрыва между традицией и модернизацией.

Произведения исторического жанра в западной традиции задают пространство сомнения, раскола, переосмысления. Фильмы становятся своего рода лабораториями для исследования вины, травмы, мифа. Прошлое, как

правило, предстает как источник проблем, а не решений, требуя не сохранения памяти о событиях, а их деконструкции и переосмысления. Герои часто лишены харизмы или находятся в маргинальном положении. Вместо мобилизации национальной идентичности произведения выполняют функцию критики социально-политических институтов, и травматическая память обликается в форму индивидуальной драмы. Власть, армия, религия и нация не предстают в образе сакральных институтов, а напротив критикуются как источники насилия и манипуляции. Западное историческое кино не освещает путь в будущее, а заставляет оглянуться и увидеть разломы настоящего.

Во всех рассмотренных случаях очевидна главная черта современного исторического кино: прошлое — это не то, что было, а то, что было осмыслено. Именно поэтому исторический жанр становится основным каналом для политической, этической и культурной рефлексии современности. Запроса общества и власти на «объективное воспроизведение» событий прошлого до сих пор не возникло, напротив, фиксируется идеологическая борьба за интерпретацию, что соотносится с ключевыми трансформациями современности: постмодернистском отказе от «больших нарративов»; росте значения коллективной памяти; кризисе будущего и взлете «ретроспективной утопии».

Таким образом, исторический жанр в кинофильмах Востока и Запада служит социально-философской рефлексии настоящего. Превращаясь в социальную арену «репетиции» и собирания идентичности, ценностей и идеологических позиций, через мобилизацию и героизацию, как на Востоке, или через деконструкцию и травму, как на Западе. Прошлое может быть определено как символическая сцена, на которой общество проигрывает свои сегодняшние конфликты, в поиске выхода из кризиса, в котором будущее пока невозможно, а настоящее непереносимо.

Современное идеологическое проектирование характеризуется парадоксальной чертой: при растущем дефиците утопического воображения будущего оно всё чаще обращается к символическим реконструкциям

прошлого и спекулятивным моделям альтернативного настоящего, типологически представленным в двух ключевых культурных жанрах — историческом и фантастическом. Эти жанры, выполняя функцию идеологических посредников, становятся структурами, через которые современность говорит о себе, обходными маршрутами политической артикуляции настоящего.

С одной стороны, исторический жанр выполняет роль ретроспективного нормативного ресурса, мобилизуя архетипы героизма, национального величия, жертвенности или социальной справедливости, позволяя современным режимам артикулировать коллективную идентичность и моральные координаты через образ прошлого, что особенно заметно в контексте неотрадиционалистских режимов и обществ, переживающих идентификационные кризисы. С другой стороны, жанр научной и социальной фантастики, лишенный в последние десятилетия эксплицитно утопического содержания, все чаще используется как симуляция будущего, которая не столько конструирует иное, сколько экстраполирует настоящее до предела. Фантастика в эпоху постутопий — это инструмент гипертрофированного отражения уже существующих структур: алгоритмического контроля, социального неравенства, технократического отчуждения. Такие произведения, не описывают будущее в классическом смысле — они ставят диагноз настоящему, обостренному до парадоксальности.

Несмотря на различия, оба жанра сходятся в своем функциональном предназначении, выступая в качестве инструментов символического упорядочивания современности, создавая нарративные режимы легитимации или делегитимации. В историческом жанре легитимация осуществляется через мобилизацию архетипов и идеалов прошлого, подаваемых как вневременные (нация, традиция, долг). В фантастике же через предельную кристаллизацию тревог настоящего, которая формирует рамки допустимого и невозможного, желательного и катастрофического. Следует подчеркнуть, что в обоих случаях речь идет не о воспроизводстве хронологической истины или предсказания, а

об идеологическом производстве настоящего, которое опосредуется через конструкции прошлого и будущего. Иначе говоря, фантастика и исторический жанр перестали быть жанрами времени и стали жанрами пространства современного идеологического воображения.

Таким образом, и историческое, и фантастическое оказываются одновременно и способами ухода от реальности, и формами её обостренного репрезентирования. Их задача ответить на вопрос: что возможно, что допустимо и что недопустимо в настоящем, что делает оба жанра стратегически важными для изучения современного идеологического воображения, которое, лишившись способности к прямому политическому артикулированию, находит себя в нарративных формах, описывающих настоящее по следам прошлого и через образы будущего.

Н. Срничек и А. Уильямс, в работе «Изобретая будущее», обращаются к необходимости реполитизации левого мышления путём возрождения тех категорий, которые постмодерн целенаправленно вымораживал из интеллектуального и политического обихода: идею прогресса как направленного исторического становления, универсализм как нормативную рамку коллективной субъектности и эмансипацию как телос социального действия[426].

Постмодерн, будучи культурной надстройкой над цифрово-платформенным базисом, функционирует как идеологическая форма, скрывающая господство через гиперрефлексию и эстетизацию бессилия, чья деконструктивная энергия, лишённая проекта, парализует способность к трансформации и тем самым выступает в качестве мощного консервативного механизма в условиях кажущейся пост-идеологичности.

Таким образом, в условиях цифровой реальности происходит перенастройка идеологии: под видом релятивизма, иронии и «конца великих нарративов» продолжается нормализация капиталоцентричного порядка. Борьба за реидеологизацию цифрового общества требует критики

[426] Срничек Н., Уильяме А. Изобретая будущее. Посткапитализм и мир без труда. С. 63, 197.

существующих форм власти и знания, а также активной реконструкции утраченных категорий коллективной надежды и исторического воображения.

Авторы работы «Изобретая будущее» напрямую указывают: постмодерн следует понимать как культурное выражение неолиберализма, что перекликается с альтернативной интерпретацией, предложенной Джеффри Александером, согласно которой постмодернизм возникает как ответ интеллектуалов — в особенности марксистов и постмарксистов — на угасание эпохи политического героизма и организованного радикализма[427]. Лишённые перспективы революционного преобразования, левые интеллектуалы разворачивают стратегию отстранения, отказа от универсализма и исторической линейности, маскирующую утрату проекта под видом «освобождения от больших нарративов».

Постмодерн следует понимать как особую идеологическую форму позднего капитализма, не столько отрицающую идеологию, сколько трансформирующую её в регистр символического перформанса и симулятивного плюрализма. На уровне цифровой культуры постмодернистская логика фрагментации и деконструкции идеально интегрируется в экосистему платформ; алгоритмы и интерфейсы замещают структуры политической репрезентации, а потребительские аффекты становятся основным каналом управления вниманием и поведением, что закрепляет идеологию в оберточной форме деполитизированного эстетического многообразия.

Следовательно, понимание процессов реидеологизации цифрового общества предполагает критическую ревизию постмодернистского наследия в терминах его философской непротиворечивости и в аспекте его политико-онтологической функции. Речь идёт о необходимости восстановления категорий исторического, универсального, нормативного измерения и идеи коллективного освобождения, как условий возможности сопротивления новейшим формам цифрового господства.

---

[427] Александер Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М.: Праксис, 2013. С. 550–551.

В своей критике современного состояния левого мышления профессор Бенджамин Нойс обращает внимание на парадоксальную необходимость ретроспективного жеста как условия возможности радикального проекта. По его мысли, выход за пределы капиталистической гегемонии требует возвращения к историческим точкам утраченного потенциала, к моментам, в которых были заложены, но не реализованы альтернативные траектории социального развития. Однако этот поворот к прошлому сопряжён с риском погружения в то, что он называет «хронотошнотой» — состоянием культурной перегрузки повторяющимися знаками прошлого, которые циркулируют в обесточенном, деполитизированном виде. В цикле нескончаемого повторения прежних форм утрачивается сам вектор исторического времени, подменяясь иллюзией движения, за которой скрывается культурная инерция.

Нойс подчёркивает, что левому проекту, стремящемуся вернуть себе будущее, приходится вступать в борьбу с логикой постмодерна, для которого ностальгия становится доминирующим аффективным режимом. Постмодернизм выстраивает свою культуру как череду «плохих пастишей» — симуляций стилей, утративших связь с исторической ситуацией, в которой они имели критический смысл. Популярные ретроспективные практики (так называемая ретромания) становятся не инструментами осмысления прошлого, а выражением культурной стагнации неолиберальной эпохи.

Противопоставляя постмодернистскому тупику собственную позицию, Нойс утверждает необходимость иного типа обращения к прошлому — не ностальгического в классическом смысле, а мобилизующего, основанного на выявлении и повторной активации несостоявшихся возможностей[428]. Эта «ностальгия будущего» представляет собой попытку вырваться из замкнутого временного цикла и вернуть историческому воображению способность к проективности. Однако и этот путь не лишён угроз: чрезмерное увлечение прошлым, даже в рамках критического проекта, может привести к тому, что

[428] Нойс Б. Дни минувшего будущего: состояние акселерационизма // Логос. 2018. Т. 28. № 2. С. 126–129.

акселерационизм как стратегия ускоренного преодоления капиталистической реальности утратит свою трансформативную силу и превратится в эстетическую гибридизацию футуризма с культурными пережитками, то есть в новый виток постмодернистской симуляции, но уже в цифровом и технологически усиленном формате.

В современном мире советские вожди могут представать в весьма необычном контексте и примерять на себя непредвиденные (а значит парадоксальные) образы. Например, с 2014 года про Ленина часто вспоминают в зарубежных статьях, посвященных украинской политике декоммунизации[429]. При этом, Ленин неожиданно для белопатриотов оказывается символом русского мира, так как борьба с российским влиянием предполагает также и разрушения советских памятников.

Парадоксальную актуальность приобрели памятники Ленину, которые продолжают стоять на главных городских площадях, хотя с момента распада СССР прошло свыше 30 лет[430]. Факт «лениностояния» удивляет зарубежных журналистов, описывающих события дезавуирования неугодных исторических персонажей (в том числе и через снос памятников) в западном мире[431].

Никита Хрущев, наверное, удивился, если бы узнал, что его образ - распределителя дач станет актуален в 2020 году в разгар эпидемии коронавируса. Испанские журналисты назовут дачу – идеальным местом, где можно укрыться от вируса[432].

Неожиданным образом украинская идентичность Леонида Брежнева оказалась в центре медийного скандала в Чехии в 2018 году. 50-летний юбилей Пражской весны и ввода войск ОВД в Чехословакию подвиг лидера компартии Богемии и Моравии Войтеха Филиппа публично напомнить об украинском

---

[429] Górski G. Czy likwidacja pomników Lenina to zwycięstwo cywilizacji śmierci nad cywilizacją życia? // wPolityce.pl. 2017. 20 sierpnia 2017.
[430] Rüesch A. Denkmäler sind zum Denken da // Neue Zürcher Zeitung. 2017. 4 September.
[431] Krajewski A. Obalanie pomników Waszyngtona, a stawianie na cokołach Lenina, nie wróży zbyt dobrze // Dziennik Gazeta Prawna. 2020, 27 czerwca.
[432] Aragonés G. La llamada de la dacha // La Vanguardia. 2020, 27 de mayo.

происхождении Леонида Ильича[433]. Заявление носило провокационный характер, подверглось обсуждению и осуждению в западной прессе, так как про Украину с 2014 года старались писать или хорошо, или ничего.

Зарубежные журналисты, сравнивая современных политических деятелей с советскими вождями, проявляют безусловное остроумие. В частности революционно-большевистской называется попытка Дональда Трампа (предпоследнего по состоянию на 2023 год Президента США) остаться у власти, захватив Капитолий[434]. Республиканцы парадоксальным образом также называют демократов кремлевскими мечтателями и критикуют за социальную повестку и разделение идей «ленинизма»[435].

Дональда Трампа в демократической прессе сравнивают еще и с Иосифом Сталиным[436], а также с Брежневым, постулируя необходимость Перестройки в США[437]. Любопытно, что журналисты, поддерживающие республиканцев, замечают, что наибольшее сходство с Брежневым демонстрирует все-таки Байден[438].

Американские журналисты, настроенные критично к Ангеле Меркель, обнаруживают у немецкой леди авторитарные замашки Леонида Брежнева и предрекают по аналогии с СССР скорый распад Евросоюза вообще и Германии в частности[439].

Образ Михаила Горбачева используется для проведения исторических параллелей с теми современными лидерами, как например, Макрон[440] и Трамп[441], которые, с точки зрения журналистов, ведут страну к краху.

---

[433] Tait R. Czech communists confront bitter legacy of Prague Spring // Guardian. 2018, 14 august.
[434] Williamson K. The March of the New American Leninists // National Review. 2021, 16 December.
[435] Markovsky A. The Democrats: The Party of Kremlin Dreamers // American Thinker. 2019, 12 February.
[436] Khrushcheva N. Comrade Trump // Project Syndicate. 2020, 13 February
[437] Khrushcheva N. Trump's coronavirus lies and propaganda suggest America needs its own 'perestroika' // NBC News. 2020, 25 May
[438] Dreher R. Biden’s Late Brezhnev Period // The American Conservative. 2022, 15 April.
[439] Stuttaford A. Her Inner Brezhnev // National Review. 2018, November 28.
[440] Perceval. France et URSS, mêmes combats, même issue // AgoraVox. 2020, 29 février.
[441] Jimenez D. Is Donald Trump the New Mikhail Gorbachev? // The American Conservative. 2017, November 18.

Вышеприведенные парадоксальные (и можно сказать, анормальные) игры журналистов с (медиа)образами лидеров Советского Союза оказываются возможными в условиях радикального плюрализма исторических оценок деятельности Ленина, Сталина, Хрущева, Брежнева, Горбачева в зарубежном общественном сознании.

В левых анти(альтер)глобалистских публикациях можно встретить позитивный образ Ленина, который 100-лет назад дал точный политэкономический анализ современности и предложил стратегию борьбы с одно-процентной глобальной суперэлитой[442].

В турецких СМИ образ Сталина, весьма, противоречив. С одной стороны, лидер СССР в критический период протянул руку помощи Кемалю Ататюрку[443], с другой стороны, в 1952 году Турция вступила в НАТО с целью защиты от советской агрессивной политики.

Образ Хрущева также двойственен. В зарубежных публикациях советский вождь может быть представлен как политик, который смог договориться с Джоном Кеннеди и спасти мир от ядерной войны[444]. С другой стороны, Хрущева описывают как виновника в начале гонки вооружений[445].

Образ Михаила Горбачева в западной прессе – парадоксально двойственен. Советский лидер, позволивший США победить в Холодной войне и стремившийся к миру во всем мире, может быть представлен как в положительном свете, так и в негативном ключе как критик НАТО и капитализма вообще, поддерживающий внешнеполитическую стратегию Путина[446].

---

[442] Adamec J. LENIN DNES. Jaký byl „vůdce světové revoluce“ a jak by rozuměl současnosti? // Respekt. 2020, 18. Dubna.

[443] Güller M.A. Kemalist-Bolşevik ittifakının 100. Yıldönümü // Cumhuriyet. 2020, 27 Mayıs.

[444] Ramadan T. The Hotline helped the world avoid a nuclear war between Moscow and Washington // Al Arabiya. 2020. October 16.

[445] Weintz S. Why the biggest Russian nuclear bomb was useless in battle // The National Interest. 2018. September 17.

[446] Steil B. Regarder une carte de l'Europe suffit à comprendre la politique russe vis-à-vis de l'Ouest // Slate.fr. 2018, 28 mars.

Разнообразие трактовок исторической роли советских вождей вызвано геополитическими причинами. Позитивные медиаобразы Советского Союза доминируют в странах третьего мира, а негативные стереотипы преобладают в государствах, которые политически тяготеют к лидерам евроатлантического региона.

Любопытную стратегию позитивно-конструктивной (и неожиданной трактовки образа Ленина) предлагают журналисты из Саудовской Аравии. В одной из многочисленных статей, вышедших в преддверии 100-летнего юбилея октябрьской революции, проводится мысль о том, что Ленин – это советский Путин (или Путин – это российский Ленин), вытащивший страну из хаоса, предотвративший ее распад и гибель[447].

Кажется, что творческий потенциал зарубежных журналистов, критикующих современную российскую внешнюю политику, безгранично глубок. Например, японский «мастер пера» отмечает, что российско-украинский и российско-грузинский конфликты берут свои истоки в неприятии украинцами и грузинами сталинского проекта первой Конституции СССР[448]. Более глубокое погружение в контекст обсуждения принципов национальной политики в СССР заставляет оценить вышеприведенный тезис как, мягко говоря, абсурдный, а исторические параллели – натянутыми. Во французской прессе в сталинской национальной политике видят истоки армяно-азербайджанского конфликта[449], что просто является грубой исторической ошибкой.

Хрущев важен зарубежным журналистам как десталинизатор. Однако в китайских СМИ доклад о разоблачении культа личности описывается в качестве ошибки и неосторожности[450], во всем остальном мире скорее как благодеяние[451].

---

[447] Charbel H. The Irreplaceable Man // Asharq Al-Awsat. 2017 October 16.
[448] Endo R. Putin is Stalin's most consistent supporter // Sankei Shimbun. 2017, November 26.
[449] Nodé J-B. Karabakh: l'Arménie est piégée par l' «amitié " russe // l'Obs. 2020, 29 septembre.
[450] Yunyi B., Aixin L. German leftist: "The Chinese know that their true defender is the CCP" // Global Times. 2021, May 14.
[451] Khruscheva N. “Mi abuelo desaprobaría lo que está haciendo Vladimir Putin” // La Nación.

Михаил Горбачев в СМИ незападных и как это ни странно преимущественно исламских стран (Ираке, Иране, Саудовской Аравии[452], Судане, Турции[453]) характеризуется как предатель, ослабевший государство.

Таким образом, российского читателя зарубежной прессы могут удивлять многочисленные парадоксальные контексты разговора о советских лидерах. Однако иностранные журналисты подмечают парадоксы в современной российской исторической политике (политике памяти).

Иностранные журналисты задаются непростым вопросом. Почему исторический деятель, который не вызывает сильных эмоций и интереса у большинства россиян и в том числе не аффилирован с действующей властью[454], до сих пор занимает центральное место Красной площади - символического центра государства, а также повсеместно представлен в виде памятников публичного пространства российских городов? Тем более что во многих статьях приводятся скорее отрицательные путинские характеристики деятельности Ленина.

Иностранных журналистов удивляет неуклонное увеличение популярности Сталина в России[455]. Предполагается наличие связи между ростом любви к Сталину у современных россиян и недостатком знаний о периоде сталинского правления.

Западных журналистов и читателей интересует не только отношение к Сталину рядовых россиян, но и политической элиты. Путинская плюралистическая политика памяти (в том числе и по отношению к Сталину) вызывает в западном мире удивление. Например, Путин осенью 2017 года открывает памятник жертвам политических репрессий, а затем в интервью Оливеру Стоуну осуждает либералов за «чрезмерную демонизацию» Сталина.

2021, 18 de septiembre.

[452] Jaber R. Discussions about Gorbachev's "historical mistake" on the anniversary of the fall of the Berlin Wall // Asharq Al-Awsat. 2019, November 9.

[453] Başlamyzh C. Yalnız bir insan // Medya Günlüğü. 2019, 8 Mart.

[454] Mandraud I. L’impossible inhumation de Lénine // Le Monde: [journal]. 2017, 25 Avr.

[455] Littell R. «Koba»: les derniers jours de Staline sous la plume de // L'Opinion: [journal]. 2019, 03 Juil.

В западной прессе удивляются негативному имиджу экс-Президента СССР внутри собственной страны[456]. Вторая горбачевская загадка для зарубежного читателя связана с отношением Путина к Горбачеву. С одной стороны, с точки зрения Президента России, реформы Перестройки привели к «крупнейшей геополитической катастрофе века», с другой стороны, Администрация Президента России не забывает поздравлять экс-Президента СССР с днем рождения.

Таким образом, ключевой вызов для критической теории в эпоху цифрового капитализма заключается в том, чтобы разорвать закольцованную временность постмодерна и вернуть историческому сознанию направленность, без которой невозможна ни подлинная трансформация настоящего, ни воображение радикально иного будущего.

Выводы по параграфу: Цифровое общество переживает смещение темпоральных приоритетов: вместо будущего как вектора развития центр идеологической репрезентации смещается к прошлому как к мифологическому ресурсу стабильности и идентичности, что может быть описано как переход от проектной к ретроспективной темпоральности. Темпоральность — это не просто культурная особенность, а политико-идеологическая стратегия, с помощью которой общество регулирует опыт времени, коллективной памяти и горизонта ожидания. В условиях постфутуризма идеология становится темпоральной машиной, перерабатывающей прошлое и обнуляющей будущее — не обещая изменений, но предлагая ностальгическое утешение, что ведёт к застывшему настоящему, управляемому медиа-симуляциями и аффективными нарративами.

[456] Stepa V. Muutis planeeti, kuid kaotas Venemaal // Postimees. 2021, 2. märts.

§ 3.3. Метафоризация идеологического пространства

Сегодня мы живем в эпоху торжества цифровых технологий, в том числе обуславливающих и процесс создания, дистрибуции и поглощения кинопродуктов. Цифровое кино обеспечивает массовую культуру блокбастерами с высоким содержанием невероятных «картинок» и зрелищности, что, в свою очередь, объясняет превращение фильмов (в основном) про супергероев, в которых спецэффекты наиболее востребованы и органичны, во флагманские проекты Голливуда, что переориентирует внимание исследователей политизации кинематографа на научно-фантастический и фентезийный жанры.

Современное (цифровое) общество всё чаще возвращается к мифологическим мотивам, которые утрачивают свою изначальную религиозную функцию, становясь частью художественной или развлекательной сферы. Этот процесс, называемый «вторичной мифологизацией», является попыткой адаптировать миф к современным реалиям, связывая их с подсознательными и эмоциональными процессами человеческой психики. В отличие от архаических обществ, где мифы составляли целостную систему, в современном мире они существуют разрозненно, проникая в различные идеологии, мировоззренческие конструкции и коммуникационные потоки.

Видеоигры, комиксы, кинематограф переносят мифологию в цифровую сферу, трансформирую её и превращая в основу социального действия. Архаические структуры мифа (особенно героические сюжеты) становятся инструментом социальной коммуникации, в результате которой воспроизводятся и переосмысливаются мифологические мотивы. Внимания заслуживает методологическое замечание С.В. Тихоновой о наличии связи между первобытными верованиями и фантастическим сегментом современной массовой культуры, эксплуатирующим мифологические сюжеты, героев,

апеллируя тем самым к магическим (архаическим) паттернам общественного сознания[457].

Почему в настоящее время фантастические существа не просто становятся популярными, а превращаются чуть ли не в главные символы массовой культуры? Взрывное развитие цифровых технологий в конце XX – начале XXI века предоставило возможность тотального удовлетворения традиционного интереса человеческого сознания к воплощению в произведениях культуры фантастических образов Чужого/Другого. Социологи фиксируют появление очевидно связанного с цифровизацией культуры феномена «кидалтов» - взрослых, не желающих социально взрослеть и предпочитающих потреблять такие условно «детские» жанры, как фентези, фантастику, а также увлекающиеся аниме, компьютерными играми, комиксами и т.д.[458] В связи с этим в политической культурологии все чаще начинают обращать внимание на идеологические шифры в новых цифровых (и зачастую фантастических) [459] произведениях массовой культуры.

Алан Кирби характеризуя новый тип эстетики (который называет диджимодернистской), пришедшей на смену постмодернистской иронии, отмечает абсолютную серьёзность обсуждения политико-этических вопросов в, казалось бы, таких условно «детских» фильмах, как «Звездные войны» и «Властелин колец»[460].

Персонажи с фантастической телесностью могут быть, во-первых, непосредственными участниками политических событий в фильмах. Во-вторых, кинокритики, играя на поле психоанализа, могут выискивать в

---

[457] Тихонова С.В. Мифологические основания социального феномена компьютерной игры // Социальная политика и социология. 2009. № 1(43). С. 199-212.

[458] Ярская-Смирнова Е.Р., Карпова Г.Г., Ворона М.А. «Веселые, непонимающие и бессердечные»? О феномене Питера Пэна // Неприкосновенный запас. 2008. № 6. С. 161-177.

[459] Сычев А.А., Коваль Е.А., Ушкин С.Г. Социология за пределами реальности: постгуманизм и биополитика в сериале «Мир Дикого Запада» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6 (160). С. 141-172

[460] Kirby A. Digimodernism. How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture. P. 131.

фантастических произведениях аллюзии, скрытые подтексты и послания, иррационально воздействующие на массовое подсознание.

Психоаналитический анализ нередко опирается на концепцию Робина Вуда, согласно которой монстры символизируют возвращение подавленного, отражая скрытые страхи и социальные противоречия[461]. После событий 11 сентября 2001 года этот подход приобрел особую популярность, позволяя исследовать социальные-культурные последствия трагедии. Монстр становится символом социальных революций, поколенческих конфликтов, рисков технологического прогресса. Образ зомби занимает особое место, благодаря своей универсальности. Его интерпретируют как аллегорию страхов перед терроризмом, пандемией или восстанием рабочего класса. Зомби рассматриваются в рамках неомарксистской критики как отражение кризисов, вызванных поздним капитализмом.

Современные истории о зомби, как правило, изображают апокалипсис, в котором распадающееся общество пытается выжить в условиях хаоса. Тодд Платтс описывает такие сюжеты как притчи о крахе социальных систем, где выжившие вынуждены бороться за жизнь в условиях изоляции, подчеркивая, что зомби символизируют исчезновение традиционного гуманистического субъекта[462].

В киноискусстве конца XX и начала XXI века наблюдается тенденция превращения традиционных монстров в сверхсуществ, отражающих стремление современного человека к обладанию исключительными способностями, позволяющими одержать победу над социальными несправедливостями, обстоятельствами и даже смертью. Одновременно монстров традиционно воспринимают как метафору таких социально

---

[461] Павлов А.В. От социальной аллегории к политическому высказыванию: академическая рецепция американского хоррора XXI века // Антиномии. 2023. Т. 23, Вып. 2. С. 77-96.
[462] Платтс Т. Обнаружение зомби в социологии поп-культуры // Археология русской смерти. 2017. № 4 (1). С. 151–173.

изолированных групп, как чернокожие, евреи, женщины, представители ЛГБТ-сообщества, больные[463].

История «Людей Икс» также часто рассматривается как метафора борьбы за права афроамериканцев и ЛГБТ-сообщества, однако в статье М. Лунда эта интерпретация подвергается сомнению[464], хотя исследователь и признает важность смыслов, ставших частью восприятия комикса, которые изначально не задумывались его создателями.

Фантастика настолько отдаляет реальность посредством радикального миростроительства, что дает возможность аллегорически и далеко идущим образом обсуждать основные политические вопросы современности. Фантастические форматы создают «идеологическую эластичность»[465], которая позволяет делать заявления о группах людей, культурах или странах, не разжигая стереотипы и недовольство. В фантазии создаются новые миры, которые отличаются от реального мира, «нулевого мира». Отчуждая мир, фантазия действует как контрфактическое «а что, если», как социальная критика, не вызывая негодования и не внушая реципиентам искаженный образ реальности.

В контексте анализа метафоризации идеологического пространства особое значение приобретает обращение массовой культуры к биополитической проблематике. Кинематографические нарративы нередко моделируют альтернативные социальные порядки, где устанавливаются непривычные формы биовласти. Тем самым массовая культура превращается в лабораторию культурных аллюзий, позволяющих репрезентировать философские и социо-антропологические дилеммы современности через художественные образы.

---

[463] Степанов М.А. Кино как опыт извергнутых медиа // Международный журнал исследований культуры. 2016. № 6. С. 156-165.

[464] Lund M. The Mutant Problem: X–Men, Confirmation Bias, and the Methodology of Comics and Identity // European Journal of American Studies. 2015. № 3. С.10–12.

[465] Saunders R.A. Imperial Imaginaries: Employing Science Fiction to Talk About Geopolitics // Popular Culture and World Politics.Theories, Methods, Pedagogies / F. Caso, C. Hamilton (Eds.). Bristol, UK, 2015. P. 149-159.

Одним из устойчивых метафорических мотивов становится фигура оборотня. Как отмечает А.Г. Некита, интерес к феномену оборотничества демонстрирует пределы рационалистических стратегий осмысления диалектики природы и культуры[466]. Этот образ оказывается медиатором экзистенциальных тревог и культурных архетипов, связанных с телесной основой человеческого существования. В философской перспективе, опирающейся на М. Фуко и Дж. Агамбена, трансформация тела через укус или вирус оказывается отсылкой к биополитическим практикам дисциплинирования и исключения. В американском массовом кино феномен оборотничества часто сопряжен с мотивами эпидемий, карантинных зон и контроля над заражёнными, что напрямую резонирует с современными биополитическими режимами управления пандемиями и миграционными потоками.

Особая значимость образа оборотня проявляется в его амбивалентности. В отличие от вампира, сохраняющего рациональный контроль, или киборга, поведение которого алгоритмизировано, оборотень постоянно находится в состоянии внутреннего конфликта между человеческой и звериной природой. Эта двойственность открывает возможность метафорического осмысления биологических основ социального неравенства, проблем трансгуманизма и страха перед инаковостью. Таким образом, нарратив оборотничества репрезентирует культурные тревоги и социальные конфликты и выполняет функцию философской метафоры, позволяя массовому зрителю участвовать в реидеологизации через осмысление вопросов власти, тела и идентичности.

Сюжет оборотничества в массовой культуре тем самым можно рассматривать как технологию метафоризации идеологического пространства, связывающий воображаемое с политическим, эстетическое с социальным, превращая фантастический образ в инструмент критической рефлексии над биополитическим порядком современности, что актуализирует процессы реидеологизации.

---

[466] Некита А.Г. Антропология оборотничества: американские фильмы ужасов в геополитических трансмутациях визуальной культуры // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2018. № 6(18).

В рамках метафоризации идеологического пространства образ оборотня в массовой культуре выполняет роль культурного кода, позволяющего транслировать биополитические смыслы через фантастический нарратив. Его двойственная природа — человеческое и звериное — символизирует напряжение между культурой и природой, нормой и исключением. Кинематограф и цифровые медиа превращают эту фигуру в метафору современного биополитического порядка: эпидемии, карантин, исключение, контроль и фармакологическая нормализация тела. Таким образом, оборотень — это не просто персонаж жанра ужасов, но инструмент идеологической работы, метафорически выражающий границы допустимого вмешательства власти в телесность. В цифровом обществе образ продолжает тиражироваться в новых медиапрактиках — от онлайн-сериалов до мемов и видеоигр, где сюжет оборотничества встроен в дискурс о трансформации человеческой природы, биокапитализме и техносоциальных режимах управления. Тем самым метафора оборотня становится элементом реидеологизации: через неё массовое сознание осваивает и нормализует модели власти, контроля и исключения.

Эволюция кинематографического образа оборотня демонстрирует, как массовая культура на протяжении XX–XXI вв. метафорически оформляла идеологические напряжения, связанные с телесностью, биополитическим контролем и социальной инаковостью.

В фильмах первой половины XX века (от «The Werewolf», 1913, до «The Wolf Man», 1941) оборотень предстает трагическим субъектом неконтролируемой трансформации. Его тело становится метафорой «аномалии», подлежащей дисциплинарному подавлению: армия и полиция символизируют биополитический суверен, чья задача — уничтожить опасное тело ради сохранения «нормального» порядка. В послевоенный период (например, «I Was a Teenage Werewolf», 1957) мотив оборотничества смещается к проблематике подростковой девиации и экспериментов с психикой, что отражает страхи общества перед новыми технологиями управления человеком.

С 1980-х годов в американском кино («The Howling», «Teen Wolf») образ оборотня претерпевает значительные изменения. Он обретает субъектность, процесс трансформации нередко становится контролируемым, а само сообщество оборотней начинает репрезентировать метафору маргинализированных групп. Жанровая парадигма смещается от драмы к трагикомедии, что соответствует постмодернистской установке на иронию и амбивалентность.

В 1990–2000-е годы фиксируется гендерный поворот: женщины-оборотни становятся равноправными персонажами, что связывает образ с темами сексуальности и телесной автономии («Ginger Snaps», 2000). Мотив проклятия уступает место тропу заражения, придающему сюжету эпидемиологическую и биополитическую остроту: оборотнем может стать любой. К этому времени формируется новый антропологический тип — сознательно враждебный оборотень, превращающийся из жертвы обстоятельств в субъекта воли к власти.

Кинематограф 2010–2020-х годов закрепляет моральную амбивалентность образа: «злые» оборотни начинают доминировать («The Cursed», 2021), тогда как «социально адаптированные» существуют на равных с людьми. Троп заражения окончательно связывает ликантропию с глобальными страхами пандемий. Жанровые рамки расширяются за пределы хоррора: в трагикомедиях и детективах («Werewolves Within», 2021) оборотень становится фигурой постгуманистической иронии, символом моральной неопределенности современного общества.

Историческая динамика образа оборотня — от трагической жертвы проклятия до сознательного хищника или адаптированного субъекта — отражает смену идеологических кодов и биополитических моделей управления телесностью. В цифровом обществе эта метафора продолжает функционировать: оборотень как гибрид природы и культуры активно репродуцируется в мемах, видеоиграх и сериалах, превращаясь в инструмент

реидеологизации, где массовое сознание осваивает новые формы инаковости, контроля и социальной интеграции.

Фигура оборотня в массовой культуре, прежде всего в американском кинематографе, выступает многоплановым символом, позволяющим рассматривать вопросы телесной инаковости, социальной маргинализации и регуляции поведения индивида. Она функционирует как метафора биополитических практик современности, отражая напряжения между природной стихией и социальными механизмами контроля.

Во-первых, оборотничество связано с проблемой подростков и аутсайдеров как объектов дисциплинарного наблюдения. Подросток-оборотень символизирует тело, выходящее за пределы нормы, угрожающее социальному порядку и потому подлежащее контролю («I Was a Teenage Werewolf», 1957). В более поздних фильмах, например «Ginger Snaps» (2000), трансформация героини интерпретируется как аллегория подростковой сексуальности и взросления, предоставляющая ей автономию и силу, но одновременно вызывающая стигматизацию.

Во-вторых, оборотничество актуализирует вопросы биомодификации и неравенства. Трансформация тела становится метафорой усиления индивида — обретения сверхспособностей, позволяющих доминировать над другими, что предвосхищает угрозу биосоциального расслоения: элита с «усиленными» телами противопоставляется массам без доступа к подобным возможностям. В терминах С.А. Маленко, массовая культура воспроизводит архаическую оппозицию «охотников» и «жертв», наделяя первых сакральной активностью, а вторых — пассивной ролью[467].

В-третьих, через оборотничество артикулируются проблемы гендерного и этнического неравенства. Женские образы, получившие субъектность лишь в конце XX — начале XXI века («Ginger Snaps», 2000; «Red Riding Hood», 2011), репрезентируют борьбу за телесную автономию и сопротивление социальным

[467] Маленко С.А. Идеологема «волков и овец»: американские фильмы ужасов в производстве массовой культуры // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2018. № 6(18). С. 93-102.

ограничениям. Однако они одновременно фиксируют структурные формы дискриминации: женские персонажи чаще оказываются под двойным давлением — собственной инаковости и гендерных стереотипов. Этнический аспект проявляется в том, что наследственное или магическое оборотничество нередко приписывается маргинализированным группам (цыганам, индейцам), что символизирует страх перед «чужим» телом и культурой.

Как отмечает А.Г. Некита, укус оборотня интерпретируется не столько как физическое насилие, сколько как ритуал инициации, знак приобщения к новой форме бытия. Эта «стая» противопоставляется атомизированному обществу, создавая альтернативное сообщество дисциплины и сплочённости. Таким образом, укус становится символическим актом разрыва с привычной идентичностью и перехода в «пограничное» состояние.

В совокупности эти нарративы показывают, как через образ оборотня массовая культура создаёт пространство для обсуждения социальных страхов и идеологических установок. Подростки и аутсайдеры, женщины и маргинализированные группы, наделённые звериными силами, метафорически репрезентируют «опасные тела», которые одновременно привлекают и пугают общество. Через эти сюжеты артикулируются биополитические механизмы контроля, дисциплины и исключения. В цифровом обществе данная метафора получает новое измерение: она тиражируется в сериалах, мемах и видеоиграх, превращаясь в элемент реидеологизации, где образ гибридного существа продолжает структурировать представления о границах нормы, человеческого и нечеловеческого, власти и свободы.

Противостояние человека и монстра в фантастическом сегменте массовой культуры выполняет функцию метафорического моделирования биополитических проблем. Конфликт между «обычными людьми» и персонажами-оборотнями выражает стремление общества регламентировать инаковость, контролировать телесные проявления силы, сексуальности и агрессии. В то же время фигура монстра демонстрирует агентность и способность сопротивляться нормализующим механизмам, что делает телесную

трансформацию метафорой автономии и выхода за пределы социального контроля.

Нарратив превращения в оборотня репрезентирует искусственные и естественные способы модификации тела, расширяющие физические и когнитивные возможности индивида и одновременно порождающие новые этические дилеммы. Образ оборотня оказывается аналитически значимым для биополитического воображения современности, где границы между «человеческим», «монстром» и «модифицированным телом» становятся предметом постоянного обсуждения.

Кинематографический оборотень отражает тревоги общества перед утратой контроля над телом, природой и социальным порядком. Его сюжетная функция связана с артикуляцией страха перед «аномальными телами», которые могут выйти из-под институциональной, медицинской или технологической регуляции. Отсюда — центральное место нарратива «охоты на оборотней», функционирующего как аллегория репрессивных практик власти, направленных на дисциплинирование инаковости и нейтрализацию угрозы.

Одновременно фигура оборотня становится идеологическим индикатором, позволяющим через массовую культуру обсуждать социальное расслоение, гендерные и этнические иерархии, а также пределы биотехнологической модификации человека. Кинематографическая репрезентация «ужаса» эксплуатирует комплекс страхов урбанизированного индивида — перед распадом телесной и социальной нормальности, перед «местью природы» и перед утратой культурной идентичности [Некита 2018]. Таким образом, оборотень выступает как «биополитическая тень», которая визуализирует коллективные тревоги и одновременно упрощает их коллективное осмысление в форме мифологического нарратива.

В цифровом обществе эта метафора приобретает новые измерения: образы оборотней активно циркулируют в потоковых сериалах, мемах и видеоиграх, где телесная инаковость и зооморфная трансформация становятся инструментами реидеологизации. Они поддерживают бинарные оппозиции

«человек — зверь», «порядок — хаос», «культура — природа», обеспечивая воспроизводство идеологических сценариев в медиасреде, которая формирует не только коллективное воображение, но и практики идентичности в цифровой культуре.

Таким образом, фантастические герои, обладающие яркими телесными способностям и, оказываются эффектным элементом в политической символике, воздействуя на представления о власти, её образах и действиях на чувственном уровне. Эта «политическая телесность» (как пишет К.Ф. Завершинский)[468] — эмоционально окрашенное восприятие власти — играет ключевую роль в формировании символов и смыслов, которые лежат в основе политических коммуникаций.

С помощью фантастических декораций, оказывается возможным вести разговор на сложные темы, требующие максимальной политкорректности: например, критиковать капитализм и утверждать о возможности изменения общества (в том числе и через революцию), обсуждать проблемы меньшинств, а также плюсы и минусы мультикультурализма. А.В. Павлов пишет, что актуальные рассуждения о возможности революции в мире победившего капитализма ведут режиссеры и сценаристы, снимая фильмы про восстание машин[469].

Добавим, что кроме терминаторов и других роботов на киноэкране революционные действия по слому традиционного порядка вещей предпринимаются также и орками, вампирами, пандорцами (из «Аватара»), инопланетянами, мутантами, супергероями, фрименами (из «Дюны») и многими другими персонажами, обладающими необычной телесностью.

Политические проблемы современности всё чаще приобретают мифологизированный характер, облекаются в метафорические и фантастические сюжеты. Например, реальные конфликты с другими

---

[468] Завершинский К.Ф.. Политический миф в структуре современной символической политики // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 6. 2015. Вып. 2. С. 16-25.

[469] Павлов А.В. Враги по разуму: робот как революционный субъект // Социология власти. 2017. № 29 (2). С. 116-132.

культурами нередко интерпретируются через кинематографические образы инопланетных вторжений, угрожающих существующему мировому порядку. Во многих блокбастерах борьба с инопланетной угрозой оказывается прерогативой США, что может быть определено как аллюзия на реальные международные события. Действия фантастических персонажей аффилированных с Америкой (например, в «Трансформерах») представляются исключительными: герои подобных историй наделяются правом игнорировать международные институты и других акторов[470].

При этом у зрителей формируется особый комиксный способ восприятия политической реальности, предполагающий подачу сложной информации через упрощённые, но яркие образы[471]. Такой подход особенно эффективен в геополитическом контексте, где борьба ведётся в информационном пространстве, а не с помощью традиционных вооружений. Основной задачей становится не прямая агрессия, а «мягкая сила» массовой культуры, изменяющая общественное мнение зрителей, пришедших, например, на популярный американский блокбастер.

Таким образом, истории с фантастическими персонажами не только иллюстрируют, но и укрепляют мифологические основы политической реальности, внушая идею необходимости героического вмешательства с целью управления хаосом, превращая этот нарратив в значимый элемент современного восприятия власти и её функций.

Фантастика как жанр предоставляет уникальную возможность реконструировать современный опыт через проекции на прошлое и будущее, освобождая от ограничений реализма, что позволяет работать с исторической памятью и темпоральностью. Способность фантастических нарративов и персонажей с мифологической телесностью (например, вампиров)[472]

---

[470] Jenkins T., Secker T. Superheroes, Movies, and the State: How the U.S. Government Shapes Cinematic Universes. Lawrence: University Press of Kansas, 2022. 336 p.

[471] Атаманенко А.А. «Политический театр» и «политический кинематограф»: комиксное мышление в восприятии политической реальности // Вопросы политологии. 2024. Т. 14, № 4 (104). С. 1241-1248.

[472] Тихонова С.В. Телесность отечественного вампира в контексте советской ностальгии //

объединять различные эпохи и устранять идеологические противоречия формирует новый подход к восприятию истории как непрерывного процесса, вписанного в современный социально-политический порядок.

Современный кинокомикс, как отмечают И.И. Кузнецов и А.А. Атаманенко, благодаря своей массовости и ярким визуальным образам, стал одним из языков политической рефлексии. Включение кинокомикса в систему политической коммуникации объясняется его способностью воздействовать на общественное мнение и транслировать ценностные ориентиры, не только фиксирую политические реалии, но и утверждая представления о «правильности» либерально-демократической системы ценностей западных обществ. Кинокомикс, находясь на стыке искусства и идеологии, превращается в эффективный механизм работы с массовым сознанием и переосмысления политических дискурсов[473].

Для повышения корректности анализа А.А. Атаманенко предлагает четко разграничить понятия «политическое» и «неполитическое»[474]. Согласно О.Ф. Шаброву, политическое — это сфера принятия решений, направленных на разрешение конфликтов между социально значимыми группами[475]. Главной чертой политического становится любая целенаправленная деятельность, реализуемая через использование власти.

Политические тексты и тексты популярной культуры совместимы. Хотя оба типа текста следуют разным правилам создания, оба описывают реальность, хотя и по-разному. В постструктуралистском смысле[476]

Corpus Mundi. 2023. № 1. С. 29-49.

[473] Кузнецов И.И., Атаманенко А.А. Репрезентация политических идей в современных западных кинокомиксах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. № 3. С. 336-342.

[474] Атаманенко А. Матрица политических сюжетов в неполитическом пространстве // Generation PP. Приложение к журналу «Публичная политика». 2022. Т.1, № S5. С. 130-140.

[475] Шабров О. Ф. Понятие политического: возможна ли политическая наука? // Власть. 2016. Т. 24, № 9. С. 51-61.

[476] Weldes J. Popular Culture, Science Fiction, and World Politics: Exploring Intertextual Relations // Weldes J. To Seek Out New Worlds Science Fiction and World Politics. New York: Palgrave Macmillan, 2003. P. 1-30.

политические тексты являются «репрезентацией первого порядка», а популярная культура — «репрезентацией второго порядка» реальности[477].

Политический анализ в форме художественного произведения представляет собой один из самых ранних способов осмысления социально-политических процессов, а также перевода конфликтов из плоскости реального противостояния в творческую сферу моделирования подходов и решений. Продукция современной массовой культуры (в новых цифровых условиях) продолжает выполнять функцию продвижения политических смыслов, ценностных ориентаций и моделей мировоззрения[478].

Значительная доля фильмов Вселенной «Марвел» ставят вопрос о границах и целях применения силы: с одной стороны, выступает государство с его неограниченными ресурсами, с другой - фантастические герои и их суперспособности. Предполагается, что усилия государства и супергероев направлены на общественное благо и «восстановление демократии», но так ли это на практике? Эта проблема постоянно фигурирует в киносюжетах, демонстрирующих что политики, сотрудники разведки и военные мотивированны только корыстными целями, а мир спасают персонажи со сверхвозможностями.

Таким образом, творческое осмысление политических вопросов в фантастическом жанре предполагает возможность высказывания как в прямой, так и иносказательной формах. Расовая несправедливость, ответственность правительства, соотношение общего и частного блага, экологические проблемы, политическая дезинформация являются ключевыми проблемами экранизаций комиксов[479]. Кинозрителю предлагают задуматься об этичности применения незаконных методов для спасения граждан, нарушениях прав для

---

[477] Neumann I.B. Grab a Phaser «Ambassador»: Diplomacy in Star Trek // Millennium: Journal of International Studies. 2001. № 30 (3). P. 603-624.

[478] Белов С.И. Манипулятивный потенциал массовой культуры как инструмента политического воздействия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 2. С. 254–262.

[479] The Politics of the Marvel Cinematic Universe / N. Carnes, L.J. Goren (Eds.). Lawrence: University Press of Kansas, 2023.

всеобщего блага или об отказе от либерально-демократических практик в пользу более авторитарной стабильности.

Следует учитывать, что в последнее десятилетие произошел взрывной рост популярности фантастического жанра, что свидетельствует о процессах инфантилизации массового сознания[480]. Кажется, что в эпоху восхождения циничного разума, а также присвоения медиасредой функций производства и распространения новых политических шифров и метафор использование кинематографа как технологии манипуляции массовым сознанием перестала работать напрямую.

Таким образом, кинематограф продолжает оставаться важным медиумом, через который распространяются политические идеи и ценности и выполнять роль пропагандистского инструмента, культурного продукта и аналитического пространства. В современном мире, где кризис демократических идеалов сопровождается ростом неравенства и геополитической нестабильностью, фантастический жанр становится способом репрезентации и критики актуальных угроз. Несмотря на очевидные изменения восприятия и форматов массовой культуры, кино остается важным инструментом влияния на общественное сознание и формирования ценностных ориентиров.

Массовая культура в США – больше, чем массовая культура (примерно в том же смысле и масштабе, что и «поэты в России»). Визуально-текстовые репрезентации американских супергероев (в комиксах, кинематографе, играх, куклах и не только) – это, в первую очередь, идеологическое высказывание, а значит, их телесность по праву можно отнести и к сфере политологического интереса. Кажется, что в России сравнимое, например, с Капитаном Америкой или Брюсом Ли[481] социально-политическое значение имеет, как это ни странно, изображения Ленина.

---

[480] Кузнецов И.И., Куликова Е.В., Петрова Ю.В. Массовая культура как среда политической социализации молодежи // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. № 5. С. 68-88.

[481] Браун Д. Воплощая харизматичную аффективность: пример Брюса Ли // Corpus Mundi. 2020. № 1(3). С. 14-52.

Если в американских супергероях зашифрованы капиталистические ценности западного общества[482], то Ленин – это символ советской/социалистической цивилизации. Интерес к ленинским репрезентациям в массовой культуре (литературе, скульптуре, кинематографе, театре, музыке и т.д.) достаточно высок и в настоящее время. Однако современные исследования отличаются высокой насыщенностью фактического материала, но написаны с культурологических или искусствоведческих позиций.

После ухода Ленина из жизни его политические преемники решили сохранить тело и создать Мавзолей. Размещение останков для общественного просмотра обещало Владимиру Ильичу бессмертие идей и продолжение построения коммунизма во всем мире.

Образы Ленина в искусстве, использовались для пропаганды советской идеологии и являлись символами борьбы за справедливость и социализм. Уже в феврале 1924 года было выпущено распоряжение, требующее передать все созданные ранее изображения и копии Ленина государственной комиссии.

В эпоху оттепели появляется больше вариаций в изображении Владимира Ленина. Одним из наиболее необычных произведений в советской лениниане этого времени была картина «Похороны Ленина» или «Реквием», созданная Элием Белютином в 1962 году. Это произведение было представлено на выставке в Манеже в Москве, посвященной 30-летию Московского отделения Союза художников СССР и вызвало гнев Н.С. Хрущева и других посетителей выставки.

Картина «Похороны Ленина» Элия Белютина была скандальной из-за своего необычного художественного подхода к изображению Владимира Ильича, показ которого в гробу мог символизировать конец старой эпохи и начало новой эры в Советском Союзе. Некоторые представители советской элиты были возмущены необычным сочетанием радикального

[482] Алиев Р.Т. Комикс как отражение социокультурной динамики в американской массовой культуре // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 1 (42). С. 320-326.

экспрессионистского стиля и темы похорон вождя мирового пролетариата, что не соответствовало стандартам советской реалистической живописи.

В 1965 году Иннокентий Смоктуновский сыграл роль Ленина в фильме «На одной планете» (режиссер Илья Ольшвангер). Владимир Ильич был изображен человечным и уязвимым, или другими словами суетливым, анекдотичным, капризным и даже флиртующим с женщинами.

Размывание советской идеологии в период перестройки и ее окончательный крах в 1990-е годы влияли на изменение представления о физическом облике Ленина, делая его изображение менее идеализированным и более разнообразным в художественном и культурном контекстах.

Ленин напоминает о своем присутствии в первую очередь как топо-географический ориентир. Согласно информации, предоставленной Федеральной информационной адресной системой, в России существует 8 486 улиц, названных в честь Владимира Ильича Ленина. Этот список включает все вариации имени вождя, такие как Ленина, Ленинская, Ильича, Памяти Ильича, В. Ульянова, Володи Ульянова и др. Самой распространенной площадью в России является площадь Ленина, которая встречается 250 раз, составляя 8% от общего числа площадей в стране. Сходная ситуация наблюдается с проспектами Ленина и Ленинскими проспектами. Их общее количество в России составляет 148, или 8% от общего числа проспектов в стране. Число памятников Ленину в России - более 5 тысяч. Это включает в себя статуи на городских площадях, а также менее масштабные конструкции, такие как бюсты в скверах или на территориях бывших пионерских лагерей. Приблизительно 25% всех памятников Ленину признаны объектами культурного наследия и находятся под государственной охраной. Официальный список Минкульта РФ включает 1311 таких памятников, что составляет 44% от общего числа персональных памятников, признанных объектами культурного наследия. Примерно 80% городов России – счастливые обладатели улиц, названных в честь Ленина, а также одноименных памятников.

Кроме того его образ множится в цифровом пространстве в виде стикеров и мемов, а художники продолжают экспериментировать с контекстами репрезентаций облика вождя мирового пролетариата.

Д.Е. Москвин, предложив термин «долгая лениниана», отметил, что перспективы ее развития и наполнения смыслами в будущем сложно предугадать[483]. Ленин остается важным феноменом в актуальном политическом и художественном поле подтверждают также Д.Е. Самойлов, Д.Я. Северюхин и приводят многочисленные примеры экспериментов с ленинским образом в постсоветский период[484].

Исследователи «долгой ленинианы» делятся на две группы. Авторы, которых можно отнести к первой, сосредоточились на анализе высокой (элитарной) культуры, целенаправленно избегая выводов об идеологическом антиленинском значении стратегий телесных репрезентаций вождя мирового пролетариата. В частности В.А. Спиридонова (2021), углубляясь в анализ рефлексии художников, работающих с образами Ленина, говорит о феномене «ностальгии»[485] и, ссылаясь на С. Бойм, отмечает ее (то есть ностальгии) принципиальную деидеологизированность.

Так утверждается простой (банальный?) тезис о постсоветском отказе от соцреалистического канона изображения Ленина. Культурологический анализ позволяет зафиксировать следующий тезис: современные художники (в широком смысле этого слова) используют образ Ленина в разнообразных ипостасях и жанрах в связи с абсолютным стремлением к самовыражению (но не выполняя идеологический заказ власти).

Однако, отнесенные ко второй группе исследователи массовой культуры, напротив, выражают идею об очевидной политической ангажированности

---

[483] Москвин Д.Е. «Долгая лениниана»: эволюция образа Ленина в отечественной визуальной культуре // Символическая политика: Сборник научных трудов / Под ред. О.Ю. Малиновой. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2014. С. 128-144.

[484] Самойлов Д.Е., Северюхин Д.Я. Лениниана новейшего времени // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2021. № 2. С. 118-131.

[485] Спиридонова В.А. Образ Ленина: Традиции "пересмешничества" или новый взгляд? // Новое искусствознание. 2021. № 3. С. 91-99.

антиленинской кампании по дискредитации вождя мирового пролетариата[486]. В.В. Шелест отмечает идеологическую направленность травестирования (высмеивания) образа Ленина в постсоветском кинематографе, однако, анализ телесности не находится в центре ее внимания[487].

Т.Ю. Прудникова анализирует стратегии принижения (десакрализации) ленинской телесности, материализованной в скульптуре, которая расположена в публичных местах, а значит, является артефактом массовой культуры[488].

В настоящем параграфе делается попытка (не ограничиваясь юмористическими аспектами репрезентаций) расширить оптику исследований ленинской телесности, предложенную Т.Ю. Прудниковой и В.В. Шелест. Кроме того предполагается внести вклад в изучение особенностей проникновения телесности в идеологию и идеологии в телесность на примере художественных экспериментов с флагманом советской визуализации в постсоциалистические времена. Также расширяется на постсоветское пространство Восточной Европы и география исследования. Плюс - интерес к телесности будет дополнен отсылками к нарративно-литературным формам визуализации вождя мирового пролетариата.

Упомянутая выше В.А. Спиридонова пишет, что «если в странах бывшего СССР забвение… образа Ленина… становится основой для формирования новой национальной идентичности, то в современной России его образ переосмысляется молодым постперестроечным поколением в контексте собственной идентичности и связанной с этим метамодернистской формой ностальгии»[489].

---

[486] Пак А.В. Образ В. И. Ленина в российской массовой культуре XX-XXI вв. и в сознании современных россиян // Историческая психология и социология истории. 2022. № 1. С. 49-72.
[487] Шелест В.В. Травестирование культового образа Ленина в постсоветском кино на материале фильмов «Комедия строгого режима» и «Деревня Хлюпово выходит из союза» // Культура и искусство. 2020. № 1. С. 27-42.
[488] Прудникова Т.Ю. Десакрализация образа материализацией телесности (на примере изображений В. И. Ленина) // Vita Cogitans: Альманах молодых философов. 2013. № 8. С. 51-60.
[489] Спиридонова В.А. Указ. соч. С. 92.

В рамках настоящей работы предлагается, во-первых, напомнить о том, что потребители культурного производства (зрители, читатели), а также политики могут наделять творческие продукты смыслами, которые не были запланированы их создателями.

Во-вторых, - согласиться с Б. Энкер в том, что «*культ Ленина… представляет собой социальное действие (как его понимал М. Вебер), т.е. предполагает наличие акторов, которые используют символ Ленина для целенаправленного воздействия на других*»[490]. Визуализация ленинского тела в виде мумии, памятников, бюстов, портретов и множество иных репрезентаций выполняла символико-мистические функции поддержания советской власти и социализма в четко очерченных (то расширяющихся, то сужающихся) географических границах физического пространства. Как отмечает Д.Е. Москвин: «*Непроговариваемым и при этом зримым ядром ленинианы стало забальзамированное тело Ленина. Оно превращалось в «священное тело» революции, распределенное по советской стране в виде множества символических реинкарнаций*»[491].

Однако, если репрезентации Владимира Ильича в СССР носили идеологический смысл, то почему нельзя признать идеологическое значение современных игр с телесностью Ленина? Тем более замечает Т.Ю. Прудникова: *«Ретроспективное изучение дошедших текстов и произведений искусства позволяет сделать выводы о постепенном умирании культа политических вождей страны: первоначально через имплицитное отрицание их «сакрального» статуса, а впоследствии через эксплицитное (явное) низведение образов на уровень низового путем подчеркивания их телесной природы*»[492].

Вышеприведенные тезисы согласуются также и с идеями М.М. Бахтина о том, что «*карнавализация сознания*» предшествует разрушению серьезных и монолитных общественных установок. Смех над «*сакральным*» и общее

---

[490] Эннкер Б. Формирование культа Ленина в Советском Союзе. М.: РОССПЭН, 2011. С. 19.
[491] Москвин Д.Е. Указ. соч. С. 131.
[492] Прудникова Т.Ю. Указ. соч. С. 52.

карнавальное восприятие мира лежат в основе новых гротескных канонов изображения человеческого тела[493].

В советологическом дискурсе огромное значение именно телесного (а не скажем интеллектуального) аспекта бытия вождя мирового пролетариата объяснялось архаичной основой советского (крестьянского) менталитета и предлагалось как доказательство отсталости как самого СССР, так и антимодернизационного потенциала советского проекта. Однако веберианская теория господства прямо указывает на телесность как важнейший аспект харизматического лидера, чей *«авторитет, разумеется, нестабилен. Его обладатель может утратить харизму, он может почувствовать себя "оставленным своим Богом" ... его последователям может показаться, что "его покинули силы"»*[494].

Таким образом, изменение отношения к ленинской телесности как локусу социалистической харизмы можно назвать индикатором социокультурных изменений. А потому тезис, утверждающий, что «*развенчание Ленина произошло в слове, никак или почти никак не материализовавшись. Точнее, не дематериализовавшись»*[495] - вызывает желание поспорить.

Постсоветское осмысление Ленина сводится к работе с его телесностью, а не идейно-духовным наследием. Антисоветская критика времен Перестройки, подготовившая общество к развалу СССР предполагала и дискредитацию образа Ленина. Безусловно, историки и обществоведы публиковали ревизионистские исследования, в которых пересматривались исторические оценки 1917 года и революционной деятельности партии большевиков. Однако, кажется, что наиболее эффективной, то есть доходчивой до массового сознания была телесная (в том числе и визуальная, но не только) десакрализация вождя мирового пролетариата.

---

[493] Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.
[494] Parkin F. Max Weber. London: Tavistock Publications, 1982. P. 84.
[495] Москвин Д.Е. Указ. соч. С. 130.

Следует признать, что популярность ленинских идей в СССР/России проигрывает популярности ленинского визуально-телесного образа. А.В. Павлов отмечает интерес к интеллектуальному наследию Ленина на Западе, на фоне которого ярко выделяется равнодушие к ленинским концепциям на современном постсоветском пространстве[496].

Очевидно, что в мире наблюдается кризис текстуальной культуре, но торжество визуальных образов, а значит до массового зрителя удобнее доносить не критику ленинских идей, а превращать образ вождя мирового пролетариата в деидеологизированного персонажа постсоциалистического мира.

Таким образом, в настоящем исследовании игры с ленинской телесностью будут рассматриваться в контексте идеологическом. Предполагается выделить и описать стратегии трансформации визуально-телесного образа Ленина в пространстве (преимущественно) массовой культуры, эксплуатирующиеся в постсоветские годы. В качестве примеров будут использоваться и артефакты элитарной и массовой культуры. Следует прояснить механизмы включения имагинативной телесности в общественные отношения, тем более что воображаемые тела и телесность являются важной составляющей нашей культуры. Здесь мы имеем в виду не только тело супергероя, как такового, но и тело любого другого важного для той или иной культуры персонажа, будь то национальный, мифологический, фольклорный или какой-либо другой герой. Если тела американских супергероев сакрализируют американские ценности и смыслы, то в постсоветских репрезентациях ленинской телесности зашита антисоветская идея.

К фантасмагорической стратегии репрезентации Ленина отнесены попытки представить вождя мирового пролетариата в откровенно парадоксальных телесных образах. Уфимский художник Ринат Волигамси создал альтернативную биографию Владимира Ильича, включив в нее брата-

[496] Павлов А.В. Ренессанс Ленина в «западном марксизме»: случай Славоя Жижека // Тетради по консерватизму. 2017. № 2. С. 21-34.

близнеца Сергея. Этот проект (в форме фотоколлажа), названный «Неофициальный альбом», получил неожиданно большой интерес и стал популярным в интернете.

Вторая стратегия репрезентации телесного образа Ленина связана с пародиями и высмеиваниями. В период Перестройки стали популярными сатирические пародии на Ленина, в том числе в шоу КВН и других развлекательных передачах. Следует вспомнить культовый номер команды Новосибирского государственного университета «В последний час Октября», показанный в полуфинале 1991 года. Вождь мирового пролетариата перед тем как возглавить революцию делает глаза подобрее, играет в ладушки со Сталиным и подвязывает челюсть, которая упала от вида обнищавших масс. На четвертьфинальном этапе соревнований в 2003 году сборная из Пятигорска представила постановку о Чапаеве, где Ленин был изображен как массивный мужчина в красной рубашке, являющийся символом большевизма в абсурдной интерпретации. В этой версии Ленин проявлял интерес только к военным действиям и еде, остальные аспекты жизни его не заботили.

В 1990-е годы вышла серия фильмов, в которых Ленин изображался в комическом свете. Важно отметить, что в новом кинематографе после распада Советского Союза персонажи сами играли роль Владимира Ильича, а не изображали историческую фигуру вождя мирового пролетариата. Например, стоит вспомнить фильмы «На Дерибасовской хорошая погода» (1992, режиссер Л. Гайдай) и «Комедия строгого режима» (1992, режиссеры Владимир Студенников и Михаил Григорьев). Зрителям перестали показывать Ленина как историческую личность. Вождя мирового пролетариата использовали исключительно как персонажа, демонстрирующего забавные физиологизмы и странную манеры общения.

На пространстве Восточной Европе в постсоветский период развернулся перманентный ленинопад. В немецком фильме «Гуд бай, Ленин!» (2003, режиссер Вольфганг Беккер), например, статуя Владимира Ильича парит над городом. Необычный образ вождя мирового пролетариата придает сцене

эксцентричности и юмора. Как отмечено Кареном Шахназаровым, уничтожение статуи Ленина можно рассматривать как антирусский акт[497]. Так Владимир Ильич неожиданно превратился в защитника русского мира.

В российском кинематографе можно найти примеры изображения увядающего Ленина в последние дни жизни. Фильм «Телец» режиссера Александра Сокурова, выпущенный в 2001 году, сосредотачивается на описании уходящего (умирающего) вождя мирового пролетариата, уделяя большое внимание человеческим аспектам трагедии, чем политическим и историческим. Ленин изображается как «жертва 374», что подразумевает, по мнению П. Лунгина, не только его упадок как бога, но и намекает на его самозванство (2001). Правда, сюжет сериала «Конец света» (2022, режиссер Александр Незлобин), напротив, предполагает оживление мумии Ленина как важный фактор наступления Апокалипсиса.

В современной России сохранилось значительное символическое наследие Советского Союза, которое пронизывает повседневную жизнь граждан уже более 30 лет после краха советского государства, что выражается в виде монументов, архитектурных комплексов, элементов декора в общественных пространствах, показа советского кино на телевидении, живописи и сохранившихся материалов наглядной пропаганды. Удивительно, что Россия, похоже, является единственной постсоветской страной, которая так полно сохранила символы своего официально отвергнутого прошлого. В некоторых странах постсоциалистического блока советские памятники были демонстративно уничтожены или продолжают удаляться под разными предлогами, чтобы избавиться от напоминаний о «советской оккупации».

Ленин остался в публичном пространстве России и после крушения СССР. Это уникальная ситуация для постсоветского пространства. Визуальные репрезентации советской идеологии с момента распада СССР были вычищены

[497] Шахназаров К.Г. Когда ломают статуи Ленина, в этом есть что-то антирусское // Тетради по консерватизму. 2014. № 1. С. 78.

из публичного пространства, могли бы сказать мы, если бы не Ленин. Данный факт не дает покоя многим политикам и культурологам.

Массовая культура западного общества XX века была пропитана идеями антикоммунизма. Революционные события в России, Китае и на Кубе нанесли серьёзный удар по интересам западных элит, что привело к выдвижению борьбы с коммунизмом на передний план американской идеологии и политики[498]. После распада СССР «антикоммунистический фильтр» пропаганды, как отмечает А. Маклеод, был трансформирован в «антироссийский» фильтр[499]. С. Херман и Н. Хомский также «указывали на важную роль антироссийской пропагандистской линии в производстве элитного согласия»[500].

Контент-анализ западных фильмов, проведенный А.В. Федоровым, «на российскую тему, созданных в период с 1992 по 2010 годы позволяет представить их основные сюжетные схемы следующим образом:

- **ретро**: преступления советской власти в период с 1917 по 1991 годы (тоталитарная диктатура, концлагеря, военная агрессия против иных стран, шпионаж и пр.);

- **современность:** беспомощность и коррупционность российских властей, которые не могут наладить экономику, контролировать скопившиеся запасы вооружения и бороться с преступностью;

- **постсоветская Россия** – страна мафии, бандитов, террористов, проституток, нищих, обездоленных, несчастных людей»[501].

В научной сфере популярностью пользуются такие авторитетные теоретические концепции как «мягкая сила», «популярная геополитика», «вепонизация культуры», «стратегические нарративы».

---

[498] Herman E. The propaganda model revisited // Monthly Review.1996. №. 3. P. 115–164.

[499] Macleod A. Fake News, Russian Bots and Putin's Puppets // Propaganda in the Information Age: Still Manufacturing Consent / A. MacLeod (Ed.). New York: Routledge, 2019.

[500] Назаров М.М. Производство согласия: объяснительная модель функционирования медиа // Наука. Культура. Общество. 2022. №4. С. 8-21.

[501] Федоров А.В. Трансформации образа России на западном экране: от эпохи идеологической конфронтации (1946-1991) до современного этапа (1992-2010). М.: Изд-во МОО «Информация для всех», 2013. С. 104.

Дж. Най назвал популярную культуру, международные правовые институты и американские ТНК источниками «мягкой силы», влияющей на продвижение привлекательного образа США в мире[502]. Дж. Диттмер предложил концепцию «популярной геополитики», фокусирующейся на исследовании особенностей визуальных репрезентаций регионов планеты в массовой культуре, формирующих у зрителей позитивные или негативные стереотипы[503].

Эрик Фаттор вводит в научный оборот термин «вепонизация культуры» (от англ. cultural weaponization – превращение культуры в оружие)[504]. А. Мискиммон называет «стратегическими нарративами» инструменты для продвижения интересов, ценностей, а также для управления ожиданиями и изменениями дискурсивной среды, определяющими, «кто мы есть» и «какого мирового порядка мы хотим»[505].

Следует еще раз подчеркнуть, что в наше время главный интерес аудитории смещается в сторону фантастических комиксов, а значит, идеи американской исключительности продвигаются через фильмы про супергероев (и иногда через агентов секретных спецслужб без необычных способностей), имеющих обычно англосаксонское гражданство и держащих в руках судьбы мира[506].

Победа над нацизмом в комиксах «Марвел» - это заслуга США и Великобритании[507]. Образ СССР очерняется выдуманным партнерством советских и нацистских ученых. При демонстрации в «Трансформерах 3:

---

[502] Nye J. Public Diplomacy and Soft Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. №. 616. P. 94-109.

[503] Dittmer J. Popular Culture, Geopolitics, and Identity. New York, Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2010. 204 p.

[504] Fattor E.M. American Empire and the Arsenal of Entertainment: Soft Power and Cultural Weaponization. New York, Palgrave Macmillan, 2014. 235 p.

[505] Miskimmon A., O'Loughlin B., Roselle L. Forging the world: Strategic narratives and international relations. University of Michigan Press. 2017. 360 p.

[506] Куликова Д.Н. Кино как инструмент мягкой силы государства на примере кинематографа Испании и США // Идеи и идеалы. 2023. Т. 15. № 2. Ч. 2. С. 459–475.

[507] Novak N. Practical Geopolitics in Cinematic Narratives of Marvel’s the Avengers Film Franchise // Central European Journal of International and Security Studies. 2021. №. 5(2). P. 4-22.

Темная сторона Луны» Чернобыльской аварии показан вымышленный сюжет гибели детей[508].

Белоруссия, России, Украина в кинокомиксах обычно оказываются серой зоной бесконтрольного распространения оружия массового поражения и бесчеловечных экспериментов над местным населением (“Мстители: Эра Альтрона”, “Первый мститель: Другая война”; “Первый мститель: Противостояние”; “Черная вдова”)[509]. Социологические исследования[510] подтверждают, что такие фильмы имеют значительное влияние на внутриамериканское общественное мнение.

В зарубежных поликодовых текстах образ России зачастую моделируется посредством зооморфной концептуальной метафоры русского медведя. Наиболее частотным является использование метафоры агрессивного, кровожадного русского медведя по отношению к референтной ситуации военных конфликтов с участием России. В политической карикатуре подобный метафорический образ часто моделируется посредством ассоциативных признаков агрессии: когтей и зубов, а также предполагает наличие «жертвы» в иконической части поликодового текста. Кинематограф усиливает мифологизацию рассматриваемого метафорического образа. Связь медведя с Россией выражается более имплицитно: изображение медведя может сопровождать русских персонажей, локализовать территорию России благодаря наличию медведя в кадре, изображать русских визуально похожими на медведей. Тиражирование стереотипных метафорических образов создает в сознании реципиента устойчивый негативный сценарий, инвариант по отношению к определенной понятийной категории, вследствие чего обладает безусловным манипулятивным потенциалом.

---

[508] Артамонова У.З. «Попкорн-дипломатия»: роль американских блокбастеров в вопросах миропорядка // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2022. № 3. С. 76-90.

[509] Saunders R. Popular Geopolitics and Nation Branding in the Post-Soviet Realm. New York, Routledge, 2017. 278 p.

[510] Pautz M.C. Argo and Zero Dark Thirty: Film, Government, and Audiences // Cambridge University Press Political Science and Politics. 2015. №. 48 (1). P. 120-128.

Зооморфный образ государства/народа, устойчиво закрепившийся в массовом сознании западного общества в период раннего Нового времени, после изобретения кинематографа обрел свою вторую жизнь на большом экране, став важнейшим элементом мифологизации образа России. Мифы о медведях, созданные еще в архаике и несущие на себе ее «вайб»[511], были использованы для манипуляции сознанием современного, казалось, просвещенного атланто-европейца. Образ России/русского определялся через древнюю метафору, а значит мифологизировался.

Если в карикатурах или мультипликационных фильмах русских изображают в облике медведей, то кинематограф должен был использовать более тонкие методы, демонстрируя вершины изобретательства. Медведи в первых (в основном шпионских) блокбастерах появляются рядом с русскими персонажами или же присутствуют как необходимых элемент фона в сценах, которые происходят в России/СССР, таким образом, задавая основы привычной и обсмеянной сегодня, так называемой, «клюквы».

Современные режиссеры и сценаристы продолжают клюквенные традиции Голливуда и, например, в фильме «Siberia» (2018, или «Профессионал» в русской локализации) с Киану Ривзом в главной роли не смогли удержаться от 5-минутного эпизода охоты на медведя в сибирских лесах.

Медвежьи вставки доходят до абсурда и становятся предметом самоиронии в западном кинопроизводстве. Например, в британском провокационно-скандальном комедийном сериале «Великая» (2020-2023) демонстрируется памятник Петру Великому верхом на медведе.

Игры с архаическими смыслами массового подсознания современного западного зрителя ведет и индустрия комиксов, производящая культы супергероев. В мире андроидов, пришельцев и мутантов естественно и

[511] Рябов О.В. «В лесу есть медведь»: Медвежья метафора как оружие «холодной войны» // «Русский медведь»: история, семиотика, политика. М., 2012.

органично присутствуют и русские, обладающие способностью становится медведями непосредственно.

Во Вселенной «Марвел» присутствует майор Михаил Арсус способный превращаться в огромного медведя Урсу. Русский супергерой появляется в одной из серий анимационного сериала «Команда мстителей» (2012-2020), а также в фильме «Черная вдова» (2021), который рассказывает о приключениях Скарлетт Йохансон в близи современного Санкт-Петербурга.

Атланто-европейцы, воспринимая Россию как медведя, обеспечивают символико-дискурсивное поле конкретным набором семантических элементов, отсылающих к брутальным медвежьим характеристикам, что в частности определяет и западные трактовки российской внешней политики за последние три столетия.

Следует отметить, что мифологизация образа России по направлению развития медвежьих метафор была начата еще карикатуристами. Однако данная работа подготовила почву для продолжения подобной медиаполитики уже в кинематографе. Работа по мифологизации образа России в кино шла в нескольких плоскостях (разных степенях сложности):

1) локация идентифицируется как Россия, а персонажи как русские благодаря присутствию в кадре медведя;

2) русские персонажи показаны внешне похожими на медведей;

3) русские получают способности превращения в настоящих медведей, что оказывается возможным в постмодернистской стилистике кинокомиксов.

Таким образом, определенная оптика видения России/русских несомненно воздействует и на форматы мышления западных обывателей. Например, Джеймс Уоткинс - режиссер сериала BBC «Макмафия» (2018), в котором рассказывается история русской мафии в Лондоне, в интервью признался, что хотел показать главу криминальной империи как европейца с точки зрения внешнего вида. Однако «под шляпой-котелком» зрители должны обнаружить «русского медведя»[512].

[512] Стюарт Дж. Исчезнет ли когда-нибудь с наших экранов клише о «русских злодеях»? // The

Подобная мифологизация образа России доходит до курьезов. В 2016 году литовский политолог Лауринас Кащюнас написал статью про мультфильм «Маша и медведь», в котором им были обнаружены геополитические аллюзии, сделанные по заказу Кремля. Добрый медведь, по мнению литовского аналитика, специально показан добрым, что на подсознательном уровне улучшает имидж России в общественном мнении любителей мультипликационного сериала[513].

Таким образом, мифологизация образа России в западных медиа демонстрирует, как культурные символы и архаические метафоры могут использоваться для формирования манипулятивного восприятия целых государств и народов. Кинематограф, как мощный инструмент массовой культуры, продолжает транслировать и усиливать эти мифы, адаптируя их под современные жанры и запросы аудитории. Такие стереотипы формируют не только эмоциональное отношение к России, но и влияют на политическое восприятие её места в мире, поддерживая идеологические установки глобального Запада. Для противодействия этому важно развивать собственную культурную стратегию, направленную на разрушение устоявшихся стереотипов и формирование позитивного образа России в мировой культуре.

Выводы по главе: цифровые технологии не только революционизировали процесс создания, дистрибуции и потребления кинопродукции, но и стали ключевым фактором формирования новых форм реидеологизации. Фильмы научно-фантастического и фэнтезийного жанров благодаря радикальному миростроительству создают пространство для обсуждения острых политических вопросов (мультикультурализм, социальное неравенство, экологические кризисы) в аллегорической и политкорректной форме. Персонажи с необычной телесностью становятся символами борьбы против социальной несправедливости и метафорами изолированных или маргинализированных групп.

Guardian. 2017, 15 июля.

[513] Бридж М.. Мультфильм как пропаганда Путина // The Times. 2018. 18 ноября.

Видеоигры, комиксы и кинематограф формируют новые формы мифологии, которые становятся инструментом политической коммуникации. Фантастические персонажи, такие как супергерои, мутанты или инопланетяне, отражают идеологические конфликты современности, включая кризисы глобализации, страхи перед технологическим прогрессом и социальными революциями.

Алгоритмы стриминговых платформ формируют персонализированный медиапотребительский опыт, который, несмотря на иллюзию выбора, укрепляет идеологические нарративы. Глобальная экспансия стриминговых сервисов и их инвестиции в локальные кинорынки способствуют созданию контента, соответствующего идеологическим и культурным стандартам этих платформ, что приводит к гомогенизации культурного ландшафта и укреплению глобалистских тенденций.

Кинематографические образы монстров, супергероев и других фантастических существ активно используются для аллегорического представления политических проблем, таких как конфликт культур, кризисы позднего капитализма и угрозы глобализации. Эти образы формируют специфический "комиксный" способ восприятия политической реальности, упрощая сложные идеологические вопросы и адаптируя их для массовой аудитории.

Выводы по третьей главе:

Третья глава диссертации акцентирует внимание на визуализации как ключевой технологии цифровой реидеологизации. Проведённый анализ позволяет выделить несколько фундаментальных выводов. Визуальные образы перестают быть иллюстрациями идей и становятся полноценными производителями идеологии. Кинематограф, в особенности массовый, формирует политическое воображение, закрепляет властные отношения и транслирует нормативные установки посредством аффективного вовлечения зрителя. Позднекапиталистическая идеология теряет проективный вектор.

Вместо образа будущего доминирует эстетика застывшего настоящего и идеологическая переработка прошлого, что проявляется в культурной ностальгии, ретро-идеологиях и катастрофических сценариях будущего. Фантастический жанр обретает статус современной мифологии, способной транслировать как страхи общества, так и его утопические чаяния. Через фигуры монстров, героев и чужаков массовая культура репрезентирует кризис идентичности, а также возможности социальной инклюзии и сопротивления.

Таким образом, третья глава демонстрирует, что в условиях цифрового общества визуальная культура становится не просто формой представления реальности, но главным полем идеологического производства, перерабатывающим историю, образы власти и коллективную память в рамках новых форм культурной гегемонии.

Логическим продолжением проведённого анализа становится обращение к российскому контексту. Если в третьей главе идеология рассматривалась преимущественно через призму визуальной культуры и глобальных культурных трендов, то в четвёртой главе фокус смещается на конкретный социополитический процесс — реидеологизацию современной России в 2012–2023 годах.

В четвертой главе предполагается определить особенность процесса цифровой реидеологизации в России. Особое внимание будет уделено: философским основаниям идеологической мобилизации; мифологизации прошлого как ресурсу легитимации; репрезентации власти и идентичности в отечественном медиапространстве. Таким образом, четвёртая глава будет развивать основные положения предыдущей, но уже в контексте российской государственно-политической и культурной реальности, демонстрируя, как в ней осуществляется переопределение идеологических координат XXI века.

Глава 4. Реидеологизация социально-политического пространства современной России

§ 4.1. Процессы реидеологизации в постсоветской России: идеи, дискурсы, тренды

В начале XXI века в России наблюдается постепенное возрождение интереса к реидеологизации политического и культурного пространства страны. Цель данного параграфа заключается в систематизации и анализе философских взглядов на процессы реидеологизации, которые происходили в России в период с 2012 по 2023 год. Теоретический анализ позволил утверждать, что философское сообщество продемонстрировало разнообразные реакции на активные процессы реидеологизации в России, поддерживаемые государством с 2012 года. С одной стороны, выдвигались предупреждения о репрессивном характере тотальной идеологии. С другой стороны, философы искали формы участия в обсуждении общенациональных вопросов и определения будущего развития страны. Особое внимание уделялось таким концепциям будущего как гуманизм, культура и коммунитаризм. Некоторые философы, отказываясь от обсуждения идеологии, заняли позицию эскапизма, стремясь к свободе в своём собственном бытии, вне влияния общества или какой-либо конкретной идеологии. Трансформации привычных представлений об идеологии открывают новые ракурсы для философской саморефлексии. Дискуссии о необходимости «ухода» от обсуждения политических проблем и идеологической конфронтации вызывают «кризис философской идентичности» и одновременно представляют собой важный эпистемологический вызов.

Тезис о необходимости деидеологизации общественной жизни, официально утвержденный в Конституции 1993 года, доминировал в российском научном дискурсе в течение первого постсоветского десятилетия. Однако в начале XXI века происходит постепенное укрепление позиций

сторонников реидеологизации политического и культурного пространства России.

Период 1990-х годов в интеллектуальной истории постсоветской России характеризуется парадоксальным сосуществованием двух разнонаправленных тенденций. Отказ от государственной идеологии, зафиксированный в Конституции Российской Федерации 1993 года (ст. 13 Конституции РФ), на протяжении первого постсоветского десятилетия определял нормативно-ценностный контур политико-публичных и научных споров о перспективах развития страны. С одной стороны, официальные государственные лица и представители либеральной общественности апеллировали к принципу деидеологизации государства как необходимому условию перехода к демократическому устройству общества, призванномуго преодолеть тоталитарное прошлое и обеспечить идеологический нейтралитет государства, формировалась концепция идеологического плюрализма, предполагающая недопустимость господствующей идеологии и приоритет личностной автономии в определении ценностных ориентиров.

С другой стороны, внутри политико-публицистического дискурса постепенно усиливались призывы к восстановлению смысловой и ценностной целостности социального тела, что неизбежно возвращало проблему идеологии как форму символического порядка и общественного самосознания. Например, противопоставляя себя как либерализму, так и классическим идеологиям модерна (марксизму и фашизму), А. Дугин утверждал, что наступает новая эпоха, требующая синтеза геополитики, традиционализма, и православной эсхатологии. Россия же не может существовать без идеологии, потому что она — не просто государство, а носитель мессианского смысла, противопоставленного секулярному Западу[514]. А. Дугин делает попытку восстановить онтологический статус идеологии как формы миропорядка, в

[514] Товбин К.М. Традиционалистская философия: версия Дугина // Аналитика культурологии. 2014. № 3(30). С. 46-63.

которой человек осмысляет свое место в истории, культуре и космосе, освободив её от исторического контекста XX века[515].

С точки зрения С.Г.А.А. Кара-Мурзы, декларация о «деидеологизации» в 1990-е годы сама по себе служила формой идеологической манипуляции. Под видом «освобождения» от идеологии, на деле происходила замена одной системы координат на другую, преимущественно западно-либерального образца, без осознания ее нормативно-властной природы[516].

Позднее В.С. Мартьянов и Л.Г. Фишман отметили трагическое совпадение постсоветского транзита России в 1990-е годы с истощением морального импульса, легитимировавшего политический проект капитализма. Исследователи утверждали, что для создания новой идеологии, способной сохранить человеческие ценности от деградации и кризиса, необходима моральная трансформация (революция) российского общества[517].

В 2000-е годы на уровне государственной риторики по-прежнему сохранялось внешнее следование курсу деидеологизации. Конституционная установка на «идеологическое нейтральное государство» оставалась в силе и озвучивалась как правовая гарантия политического плюрализма. Однако уже к середине 2000-х годов стало очевидно, что фактический отказ от идеологического проектирования оборачивается символическим вакуумом, который спонтанно заполняется либо внешне заимствованными ценностными матрицами, либо архаичными формами массового сознания. На этом фоне в академическом и общественно-политическом дискурсе нарастает обеспокоенность отсутствием четкой смысловой опоры в жизни государства и общества.

---

[515] Суслов И.В., Тихонова С.В. Как идеологи определяют идеологию: А.Г. Дугин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 24. № 4. С. 394-399.

[516] Лексин В. Идейная трансформация советских обществоведов в «перестроечно-постперестроечный» период (о книге С.Г. Кара-Мурзы «Между идеологией и наукой») // Российский экономический журнал. 2014. № 2. С. 70-100.

[517] Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. Указ. соч. С. 46.

В частности, в 2004 году заметным явлением становится выход двух монографий – философа А.Г. Дугина «Проект Евразия»[518] и социолога В.Н. Кузнецова «Российская идеология 21»[519]. Исследователи утверждали о возможности создания и успешного функционирования идеологии, призванной объединить российское общество. Перспективы и эффективность новой формирующейся российской идеологии оцениваются как положительные, а также отмечается, что только через идеологию консолидации можно обогатить и наполнить цели, идеалы и ценности людей значимым смыслом. Идеология, таким образом, наделялась способностью предоставить смысл жизни, произведя российскую мечту на основе сохранения и укрепления исторической памяти и культуры патриотизма.

Публичные дискуссии в 2000-е годы продолжали разворачиваться между двумя полюсами. С одной стороны, сторонники сохранения деидеологизации государства (либералы) настаивали на том, что идеология в любых формах несет в себе риск репрессивности, подмены мышления догматикой, ограничения свободной рефлексии.

С другой стороны, усиливается позиция мыслителей и публицистов, рассматривающих идеологию как неизбежный элемент любой формы коллективного существования, форму артикуляции национального интереса, исторической памяти и культурной миссии российского народа. Особую роль играла концепция «суверенной демократии», артикулированная В. Сурковым в 2005 году, которая по сути представляла собой институционализированную форму реидеологизации, не признаваемую в качестве таковой.

Е.Н Мощелков объяснял слабую эффективность многих стратегических национальных программ и доктрин двух постсоветских десятилетий отсутствием национальной идеи[520].

---

[518] Дугин А.Г. Указ. соч.
[519] Кузнецов В.Н. Указ. соч.
[520] Мощелков Е.Н. «Русская идея»: прошлое и настоящее // Вестник Российской нации. 2015. № 2(40). С. 70-80.

Коллектив Института философии и права УрО РАН в монографии от 2016 года попытался ответить на вопрос: существует ли альтернатива идеологии как инструменту социального управления. По мнению авторов, успех в модернизации идеологии требует соответствия этическим принципам о том, что является желательным для настоящего и будущего не только отдельных групп общества и России в целом, но и для всего человечества[521].

Вышеприведенную позицию поддерживает и Ю.Г. Волков, замечая, что трудно оспаривать роль идеологии как силы, способной объединять и мобилизовывать общество. Однако вопросы, возникающие относительно развития идеологической сферы, преодолеваются через усилия по гуманизации, легитимации идей социального творчества, самореализации и альтруизма[522]. Важное различие между идеологией гуманизма и традиционными идеологиями, ученый видит в отсутствии насильственного воздействия. ведущего к политическим конфликтам в процессе реализации гуманистических идей.

Оживленные научные дискуссии о важности идеологии в общественной жизни начинаются во втором десятилетии XXI века. А.В. Рубцов отмечает, что идеологический уклон в сторону осторожной идеократии произошел в 2010-2011 годы. Прогрессивный модернизм быстро уступил место традиционализму, с акцентом на уникальную духовность и моральные ценности. Изменился и язык идеологии: такие понятия как модернизация, инновация, экономика знаний, человеческий капитал были заменены духовностью, традициями, скрепами, идентичностью и культурными кодами[523].

Политико-риторический проект реидеологизации государства, начавшийся в 2010-е, постепенно охватывал всё большее количество сфер общественной жизни, внося коррективы в школьные учебники, патриотическое воспитание, стратегии культурной политики и легитимации настоящего через героизированное прошлое.

---

[521] Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / Под ред. В. С. Мартьянова, Л. Г. Фишмана. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 66.
[522] Волков Ю.Г. Указ. соч. С. 76.
[523] Рубцов А.В. Указ. соч. С. 66-75.

Одним из важнейших инструментов реидеологизации становится государственное переосмысление исторического нарратива[524] (Ефременко, 2023). История окончательно утрачивает статус автономной научной дисциплины и превращается в форму гражданской религии. Закреплению этого вектора служит утверждение Министерством просвещения РФ в 2020 году «Концепции преподавания учебного курса „История России“», а также впоследствии введение единого учебника истории. История становится не темой обсуждения, а полем гражданской мобилизации и инструментом легитимации настоящего через переинтерпретацию прошлого.

В 2010-е годы реидеологизация государства из предмета интеллектуальной рефлексии превращается в реальный политический процесс. Философское сообщество сталкивается с фундаментальным вызовом, связанным с осмыслением возможностей восстановления идеологии после крушения великих нарративов.

В российском обществе происходит постепенное возвращение к поиску идеологического ядра, способного сплотить нацию и ответить на вызовы фрагментированной глобальной современности, что сопровождалось возрастанием роли государства как заказчика и модератора смыслов — от поддержки патриотических нарративов до продвижения традиционных ценностей. В 2014 году, в контексте событий, связанных с присоединением Крыма, идеологические высказывания получают официальный статус. Появляются новые смысловые доминанты: «русский мир», «воссоединение», «историческая справедливость», «многополярный мир» и др., которые начинают играть роль ценностных координат в государственной политике.

Конец 2010-х и особенно начало 2020-х годов ознаменовали собой новый этап в трансформации идеологического пространства России. События этого периода — включая конституционную реформу 2020 года , эскалацию международной конфронтации, милитаризацию публичной риторики,

[524] Ефременко Д.В. Обретая уверенность в собственном прошлом. российские идентичность и политика памяти на новой исторической развилке // Политическая наука. 2023. №2. С. 15-45.

активизацию культурно-ценностной политики — создают качественно иной контекст для философского осмысления процессов реидеологизации.

В 2022 году, на фоне радикального изменения международной обстановки, идеологическое строительство приобретает черты мобилизационной и во многом милитаристской направленности. На смену прежним эвфемизмам приходят прямые и категоричные формулы: «национальное достоинство», «борьба с однополярным миром», «защита русского мира», «ценностный суверенитет». В публичном дискурсе всё чаще звучит тезис о «метафизическом противостоянии» между Россией России и ЗападомЗапада. Эти высказывания выводят идеологию за рамки утилитарной рациональности и придают ей эсхатологический смысл — борьба идей оказывается борьбой миров.

Российское государство окончательно отказывается от постсоветской установки на идеологическую нейтральность, сохранив только внешние признаки конституционного запрета государственной идеологии. На уровне государственной политики оформляются ключевые элементы нового идеологического канона. В 2022 году утверждаются основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей, в которых определяется 17 базовых понятий — от «патриотизма» и «служения Отечеству» до «семьи», «достоинства» и «приемлемости социальной справедливости». Эти понятия подаются как надисторическиенадысторические, универсальные и недискуссионные, то есть не предполагающие философского или культурного спора. Идеология здесь окончательно отказывается от открытого дискурсивного характера и превращается в нормативно фиксированный, символически герметичный каркас.

В рамках теоретического анализа философских подходов к феномену реидеологизации в современной России были отобраны для рассмотрения публикации, входящие в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). Использование РИНЦ обусловлено его репрезентативностью для научного дискурса в гуманитарной и социально-философской сфере.

При отборе источников применялся принцип релевантности и цитируемости. Под релевантностью понимается содержательная направленность публикаций на тематику идеологии, политической философии, социальной теории и философской саморефлексии в условиях постсовременности. Цитируемость, в свою очередь, рассматривается как эмпирический показатель степени научного внимания и обсуждаемости той или иной позиции в философском сообществе. Высокий уровень цитирования трактуется не как маркер «истинности» позиции, но как индикатор её заметности в интеллектуальной среде, что позволяет судить о её влиянии на складывающийся академический дискурс. Таким образом, предполагается, что философия, несмотря на претензию к автономии и универсальности, не существует во «вневременном горизонте», но оказывается включённой в историко-социальную ткань эпохи.

Выборка публикаций основывалась на их значимости, выраженной в количестве научных откликов и обсуждений, что делает возможным реконструкцию наиболее влиятельных или репрезентативных философских реакций на процессы реидеологизации в период 2012–2024 годов. Анализ философских текстов, включённых в исследование, позволяет определить этапы и направления эволюции философского отношения к процессам российского государства.

В конце 2010-х в обсуждении реидеологизации российского общества наметились две тенденции: первая была связана с изучением идеологических позиций и логики действий **российской элиты**, вторая – с определением политико-идейных характеристик собственно **россиян**.

Научный взгляд на идеологическую самоидентификацию политической элиты может быть охарактеризован как скептический. Некоторые политологи (например, Д.Э. Летняков, М.В. Масловский) называли идеологию маской, созданной в качестве стратегического проекта для привлечения голосов избирателей[525].

---

[525] Летняков Д.Э. Политико-идеологические тренды постсоветских обществ: попытка

Реакция массового сознания на реидеологизацию общественной жизни была зафиксирована в серии важных социологических исследований, проведенных на рубеже второго и третьего десятилетия XXI века. Однако результаты оказались противоречивы.

Многомерный анализ данных социологических опросов, осуществленный в Институте социально-политических исследований РАН в 2018 году, показал, что современные политические и идеологические взгляды населения представляют собой смесь традиционных советских ценностей и либерально-демократических установок[526].

В 2020 году В.В. Петухов делал вывод о неопределенности идеологических предпочтений большинства россиян, хотя справедливость, демократия и державность с определенными оговорками назывались как консенсусные[527].

Исследование, проведенное под руководством Т.Н. Юдиной, позволяет делать еще более резкие выводы о степени идеологизации массового сознания в начале 2020-х. Подтверждается, во-первых, уменьшение значимости идеологии в обществе, во-вторых, смягчение идеологической поляризации среди граждан, в-третьих, увеличение разнообразия взглядов, а также потеря идеологическими ориентирами статуса терминальных ценностей[528].

Таким образом, результаты сопоставительного анализа не подтверждают тенденцию к архаизации или модернизации идеологических взглядов россиян, не указывают на их однозначный «левый» или «правый» поворот. В отсутствие ясной национальной идеи во взглядах россиян наблюдается эклектизм, где

обобщения // Полис. Политические исследования. 2018. № 1. С. 129-142; Масловский М.В. Цивилизационный дискурс российской политической элиты в контексте интерпретаций модерности // Власть и элиты. 2019. Т. 6, № 1. С. 15-31.

[526] Иванов В.Н., Назаров М.М., Кублицкая Е.А. Политические ценности российского общества (результаты сравнительного проекта) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2018. Т. 18, № 3. С. 470-480.

[527] Петухов В.В. Идейно-политические предпочтения россиян: смена дискурса // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8, № 4(32). С. 25-43.

[528] Юдина Т.Н., Мазаев Ю.Н., Бабакаев С.В. Динамика политико-идеологических ориентаций населения России в постсоветский период // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20, № 3. С. 582-594.

социалистические идеи соседствуют с капиталистическими, и где люди стремятся к свободе и богатству, одновременно требуя создания условий социальной защищенности.

Насколько в данной ситуации уместно говорить о создании единой государственной идеологии?

Внесение поправок в Конституцию и осложнение геополитической обстановки приводит к возникновению в российской научном дискурсе двух точек зрения. С одной стороны, все решительнее раздаются голоса сторонников идеологического самоопределения государства и общества. С другой стороны, заявляется о необходимости соблюдения некоторых условий и осторожности в процессе непременной реидеологизации. Вторая позиция, кажется, весьма, интересной и будет далее охарактеризована более подробно.

На данный момент, считает И.В. Радиков, стремление к установлению официальной государственной идеологии – закрытой для критики, является преждевременным. В настоящее время предлагается определить границы идеологических разногласий в пределах задачи обеспечения целостности, самостоятельности и независимости государства[529]. Результаты исследования С.В. Иевлева подтверждают важность использования социально-политических коммуникаций для достижения согласия в идеологических вопросах[530].

А.Г. Иванов рассматривает важность раскрытия негативных социально-политических заблуждений и одновременно использования положительных социальных мифов с целью объединения общества[531].

Г.А. Борщевский отмечает, что закрепление социально значимых норм требует тщательного анализа общественного мнения, а также политических и экономических процессов. В противном случае принятые нормы приведут к

---

[529] Радиков И. В. Поиск идеологических ориентиров в постсоветской России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2019. № 1(834). С. 54-75.

[530] Ивлев С.В. Социально-политические коммуникации в контексте идеологического дискурса // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 15, № 2. С. 244-253.

[531] Иванов А.Г. Указ. соч. С. 13-18.

социальному расколу[532]. С данной позицией согласен и А.В. Полосин (научный директор проекта «ДНК-Россия»), предложивший концепт «пентабазиса» мировоззренческий ценностей для российского общества[533].

Однако идеолог отмечает необходимость обратить внимание на изучение мировоззренческих, культурно-ценностных и идентификационных основ российского народа[534]. Для этого предлагается применять передовой опыт социальных наук, проводить социологические исследования, а также теоретически развивать выдвинутые гипотезы.

Философское сообщество продемонстрировало различные реакции на активно поддерживаемые государственной властью с 2012 года процессы реидеологизации России. С одной стороны, А.А. Кара-Мурза отмечает риски тотализации идеологии, а также придание ей репрессивного характера в тех странах, где отсутствует независимое гражданское общество[535].

Э.А. Соловьев указывает на такие инструменты идеологического манипулирования как разжигание недоверия, формирования образа врага, поощрения бдительности, а также использование геополитических мифов, межнациональной нетерпимости и исторических спекуляций. Философским ответом на эти идеологические угрозы должна стать культура скептицизма при проверке ожиданий и надежд, четкое различение между программой и идеалом (целью), а также дальнейшее развитие концепции открытой истории[536].

С другой стороны, философы вели поиск способов и форм участия в процессе обсуждения таких общенациональных вопросов как организация государства, формирование идеологии и выбор оптимального направления дальнейшего развития страны. Например, В.Н. Шевченко пишет о

---

[532] Борщевский Г.А. Традиционные российские ценности: институциональный анализ // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2023. № 4(111). С. 67-93.

[533] Предложены такие целеориентированные паттерны российского мировоззрения как «человек — служение», «семья — многодетность», «общество — соборность», «государство — порядок» и «страна — цивилизация».

[534] Полосин А.В. Шаг вперед: проблема мировоззрения в современной России // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2022. № 3. С. 7-23.

[535] Кара-Мурза А.А. Указ. соч. С. 27-44.

[536] Соловьев Э.Ю. Указ. соч. С. 5-17.

потенциальных возможностях, связанных с развитием публичной философии и широкой популяризацией в обществе социально-политических идеалов интеграции[537].

Популярными становятся призывы к поиску национальной идеи - основополагающей сущности нации на определенном этапе ее исторического развития, единственной и важнейшей чертой национального бытия, отражающей стремление к единству и целостности национального государства.

Философы, не желающие обсуждать идеологию, заняли третью позицию, которая может быть охарактеризована как постфилософский эскапизм, предполагающий поиск свободы в глубинах своего собственного существования, вне пределов разума, общества или какой-либо идеологии. В.М. Межуев считал, что философия все больше принимает характер интеллектуального общения между отдельными личностями, начиная восприниматься как своего рода индивидуальная (или для узкого круга близких) идеология[538].

Таким образом, политическая идеология выводится за пределы философского исследования. Данная позиция, безусловно, соблазнительная для аполитичной части философского сообщества оказалась на периферии современного российского научного дискурса. Несомненно, что идеология сужает разнообразие мыслей и духовных переживаний, ограничивая их одной единственной «правдой» или «голосом», формируя общепринятый стиль мышления, но при этом выражая лишь ограниченную точку зрения. Именно поэтому критика идеологии в конечном итоге приводит лишь к формальному разнообразию мыслей, к радикальному разделению мира на непримиримо противоположные системы идей, что влечет за собой осуждение универсального человеческого опыта. Однако, замечает П.С. Гуревич, не

---

[537] Шевченко В.Н. Зачем нужна обществу публичная философия? // Философский журнал. 2014. № 1(12). С. 5-18.
[538] Межуев В.М. Указ. соч. С. 171-180.

мешает ли «критика идеологии» развернуть полноценный духовный диалог, заменяя его множеством автономных голосов?[539]

Интерес к теории идеологии в наши дни задан самой логикой заката глобализации и геополитического противостояния. Общественно-политический дискурс все активнее осваивает проблемы определения теории идеологии[540], связи идеологии и патриотизма[541], обоснованию новых форм государственной идеологии[542]. Вопрос о том, как сегодня может быть определена идеология, невозможно решить без учета современных эпистемических практик, если, конечно, сама процедура определения выходит за рамки методической учебниковой работы. Марксистская установка на то, что практика есть базовый критерий истинности теории и, одновременно, ее цель, трансформировалась в когнитивный стереотип (назовем его для удобства изложения «марксистским стереотипом»), описывающий отношения между теорией и практикой: практика существует до теории, эту практику необходимо изменить, для этого и создается теория, верность которой будет устанавливаться по результатам ее применения. Этот стереотип получил широкое распространение, поскольку подкреплялся и существованием кабинетной философии и кабинетной науки (Т. Уильмсон обозначает кабинетную философию как «построенную традиционно априорным способом» и сближает ее с методологическими теоретическими процедурами в естественных науках[543]), и логикой обособления научно-технической деятельности в инженерных науках, обеспечивающей

---

[539] Гуревич П.С. Указ. соч. С. 8-26.

[540] См., например: Гусейнов А.А. Идеология в России: прошлое и настоящее // Вопросы философии. 2023. № 1. С. 5-9; Филиппова В.В. Научная институализация // Сфера политики. 2023. № 1. С. 3-10; Борисенко К.С. Идеология как предмет научного дискурса // Гуманитарий Юга России. 2024. Т. 13, № 3. С. 56-65; Сахарова С.А. Концепт идеологии: треки эволюции // Дискурс. 2024. Т. 10, № 3. С. 19-31.

[541] Поповкин А. В. Может ли патриотизм стать новой идеологией России? // Россия и Азиатско-Тихоокеанский регион. 2023. № 4(122). С. 10-21.

[542] Головченко В.И. Особенности трактовок государственной идеологии в научном дискурсе современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, № 2. С. 190-195; Сафронов Н.А. К вопросу о концептуальных основах государственной идеологии России // Право и государство: теория и практика. 2023. № 7(223). С. 96-97.

[543] Уильямсон Т. Кабинетная философия // Эпистемология и философия науки. 2019. № 56(2). С. 19-25.

движение от фундаментальных исследований к прикладным, а от прикладных, в свою очередь, к экспериментальным разработкам и их внедрению в массовое производство (в настоящее время это логика в формате НИОКР повсеместно внедрена не только в проектирование технологий, но и в принятие управленческих решений). Однако реальные отношения между теорией и практикой, в эти схемы укладываются в результате, скажем так, избыточного абстрагирования. Особенно наглядной проблематичность данной схематизации является в случае политической философии, к проблемному полю которой дефиниция идеологии и относится.

Казалось бы, идеологу достаточно выбрать идеологию, взять принятое в политической философии понятие идеологии и работать с ним. Но идеолог и есть творец идеологии, он идеологию не выбирает, он ее создает, а политическая философия как исследовательская программа задана множеством политических доктрин, выдвинувших и продолжающих выдвигать ключевые концепты, из которых и складываются категориальные ряды этого раздела философского знания. Иначе говоря, понятие идеологии всегда идеологично и идеологизировано, тогда как вопрос о праксеологичности политической философии на деле легко оказывается вопросом о ее политической ангажированности. В первом приближении идеолог не может быть кабинетным ученым, он должен быть представителем эмпирической науки. По отношению к политической философии таковой выступает политическая наука (политология), среди функций которой традиционно выделяют мировоззренческую, социализирующую и т.п., т.е. и на эмпирическом этаже эта область научного знания выполняет идеологическую роль, формируя представления людей о политическом и политике. Вслед за Л.В. Шиповаловой будем считать, что в современных условиях неизбежно слияние научного знания и политического действия[544], однако степень этого слияния может быть вариативной. Там, где исследователь, даже преследуя своим научным проектом

[544] Шиповалова Л.В. Как возможна пост-нормальная наука? // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59. № 3. С. 61-73.

общественное благо, придерживается стандартов научной объективности и ориентируется на поиск релевантного знания о своем объекте, мы будем считать его философом. Там, где он ориентируется на выработку идеала своего объекта, мы будем считать его идеологом. Распространение выработанных идеалов мы будем обозначать понятием пропаганды, соответственно, и философ, и идеолог могут реализовывать функцию пропаганды. Особенно наглядной эта ситуация оказывается тогда, когда субъектом деятельности оказывается практический философ.

Фигура практического философа до сих пор остается маргинальной как социальный прецедент, поскольку академическая философия ориентирована на подготовку кадров ради собственного воспроизводства. Если академический философ разрабатывает теоретическое мировоззрение, исследуя вечные вопросы, то практический философ к этой теории добавляет «жизнь». Чаще всего это оживление предполагает, что философ *учит* вне профессиональных институциональных рамок. Когда говорят о философской школе, обычно акцентируют транспоколенческую иерархию отношений учитель-ученики и прирост/трансформацию исходных идей учителя во взглядах учеников. Однако такого рода отношения не ограничиваются передачей знания – практический философ превращает сам свой образ жизни в сообщение для того, чтобы ученики не только примыкали к его взглядам, но и меняли собственные жизни, иным способом реализовывали доступный им репертуар социальных ролей. За рамками узких кружков эта позиция превращает практического философа во «властителя дум», лидера мнений, культовую личность – персонажа, меняющего социальные действия неограниченно широкого круга лиц. Наставник и гуру – амплуа, сконструированные в фокусе практик самосовершенствования и заботы о себе, но практический философ вовсе не обязательно концентрируется на задачах онтогенеза, он может сосредотачиваться на культивировании коллективов, от общины до профессионального сообщества. И в этом случае уже очень трудно осуществить демаркацию между философией и идеологией. И философия, и идеология –

формы мировоззрения. Чаще всего их разграничивают по характеру входящих в них базовых элементов – в философии они рациональны, в идеологии доктрина соприкасается с мифологией, иллюстрирующей абстрактные понятия в образах и сближающих доктринальные стратегии и жизненные перспективы индивида через мифологему героя. Философия информирует, воздействуя на разум; идеология убеждает и мотивирует, воздействуя на волю. Но в практической философии всегда есть широкое поле контакта рационального с иррациональным, поскольку она разомкнута для любых форм искусства. Можно попытаться разделить их по предмету, в первом приближении у философии он всегда шире и охватывает всю систему отношений человек-мир, у идеологии уже – мир сводится или к обществу, или исключительно к его политической системе. Но на свете достаточно философских учений, равнодушных к космологическим проблемам Вселенной, сфокусированных на социально-политическом мире. В этом случае философия и идеология легко могут оказаться неразличимыми в единой синкретичной форме, и чем примитивнее, вульгарнее, стихийнее будет качество философствования, тем больше шансов на такой синкретизм.

Работа по поиску идеологии для России активизировалась в середине второго десятилетия XXI века.

В российском социально-философском дискурсе были обозначены несколько практических предложений, которые выходили за позиции традиционного разделения идеологических систем на либеральные, социалистические и консервативные. Заметного обсуждения удостоились такие идейные основы российского будущего как **гуманизм, культура** и **коммунитаризм**.

1. Гуманизм. Появление индустриального общества, писал Ю.А. Красин, породило необходимость свободы личности и способствовало формированию идеологии гуманизма. Современный переход к инновационной модели общественного развития вызывает потребность в креативности, в индивидуальном творчестве и, следовательно, в продвижении новой

метаидеологии гуманизма, которая должна стать нравственным идеологическим фундаментом для мировой политики компромиссов, способной объединить в себе единство глобального мира[545].

С.И. Мозжилин также подчеркивает, что отсутствие общей идеологии, которая бы поддерживала гуманистические ценности, способствует ухудшению моральной ситуации в современном обществе, что приводит к снижению уровня самодисциплины, поддерживаемой внутренними убеждениями[546].

2. Идейную основу в **российской культуре** предлагает искать А.Л. Маршак[547].

Богатая наследием различных народов российская культура, считает А.Л. Маршак, представляет собой сильное консолидирующее начало для возникновения новой идеологии, отражая многовековые достижения в различных сферах творчества - от устного народного до зодчества и живописи, от литературы и фольклора до быта и образа жизни. Новая идеология должна объединять всех граждан, но не в форме прежнего идеологического монополизма и доминирования. При этом одновременно, имея общегосударственный характер, сопровождаться интеллектуальной консолидацией общества.

3. Иной подход к идеологическому консенсусу предлагается Л.Г. Фишманом. Предполагается достижение согласия относительно общих критериев социальной принадлежности и получение вознаграждения за социальную активность, выраженную в участии в общественных делах, учитывая ограниченные возможности занятости в традиционном производстве материальных благ и услуг[548].

---

[545] Красин Ю.А. Идеологический плюрализм и метаидеология нового гуманизма // Вестник Института социологии. 2015. № 1(12). С. 34-59.

[546] Мозжилин С.И. Совесть и идеология // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. №. 2. С. 148–152.

[547] Маршак А.Л. Культура как основа современной российской идеологии: проблемы и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2017. № 4. С. 503-512.

[548] Фишман Л.Г. Закат «общества труда»: современная идеологическая констелляция // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии

Этот подход, возможно, усилит влияние **коммунитаризма (**как альтернативы неолиберализму), основанного на ценностях общего блага, и призывающего к участию в общественной жизни**.**

О серьезном внимании философского сообщества к проблемам реидеологизации общественной жизни свидетельствует проведение 1 марта 2018 года в Институте философии РАН круглого стола под названием «Философия и идеология: иллюзия деидеологизации», который был продолжением обсуждений, на общеинститутском семинаре, начавшихся два года ранее[549].

Обсуждение показало, что идеология обладает высокой подвижностью и разнообразием, что соответствует динамике современной общественной жизни. Объединение усилий исследователей из различных областей знания позволит прогнозировать процессы трансформации идеологии, делая ее более понятной и открытой (а не только репрессивной) для возможной социальной инсталяции.

Часть философов сегодня признают необходимость взаимодействия с государством в вопросе создания национальной идеологии. Например, при разработке будущего проекта для России А.Л. Никифоров предлагает отказаться от принципов либерализма и капитализма, ориентированных на прибыль, в пользу новой коллективистской идеологии, предполагающей ограничение частной собственности и рыночных отношений. Главной задачей российской философии в настоящее время исследователь считает создание нового социального проекта, который придаст жизни людей глубокий смысл[550].

По мнению Ю.М. Резника, философия взаимосвязана с государством тремя способами: она получает финансирование от государства, подчиняется его стандартам и регламентации, и в свою очередь формирует идеалы государства в соответствии с культурными традициями. Основная задача философов таким образом заключается в обосновании культурной и

политики). 2016. № 3(82). С. 116-129.

[549] Сыродеева А.А. Философия и идеология: иллюзия деидеологизации (обзор «круглого стола») // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 207-217.

[550] Никифоров А.Л. Какое будущее ждет человечество? // Философский журнал. 2021. № 3. С. 82-95.

цивилизационной миссии России в современном мире[551]. Россия нуждается в ясной государственной идеологии, добавляет Л.А. Мусаелян, которая выражает интересы страны и привлекательна для молодежи. Эти новые ценности и идеалы должны отражаться в образовательной системе[552].

Однако процессы реиделогизации встречаются другой частью философов с откровенным скепсисом. На международной конференции, посвященной 100-летию «Философского парохода», А.А. Гусейнов предлагает рассматривать «изгнание философов» как исторический эксперимент, неудача которого показала, что попытка полного слияния философии и идеологии приводит к краху[553]. Возвращение «Философского парохода» подчеркивает важность создания пространства для духовной жизни, которое не допускает превращения какого-либо философского учения в государственную идеологию.

Философское сообщество принимает участие в дискуссиях, которые в совокупности с происходящими общественными процессами предлагают вызов (призыв к саморефлексии), требуя занятия определенной позиции. Однако, как подметили А.В. Логинов и Д.В. Руденкин, философия сталкивается с противоречием между желанием описать идеологию с использованием привычного языка крупных и связанных проектов (консерватизм, либерализм, социализм), и отсутствием объекта для такого описания[554]. Тезис о «уходе» идеологической борьбы с традиционных политических арен вызывает «кризис идентичности» в философии. Этот методологический крах ставит перед теорией идеологии серьезные вызовы. Изменение и расплывчатость привычного образа идеологии представляют собой возможность начала переосмысления философской миссии.

---

[551] Резник Ю.М. Указ. соч. С. 6-42.

[552] Мусаелян Л.А. Тревожные мысли философа по поводу особенностей современной общественной жизни и некоторых проблем образования в эпоху тотальной цифровизации // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. №. 3. С. 349–364.

[553] Гусейнов А.А. Философия и идеология (к столетию «Философского парохода»). С. 5–15.

[554] Логинов А.В., Руденкин Д.В. Ни конфликта, ни согласия: изображая идеологию в современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. № 2. С. 341-355.

Современные практические философы, инкорпорированные в академическое сообщество, превращают в идеологический инструмент «чистые» формы философствования, переформатируя историю философии в арену политической борьбы. Примером таких философов мы выбрали Мишеля Онфре и Александра Дугина. Основанием выбора стала их вовлеченность в политическую деятельность при наличии изначального академического философского статуса.

Мишель Онфре родился в 1959 году в семье норманских фермеров. В 1979–1982 годах работал журналистом в сельской газете. С 1983 по 2002 гг. преподавал философию в анском технологическом лицее. В 1986 году защитил диссертацию «Этические и политические последствия негативных мыслей от Шопенгауэра до Шпенглера (1818–1918)» в Университете Кана (Нормандия). Известен своей работой «Трактат о атеистической морали» (Линия атеизма. Физика метафизики; Traité d'athéologie. Physique de la métaphysique, 2005), а также серией книг «Теория гедонизма».

Левые политические взгляды Мишель Онфре выразил в работе Politique du rebelle («Политика повстанца»), вышедшая в 1997 году м до сих пор отдает голос социалистам-республиканцам. В 2002 году после выхода на президентских выборах Жан Мари Ле Пен (крайне правых взглядов) во вторую тур философ решает открыть Народный Университет в Кане для просвещения народных масс и противодействия идеям консерватизма.

Александр Дугин родился в 1962 году в семье военного разведчика в Москве. После распада Советского Союза Дугин вместе с Эдуардом Лимоновым основал Национал-большевистскую партию, из которой впоследствии вышел. В 1997 году опубликовал книгу «Основы геополитики», в которой призвал Россию бросить вызов соперничающей атлантистской империи во главе с США. Является автор идеологии неоевразийца и с 2002 года лидером и основателем одноименной политической партии.

Александр Дугин был советником двух председателей Государственной Думы, некоторое время (в 2015 году) занимал пост главного редактора

православного канала «Царьград ТВ». Мнение о его идеологическом влиянии на российское правительство вообще и на Президента РФ Владимира Путина в частности является дискуссионным. Противостояние России и коллективного Запада считает священной войной против либерально-тоталитарной гегемонии «абсолютного Зла.

Вернемся к философскому статусу фигурантов нашего анализа. Еще со времен античной философии сформировалась традиция разделять философию как публичную практику и философию как созерцание. Например, О.В. Зарапин разграничивает философию как воздействие и философию как созерцание, показывая, как из формата симпосиона постепенно развиваются различные формы философской беседы от конгресса до круглого стола[555]. И если воздействие в историко-философской традиции воплощено в фигурах Сократа и Платона, то созерцание «ушло» к Аристотелю несмотря на то, что последний смог трансформировать Ликей в собственную школу и дал начало перипатетикам. Философия не столько распадается на эмпирику и практику, скорее, речь идет о разграничении коллективного и индивидуального пути познания. М. Павич в романе-кроссворде «Пейзаж, нарисованный чаем» (1988) обрисовал две линии в жизни монахов как противостояние кенобитов и идиоритмиков, общинников и одиночек-отшельников: «Идиоритмик, отправляясь в дорогу, прятал под шапкой свою миску, во рту – чужой язык, а за поясом – серп: так поступают одинокое путники. Кенобиты, напротив, несли по очереди кто котел для пищи, кто общий язык за зубами, а кто и нож за поясом: так делают те, кто путешествует не один. <…> Ведь каждый идиоритмик молчит сам по себе, а кенобиты хранят свою общую тишину. Одинокие люди возделывают молчание, словно пшеничное поле: вспахивают, открывают его пространство, углубляют борозды, поливают, чтобы зерна взошли, чтобы колосья вытянулись как можно выше, ибо только молчанием можно достичь Бога, но не криком, хоть ты надорвись кричамши...Напротив того, общинники

[555] Зарапин О.В., Шапиро О.А. Философский текст и коммуникация в симпосийном формате // Философская мысль. 2016. № 11. С. 11-21.

не направляют лелеемую ими тишину навстречу Богу, но воздвигают ее, точно плотину, перед той частью мира, которая им не принадлежит и которой они хотят завладеть; они ограждают себя тишиною, защищаются ею или же насылают тишину на свою добычу, как охотничью собаку»[556]. Эти две линии концентрируют представления об упомянутых двух путях.

Философия как диалог требует соучастия Другого, без него она невозможна. В этом качестве она реализуется через школу или течение, иерархическое или сетевое объединение людей, связанных обменом общими взглядами, эмоциональный накал которого может варьироваться от легкой беседы до фанатичного признания, а концептуальность – от вульгарных эклектичных построений инфоцыган до рафинированных форм сложнейшей академической философии. Философия как диалог сказывается на появлении совместного образа жизни. Философия как созерцание обычно связывается с усилием, направленным на понимание или достижение метанойи (умоперемены), расхожие стереотипы рисуют облик философа-одиночки, ночами фиксирующего свои конструкции в трактатах, обращающегося к давно умершим оппонентам и уповающего на суд истории. Философское созерцание, по сути, не отменяет диалога с Другими, напротив, предполагает его. Но эти Другие настолько далеки от философа территориально или темпорально, что совместные социальные действия невозможны. Итак, с одной стороны, философия прямо требует социальной активности, с другой – отказывается от нее. Университетская традиция выработала правила переключения двух этих режимов, чередуя и комбинируя устные и письменные жанры апробации академического философского исследования в рамках процесса присвоения ученых степеней и тем самым заставляя исследователя осваивать действовать и созерцать как профессиональные компетенции.

Практические философы нередко обвиняют коллег от академии в «философоведении». Не чужд этот пафос и Мишелю Онфре, который

---

[556] Павич М. Пейзаж, нарисованный чаем // https://www.lib.ru/INPROZ/PAWICH/tea.txt (дата обращения 20.10.2024).

систематически в своих интервью обвиняет академических философов в том, что они низвели философию до преподавания философии, т.е. комментирования, толкования и исследования чужих текстов, а это вторичное по отношению к подлинной философии занятие. В итоге в университетах давно стала нормой ситуация, в которой профессора философии заняты только тем, чтобы производить профессоров философии, занимаются не философией, а самовоспроизводством. Концептуальный философ для Онфре – спекулирующий фикциями схоласт, единственным критерием оценки подлинности философии может быть только античный подход, в соответствии с которым философ – этот тот, кто ведет философскую жизнь: «Я верю не идеям, а жизням, которые люди ведут на основании своих идей. Вести либертарианскую жизнь означает воплощать на практике «левые» идеи: свободу, равенство, братство, светскость, феминизм. Не собираясь время от времени на улицах, как католики, которые считают себя католиками просто потому, что ходят на мессу по воскресеньям, а по остальным дням ненавидят людей, но делая всё возможное в своем положении, чтобы способствовать реализации принципов свободы и равенства»[557]. Однако философский образ жизни для Онфре не отделим от стремления писать, облекать мысли в форму, философствовать, но философствовать так, чтобы творимая философия была полезна всем людям, а не только узкому кругу философоведов. Философский образ жизни предполагает создание конкретной философии и следование ей: «в античные времена все было просто: философ живет как философ. Доказательство его сущности? Его существование. По его привычкам в питании, его короткой стрижке или тщательно уложенной копне волос, его палке, миске, плащу из белого льна или дырявой мантии было видно, что имеешь дело с пифагорейцем, стоиком или киником. Ведь в те времена философом назывался индивид, который исполняет на практике теорию, позволяющую ему идти к мудрости – состоянию согласия с самим собой, с

[557] «Обовсём» Мишеля Онфре // Парантеза | Интеллектуальный блог о культуре и познании URL: https://dzen.ru/a/YfFtKz5YbCdVPqt_ (дата обращения 18.10.2024).

другими, между собой и миром»[558]. Такой выбор налагает определенные обязательства на философствующего жить в соответствии со своими словами: «Что касается меня, то я стараюсь строить свою жизнь, не беспокоясь о деньгах, почестях и репутации, а добровольно и бесплатно занимаясь тем, что я умею: созданием народных университетов, чтением лекций, написанием книг и статей, выступлениями, преподаванием, а также присутствием на телевидении, чтобы не отдавать медиапространство на откуп господствующему дискурсу и политкорректности»[559].

Всемирную известность Онфре принесла книга «Атеистический манифест: аргументы против христианства, иудаизма и ислама», вышедшая в 2005 г. В ней он на основе батаевского концепта «атеология» развивает специфическое ницшеанство с деконструированной фигурой Бога и исследует злоупотребления, ставшие возможными благодаря альянсу между политической властью и авраамическими религиями. «Атеистический манифест» имел серьезный коммерческий успех, поскольку вызвал широкий резонанс. Сам Онфре считает эту свою работу второстепенной, в нашей стране исследования весьма объемного творчества философа только входят в научный оборот, поскольку большинство его работ, написанных на французском и итальянском языках, не переведены на русский язык. В 2024 году вышли в «Вопросах философии» две объемные статьи, посвященные материалистической философии Онфре[560].

Онфре – экзистирующий философ. В центре его проекта находится трансформация модуса человеческого бытия, возвращения к быть вместо иметь, эксплуатировать, потреблять, казаться. Созданную им философскую модель сложно соотнести с традиционным членением разделов философского знания,

---

[558] Несчастья (и величие) философии // Научно-просветительский журнал «Скепсис». URL: https://scepsis.net/library/id_1429.html (дата обращения 18.10.2024).

[559] «Обовсём» Мишеля Онфре // Парантеза | Интеллектуальный блог о культуре и познании URL: https://dzen.ru/a/YfFtKz5YbCdVPqt_ (дата обращения 18.10.2024).

[560] Коростиченко Е.И. Материалистическая философия Мишеля Онфре // Вопросы философии. 2024. № 7. С. 184-192; Коростиченко Е.И. Атеология и критика религиив философии Мишеля Онфре // Вопросы философии. 2024. № 8. С. 180-188.

не случайно ее характеризуют то как этику («сенсорная, гедонистическая, биоцентрическая этика»[561]), то как онтологию («материалистическая философия», «атеизм»[562]). Она представляет собой авторскую антропологию, имеющую материалистические онтологические корни, в которой этический посыл облекается в эстетическую форму самосоздания, уподобляемого скульптуре (индивид должен лепить, ваять свою идентичность) для того, чтобы получить социально-политический проект «сопротивления». Итак, мир материален, человеческая жизнь конечна и ограничена телом. Стоит отбросить пуританские оковы, ради того, чтобы заново открыть биосферу, которая кишит целенаправленным и значимым семиозисом на всех биологических уровнях организации, поскольку материя есть коммуникативная ткань, доступная нашим пяти чувствам[563].

Антропологически человек изувечен доминирующим иудео-христианским дискурсом, акцентирующим страдания и боль в соматическом опыте и затирающем удовольствие, тогда как телесность есть переживание плоти, и это переживание Онфре и пытается вернуть человеку, укрепить его в попытках сконцентрироваться и укорениться в этом переживании. Х.Д. Альмейда Сармьенто и Р. Лима характеризуют материалистическую онтологию Онфре как «экзистенциальную геологию», в которой животность человека восстанавливает свои связи с космосом (землей, небом, природными ритмами)[564]. Тело у Онфре – «солнечное», требующее для жизни света и тепла, оно производит личность, и оно же определяет отношения с Другими, так называемую солнечную эротику, в которой люди дарят друг другу удовольствие своей жизненной силой, несущей добро, заботу и

---

[561] Moser K. The Sensorial, Biocentric Philosophy of Michel Serres and Michel Onfray // Pacific Coast Philology. 2018. № 53. P. 92.

[562] Sandrier A. Michel Onfray, d'Holbach redivivus? // Critique. 2006. № 713. P. 838.

[563] Moser K. Michel Onfray's Biosemiotic, Materialistic, and Post-Monotheistic Reworking of Human and Other-Than-Human Semiosis // Contemporary French Environmental Thought in the Post-COVID-19 Era. Sustainable Development Goals Series. Cham: Palgrave Macmillan, 2022.

[564] Almeyda Sarmiento J., Lima R. Subjetividad de trinchera: una interpretación del pensamiento de Michel Onfray // Estudos Contemporâneos da Subjetividade. 2022. V. 12. №. 2. P.256-269.

ответственность. Жизненная сила солнечного тела воспроизводит пафос ницшеанской воли к власти. Она порабощена фукианской микрофизикой власти, насаждающей иудео-христианскую мораль и буквально «разлитой» в ткани общественных отношений. Здесь важно отметить, что понимание социально-политической реальности у Онфре является чисто постмодернистским и задано шизоанализом Делеза и Гваттари, направленным против «современного фашизма». Для Онфре любое принижение жизненной силы – это фашизм, совмещающий психологическое, общественное и политическое подавление личности. Человек должен сопротивляться этому подавлению, реализуя делезианский проект молекулярной революции. Революция на макроуровне давно невозможна, поскольку конфигурация современного общества душит субъекта в его приватном мире, опутывая его сложной сетью воздействий. Микрореволюция должна быть уподоблена лилипутам, привязавшим спящего Гулливера за волосы к земле, ее ядром является окопное сопротивление, порождающее окопную субъективность. Повседневная жизнь, в которой человек эстетизирует себя, порождает радость духа, которая и произведет личность нового типа, с которой Онфре и связывает будущее человечества.

Для того, чтобы вернуть человеку радость, нужно избавить его от заблуждения в том, что тело – инструмент. Тело и есть человек, сопротивление – модус его существования. Противостояние природы (тело) и закона продолжается в противостоянии свободы и полиса. Инструментом сопротивления свободной природы оказывается история философии. Во-первых, Онфре переосмысливает ее историографию как в терминах войны, культурной войны между идеалистами и материалистами, теологами и атеистами, креационистами и учеными, показывая, что первые побеждали в результате сложных манипуляций по выстраиванию отношений преемственности между идеями и философскими школами (хотя, по мнению многих исследователей, Онфре и сам в своих разоблачениях использует

критикуемые им приемы[565]). Для Онфре не интересны философы классического канона (а как легитиматоры авраамической морали они, по его мнению, однозначно вредны), ему важны контрфилософы, поскольку он создает альтернативную историю философию. В ней на авансцену выходят философы материалистической, сенсуалистской, эмпирической, киренской, кинической, демокритовский, гностической, утилитаристской философии. Так, Демокрит для Онфре не может оказаться в «клане» досократиков, как ровесник Платона Демокрит – первый антиплатоник, живший в одно с Платоном время, в которое Демокрит и Платон начинают две отдельные философские линии. Повествование – это главная сила в таких культурных войнах, где оружием выступают не только слова, но и умолчание, замалчивание, игнорирование своего оппонента. Онфре выводит из плена забвения тех, кто отвергал и опровергал идею трансцендентного и, одновременно, выступал в роли Прометея, даря огонь философии людям, похитив его у узкой клики мудрецов, воображающих себя небожителями. По этой причине Онфре получил репутацию плебейского философа, занятого разметкой траекторий, по которым массы могут самостоятельно выполнять функции самоопределения и самоорганизации, не позволяя больше интеллектуальным и политическим элитам их узурпировать[566].

Во-вторых, как подлинно плебейский, народный, философ, Онфре учреждает на доходы от своих книг Народный университет Кана (https://www.upcaen.fr/), следуя собственной максиме «хватит копить знания!».

Онфре исходит из идеи о классовом характере культуры: «культура чаще всего служит классовому различию: мы используем то, что знаем, чтобы обозначить принадлежность к среде, касте, социальной категории»[567]. Модель народного университета позволяет предоставить в распоряжение публики

---

[565] Filho A. A História do Saber enquanto determinante do Filosofar: Uma breve introdução a Filosofia da História de Michel Onfray // Revista Dialectus. 2013. № 2. P. 165-179.
[566] Gaillard Ch. Proudhon et Michel Onfray, deux philosophes plébéiens // Revue internationale de philosophie. 2020. № 293. P. 27.
[567] Onfray M., Narita F. Éducation, libération de soi: entretien avec Michel Onfray / Educação, libertação de si: entrevista com Michel Onfray // Cadernos CIMEAC. 2012. V. 2. №5.

наибольшее количество знаний, не требуя от нее чего-либо взамен: денег, уровня, регистрации, контроля. Все занятия университета доступны любому желающему, нет никаких оценок. Главная задача – сформировать коллективного интеллектуала, способного в окопах повседневности противостоять современным останкам платоновской академии. И, тем самым, превратить философию в идеологию, не извратив ее подлинной сути.

Теперь перейдем к Александру Дугину. Мы будем обращаться к той части его творчества, которая соответствует академическому треку его биографии. На сегодняшний день как научная, так и публицистическая литература далека от консенсуса по атрибуции данной персоны в силу многовекторности ее интересов, включающих как профессиональную академическую деятельность, экспертную позицию для властных элит, пропаганду, медиа-активность и позицию лидера мнений.

В.А. Шнирельман, анализирующий конспирологические и эсхатологические концепции Дугина, приходит к выводу о том, что многочисленные несостыковки и противоречия в них объясняются тем, что «Дугин – не ученый, а идеолог, усматривающий свою главную задачу в том, чтобы вызвать у аудитории желательные эмоции, которые бы направили людей к выполнению заданной цели»[568]. Авторы настоящей статьи исходят из тезиса о множественности философий, на основании которого возможно сближение современной академической философии с наукой до отождествления, и эта рамка позволяет рассматривать две приведенных атрибуции как непротиворечивые, поскольку философия может лежать за рамками научного дискурса и развивать прозелитистскую стратегию коммуникативной экспансии, т.е. совпадать с тем, что В.А. Шнирельман подразумевает в процитированном фрагменте под деятельностью «идеолога».

Что касается проблемы обоснованности приведенных оценок, не относящейся прямо к заявленной нами цели, то она может получить свое

---

[568] Шнирельман В. Александр Дугин: возведение моста между эсхатологией и конспирологией // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2016. Т. 34, № 4. С. 213.

решение в процессе рассмотрения того, что именно происходит с понятием идеологии в теоретических пластах взглядов А.Г. Дугина, т.е. в рамках нашей первостепенной задачи. И тут мы сталкиваемся с проблемой избыточности материала: представленные в рунете тексты автора значительно превосходят индексируемые в РИНЦ 166 публикаций (сентябрь 2024), многие из которых относятся к журналистско-публицистическому направлению его деятельности. Поскольку нас все-таки интересует рациональная концептуальная работа, предпочтительными представляются академические тексты. К таковым относится учебник «Философия политики» (2004), курсы по этой учебной дисциплине А.Г. Дугин читал в Международном независимом эколого-политологическом университете (прекратил деятельность в 2018 г.). Философия политики в качестве обязательной дисциплины преподается или философам как раздел социальной философии, или политологам как базовая теоретическая дисциплина. Возможны различные подходы к построению учебного курса, но блоки «история политической философии», «политическая онтология», «политическая гносеология», «политическая антропология» и «политическая аксиология», «политическая динамика» являются устойчивыми. Идеология традиционно входит в число дидактических единиц дисциплины, чаще всего связывается с политическим сознанием.

В учебнике А.Г. Дугина представлены классические разделы (каждая глава начинается с перечня дидактических единиц), но самостоятельной главы, посвященной идеологии, в нем нет. Конечно, в тексте встречаются обороты в духе «либеральная идеология», «консервативная идеология» и т.п., но они маркируют во вполне общепринятом смысле слова известные системы взглядов. Мы встречаемся с самостоятельным обозначением идеологии в дидактических единицах к главе 16, «Политический язык. Политика как язык», где она фигурирует как «Идеология как парадигма и как синтагма», что не может не уводить интерпретацию концепта в постструктуралистскую семиотику. Содержательный анализ главы работает на это предположение, но

мы к нему вернемся позднее. А пока перейдем к особенностям концепции философии политики, изложенной в рассматриваемой работе.

Существует два подхода к политической философии – широкий и узкий. Широкий, рефлексивно-аксиологический, относит к политической философии системы взглядов на сущность политического, взятую в модусе долженствования, т.е. включающей в себя критерии оценки сферы политического с позиций идеалов. Узкий, позитивистский, предполагает, что политическая философия включает в себя базовые научные теории о том, что есть политическое. С первых строк своего учебника А.Г. Дугин развивает широкий подход, определяя философию, в которой «софия» отвечает за «"световой срез бытия", его глубинную коренную часть,» как онтологию, а политику – как «область применения высших способностей человеческого существа к конкретной реальности»[569]. Таким образом, во-первых, в философию политики закладывается метафизический источник, а, во-вторых, сама политика оказывается высшим, с точки зрения реализации человеческой сущности, видом деятельности людей, в котором само действие совпадает с познанием универсального (обычно так обозначается собственно философская деятельность). На правах универсального прописывается коллективный опыт прошлого, постижение этого универсального позволяет волевым усилием менять настоящее и тем самым предопределять ход будущего. В итоге автор с помощью вполне рутинного категориального философского аппарата буквально с первых строчек закладывает в содержание учебника свой собственный ретроградный (в данном случае – ориентированный на прошлое) проект.

Разумеется, понятие политических общностей (классов, народов, партий и т.п.) всегда включает в себя как элемент политическую идентичность, у которой неизбежно есть ретроспектива как традиция соотнесения себя с другими, но в рассматриваемом тексте автор прямо сопрягает коллективное с историческим: «чтобы уяснить, что такое политика, представим, что человек,

[569] Дугин А. Г. Философия политики. М.: Арктогея, 2004. С. 12.

живущий по заведенной логике (семья, работа, отдых), вдруг начинает задумываться о том, откуда происходит он сам, его народ, государство, окружающий мир? Постепенно у него складывается понимание, что он участвует в потоке событий, действий и состояний не случайно, что его бытие в огромной мере предопределено его родом, народом, культурой, историей, языком, и у каждого его действия и переживания, мнения и оценки есть глубокая подоплека, уходящая в смысловые структуры, сложившиеся в глубокой древности. Тогда он начинает относиться к своему прошлому, к тому, что предшествовало ему и его породило, с повышенным вниманием, особым духовным и умственным напряжением»[570]. Как видим, политические субъекты не просто выступают носителями коллективного опыта (почему бы и нет?), они, по сути, трансформируются в транспоколенческие инстанции, что предполагает метафизическую философию истории.

Далее, раскрывая содержание политического, А.Г. Дугин выделяет семь основных моментов, через которую оно может быть описано: власть; - цель, проект общества; иерархию, оперирование с неравенством, распределение общественных функций; правовую систему; коллективную идентификацию; насилие, легитимацию насилия, защиту от насилия (коллективную безопасность); ценностную систему. Такая «политическая феноменология» по умолчанию связывает политическое и государственное (система законодательства, установленного государством, есть ядро правовой системы), политическое и идеологическое (цель, проект общества, коллективная идентификация, легитимация насилия и ценностная системы и есть содержание идеологии). В итоге идеология и политическое совпадают, и нет никаких необходимости в ее обособлении. Тогда как мифология внезапно получает в этой концепции философии политики небывалое раскрепощение: если идеология включена в содержание политического, то в фокусе философии политики оказываются непубличные формы общественного сознания (столь любимые ранним Дугиным тайные общества, конспирология, сакральное

[570] Дугин А. Г. Философия политики. С. 46.

мифотворчество, каббала, крестовые походы и проч.). Поэтому философию политики он определяет как «интеллектуальное усилие», которое направлено на отказ от анализа «привычных» современных форм, дискурсивно обозначаемых как политическое, ради внимания к тому, «*чем может быть* политика (курсив автора – *И.С.)*»[571].

Очевидно, что традиционалистская философия и геополитика дадут возможность автору дать ответ на этот почти мистический вопрос. Более того, его способ решения уже получал внимание в литературе[572]. Мы же, вернувшись в 16 главе к предлагаемым им анализу идеологии, обнаруживаем, что идеология – это грамматика и морфология "политического языка", «парадигма Политического»[573], которая может быть прочитана как синтагма в случае занятия критической позиции по отношению к ней. Идеология – это порядок явления нам смыслов политического в вербальной форме, соответствующей нашему наследию, которое и есть Политическое само по себе. Любопытно, что автор отмечает способность идеологии к семантическому выветриванию, за которой, по идее, должна лежать область смены парадигм, но сами процессы деидеологизации/реидеологизации не детализирует.

В рассмотренном нами случае философ трансформируется в идеолога. Отождествив политическое и идеологическое, он теряет необходимость в собственном определении идеологии, поскольку жертвует идеологией ради того, чтобы иметь возможность обнаружить политическое там, где его нет, и вывести на его арену тайнопись скрытых корней явлений, представленную подлинной конспирологией. Понятно, что в данном ракурсе ключевой акцент будет ставиться на проект, цель и должное, в угоду которым «реальная» политика легко может приноситься в жертву. В итоге «идеология» становится делом рук оппонентов, которые развивают системы взглядов, маскирующих

---

[571] Дугин А. Г. Философия политики. С. 28.

[572] Товбин К. М. Традиционалистская философия: версия Дугина // Аналитика культурологии. 2014. № 3(30). С. 46-63; Хазыр У.Н. Современное антизападничество в России и Турции: сравнительный анализ неоевразийства Дугина и неоосманизма Давутоглу // Политическая наука. 2023. № 2. С. 295-314.

[573] Дугин А. Г. Философия политики. С. 103.

подлинную реальность и далеких от бытийного корня политики. Эти системы и есть идеологии, отягчающие и тормозящие движение прошлого в будущее, необходимое для созидания глубинного проекта настоящей политики. Конкретизация же последнего осуществляется А.Г. Дугиным через язык геополитики и эсхатологии.

А.И. Демидов предлагает различить два вида идеологий доктринальные и ценностные[574]. Цифровая среда трансформирует не только способы коммуникации и механизмы политического взаимодействия, но и саму природу идеологии как социального феномена. Одним из ключевых векторов этих изменений выступает смещение от доктринальных форм идеологии к ценностно ориентированным структурам. Доктринальные идеологии, в классическом понимании, представляют собой логически упорядоченные системы с внутренне непротиворечивой логикой. Они исходят из универсальных посылок, обеспечивают когерентное мировоззренческое объяснение и претендуют на нормативную всеобщность. К такого рода идеологиям относятся либерализм, социализм, марксизм и другие системные доктрины, формировавшиеся в эпоху модерна.

В условиях цифровой медиасреды, характеризующейся высокой фрагментарностью, ускорением коммуникационных циклов и дефицитом внимания, подобные идеологические конструкции теряют эффективность. На смену им приходят ценностные идеологии — гибкие, адаптивные, лишённые жёсткой теоретической опоры, но способные обеспечивать символическую интеграцию на основе культурных кодов и социальных аффектов.

Ценностная идеология опирается не на выводы из аксиоматических оснований, а на коллективный опыт и доминирующие представления о «нормальном», «правильном», «справедливом». При этом легитимация ценностей происходит через множественные акты цифровой рефлексии — лайки, репосты, комментарии, мемы, инфоповоды, оказывающиеся маркерами

[574] Демидов А.И. Мир политики. Философское измерение. М.: Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2018.

предпочтений. Цифровая коммуникация не создает новой системы взглядов, но перепрошивает существующие аксиологические структуры.

Функция политической элиты в данной конфигурации сдвигается в сторону медиатора цифровых смыслов, ретранслирующий ценностные сигналы, уже артикулированные в сетевой среде. При этом формируется новая модель элитарности — символическая, основанная на способности воздействовать на внимание и эмоции цифрового большинства.

В условиях растущей социальной фрагментации ценностные идеологии могут принимать две основные формы: интегративные и мобилизационные. Первые стремятся к стабилизации и сохранению ценностного консенсуса в обществе, вторые — направлены на перераспределение символического капитала и иерархизацию ценностей через апелляцию к «несправедливости» и необходимости изменений[575].

В контексте российской цифровой повестки нарастающий интерес к поиску национальной идеи может быть интерпретирован как попытка восстановить единое ценностное ядро в условиях конкуренции различных информационных потоков и идеологических нарративов, что обусловлено нивелированием границы между официальной и неофициальной политикой и превращением поля публичного в арену для перманентной идеологической конкуренции.

Показательно, что трансформация политического языка в цифровую эпоху происходит через упрощение: от логически последовательных доктрин — к эмоционально заряженным символам и реакциям. В результате теряется содержательная глубина политического дискурса, но усиливается его вовлекающий потенциал, что создает парадокс: чем примитивнее сигнал, тем эффективнее он распространяется.

Тем не менее, цифровая идеология не является бессодержательной. Наоборот, в условиях постоянного пересмотра и переупаковки смыслов, она выполняет важную интегративную функцию, позволяя поддерживать

[575] Демидов А.И. Мир политики. С. 172.

ощущение принадлежности и смысловой опоры, особенно в условиях турбулентности и неопределённости. Ценностные идеологии становятся формой быстрой реакции на вызовы, а также — средством репрезентации идентичностей, формирующихся в цифровой среде.

Таким образом, цифровизация политического и социального пространства способствует переопределению сущности идеологии: от теоретической системы — к пластичной, эмоционально насыщенной и медийно эффективной структуре, ориентированной на реакцию, а не на рациональное убеждение.

Выводы по параграфу: Социально-эпистемологическая демаркация границ между идеологией и философией становится актуальной задачей общественно-политического дискурса в условиях современных дискуссиях о связи идеологии и патриотизма, а также социального запроса на формирование новой государственной идеологии. В политической философии понятие идеологии неизбежно предвзято и носит идеологический характер, а вопрос практической применимости (праксеологичности) оказывается также вопросом о политической вовлечённости.

Степень слияния научного (политико-философского) знания и политического действия может варьироваться, а следовательно при демаркации философии и идеологии следует учитывать следующие аспекты.

Во-первых, родовой чертой философии может быть названо стремление к объективности и знанию ради общественного блага, а на идеологическую деятельность может указывать работа по созданию идеала для преобразования реальности. Во-вторых, и философ, и идеолог могут заниматься пропагандой, особенно если речь идет о практическом философе, способным стать лидером мнений и культурным героем или (культовой) фигурой. В-третьих, философия опирается на рациональные элементы, воздействуя на разум, в то время как идеология сочетает доктрины с мифологией, воздействуя на волю, убеждая и мотивируя.

§ 4.2. Социально-эпистемические арены идеологических дискуссий о советском прошлом

Наличие тесной связи между политикой национальной и исторической является общим местом в социально-гуманитарных науках. История – это основа для конструирования национальной солидарности. Данные исследования идут в логике заданной О.Ю. Малиновой и А.И. Миллером – историческая политика позволяет конструировать национальную идентичность и выполнять мировоззренческую функцию, определяя смысловое поле рефлексии современных процессов.

С одной стороны, в рамках социальных наук возможно изучение публичных отсылок к советскому прошлому как инструменту официального дискурса, конструирующего национальную макроидентичность[576]. С другой стороны, научный интерес может представлять обсуждение позитивных/негативных высказываний современной политической оппозиции/элиты о советском прошлом и их политического потенциала[577].

Нельзя также не отметить, что в дискурсе современной (в основном несистемной) оппозиции, а также критически настроенном научном сообществе зачастую звучат тезисы о сходстве принципов советской и российской внешней (и даже внутренней) политики.

Актуальность памяти о советском в современной России сложно переоценить[578]. Имидж Советского Союза в настоящее время является довольно

---

[576] Малинова О.Ю. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам // Полис. Политические исследования. 2016. № 6. С. 139–158; Chaisty P., Whitefield S. Putin’s Nationalism Problem // Ukraine and Russia: people, politics, propaganda and perspectives / A. Pikulicka-Wilczewska, R. Sakwa (Eds.). Bristol: E-International Relations Publishing, 2016. P. 157–163.

[577] Kuzio T. Russian and Ukrainian elites: A comparative study of different identities and alternative transitions // Communist and Post-Communist Studies. 2018. Vol. 51, № 4. P. 337–347; Engström M. Contemporary Russian messianism and new Russian foreign policy // Contemporary Security Policy. 2014. № 3 (35).

[578] Blackburn M., Khlevnyuk D. Escaping the Long Shadow of Homo Sovieticus: Reassessing Stalin's Popularity and Communist Legacies in Post-Soviet Russia // Communist and Post-

динамичным и противоречивым, отражая как антикоммунистические настроения времен Холодной войны (распространенные в период гласности и перестройки), так и чувства советской ностальгии по времени Позднего Застоя[579].

Ностальгия как феномен массового сознания предполагает поиск в альтернативной культурной сфере советской цивилизации защиты от современной реальности. Культурологи и социологи отмечают, начиная с конца 2000-х годов, рост интереса к советской тематике, ее использование в маркетинге, моде, искусстве (в первую очередь в кинематографе и выставочной деятельности)[580].

Исследования исторической памяти россиян в XXI веке фиксируют преимущественно негативные образы 1990-х годов и позитивные образы СССР (и в частности брежневской эпохи)[581]. Массовая ностальгия по реалиям позднего СССР объясняется и государственной политикой памяти, и историческими сравнениями событий прошлого с настоящим.

А.Ю. Долгов провел серию глубоких интервью (N=11), чтобы исследовать разнообразие восприятия советского прошлого у людей разных поколений, с разным уровнем образования и жизненным опытом. Несмотря на критические замечания о СССР, респонденты проявили ностальгические настроения, отметив, что сегодня отсутствует ощущение серьёзной заботы со стороны государства, а также чувства единства и гордости за страну[582].

Communist Studies. 2024. № 1. P. 154-173.

[579] Głowacka-Grajper M. Memory in Post-Communist Europe: Controversies over Identity, Conflicts, and Nostalgia // East European Politics and Societies. 2018. № 4. P. 924-935; Post-Soviet Nostalgia: Confronting the Empire's Legacies / O. Boele, B. Noordenbos, K. Robbe (Eds.). New York: Routledge, 2021.

[580] Kalinin I. Nostalgic Modernization: The Soviet Past as., Historical Horizon // Slavonica. 2011. №. 2. P. 156-166; Kasamara V., Sorokina A. Post-Soviet Collective Memory: Russian Youths about Soviet Past // Communist and Post-Communist Studies. 2015. № 2-3. P. 137-145; Lee M. Nostalgia as a Feature of Glocalization: Use of the Past in Post-Soviet Russia // Post-Soviet Affairs. 2011. №. 2. P. 158-177.

[581] Мацкевич М.Г. Времена выбирают: образы желаемого прошлого глазами россиян // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2023. № 4(111). С. 113-140.

[582] Долгов А.Ю., Мелешкина Е.Ю., Толпыгина О.А. От ностальгии к осмыслению настоящего: СССР в представлениях разных поколений // Политическая наука. 2021. № 1. С.

Р.Н. Абрамов, апеллируя к результатам массовых опросов, также подтверждает, что большинство современных россиян сожалеют о распаде Советского Союза и считают, что его можно было избежать. Хотя у многих опрошенных присутствуют положительные ассоциации с советским прошлым, они все же не желают вернуться в него[583].

На основании социологических материалов В.Э. Багдасаряном констатируется[584], что симпатии к СССР остаются доминирующими в восприятии прошлого российским населением: в социуме сохраняется приверженность советской системе идей и ценностей, а также делается вывод о проявлении на современном этапе тенденций аксиологической ресоветизации.

Неумолимая цифровизация общественной жизни приводит исследователей к пониманию необходимости изучения процесса медиа формирования образа СССР. С конца 2010-х гг. наблюдается бум в изучении ностальгических дискуссий и обсуждений в различных онлайн-сообществах, форумах и группах в социальных сетях. В исследованиях советской ностальгии в современных медиа-пространствах анализируется контент телевизионных программ, фильмов, сериалов, статей, блогов и видео на YouTube[585].

Появление различных интерпретаций истории СССР приводит к возникновению мемориальных войн, как нового феномена современного медиапространства. Исследователи исторической памяти все чаще обращаются к анализу цифрового контента, определяя его как основной источник изучения массового сознания. Методы социологического опроса (обладая как неоспоримыми достоинствами, так и недостатками) уступают место инструментарию цифровой гуманитаристики.

245-273.

583 Абрамов Р.Н. Отношение к позднему советскому прошлому как объект социологического исследования // Общественные науки и современность. 2019. № 5. С. 108-120.

584 Багдасарян В.Э. Восприятие СССР в историческом сознании современного российского социума: тенденции ресоветизации (по материалам социологических опросов) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 1. С. 7-19.

585 Тихонова С.В., Артамонов Д.С. Историческая память в социальных медиа. СПб: Алетейя, 2021. 264 с.

В настоящем параграфе будет совершен аналитический обзор значимых работ по изучению советской ностальгии, на основании которого сделаны выводы о идеологическом характере ностальгических дискуссий в современной России.

Наиболее авторитетное (и раннее) исследование процесса формирования ностальгических чувств по советскому прошлому (в первую очередь временам Застоя) в интернет-пространстве представлено в статье Р.Н. Абрамова (2011), посвященной анализу российского сегмента «Живого Журнала» («ЖЖ» (англ. LiveJournal, LJ))[586]. Впоследствии в 2010-е годы исследования советской ностальгии переместились в социальную сеть «ВКонтакте», в связи с ее ростом популярности у рядовых пользователей[587].

Советский исторический период является крайне неоднородным и противоречивым. Теплые ностальгические чувства пробуждаются в большинстве случаев через апеллирование к эпохе Позднего Застоя. Однако рассуждения и воспоминания о довоенных (сталинских) событиях вызывают в обществе непримиримые дискуссии. Ю.В. Зевако и Д.Н. Караваева анализировали процессы осмысления событий сталинского правления на примере таких диаметрально противоположных по идеологии интернет-проектов как виртуальный музей ГУЛАГа, «Бессмертный барак», «Письма врагов народа», сайт «Мемориал» и «Фома»[588]. Д.О. Хлевнюк и А.С. Максимова изучили современные (как апологетические, так и критические) нарративы о репрессиях 1930-х гг., доминирующие в комментариях к документальным фильмам о СССР, размещенных в YouTube[589].

---

[586] Абрамов Р.Н. «Советский чердак» российской блогосферы: анализ ностальгических виртуальных сообществ // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2011. Т. 5. № 6. С. 88-102.

[587] Долгов А.Ю. «Онлайн-память» о советском прошлом: социальные сети как альтернативные арены споров об СССР // Политическая наука. 2022. № 1. С. 191–204.

[588] Зевако Ю.В., Караваева Д.Н. Медиапространство политики памяти об эпохе политических репрессий (на примере тематических интернет-проектов) // Уральский исторический вестник. 2020. № 2(67). С. 107-115.

[589] Хлевнюк Д.О., Максимова А.С. Родины нашего страха: рецепция фильма Юрия Дудя «Колыма» в социальных сетях // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13, № 4. С. 28–46.

Объектом исследования становились и реакции зрителей на контент современного либерального проекта Л. Парфенова «НМДН» (посвященного истории 1920-х и 1930-х гг.)[590]. Однако анализ комментариев не показал острого конфликта противоположных (коммунистических и антикоммунистических) нарративов зрительской рецепции. Интерес ученых привлекают также и «места» YouTube-пространства, притягивающие просоветски-настроенных зрителей[591].

Ностальгия (или ее отрицание) по советскому провоцирует интернет-споры о феномене распада СССР. На основе анализа содержания Telegram-каналов А.Ю. Бубнов сделал вывод о соперничестве патриотического и либерально-западного нарративов[592]. А.А. Линченко и О.В. Головашина, изучив контент документальных фильмов и телепроектов конца 1990-х - 2010-х годов, отмечают тенденцию увеличения количества передач, обращающихся к травматическому дискурсу при освещении событий, связанных с распадом СССР[593].

Таким образом, российские ученые предложили два направления исследований, посвященных конструированию образа СССР в массовом сознании. В первом случае анализу подвергаются феномены цифрового пространства способные существовать исключительно благодаря технологиям интернет-коммуникаций. Во втором случае изучается рецепция медиаконтента. Второй вариант представляется более сложным и направленным на определение эффектов конструирования образа СССР, что позволяет судить о наличии или отсутствии тенденций ресоветизации массового сознания.

---

[590] Проект «НМДНИ»: исследование социальной рецепции / А.А. Целыковский, И.В. Суслов, А.Г. Иванов, С.П. Сидоров // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2023. № 1. С. 136-161.

[591] Молотов К.И., Максимова А.С., Хлевнюк Д.О. Способы конструирования экспертной позиции в YouTube: видео популярных блогеров-историков о сталинских репрессиях // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5(165). С. 92-117.

[592] Бубнов А.Ю, Савельева М.А. Память о распаде СССР в контексте разломов общественного сознания современной России (на материалах Telegram) // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2022. № 6. С. 79-97.

[593] Линченко А.А., Головашина О.В Тридцать лет спустя: распад СССР в телевизионной журналистике и интернет-пространстве современной России // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2022. № 6. С. 56-781.

Методологическая основа настоящего исследования базируется на концепции Я. Ассмана, предполагающей различение культурной и коммуникативной памяти. Историческая память в связи с развитие цифровых технологий сегодня является результатом усилий множества людей и доступна для широкого творческого переосмысления[594], хотя ранее формировалась преимущественно профессиональными историками и идеологами[595].

В эпоху цифровых технологий возникает новый баланс между коммуникативной и культурной памятями, а также изменяются способы их передачи. Традиционные и новые медиа, медиаперсоны и обычные граждане, политические деятели и общественные организации создают огромные объемы исторических данных, которые требуют новых методов анализа для понимания их характера и динамики. Интернет-платформы (ресурсы) предлагается рассматривать в контексте идей Пьера Нора как места памяти.

Цифровая гуманитаристика становится одним из главных направлений исследований в области наук об обществе и человеке и может быть рассмотрена как «зона обмена» или распределенная когнитивная лаборатория, включающая идеи, информационно-технологическую базу, коммуникационные практики и инструменты[596]. Научное лидерство адептов цифровых исследований обеспечивается их маргинальным статусом и междисциплинарной позицией[597].

Цифровая гуманитаристика предлагает совокупность методов исследования и/или цифровых сервисов для гуманитарных наук, что означает необходимость постоянной рефлексии методологических позиций ученого, изучающего медиапространство.

---

[594] Thomson A. Memory and Remembering in Oral History // The Oxford Handbook of Oral History / D.A. Ritchie (Ed.). New York: Oxford University Press, 2011. P. 77-95.

[595] Assmann J. Communicative and Cultural Memory // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook / A. Erll, A. Nünning (Eds). Berlin, New York: De Gruyter, 2008. P. 109-118.

[596] Самостиенко Е.В. Digital Humanities в русскоязычном контексте: траектория институционализации и механизмы формирования автономных зон // Вестник Вятского государственного университета. 2018. № 4. С.37-45.

[597] Arnold E. Digital Humanities: Is it Research or is it Service? // Digital Humanities München. 2020. 26 Juli.

Концепция медиапространства позволяет сосредоточиться на информационных аспектах функционирования интернета, не обращая внимания на его технические особенности, и фокусироваться на аспектах динамики мировоззрения обычного пользователя. Этот подход применим на разных уровнях социогуманитарного анализа - от глобальных медиа процессов до изучения локальных пользовательских практик в антропологической перспективе. Широкий методологический спектр категории «медиапространства» способен заинтересовать практически любого гуманитария, в том числе и исследователей советской ностальгии.

Анализ феномена советских ностальгических дискуссий основывается на различении рефлектирующей и реставрирующей ностальгии, предложенном С. Бойм[598]. Если первый тип ностальгии обращается к прошлому как месту, куда индивид «убегает» от реальности, находит утешение в воспоминаниях, то второй тип ностальгии использует прошлое как пример для подражания. В рамках реставрирующей ностальгии идеализированный образ позднесоветского периода наделяется наибольшей символической значимостью в современной России.

В настоящем параграфе используются результаты уже проведенных digital studies советской ностальгии, что позволяет оценить современный уровень развития цифровой гуманитаристики. Фиксация содержания и структуры научного поля изучения ностальгических споров в медиасреде предполагается через систематизацию и анализ работ ведущих российских ученых, которые по данным ellibrary.ru (библиометрической системы) были удостоены наибольшего количества цитирований.

Современные российские ученые в качестве объектов изучения советской ностальгии выбирают контент социальных сетей (например, «ВКонтакте»), мессенджеров (например, «Телеграм»), комментарии к видео, размещенным в YouTube, документальные фильмы и передачи, транслируемые по ТВ и т.п.

---

[598] Бойм С. Будущее ностальгии. С. 118-138.

Советская ностальгия в цифровой среде проявляется в 2000-е гг. на платформе «Живого Журнала», который, по сути, функционировал как социальная сеть, в которой блоги вели многие известные личности, а также партии, общественные движения и организации. Р.Н. Абрамов в 2011 году обратил внимание на сообщества, посвященные описанию советской повседневности 1960-1980-х годов[599]. Через эмоциональное погружение в ностальгические чувства участники возвращались в эпоху беззаботного детства или молодости, демонстрируя пример рефлексирующей ностальгии.

Большинство ностальгических сообществ старалось избегать политических оценок позднесоветского периода, чтобы не провоцировать конфликты. Однако это не всегда удавалось, поскольку даже безобидные воспоминания о бытовых аспектах повседневности порождали споры. «Антисоветчики» и их противники вели идеологическую борьбу, рассматривая прошлое как зеркало для оценки современных социально-политических, культурных и экономических реалий, что может быть определено как пример транспонирования рефлексирующей ностальгии в реставрирующую.

Анализ ностальгической блогосферы позволил сделать вывод о фиктивном расставании с советской эпохой. Р.Н. Абрамов верно (как об этом мы можем судить спустя десятилетие) спрогнозировал сохранение ностальгии о советском в обозримом будущем, в связи с тем, что слишком многое из того времени остается неотъемлемой частью повседневной жизни и институциональных основ российского общества.

Преобладание в 2020-е гг. контента, нацеленного на выявление положительных аспектов жизни в Советском Союзе в социальной сети «ВКонтакте», фиксируется А.Ю. Долговым[600]. Однако обсуждение часто сопровождается дискуссиями, включающими интернет-троллинг и провокации. Например, в сообществе «Мы из СССР» вместо конструктивного диалога пользователи переходили к острой критике «нынешнего российского

[599] Абрамов Р.Н. «Советский чердак» российской блогосферы: анализ ностальгических виртуальных сообществ. С. 88-102.
[600] Долгов А.Ю. Указ. соч. С. 191–204.

общества» и взаимным оскорблениям в комментариях. Исследователем отмечается, что если фреймирование дискуссии не происходит через радикальные или провокационные заявления, то в обсуждении доминируют ностальгические чувства, связанные со сравнением «светлого прошлого» и «мрачного настоящего».

Важными акторами трансляции памяти творческой интеллигенции о советском в массы становятся также ютуб-журналисты, которые на своих каналах/кухнях дают возможность (зачастую провокативным образом) персонам из сферы культуры сформировать свой нарратив о советском.

Можно предположить, что ведущие ютуб-журналисты, поднимая данные темы в своих интервью, целенаправленно пытаясь «разговорить» своих собеседников транслируют существующий общественный тренд на актуализацию памяти о советском прошлом или (запрос на необходимость очередного осмысления советского прошлого). При этом чаще всего разговоры заходят о периоде Застоя и Перестройки, хотя ученые чаще всего обращаются к памяти о революциях[601] и войнах[602], а интерес к памяти об иных периодах истории СССР существенно ниже.

Традиционное восприятие «поэта в России – больше, чем поэта» наполняется новыми деталями цифровой эпохи. В последние три-четыре года известные представители сферы культуры получили благодаря цифровым технологиям (страничкам в социальных сетях) широкий доступ к пастве своих поклонников (и как это ни парадоксально - хейтеров) в обход официальных средств массовой информации или старых медиа, что лишь добавило актуальности исследованиям памяти известных личностей культурной сферы о советском.

В настоящее время, как замечает Алейда Ассман, происходит перелокализация пространства памяти в цифровую реальность, социальные

---

[601] Мошкин С.В. Политика памяти об Октябрьской революции 1917 г. // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2021. Т. 18. № 3. С. 64–75.

[602] Русакова О.Ф., Русаков В.М. Политика исторической памяти и Великая Отечественная война // Евразийский журнал региональных и политических исследований. 2017. № 1(17). С. 34–39.

сети и дигитальные архивы[603]. На наших глазах рождается и утверждает о своих правах, предложенный К. Штоп-Рутковской, концепт «киберпамять», который можно определить как «содержание, представляющее тему прошлого: события, места, предметы и людей (как героев, так и антигероев), а также способы сохранения этого прошлого в памяти и специфические культурные практики, связанные с процессом коммуникации посредством новых медиа»[604].

Цифровая форма, в которую облекается память (в частности на ютуб-платформах), по утверждению Генри Дженкинс формирует новую культуру участия аудитории[605]. Другими словами звездный статус создателей исторических нарративов, а также миллионные просмотры интервью позволяют определить их как сильных инфлюенсеров, формирующих представления о прошлом у широкой аудитории их поклонников, а также подписчиков ютуб-канала, что позволяет говорить о инклюзивном характере данного процесса.

Л.Б. Зубанова, проанализировав восприятие интернет-аудиторией исторических документальных фильмов, отмечает, что медиапроекты вызвали явный интерес аудитории, что говорит об актуализации событий советской истории. Данный вывод сделан на основании высоких рейтингов (просмотров) и высокой активности интернет-пользователей по созданию комментариев, не только на сам медиа-продукт, но и на отзывы других зрителей.

Качественный анализ цифровых дискуссий позволил сделать вывод, что зрители, оставившие комментарии, во-первых, часто сравнивают прошлое и настоящее, во-вторых, оспаривают официальную (государственную) версию трактовки истории, предлагая альтернативные позиции воспоминания о советском прошлом[606]. Таким образом, в цифровом пространстве (в частности

---

[603] Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 281 с.

[604] Штоп-Рутковска К. Киберпамять, или о чем мы не помним в сети. Анализ локальной памяти: Белосток и Люблин // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 130–139.

[605] Дженкинс Г. Конвергентная культура. Столкновение старых и новых медиа. М.: Рипол, 2019. 384 с.

[606] Зубанова Л.Б. Медиа-репрезентации памяти: доминирующие коды прочтения травматичных событий в интернет-пространстве // Дискурс-Пи. 2020. № 4 (41). С. 26–39.

на ютуб-каналах как новых мест памяти) активно происходит переосмысление индивидуальной и коллективной памяти о прошлом.

Определение особенностей и классификация нарративов о советском и есть основная цель настоящего параграфа. Анализ текстов интервью предполагал определение того, в рамках каких дискурсивных стратегий задействуются те или иные отсылки к советскому прошлому. Таким образом, были определены цели, которые достигаются отсылками к советскому прошлому в анализируемом дискурсе.

В качестве методологической основы использовался дискурс-подход М. Райзигла и Р. Водак с определением дискурсивных стратегий представителями творческой интеллигенции в разговорах о советском[607].

Следует отметить, что свое мнение о СССР высказывали также и знаменитости, которые не могли похвастаться продолжительным личным опытом знакомства с советской цивилизации по причине общего недостатка лет. Самыми активными ретрансляторами знаний о советском, авторами нарративных схем воспоминаний оказывается поколение 1970-х, чья ностальгия о советском детстве активно изучается в отечественной социальной науке[608].

Подчеркнем еще раз актуальность отношения к советскому прошлому следующим фактом. Из всех, кто во время интервью высказывался о прошлом, лишь двое (Яна Троянова, Дельфин) отметили свою некомпетентность, нерефлексивность в понимании советского (в широком смысле), сославшись на подростковый возраст. Остальные же родившиеся в 1970 и 1980-е гг. продемонстрировали определенное отношение к СССР, пусть даже и сформировавшееся не на основе личного опыта, а опосредовано. Семен Трескунов прямо упоминает посещение музея ГУЛАГа, а Екатерина Иванчикова чтение Довлатова.

---

[607] Reisigl M., Wodak R. Discourse and discrimination. London; New York: Routledge, 2001. 298 p.

[608] Абрамов Р.Н. Отношение к позднему советскому прошлому как объект социологического исследования. С. 108-120.

Кроме того лишь в немногих беседах (с Сергеем Светлаковым, Захаром Прилепиным) высказывалась идея о сложности оценки советского прошлого. (Сергей Светлаков). Дмитрий Губерниев даже отмечал наличие в обществе опасного «нерва», связанного с высоким уровнем` одобрения сталинского периода в современной России, что способно стать фактором возможного возвращения к использованию некоторых тоталитарных форм и практик.

Анализ воспоминаний о советском следует начать с общей оценки творческой интеллигенцией исторического периода. В большей части интервью Советский Союз представал в качестве отвратительного государства, в котором процветало лицемерие, насилие и ложь. Разрушение СССР горячо приветствовалось как пример победы сил добра над злом. Основные претензии к советскому строю формулировались с помощью обращения к категориям морали и сводились к основному выводу о невозможности для нормального человека существовать, сохраняя внутреннюю свободу и не поддаваясь на растлевающее воздействие коммунистической идеологии.

Однако в разговорах присутствовали и контр-стратегии воспоминаний о советском, которые оппонируют, противоречат общему дискурсу. Положительные оценки жизни в СССР достаточно редки на общем фоне негатива. В интервью упоминались счастливые моменты детства, речь заходила и о высоком уровне предоставляемого образования. Звезды культуры положительно отзывались о советском кинематографе, которому даже цензура шла на пользу, что в целом можно назвать одной из стратегий сопротивления доминирующему негативному дискурсу о СССР и проявлением своеобразного нонконформизма в мемориальных практиках.

Неожиданно любопытное наблюдение связано с оценкой последующего развития России. Так позитивные краски по отношению к 1990-м годам в анализируемых текстах встречается крайне редко. Напротив, следует отметить сочувствие к Горбачеву, а также не частые, но крайне нелицеприятные оценки роли Ельцина и последующего за распадом СССР масштабного социального кризиса. Последующее после развала СССР десятилетие оценивается в

нескольких беседах крайне негативно и эмоционально. Любопытно, что в подавляющем большинстве респонденты приветствовавшие распад СССР не дают оценки 1990м годам, что может свидетельствовать об их солидарности с немногочисленными негативными отзывами.

В ходе анализа были обнаружены четыре нарративные схемы проведения параллелей между сейчас и тогда: «раньше было лучше», «сейчас намного лучше», проведение аналогий и констатация преемственности.

Меньшая часть известных представителей творческих профессий отмечали положительные стороны советского периода, связанные с расцветом кинематографа, образования и общим уровнем доброты и доброжелательности. Таким образом, в нарративах проявлялась попытка переосмыслить память о советском, разнообразить однообразную картину светлыми тонами. Те, кто негативно оценивал советский строй, также отмечали отсутствие смысла в проведении параллелей между современной Россией и Советским Союзом, объясняя, что сейчас жизнь намного лучше, в том числе и благодаря развитию информационных технологий.

Когда современная российская политическая ситуация объясняется через констатацию непреодоленного влияния тоталитарного прошлого, то в большинстве случаях критикуются не современные политики или политические институты, которые перешли из прошлого в настоящее, а сами люди неспособные избавятся от тех паттернов мышления и поведения, что сформировались в СССР. Часто говорится о необходимости поголовной индоктринации населения либеральными идеями, способными бороться с коммунистическими ценностями.

Кажется, что творческая интеллигенция (особенно та ее часть, что можно отнести к селебрити) следует назвать важным мнемоническим актором, или другими словами «политической силой, заинтересованной в особом понимании прошлого» [609]. Насколько творческая интеллигенция ощущает себя

[609] Twenty Years after Communism: The Politics of Memory and Commemoration / M. Bernhard, J. Kubik (Eds.). Oxford: Oxford University Press, 2014. 384 p.

политической силой вопрос открытый и риторический, но кажется очевидным, что воспоминание о советском прошлом в публичном (хоть и цифровом пространстве) несет в себе политический смысл и потенциал. Тем более, что в условиях все большей цифровизации страны возрастает и общественный резонанс, сопровождающий их интервенции в политические процессы.

Общий тон воспоминаний об СССР в среде творческой интеллигенции негативный (что входит в противоречие с распространенными среди родившихся в брежневский период обще положительной ностальгией), что контрастирует с другими площадками в том числе и цифровыми на которых советский период воспринимается с положительной стороны.

Таким образом, если попытаться обобщить все разнообразие способов использования нарративов о советском в дискурсе творческой интеллигенции, то их можно свести к двум типовым дискурсивным моделями (макростратегиям) – АНАЛОГИЯ С СОВЕТСКИМ и ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ОТ СОВЕТСКОГО. Повествования в которых присутствуют аналогии с советским могут рассматриваться как важный эмпирический материал в исследованиях наративных идентичностей.

Аналогия и преемственность чаще всего встречается у поколений, которые выросли и политически социализировались в 90е годы. С учетом, что аналогии чаще всего имеют негативный оттенок, что имеет вполне поколенческие корни – идейная политика строилась на противопоставлении Советскому Союзу и идее отказа от советского.

Наибольшим политическим потенциалом обладает нарратив преемственности от советского, который может выступить в роли основы выстраивания критических замечаний, действующей власти. Наибольшим эвристическим потенциалом обладают попытки переосмысления памяти о советском, которые делают образ СССР более выпуклым и детальным.

Перефразируя Ленина, можно утверждать, что сейчас из всех медиа важнейшим для нас является Интернет, позволяющий не только расширить круг субъектов, конструирующих представления о СССР, но и создающий

платформы для публичного обсуждения как современных медийных продуктов, повествующих о советском опыте, так и советских продуктов материальной и духовной культуры[610]. В качестве примера можно привести ютуб-проекты Парфенова (НМДН).

Исторические экскурсы – это неувядающая классика политической и журналисткой сферы. Недавняя история СССР, отличающаяся высокой актуальностью, используется журналистами в целях коммерческих, а политиками в целях электоральных. С одной стороны, сравнение прошлого и настоящего – это то, ради чего мы ценим историю, с другой стороны, политизация истории может принимать формы гипертрофированные, уродливые, несправедливые и опасные. С другой, делать выводы об общественной рецепции проекта НМДН достаточно сложно. Обращение к комментариям к видео проекта показывает, что интенсивность их качественного обсуждения и проведения исторических параллелей с современностью достигает пика с началом нового сезона и падает от серии к серии. С каждой новой серией обсуждений и комментариев становится меньше, в то время как растет количество простых благодарностей, а также обсуждений музыкальных вставок или же аполитичных эстрадно-бытовых сюжетов.

Разговаривая о прошлом, мы разговариваем о современности. История и политика идут рука об руку, и Л. Парфенову также сложно удерживаться от проведения исторических параллелей, аллюзий с современными событиями, как и зрителям обсуждать их в комментариях.

Признание YouTube-зрителями просветительской роли проекта «НМДНИ» позволяет считать Парфенова значимым субъектом конструирования постпамяти о Советском Союзе и одновременно важным для определенной части россиян триггером конструирования либеральной идентичности.

Анализ популярных комментариев свидетельствует о наличии общественного запроса на рефлексирующую ностальгию как формата

[610] Тихонова С.В., Артамонов Д.С. Историческая память в социальных медиа. С. 56.

разговора о советском. Во-первых, интернет-зрители с готовностью обсуждают предлагаемые Л. Парфеновым иронические параллели между политикой прошлого и настоящего. Во-вторых, судя по комментариям, интерес к СССР связан с ностальгией по советской материальной (бытовой) и духовной культуре, а не с желанием вернуться в эпоху «великих свершений». Таким образом, эстетика явно доминирует над политикой, а травматические воспоминания над триумфальными[611].

Таким образом, в цифровом пространстве (в частности, на ютуб-каналах как новых местах памяти) происходит активное переосмысление индивидуальной и коллективной памяти о прошлом.

В фокусе исследовательского интереса оказывается общественная рецепция фильмов, выложенных на Ютуб-платформе. Судя по количеству лайков и комментариев, вышеперечисленные проекты заинтересовали интернет-пользователей, что позволяет утверждать о высокой актуальности советской истории в настоящий период развития России.

В комментариях под видеороликами разворачивались серьезные дискуссии, в которых проводились исторические параллели, в том числе сопоставлялись события советского прошлого и российского настоящего. Комментаторы часто не соглашались с теми версиями советской истории, что представлены, например, в нарративах современных государственных деятелей.

Исследование темпоральной трансформации отношения к этическим и эстетическим ценностям эпохи Перестройки в постсоветской России предлагается через анализ современной зрительской рецепции ее кинопродуктов. Художественные фильмы определяются как источник информации о доминирующих смыслах той эпохи, когда они были созданы. Мы сосредоточимся на этическом и эстетическом компонентах фильма «Убить Дракона» (режиссер М. Захаров), вышедшего на советские экраны в 1988 году, а также его прочтению россиянами в XXI веке.

---

[611] Giesen B. Triumph and Trauma. Boulder: Paradigm publishers, 2004. 212 p.

М. Захаров – один из самых значимых режиссеров (пост)советского периода, пытавшихся творчески осмыслить прошлое, настоящее и будущее России. В период Перестройки как политическое высказывание ставится спектакль «Диктатура совести»[612]. Поиску идеального образа Нового постсоветского человека посвящен спектакль 2001 года – «Ва-банк». В 2016 году в Ленкоме выходит спектакль «День опричника», в 2019 году – «Капкан», рассказывающий о попадании современных людей в сталинскую эпоху.

Исследование факторов критического (и недостаточного) внимания к фильму «Убить дракона» сейчас обосновывается актуальностью периода Перестройки для осмысления процессов XXI века. Представление кинофильма как текста, который подлежит расшифровке с целью познания духа эпохи не новый ход в культурологии. Каждый фильм достоин оказаться в центре своеобразного кейс-стади. Аллюзии, параллели, намеки, скрытая идеология поддаются расшифровке, а форма работы напоминает литературоведческие исследования. Другой вопрос насколько эти намеки считывались и понимались публикой. В настоящее время ее оценки доступны без канализирующей функции кинокритики, поскольку зрительские рецензии представлены на специализированных сайтах, ведущим среди которых является «Кинопоиск».

Выбор фильма «Убить Дракона» как типичного для Перестроечной эпохи обосновывается также и его популярностью в современной России. Например, на «Отзовике Яндекса» опубликовано свыше 1000 комментариев, тогда как (не менее знаковый) фильм Абуладзе «Покаяние» собрал лишь немногим более 100. Анализ зрительских впечатлений, оставленных в цифровом пространстве, показал, что до сих пор фильм М. Захарова воспринимается как памфлет на советскую историю. Комментаторы также отмечают, что Марк Захаров предсказал развитие России в XXI веке Кроме того в некоторых комментариях высказываются подозрения о существовании целенаправленной политики забвения фильма.

---

[612] Шелест В.В. Политический театр эпохи перестройки: спектакль М. А. Захарова «Диктатура совести» (Ленком, 1986) // Временник Зубовского института. 2020. № 4(31). С. 170-188.

Однако присутствуют и возражения против проведения политизированных параллелей между миром Дракона и СССР. Отмечается, что фильм Марка Захарова – это философская притча о свободе и тирании. В результате анализа современной рецепции фильма Марка Захарова в медиапространстве (в первую очередь в форме отзывов на сайте «Кинопоиск.Ру» [Рецензии web] были выделены три стратегии зрительского комментирования:

1) философские рассуждения о вечных проблемах свободы, воли и власти, которые предполагают сравнение произведений Марка Захарова и Евгения Шварца и подчеркивание простоты и сказочности пьесы, а также пессимизма фильма;

2) кинокритические рассуждения, в которых подчеркиваются недостатки художественного стиля, присущего Перестроечной эпохе и усложняющего восприятие фильма в наши дни

3) политологические рассуждения о перспективах реализации советского проекта с построением параллелей с современностью.

На современное восприятие фильма Марка Захарова влияет множество факторов, анализ которых позволяет определить своеобразные бинарные оппозиции, раскалывающие сообщество комментаторов. Зрители, родившиеся уже после распада СССР, разбалованные «Аватаром», часто критикуют визуальные решения режиссера. Эстетическое удовольствие подобного нижеследующему молодые зрители получают редко. Зрелые зрители терпимее относятся к отсутствию приятной картинки и спецэффектов, но возраст и опыт дает иные основания для критики. Ряд комментаторов оценивают фильм с прагматических позиций, рассуждая о политической логике действий Ланцелота и Дракона. В этом случае комментаторы зачастую прибегают к аллюзиям на современные события. Третий раскол делит сообщество комментаторов на тех, кто читал и тех, кто не читал пьесу Е. Шварца, а также смотрел и не смотрел другие фильмы Марка Захарова. Знакомство с пьесой «Дракон» и другими работами режиссера, с одной стороны, увеличивает

интерес, а, с другой, повышает уровень ожидания от фильма, которым зачастую «Убить дракону» не удается соответствовать.

Идеологический раскол также делит сообщество комментаторов на условных «либералов-антисоветчиков», которые выражают сожаление, что даже сейчас, через двадцать пять лет, практически невозможно увидеть на телеэкране эту историю о рыцаре, победившем Дракона, и патриотов-государственников, зачастую разделяющих позиции антиглобализма. Таким образом, после экранизации философская притча о сущности власти и природе человека до сих пор прочитывается как антитоталитарный гимн. Однако визуальные образы, предлагающие зрителю проводить параллели между сказочной «кинореальностью» и советской повседневностью, либо критикуются за недостаточную эстетичность, либо не понимаются/принимаются.

В настоящее время фильм Марка Захарова является своеобразной лакмусовой бумажкой, позволяющей определить ценностные основания мировоззрения постсоветского человека. Другими словами «Убить дракона» оказывается востребованным в качестве материала для размышлений, в результате которых зритель актуализирует и рефлексирует свои эстетические, этические, политические убеждения. Фильм читается сегодня с парадоксальной двойственностью, обладая одинаковыми шансами понравиться как либералам, так и патриотам-государственникам.

Таким образом, спектр мнений в социальных сетях и интернет-площадках (формирования альтернативных взглядов и контрнарративов) о прошлом может быть охарактеризован как весьма широкий. Однако обсуждения советской истории часто вызывают конфликт, особенно если касаются вопросов массовых репрессий, что скорее увеличивает разобщенность и уровень агрессии в обществе.

Ю.В. Зевако и Д.Н. Караваева пишут о трех типов дискурсов о сталинском правлении: официального, либерального и православного[613],

[613] Зевако Ю.В., Караваева Д.Н. Медиапространство политики памяти об эпохе политических

отмечая, что наиболее активно и творчески виртуальное пространство используют представители либерального подхода. В то время как православные и официальные интернет-проекты политики памяти о периоде политических репрессий характеризуются фрагментарностью и ситуативностью.

Д.О. Хлевнюк и А.С. Максимова указывают на бытование двух основных нарративов о травме сталинского правления[614]. Первый апеллирует к травматическому опыту нарушения гражданских прав советских граждан. Второй нарратив проводит параллели между репрессиями и нарушением социально-экономических прав россиян в 1990-е годы, что коррелирует с выводами О.Ю. Малиновой о первом постсоветском десятилетии как родовой травме современного общества[615].

Таким образом, интернет-проекты, посвященные событиям сталинской эпохи, могут провоцировать активное обсуждение экономических провалов периода шоковой терапии и приватизации, рыночных реформ, что объясняет положительное отношение к СССР.

В YouTube-пространстве существуют и места притяжения просоветски-настроенных зрителей. К.И. Молотов к условно «коммунистическому сектору» относит Дмитрия Пучкова, Клима Жукова, Константина Семина, Андрея Рудого, Егора Иванова, активно обсуждающих современные либерально-документальные фильмы, посвященные сталинским репрессиям. Блогеры предлагающие альтернативный просоветский нарратив, собирают сотни тысяч просмотров на YouTube[616].

В интернет-пространстве присутствуют и ресурсы свободные от идеологических споров. Например, анализ-комментариев к передачам YouTube-проекта Л. Парфенова «НМДН» (посвященным истории 1920-х и 1930-х гг.) не

репрессий (на примере тематических интернет-проектов) // Уральский исторический вестник. 2020. № 2(67). С. 107-115.

[614] Хлевнюк Д.О., Максимова А.С. Родины нашего страха: рецепция фильма Юрия Дудя «Колыма» в социальных сетях // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 4. С. 28–46.

[615] Malinova O. Constructing the Collective Trauma of The Hard 1990s as a Disregarded Tool of Legitimation for Putin's Authority // Nationalities Papers. 2022. № 3. P. 619-623.

[616] Молотов К.И., Максимова А.С., Хлевнюк Д.О. Указ. соч. С. 92-117.

показал острого конфликта нарративов зрительской рецепции[617]. Возможно, это связано с эффектом «эхо-камеры», предполагающим повышенный интерес к деятельности канала «Парфенон» тех пользователей, что изначально разделяют либеральные взгляды. Из комментариев видно, что интерес к советскому прошлому связан не столько с желанием вернуться к «великим свершениям» эпохи, сколько с ностальгией по советской бытовой и духовной культуре.

Таким образом, эстетика играет более важную роль, чем политика, а тяжелые воспоминания о прошлом преобладают над триумфальными. Высказывание своих мыслей в комментариях, и, следовательно, повторное переживание тяжелых событий прошлого, может быть рассмотрено как цифровой способ преодоления культурных травм, полученных российским обществом в советский период, что объясняет повышенный интерес именно либеральной части общественности к деятельности и личности Леонида Парфенова.

Ностальгические дискуссии могут сопровождаться спорами вокруг распада СССР. А.Ю. Бубнов на основе анализа содержания ведущих Telegram-каналов, посвященных анализу истории, сделал вывод о соперничестве двух главных нарративов о распаде СССР: патриотического и либерально-западного[618]. В либерально-западном нарративе распад СССР рассматривается как неизбежное и, возможно, даже желательное явление, отрицается его травматичный характер, делается акцент не на потерях, а на приобретениях. М. Горбачев характеризуется как политик, предотвративший катастрофические последствия.

Патриотический нарратив, объединяющий как правые, так и левые группы, определяет распад СССР как национальную травму (крупнейшую геополитическую катастрофу XX века), вызванную слабостью и предательством власти.

---

[617] Проект «НМДНИ»: исследование социальной рецепции. С. 136-161.
[618] Бубнов А.Ю, Савельева М.А. Указ. соч. С. 79-97.

А.А. Линченко и О.В. Головашина, проанализировав контент документальных фильмов и телепроектов конца 1990-х - 2010-х годов отмечают тенденцию увеличения проектов, в которых распад СССР определяется как катастрофа. Передачи, транслирующие травматический дискурс, преобладают по числу просмотров[619]. Использование методов машинного обучения и анализа настроений позволило определить, что большинство зрительских интернет-комментариев являются нейтральными, однако существует высокий процент записей, выражающих негативное отношение к распаду СССР, что может объясняться романтизацией советской повседневности, семейным опытом, а также медиа влиянием.

Интернет-споры о советской истории не всегда соответствуют нормам аргументации. Грубость и троллинг могут доминировать в связи с позицией организаторов группы или качества аудитории. Онлайн-акторы активно формируют (порой противоположные) нарративы о советском прошлом, основываясь как на официальных политических дискурсах, так и на своем собственном опыте. Социальные сети предоставляют площадку для создания альтернативных контрнарративов, что способствует плюрализации спектра мнений о прошлом. Однако обсуждение советских времен часто вызывает конфликт, что не способствует формированию социального сотрудничества или совместного конструктивного решения по определению единого поля исторической памяти российского социума.

Таким образом, были определены основные нарративы онлайн-дискуссий и пользовательские реакции на интернет-контент о советском, а также новейшая исследовательская методология, применяемая в российской гуманитарной науке. Следует отметить, большой эвристический потенциал математических методов анализа медиа рецепций (по сравнению с традиционными социологическими опросами), позволяющих выделять нарративы через исследование непосредственных дискуссий и реакций на контент, фиксируя следующие компоненты феномена советской ностальгии:

---

[619] Линченко А.А., Головашина О.В Указ. соч. С. 56-781.

1) постоянные сравнения (актуализация) прошлого и настоящего,

2) идеологическое противостояние, опрокинутое в прошлое,

3) а также наслаждение советской эстетикой быта и теплотой человеческих отношений.

Исследование советской ностальгии фиксирует существование в современной России трех идеологических расколов, определяющих существование лагеря условных либералов-антисоветчиков, советских патриотов и патриотов-державников.

С одной стороны, растет уровень политизации обсуждения Советского Союза, что в терминологии С. Бойм указывает на попытки продвижения различными общественными институтами (в том числе и государственными структурами) реставрирующей ностальгии, предполагающей поиск в прошлом примеров «правильной жизни».

С другой стороны, вхождение в дискуссионное поле представителей молодого поколения (рожденных в постсоветской России) сопровождается увеличением случаев троллинга и эмоциональных провокаций. С третьей стороны, представители последнего советского поколения (рожденные в 1970-х) демонстрируют интерес в первую очередь к советскому быту и эстетики, что может быть определено как проявление рефлектирующей ностальгии.

Исследование медиапространства позволяет получить дополнительную информацию об общественных дискуссиях вокруг роли и значения СССР. Анализ комментариев к интернет-проекту дает ввести в научный оборот аргументы, имеющие хождение в массовом сознании России. Таким образом, методы цифровой гуманитаристики дополняют данные социологических опросов, расширяя наши представления о характере современной советской ностальгии.

Таким образом, В российском обществе сегодня продолжает существовать запрос на осмысление советского прошлого. Игнорирование факта существования СССР и советского опыта в современной России невозможно. В научном дискурсе особенно широко представлено изучение

фильмов, репрезентирующих историю СССР и особенности повседневной жизни советского человека[620]. Заметны также исследования, посвященные конструированию знаний о «советском» на популярных интернет-площадках[621].

Выводы по параграфу.

Ностальгия по позднесоветскому периоду становится одним из значимых элементов символической идентификации, который позволяет обществу переосмыслить настоящее через идеализированное или критическое восприятие прошлого. Платформы социальных сетей и онлайн-сообщества стали ареной для формирования как традиционных, так и альтернативных нарративов, позволяя широкой аудитории не только участвовать в обсуждении, но и активно формировать новые версии истории.

Ностальгические дискуссии о СССР отражают сложную структуру идеологических противоречий в российском обществе, где пересекаются три ключевых направления: антисоветизм, советский патриотизм и патриотизм державного типа. Выделены три основных компонента ностальгических дискуссий: (1) сравнение прошлого и настоящего, часто в пользу «советского»; (2) идеологическое противостояние, выражающееся в активных дебатах; (3) восхищение советской эстетикой и бытом, являющееся наименее политизированным.

Советская ностальгия в медиапространстве представлена двумя типами: рефлектирующей и реставрирующей. Рефлектирующий тип, формирующий мифологизированные и идеализированные образы прошлого, является наиболее востребованным среди аудитории, что указывает на существование

---

620 Липовецкий М., Михайлова Т. Больше, чем ностальгия (Поздний социализм в телесериалах 2010-х годов) // Новое литературное обозрение. 2021. № 169 (3). С. 127-147; Васильева В.А. Революция 1917 года в постсоветских телевизионных сериалах: деконструкция значения и трансформация нарратива // Международный журнал исследований культуры. 2018. № 31 (2). С. 35-63; Белов С.И. Восприятие мемориального конфликта вокруг фильма «Смерть Сталина» в среде российских интернет-пользователей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. № 1. С. 36-46; Шуб М.Л. Основные стратегии российской государственной политики памяти в контексте современного кинематографа // Дискурс-Пи. 2020. № 40 (3). С. 88–100.

621 Зубанова Л.Б. Медиа-репрезентации памяти: доминирующие коды прочтения травматичных событий в интернет-пространстве. С. 26–39.

общественного запроса на переосмысление прошлого через призму эмоциональной и интеллектуальной рефлексии.

Социальная рецепция советского прошлого в формате реставрирующей ностальгии сопровождается дискуссиями, обозначающими основные линии идеологического противостояния, что подтверждается негативной интерпретацией советского человека («хомо советикус») и критическим отношением к эстетике и этике советского наследия в интервью с представителями либеральной интеллигенции. Наблюдается противоречивая тенденция к деполитизации отдельных аспектов обсуждений советского периода (эстетика, быт), сопровождающаяся реполитизацией таких тем, как идеология и власть, что отражает попытку российской общественности найти баланс между культурным наследием СССР и актуальными вызовами современности.

Феномен реидеологизации также связан с кризисом эстетического и этического восприятия советского наследия. Эстетические особенности и идеологическая обусловленность произведений советской эпохи отталкивают молодую аудиторию.

§ 4.3. Идеологическая акселерация российской молодежи

Социально-психологические особенности молоджи детерминируют ее настрой на черно-белое восприятие этических проблем, повышенный интерес к новинкам и легкость освоения новых технологий, особую чувствительность к социальной мифологии, что делает молодежь центральной аудиторией маркетинговых усилий. С одной стороны, эта группа максимально подвержена медийным манипуляциям, с другой, именно она определяет, что является модным и современным, и делает она сегодня непосредственно в цифровом пространстве, поскольку современная молодежь относится к когорте «цифровых аборигенов», т.е. людей, чья социализация с первых этапов проходит в условиях повседневной рутинизации цифровых технологий.

Активизировавшиеся в конце 2010-х гг. социологически-ориентированные исследования цифрового контекста политической мобилизации новых генераций россиян ввели в научный оборот богатый эмпирический материал, позволивший ученым узнать, «что молодежь делает в сети!». Однако начало СВО и вступление России в открытое геополитическое столкновение с коллективным Западом ставит задачу актуализации научных взглядов на проблему цифровой активности молодежи. Противники России обладают широкими технологическими, идеологическими, институциональными и иными ресурсами (возможностями) оказывать существенное влияние на российское информационное пространство, а значит и умы подрастающего поколения. Одновременно с серьёзными внешнеполитическими изменениями за последние три года произошло и переформатирование внутриполитического пространства, повлекшее за собой трансформацию политических действий, практик и ценностей российской молодежи.

Прежде, чем мы перейдем к анализу ее цифрового вклада в реидеологизацию, попытаемся обосновать, что роль молодежи в социетальной системе не является константой, она исторически изменчива. Молодость (и молодежь как социальная группа) входят в круг базовых общественных феноменов, являющихся объектом интереса гуманитарных наук, в частности, существенное внимание уделяется анализу моделей молодежной политики и механизмов социализации. Обзор исследований, посвященных советской и постсоветской молодежной политике и государственных механизмов социализации, дает возможность обнаружить определенную цикличность во взаимодействиях власти и молодого поколения.

В период Революции 1917 года и в последующих событиях (Гражданской войны и периода новой экономической политики) вплоть до 1929 года, молодежь в первую очередь интересовала большевиков и советское государство *как ресурс политический***,** а значит и главная стратегия социализации заключалась в формировании из молодежи опоры режима. На

1917-1918 гг. приходится обсуждение и учреждение Российского коммунистического союза молодёжи (с 1922 года Всесоюзного Ленинского – ВЛКСМ), ставшего после ликвидации множества анархистских, социал-демократических, скаутских организаций молодежи[622].

В декабре 1929 года принимается постановление ЦК ВКП(б) «Об участии ВЛКСМ в хозяйственном строительстве», ознаменовавшее начало *экономического* этапа в цикле молодежных политик. Во время индустриализации молодежь интересовала государство в первую очередь как трудовой ресурс[623], которой в ходе социализации необходимо привить соответствующие ценности.

В годы ВОВ молодежь принимает на себя основную нагрузку военной и трудовой мобилизации. В период послевоенного апогея сталинизма весьма неожиданно для современников (и потомков) в советском обществе возникла молодежная субкультура стиляг. Уникальность ситуации объяснялась двумя обстоятельствами: во-первых, проблемная группа впервые в истории России выделялась государством на основании возрастного критерия. Во-вторых, торжество советского мира ценностей и смыслов в сознании молодежи впервые было определено как основное условие ее успешной эксплуатации в качестве ресурса политической борьбы и экономического развития.

Главным институтом социализации оставался ВЛКСМ, который кроме политического просвещения занимался также и популяризацией науки и техники[624]. Интерес государственных органов к культурному воспитанию и социализации молодежи был столь велик, что в проекте Конституции СССР, разработанном при Хрущеве, даже присутствовала статья о молодежной политике.

---

[622] Меркулов П.А. Молодежные организации РСФСР начала 1920-х годов // Управленческое консультирование. 2017. № 1. С. 196-204.

[623] Елисеев А.Л. Государственная молодежная политика: от прошлого к настоящему // Вестник государственного и муниципального управления. 2015. № 1. С. 76-81.

[624] Александрова И.Н., Слезин А.А. Деятельность комсомола как фактор формирования ценности знаний в общественном сознании юношества на рубеже 1950-1960-х годов // Научный диалог. 2019. № 4. С. 168-183.

Таким образом, повышение нравственности молодежи, по утверждению К. Уль, можно рассматривать как преобладающий подход в политике социализации периода Оттепели[625]. Однако к середине 1980-х годов власти вынуждены были признать, что коммунистические ценности нельзя называть доминирующими и определяющими массовое сознание молодежи.

2 июля 1984 года вышло постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении партийного руководства комсомолом и повышении его роли в коммунистическом воспитании молодежи». Пороки, поразившие молодежь, указывались все те же: «аполитичность, безнравственность, слепое подражание западной моде».

С началом Перестройки Главным институтом социализации оставался ВЛКСМ, который кроме политического просвещения занимался также и популяризацией науки и техники[626].

Вторая половина 1990-х годов – это финальный этап превращения советской плановой экономики в рыночную, сопровождавшийся кризисами и падением уровня жизни. Основным приоритетом молодежной политики должно было бы стать встраивание молодого поколения в новую социально-экономическую систему. Первую половину 2000-х предлагается определять как доминирование экономической стратегии социализации в молодежной политике. С одной стороны, молодежь как ресурс политического развития перестала интересовать государство, с другой стороны, проблемы ценностей и смыслов мира молодежной культуры не считались первостепенно важными в политике социализации. На повестке дня стоял вопрос встраивания России в мировую капиталистическую систему, молодежная часть данного процесса сводилась к вестернизации системы образования.

Возврат интереса государства к культурным аспектам социализации молодежи был связан с цветными революциями на постсоветском (и шире

---

[625] Уль К. Поколение между «героическим прошлым» и «светлым будущим»: роль молодежи во время «оттепели» // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 279-326.
[626] Александрова И.Н., Слезин А.А. Указ. соч. С. 170.

постсоциалистическом) пространстве[627]. В Бульдозерной революции в Сербии в 2000 г., Революции роз в Грузии в 2003 г., Оранжевой революции на Украине в 2004 г. основной действующей силой была молодежь, вооруженная либеральным и прозападным набором ценностей.

В 2005 году в России создается молодежное провластное консервативное движение «Наши» (самоликвидировавшееся в 2019 году) и проводится первый молодежный форум на Селигере. В 2006 году Правительство России утвердило «Стратегию государственной молодежной политики до 2016 года», в 2007 году воссоздан Государственный комитет по делам молодежи, переформатированный в 2008 году – в Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь).

Главной задачей вышеперечисленных государственных и общественных организаций являлось воспитание в молодежной среде патриотических ценностей и лояльного отношения к существующему политическому строю. Главным инструментом политики по социализации молодежи становится финансирование мероприятий тех инициативных групп, которые победили в конкурсах, проводимых государственными и муниципальными органами власти. Оценка экономической эффективности проведенных мероприятий опустилась на второстепенные позиции, для победы в конкурсах стало важным соответствие мероприятия актуальным гуманитарным ценностям и ориентирам. В 2014 году распоряжением Правительства РФ были утверждены «Основы государственной молодежной политики до 2025 года». Однако основное культурное направление в политике социализации осталось неизменным. Вопросы развития патриотизма и духовно-нравственного воспитания оставались в приоритете в отличии от социально-экономических проблем.

Как видим, молодежь как социальная сила может «уходить» в разные подсистемы общества. На основе нашего краткого обзора можно определить следующие варианты ее социального «функционала»:

---

[627] Беляева Н.М. Воспитание гражданской активности молодежи в рамках государственной молодежной политики // Вестник Пермского университета. Политология. 2012. № 4. С. 126-136.

1) молодежь как опора и сила политических преобразований (в период установления советского строя, в эпоху Перестройки и последующем становлении постсоветской России); социализацией молодежи в этот период занимаются множество неформальных организаций в целом, разделяющие необходимость кардинального пересмотра основ существующего строя;

2) молодежь как экономический ресурс построения новых хозяйственных укладов (социалистического в 1930-е годы, или капиталистического на рубеже двадцатого и двадцать первого веков); главный вектор социализации направлен на формирование у молодежи «правильных» моделей экономического поведения;

3) молодежь как объект социокультурного (ценностно-охранительного) воздействия в послевоенный период развития СССР и 2010-е годы демократической России; важной целью социализации становится деполитизация молодежи, которая осуществляется формально независимыми, а фактически тесно аффилированными с властью организациями.

Логика смены этих типов может быть описана следующей схемой. Политизация молодежи при смене царского режима на советский (а затем и постсоветский) сменяется задачами встраивания молодого поколения в новую экономическую систему (административно-командную или рыночную). Впоследствии государственная власть ставит себе задачу влияния на мир ценностей молодого поколения, что наблюдалось в годы Оттепели и Застоя, а затем и в 2010-е годы.

Политический тип характерен для смены государственного строя, экономический тип сопровождается сменой социально-экономического уклада, а социокультурный тип активизируется при цивилизационной угрозе или избыточном цивилизационном влиянии извне, как реакция.

Перейдем к молодежи цифрового общества. Современные политические исследования молодежи активно обращаются к базовым тезисам теории поколений, позволяющей создавать некие удобные для анализа идеальные объекты, объединяющие возрастные когорты молодежи в единое целое:

поколения миленниалов (Y), зумеров, альфа и т.д. Возрастные границы поколений являются предметом постоянных научных дискуссий, которые разрешаются признанием невозможности установления четких поколенческих границ и необходимости выделения, так называемых спорных, переходных межпоколенческих периодов. Например, ряд ученых начало поколения миллениалов обозначают 1981 годом, другие же – 1987, следовательно, годы с 1981 по 1986 являются переходными от X к Y[628]. Споры ведутся и о границах поколения зумеров, чье начало различные ученые датируют в промежутке от 1993 до 2001 года, а конец от 2006 до 2012 гг.

Начало СВО фактически разделило ядро поколения зумеров, родившихся с 2001 по 2009 годы, на две половины: старшие успели окончить школу, поступить в вузы и пройти первичную политическую социализацию до начала боевых действий. Соответственно наибольший исследовательский интерес (превратившийся в предмет настоящего параграфа) вызывает политическая социализация младших зумеров (2005-2009 годов рождения), которая, с одной стороны, происходит в условиях геополитического противоборства России и Запада, а с другой в эпоху цифрового трансформации природы гражданской активности, политической социализации и большинства других социальных феноменов современности.

В начале XXI века материальные (технологические) основания политических процессов претерпели цифровую модернизацию, связанную с появлением новых независимых медиа и интернет-агентов, субъектов политической коммуникации, влияющих на массовое общественное сознание, обладающих наравне с традиционными медиа символической «способностью конструировать реальность»[629]. Исследование эффектов технологической революции в информационном пространстве, связанной с развитием интернет-технологий и общей цифровизацией социальной жизни, предполагает

[628] Когай А.Д. Цифровые поколения как целевые аудитории медиакоммуникаций: проблемы классификации и определения границ // Коммуникативные исследования. 2024. №2. С. 235-252.

[629] Hardy J. Critical political economy of the media. An Introduction. London; New York: Routledge, 2014. 266 p.

обращение к (пост)марксистской, посткапиталистической (или близкой к ней) парадигме[630], акцентирующей внимание на возникновение крупных трафик-монополистов и владельцев сетевых коммуникационных ресурсов, что перечеркивает возможность возникновения свободного рынка информации.

В современных исследованиях влияния технологической революции на политическую сферу конкурируют позиции политико-технологического оптимизма и скептицизма**.** Оптимисты возлагают надежды на развитие социальных медиа, свободных от цензуры интернет-коммуникации, осуществляющих обратную связь через комментарии и обсуждение контента. Ключевая особенность социальных медиа заключается в способности мгновенно обновлять или корректировать информацию, а также сочетать различные форматы её подачи.

Появление социальных медиа вызывает необходимость актуализации теории П. Лазерсфельда, согласно которой информация, исходящая от средств массовой информации, воспринимается аудиторией не напрямую, а опосредовано влиянием лидеров мнений. Под лидерами мнений в настоящих технологических реалиях могут пониматься блогеры, которым может стать любой человек, имеющий устройство для выхода в Интернет, а также и обычные пользователи, комментирующие просмотренный контент[631].

Политико-технологические скептики отмечают возникновение информационных капсул (термин С.В. Володенкова) или эхо-камер, специфику которых мы рассматривали выше. А. Аниш предлагает термин «альгократия», под которым обозначается власть алгоритмов поисковых систем, определяющих подбор информационного контента, что предполагает возможность владельцев технологических систем, связанных с поиском информации, влиять на мировоззрение интернет-пользователей[632]. М. Квет

---

[630] Gibson-Graham, J.-K. A postcapitalist politics. Minneapolis; London: University of Minnesota Press, 2006. 324 p.

[631] Karlsen R. Followers are opinion leaders: The role of people in the floow of political communication on and beyond social networking sites // European Journal of Communication. 2015. № 30(3). P. 301–318.

[632] Aneesh A. Virtual Migration: The Programming of Globalization. Durham: Duke University

пишет о появлении глобального «цифрового колониализма»[633], мира технологических корпораций-гигантов.

Информационное пространство в России пережило значительную корректировку после начала СВО: большая часть иностранных социальных сетей и медийных пространств получили статусы, которые сделали невозможным использование этих площадок официальными СМИ, государственными структурами или патриотически настроенными блогерами. Поскольку процесс юридической маркировки интернет-площадок, которые не соблюдают российское законодательство, происходит в активном режиме, российские медиа субъекты с целью сохранения аудитории используют тактику параллельного ведения нескольких виртуальных ресурсов. Неоднозначная ситуация с YouTube (начиная с лета 2024 год по настоящий момент) также привела к очередной трансформации российского рынка видео-контент-площадок, где помимо уже имеющихся Rutube и ВК-видео, появились новые Nuum, Boosty, Дзен-видео.

Исследования, соединяющие техно-оптимистическую логику с теорией поколений, возлагают надежду на появление новых генераций интернет-пользователей, так называемых, «цифровых граждан», которые демонстрируют активное вовлечение в политико-коммуникативные процессы, способствующее общему развитию демократии[634].

Е.В. Бродовская и Т. Хуанг связывают развитие цифровых сервисов и расширение спектра их возможностей с повышенным протестным потенциалом молодежи относительно других возрастных групп [635]. Пассивное наблюдение способно трансформироваться в активное сопереживание, выражение своей

Press, 2006. 216 p.

[633] Kwet M. Digital Colonialism: US Empire and the New Imperialism in the Global South // Race & Class. 2019. № 60(4). P. 3–26.

[634] Barbuceanu C.D. Teaching the Digital Natives // Revista de Stiinț e Politice. 2020. № 65. P. 136–145.

[635] Бродовская Е.В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 3–18.

позиции и готовность включаться в активные гражданские действия[636]. Виртуальные оценки и обсуждения дают «возможность проверить свою точку зрения или выработать её»[637].

В социальных сетях структура гражданской активности строится вокруг активного ядра сообщества, которое генерирует контент, и периферийных участников с различной степенью вовлеченности. Наблюдатели обычно считаются самой пассивной частью этой периферии. Например, Р.В. Пырма называет их роль «пассивным отслеживанием информации[638] . Однако сегодня наблюдатели становятся более активной и сложной категорией: около 92 % из них совмещают наблюдение с другими формами участия. Роль наблюдателя, которая охватывает около 68 % молодежи, может адаптироваться к разным формам активности, становясь более или менее заметной в зависимости от обстоятельств. Эти молодые люди активно используют цифровые формы гражданского участия, но воспринимают себя более как наблюдателей, чем как участников[639].

Определение себя как «гражданских наблюдателей» выполняет несколько значимых функций: позволяет выбирать удобные формы цифрового участия для демонстрации своей гражданской позиции; снимает противоречие между общественными ожиданиями и фактической активностью; даёт возможность объяснять перерывы и неучастие через заинтересованное наблюдение; способствует формированию общественного мнения, направленного на достижение значимых для общества целей.

Многие исследователи считают, что цифровизация открывает почти безграничные возможности для поддержки «низового активизма», расширения

---

[636] Абрамова С.Б., Антонова Н.Л. Молодежь региона в поисках гражданской идентичности: цифровое участие и модель наблюдателя // Регионология. 2023. № 31 (2). С. 393–410.

[637] Адамьянц Т.З. Смыслы и смысловые нюансы на открытых интернет-платформах как предмет социологического изучения (на примере блогов патриотической направленности в «Дзене») // Социологическая наука и социальная практика. 2023. № 11 (4). С. 204–220.

[638] Пырма Р.В. Влияние цифровых коммуникаций на политическое участие // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. № 9(4). С. 63–69.

[639] Абрамова С.Б., Антонова Н.Л. Реализация функций гражданского общества в цифровой партисипации молодежи // Дискурс-Пи. 2024. № 21 (1). С. 152-171.

политического участия и развития электронной демократии[640]. Благодаря активному распространению ссылок на схожие по тематике интернет-ресурсы, социальные медиа создаются условия для включения в информационное пространство всё более широкой аудитории. Эти платформы позволяют обычным пользователям становиться экспертами и ньюсмейкерами, что меняет динамику информационного обмена. Обсуждение околополитических вопросов в социальных медиа способствует росту интереса к онлайн-самовыражению и может косвенно увеличивать участие в политических процессах[641]. Пользователи социальных платформ чаще готовы вступать в диалог с людьми, придерживающимися противоположных взглядов[642].

Таким образом, молодое поколение, рассматривая интернет как естественную среду обитания, не расположено к жесткому разделению гражданско-политической активности на онлайн и офлайн составляющую. Актуализация исследовательского интереса к такой конвенциональной (в современных внутриполитических условиях СВО и информационной войны) форме гражданской активности как потребление политической информации обуславливается ее распространенностью и значимостью.

Политическая активность в онлайне чаще всего характерна для целеустремленных и мотивированных активистов, тогда как аудитория, неуверенная в своих позициях или опасающаяся негативной реакции и недопонимания, предпочитает воздерживаться от публичных высказываний[643]. Следовательно, актуальным продолжает оставаться задача определения

---

[640] Pianini D., Omicini A. Democratic Process and Digital Platforms: An Engineering Perspective // The Future of Digital Democracy / P. Contucci, A. Omicini, D. Pianini, A. Sîrbu (Eds.). Heidelberg: Springer Verlag, 2019. P. 83-96.

[641] Kwak N., Lane D.S., Weeks B.E., Kim D.H., Lee S.S., Bachleda S. Perceptions of Social Media for Politics: Testing the Slacktivism Hypothesis // Human Communication Research. 2018. № 44(2). P. 197-221.

[642] Lee S.S., Lane D., Kwak N. When Social Media Get Political: How Perceptions of Open-Mindedness Influence Political Expression On Facebook // Social Media + Society. 2020. № 6(2). P. 1-12.

[643] Thorson K. Facing an Uncertain Reception: Young Citizens and Political Interaction on Facebook // Information, Communication & Society. 2014. № 17(2). P. 203-216.

сущностных характеристик реидеологизирующей активности основной массы «пассивных» пользователей из числа современных российских зумеров.

Таким образом, очевидна распространенность в научном дискурсе мнения о позитивном влиянии пассивного наблюдения за политическими новостями на повышение уровня гражданственности. Однако констатация не освобождает нас от двух ключевых вопросов: 1) Зачем это нужно молодому человеку? 2) На что обращается внимание при выборе источника информации? Мониторинг политических страниц на TikTok, проведенный Д.И. Гигаури и П,Р. Тузовой, позволил выделить следующие основные типы мотивационных ориентаций молодежи на поиск и потребление политической информации[644]: познавательная ориентация – поиск информации о политических акторах и событиях; эмоциональная ориентация – выражение чувств к политикам и их деятельности через участие в обсуждениях, отправку сообщений поддержки или критики; оценочная ориентация – выражение суждений о политической ситуации и прогнозы её развития.

Чем отличается молодой человек, активно интересующийся политикой, подписанный на политизированные интернет-ресурсы, от проявляющего к политике умеренно-индифферентный интерес? В XX веке появилось несколько авторитетных теорий, объясняющих гражданско-политическую активность с позиций радикально-социологических, психологических, рационально-инструменталистских и других. Однако, кажется, что взрывное развитие медиа-технологий усиливает убедительность радикально-медийной теории, обращающей внимание на резкое увеличение количества способов получения политической информации практически любого идеологического спектра, а, следовательно, политизация молодого поколения начинает подчиняться рандомно-ситуативной логике интернет-серфинга по просторам любимых соцсетей и информационных платформ в свободное время, заданного поисковыми алгоритмами. Ключевым тезисом в радикально-медийной теории

[644] Гигаури Д.И., Тузова П.Р. Виртуальная идентичность в социальных сетях и видеоблогах: обзор политического контента в TikTok // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2021. № 6. С. 47-69.

политизации граждан является принципиальная случайность этого процесса, не поддающаяся какой-либо социологической, экономической, психологической или любой другой рационально-структурированной объяснительной модели.

Цифровизация социальных процессов сопровождается возникновением феномена ранней политико-идеологической социализации (акселерации) молодежи[645]. Молодые люди выходят в Интернет и получают интересующую их информацию о политике в форме специально-ориентированной на подростковую аудиторию. Возрастные особенности подросткового периода обуславливают преобладание аморфной мотивации протеста, связанного с терминальными ценностями («несправедливость», отсутствие внятного и позитивного образа будущего).

Среди современной молодёжи (вне зависимости от страны проживания) присутствует запрос на так называемую «политику новой искренности»[646]. Современная молодежь доверяет TikTok, объясняя это тем, что «там настоящие люди», а значит, и информация воспринимается как подлинная. Алгоритмы этой платформы устроены так, что популярность видео зависит не от хештегов, а от интереса аудитории, что делает содержание персонализированным и усиливает эффект доверия, способствуя быстрому распространению информации, но перемещая критическую оценку и проверку фактов на второй план.

Современные (популярные в молодёжной среде) блогеры обсуждают политические вопросы в легкой, ироничной манере, использую гротескные преувеличения, создавая ощущение непринужденности. Например, заявления подобные следующим: «не нужно разбираться в политике, все равно мы не

---

[645] Поцелуев С.П., Подшибякина Т.А., Константинов М.С. Идеологическая акселерация школьной молодежи как эффект новых медиа: к постановке вопроса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. № 24 (3). С. 573–585.

[646] Dencik L. Social Media and the «New Authenticity» of Protest // Critical Perspectives on Social Media and Protest: Between Control and Emancipation. London: Rowman & Littlefield, 2015. P. 203-218; Tolson A.A. New Authenticity? Communicative Practices on YouTube // Critical Discourse Studies. 2010. № 7(4). P. 277–289.

знаем» или «о политике говорят все: бабки у двора, бомжи местные», превращают серьезные темы в забавные[647].

Анализ телеграмм-каналов также выявляет преобладание юмористического тона при разговоре о патриотизме[648]. Юмор определяется как одна из протестных политических стратегий современной молодежи.

Тем не менее, несмотря на шуточный тон, молодежь интересуют вполне серьезные проблемы. Самые популярные среди молодежи ролики в YouTube связаны с обсуждением актуальных политических событий, образа России и ее проблем (коррупция, алкоголизм, территориальное неравенство, экология, уровень патриотизма).

Вышепреведенные исследования позволяют установить, что к популярным политическим блогерам чаще всего молодые люди относят Дмитрия Медведева. Молодежь привлекает его эксцентричная (неожиданная для бывшего президента) и резко патриотическая манера речи. При этом присутствует понимание, что подобная риторика сформирована конъюнктурой или же политтехнологами. Одновременно отмечается, что публикации Медведева кажутся «жизненными», за счет использования «крепких» слов и выражений. Отдельно положительно отмечается, что подобной близкой для населения риторики больше нет ни у кого (из блогеров).

Идейная сторона политической повестки публикаций в телеграм-канале Д. Медведева оценивается конвенционально патриотичной, а также образцовой в методически-когнитивном плане для подрастающего поколения (*«учит детей, как надо думать»*).

По критерию эмоциональной привлекательности также наиболее востребованным студенческой молодежью является телеграм-канал Екатерины Мизулиной, чья манерность и наигранность определяется как харизматичность.

---

[647] Касамара В.А., Сорокина А.А., Шилина А.Н. YouTube-блогеры как агенты политической социализации российских школьников // Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки. 2021. № 3. С. 7-21.

[648] Сорокин А.А. Опыт контент-анализа патриотического дискурса в информационной картине ведущих телеграм-каналов России // Вестник Академии медиаиндустрии. 2024. № 1 (37). С. 63–76.

Близость к народу в данной версии достигается через коммуникацию с подписчиками, наличие бота, посредством которого можно описать проблему, которая, возможно, будет решена публично. Молодежная аудитория также отмечает эксцентричность Е. Мизулиной: провокационные заявления *(*«говорит, что слушает только песни Шамана и гимн России»*)*, парадоксальность феномена её популярности, поскольку запретительские инициативы невозможно отметить как положительное явление («вредит развитию интернета, свободе слова»). Молодежь определяет высказывания и действия Е. Мизулиной как «заказ от действующей власти», что, однако, не только не снижает ее популярность, а наоборот привлекает внимание.

Если два вышеуказанных автора являются представителями патриотического лагеря, то следующую группу можно обозначить как скептически настроенные лоялисты. Ксения Собчак активно представлена как несколькими телеграм-каналами (например, тг «Кровавая барыня», «СОБЧАК»), а также персональные страницы в других социальных сетях. Молодежи нравится освещение актуальной социальной повестки, эпатаж, юмор и периодическая язвительность риторики. Ценится ее возможность критически освещать спорные с политической точки зрения вопросы, давать комментарии, за которые «другим прилетало», что связывается с политическим «иммунитетом» (т.к. «крестница Путина»). Идеологическая тональность считывается молодёжной аудиторией как левая, поскольку автор часто обращается к проблемам различных социальных групп и субкультур.

К категории лоялистов-скептиков также может быть отнесен Артемий Лебедев, который знает (как было сказано респондентом, во время проведения одой из фокус-групп) секрет, позволяющий «усидеть на двух стульях». Артемий Лебедев также характеризуется как эксцентричный персонаж, сочетающий резкую риторику с рациональными суждениями, и одновременно «простой, понятный молодежи», в том числе потому, что снимает «тик-ток», участвует в молодежных шоу (например, «Разгон»), «его интересно слушать». Его появление в шоу «Первого канала» считывается молодежью как признак

политической привилегированности. В качестве еще одной черты, выделяющей А. Лебедева и К. Собчак, является заметный внешний имидж (манера одеваться, яркая прическа).

Наиболее народными (то есть, социально-близкими) политическими блогерами считаются Стас «Ай, Как Просто!» Васильев и Николай Соболев. Молодежь отмечает их пророссийскую позицию, хотя в прошлом оба были известны как критики власти, быструю реакцию на события, провокационные комментарии.

Общее у всех категорий популярных у молодежи блогеров, вне зависимости от специфики их каналов и политического фона, это провокационный, а также развлекательный характер их текстов и видеопубликаций. Скандальность, резонансная тональность риторики работает на привлечение внимание аудитории, политический контекст считывается молодежью лишь как фон и повод для медийного высказывания, поддерживающего популярность и известность интернет-знаменитостей.

Можно ли утверждать, что современная молодежь аполитична или в ее среде наблюдаются процессы политической акселерации? Скорее следует указать на тенденции деидеологизации как молодежного сегмента общественного сознания, как следствие принципиальной деидеологичности информационного контента, претендующего на максимальный охват аудитории и сбор максимального количества лайков.

Современные представители молодого поколения не владеют базовыми навыками ориентации в идеологических координатах, что понижает возможности аналитического осмысления получаемой информации и повышает опасность политико-идеологического манипулирования.

Молодежь не видит разницы между политическими проблемами и социальными (второе подменяет первое), что затрудняет возможность разобраться в сути проблемы и определить идеологическую позицию субъекта, предоставляющего информацию. Наибольшее внимание привлекают политические новости критического содержания. Нейтральные или позитивные

сообщения, которые даже если и связаны с деятельностью власти, воспринимаются аполитично, как бытовой контент, т.е. не имеют четкой персональной политизированной артикуляции. Анализируя практику гражданского активизма российской молодежи в последние годы, В.В. Титов приходит к выводу о деидеологизации основных информационных потоков активистов и фактическом сращивании политических и социальных дискурсов[649]. На наш взгляд, речь идет скорее о аполитизации, неготовности воспринимать и позиционировать политическое участие как ценность.

Многие исследователи согласны с тем, что регулярное продвижение инфлюенсерами определенных позиций в социальных сетях существенно снижает критическое восприятие молодёжью политических и социальных тем[650]. Молодёжь часто становится передатчиком «сомнительных» и «недостоверных» смыслов, образов и мифов, которые формируют общий аксиологический фон поколения. Подобное влияние на эмоциональные реакции аудитории, организованное контент-мейкерами, можно рассматривать как тщательно продуманную манипуляцию. Современные блогеры добиваются доверия, акцентируя то, что молодёжь воспринимает как особенно ценное и значимое для себя, например, такие понятия, как свобода. Обращение к эмоциям и желание создать молодежный контент о политике парадоксальным образом способствует инфантилизации массового политического сознания.

Особенности политической социализации поколений зумеров определяется принципиальным изменением архитектуры и дизайна информационных площадок. В 2010-е годы с развитием соцсетей и Ютуба в прошлое уходят форумные споры, позволяющие и предполагающие возможное и даже обязательное знакомства с уже созданным контентом данными ответами, и/или высказанными точками зрения. В настоящее время подобные

---

649 Титов В.В. Стратегии социального протеста молодежи в Рунете: сравнительный анализ поколений Y и Z // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 139–158.

650 Алейников А.В., Мальцева Д.А., Тузова П.Р. Медиатизация коммуникаций как фактор трансформации ценностных ориентаций российской молодежи: тенденции и риски (часть 2) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2022. № 18 (4). С. 406–424.

споры и дискуссии, которые ранее велись месяцами и позволяли включаться в них всем посетителям форумов, невозможны. Сложно представить пользователя, который вдумчиво знакомится со всеми (порой многотысячными) комментариями и точками зрения, размещенными под постом или другим аудиовизуальным контентом, и тем более включается в общую дискуссию. Основным аргументом в пользу пассивной комментаторской позиции обычно считается отсутствие времени, т.к. для комментирования, нужно постоянно следить за веткой дискуссии и оперативно отписываться.

С другой стороны, основная технологическая новация, которая рассматривается естественной, является возможность обратной связи. Очевидно, что это касается способов взаимодействия с контентом. Например, интернет-коммуникация сформировала у поколений Y и Z «культуру соучастия», подразумевающую субъект-субъектное взаимодействие со СМИ, что делает их менее восприимчивыми к источникам информации, не предоставляющим полноценной обратной связи. Родители определяются молодежью как зомбированные заложники «Телевизора».

Необходимо учитывать мнение о небезопасности высказывания собственной точки зрения в форме, например, комментирования политизированных постов. Молодежь убеждена, что любая реплика на политическую тему в виртуальном пространстве приведет к административному или уголовному делу, т.к. нарушает соответствующие кодексы. Наиболее опасным для посещения, подписки на сообщества и даже для анонимного комментирования считается социальная сеть VK.

Невербальным комментариями могут служить лайки и наборы эмодзи, которые часто используются владельцами телеграм-каналов в качестве получения реакций от подписчиков. Наиболее популярным эмодзи в отношении политического сегодня является клоун, что можно интерпретировать как критическое и скептическое отношение к написанному вне зависимости от политической и идеологической ориентации.

Современные социальные коммуникации и медиарельность экспоненциально наращивают темпы цифровизации, внедрения искусственного интеллекта в различные сегменты реальности. Возникают новые модели общественного поведения, формируются новые ценностные ориентиры людей, конструируются ранее неизвестные стратегии брендирования «Я». Основным драйвером и одновременно своеобразным бенефициаром данных процессов становится молодёжь – группа людей, которая, с одной стороны, продолжает развитие ценностных установок прошлого, с другой же – осознает необходимость создания аутентичных морально-этических моделей пользования цифровыми сервисами и ИИ.

Окончание первой четверти XXI века ознаменовывается значительной интенсификацией процессов распространения «цифровых разрывов», наблюдаемых как в геополитическом, так и в поколенческом измерении. Цифровой разрыв наблюдается в сфере обладания должным уровнем компетенций и экспертности, которые являются условием рационального пользования ИИ, нейросетями, цифровыми сервисами. В свою очередь, молодёжь, как драйвер и активный пользователь технологических новшеств в общественной жизни, имеет достаточные когнитивные, символические и социальные ресурсы для того, чтобы обозначить общее концептуальное видение новой идеологии пользования передовыми технологиями.

Изучение взаимодействия человека и искусственного интеллекта, особенно в контексте чат-ботов и голосовых помощников, привело к формированию многоаспектных методологических подходов. Современные исследования направлены на выявление механизмов и последствий человеко-машинного взаимодействия, сосредотачиваясь, например, на эмпирическом изучении практик подростков, использующих чат-боты для обсуждения деликатных тем, таких как ВИЧ и инфекции, передающиеся половым путем[651]. Другие исследователи приводят примеры политически чувствительных тем,

[651] Koh M.C., Ngiam J.N., Tambyah P.A., Archuleta S. ChatGPT as a Tool to Improve Access to Knowledge on Sexually Transmitted Infections // Sexually Transmitted Infections. 2024. Vol. 100, №. 8. P. 528–531.

выявляемых при общении с алгоритмами, и анализируют, каким образом убеждения и предвзятости разработчиков могут транслироваться через технологии[652].

Значительное внимание в современных исследованиях уделяется изучению манипулятивного потенциала чат-ботов и голосовых помощников с опорой на концепцию гиперподталкивания[653], которая предполагает анализ механизмов влияния технологий на поведение пользователей. Изучение повседневного взаимодействия с голосовыми помощниками осуществляется с использованием таких качественных методов как полуструктурированные интервью. Так, в исследовании, посвященном использованию «умных» колонок, были проведены 20 интервью с жителями Саранска. В ходе исследования анализировались стратегии адаптации и эмоциональные реакции пользователей на коммуникативные сбои[654]. Эмпирические наблюдения также демонстрируют, что голосовые помощники могут оказывать влияние на процессы социализации, особенно среди детей[655].

Социально-психологические характеристики молодежи как особой социальной группы, основанные на типовых особенностях молодости как этапа в развитии человека, выражаются в повышенном интересе к технологическим новинкам, легкости в их освоении, связанной с повышенной обучаемостью, и этической поляризацией суждений, склонностью к скорым этическим суждениям в черно-белой модели координат. Молодые люди отличаются повышенной чувствительностью к мифологическим нарративам, особенно к героическому дискурсу и острым запросом на социальную справедливость. С одной стороны, они резко реагируют на несовершенства социально-

---

652 Тихонова С.В., Артамонов Д.С. Нейросети как актор социально-эпистемических арен: этические проблемы // Философия науки и техники. 2024. Т. 29, № 1. С. 73–83.

653 Faraoni S. Persuasive Technology and Computational Manipulation: hypernudging Out of Mental Self-Determination // Frontiers in Artificial Intelligence. 2023. №. 6. P. 1–14.

654 Ушкин С.Г., Коваль Е.А. Практики использования чат-ботов с искусственным интеллектом российскими подростками // Социология науки и технологий. 2024. Т. 15, № 4. С. 124-141.

655 Ушкин С.Г., Коваль Е.А., Яськин А.Н. Жить с Алисой: как голосовые помощники трансформируют практики коммуникации? // Журнал исследований социальной политики. 2022. Т. 20, № 3. С. 361–376.

политической системы, с другой, еще не готовы к сложным аналитическим и рефлексивным процедурам, необходимым для адекватной оценки социально-политических процессов. В итоге собственно рациональные компоненты молодежного мировоззрения проигрывают иррациональным, а традиционные конфликты типа «отцы и дети» снижают и ослабляют интерес к доктринальным идеологиям родительского поколения. Поскольку молодежь вырастает в условиях доминирования массовой культуры, а исследователи идеологий со времен Д. Белла отмечают упадок популярности ее чистых форм на фоне востребованности импакт-контента, оформляющего социально-политические идеи в персонализированные эстетические формы, постольку молодые люди склонны к решению важных для них идеологических вопросов неидеологическими и даже неполитическим способами, предпочитая вкладывать личные силы, время и ресурсы в решение конкретных понятных им проблем.

Показывая, как ИИ «колонизирует» базовые аспекты жизни, которые лежат в основе человечества, а именно смысл, свободу, смерть и близость, ИИ очень часто рассматривают как общую угрозу молодому поколению. Например, A. Shalaby раскрывает ее в терминах цифровой зависимости, предвзятости, дискриминации, самоуспокоения, снижения навыков самостоятельного суждения[656]. В целом можно сказать, что речь идет о падении и закате навыков, связанных с дисциплиной текстовой культуры, предполагающей направленную тренировку памяти, формирование навыков анализа объемных текстов и т.п.

Алармистской тенденции противоречат следующие данные. Например, результаты, полученные M.H. Anik and соавторов, показали, что молодые исследователи, не имеющие опыта использования GPT, «столкнулись со значительными проблемами в методологии исследования, разработке инструментов и интерпретации данных, в то время как пользователи ChatGPT сообщили об улучшенных перспективах, эффективных сравнениях, быстрых

[656] Shalaby A. Classification for the digital and cognitive AI hazards: urgent call to establish automated safe standard for protecting young human minds // DESD 2. 2024. № 17.

ответах и более четкой артикуляции»[657]. Мы видели, как интернет-технологии буквально за три десятка лет стали посредниками практически всех видов социальных отношений, ИИ, скорее всего, проделает тот же путь, но более быстрыми темпами, поскольку коммуникативная функция права, ускоренная в цифровую эпоху[658], увеличивает темпы легитимации технологических процессов.

Более тревожными, на наш взгляд, становятся эмоциональные особенности взаимодействия в ИИ-компаньонами. P.M.T. Mlonyeni показывает, что персональные ИИ-компаньоны (Сири, Алиса и т.д.) создают две ключевые проблемы: «Во-первых, как и другие компаньоны ИИ, он обманывает относительно наличия своих эмоций, что подрывает моральную ценность товарищества. Во-вторых, персональный ИИ приводит к совершенно новой форме обмана относительно происхождения своих эмоций. Его эмоциональные отношения кажутся ему принадлежащими, хотя на самом деле они являются лишь отражением пользователя»[659], что приводит к появлению феномена, который по аналогии с известным эффектом эхокамер-информационных пузырей, может быть называн эмоциональными пузырями, понимая под ними ложные эмоции, основанные на иллюзии, что эти эмоции переживаются способным их чувствовать субъектом.

Эмоциональные пузыри блокируют появление в мире индивида эмоциональных установок, отличных от его собственных, что существенно обедняет его эмоциональный опыт, подрывает способность к эмпатии и, вероятно, серьезно осложняет принятие общих моральных норм, поскольку последние формируются интерсубъективно. Однако, похожая проблема в свое время артикулировалась в контексте виртуализации анонимного человеческого общения в многопользовательских играх.

---

[657] Anik M.H., Raaz S., Khan N. Embracing AI Assistants: Unraveling Young Researchers Journey with ChatGPT in Science Education Thesis Writing // Int J Artif Intell Educ. 2024.

[658] Denisenko V.V. The Communicative Function of Law in a Digital State // Kutafin Law Review. 2023. Vol. 10, № 3. P. 495-514

[659] Mlonyeni P.M.T. Personal AI, deception, and the problem of emotional bubbles // AI & Soc. 2024.

Молодые люди являются наиболее активными пользователями систем искусственного интеллекта и для них характерно эмоциональное восприятие новых технологий, которое в вопросах этики связывается проблемами безопасности и ограничений.

Современный человек (а в случае молодёжи мы наблюдаем это еще большее ярко) – постоянный потребитель shorts-контента, целью которого является поспособствовать выработке какой-либо эмоции, погрузить пользователя в нескончаемый поток контента: рилсов, мемов, рекламы, продакшена. Постоянный скролл ленты становится рутиной, более того – человек сам уподобляется новостной ленте, неразборчиво впитывая в себя, зачастую, совершенно деконструирующие информационные нарративы.

Очевидной становится необходимость выработки и популяризации идеологии пользования подобными «информационными благами».

Таким образом, было выяснено, что в контексте процессов цифровизации и внедрения ИИ в бытие человека, молодёжь сталкивается со множеством кейсов использования данных технологий. Всё это становится предпосылкой формирования новой идеологии коммуникации с «не-людьми», базовые принципы которые мы обозначили в своей работе. Отправными точками здесь является принципы субъектоцентризма, прозрачности и трансгуманизма. Соблюдение данных базовых принципов позволит человеку выработать конвенциональную идеологию коммуникации с технологиями и обращения их потенциала на благо людей. В статье предлагаются принципы идеологии, которые базируются на фундаментальных основаниях социальных коммуникации человека. Более того, указанные принципы позволят экстраполировать принципы этического бытия человека и на сферу технологических инноваций, тем самым гармонично встраивая все передовые новшества науки в сферу морального.

По итогам третьего параграфа четвертой главы можно сделать с*ледующие выводы*:

Цифровая трансформация гражданской активности и политической социализации молодежи кардинально меняет традиционные модели взаимодействия общества и власти. Проведенное исследование позволило зафиксировать ряд важных тенденций среди младших зумеров: во-первых, технологический фактор (алгоритмы социальных платформ, интерфейс социальных сетей) играет центральную роль в процессе поиска и потребления политической информации. Во-вторых, младшие зумеры демонстрируют амбивалентную идеологическую картину мира, формирующуюся на стыке информационного давления и гражданского интереса. В-третьих, наблюдается ослабление молодежного абсентеизма, выражающееся в росте цифровых форм гражданской активности, однако сопровождающееся поверхностным восприятием политического контента.

Цифровая модернизация политической сферы, несмотря на прогрессивные аспекты и потенциал социальных медиа, сопряжена с вызовами, подчеркивающими неоднозначность технологической революции. Возникновение трафик-монополистов и алгоритмического контроля ограничивает свободный рынок информации, усиливая власть цифровых корпораций и создавая феномен «цифрового колониализма».

Цифровизация современной среды способствует развитию новых форм гражданского участия среди молодежи, стирая границы между онлайн- и офлайн-активностью. Понятие «гражданских наблюдателей» отражает гибкость молодежи в выборе форм взаимодействия с политической информацией. Молодые люди интересуются политической информацией при условии доступной и увлекательной подачи контента, значительную роль в которой играют блогеры, тематические сообщества и популярные медиа-каналы.

Таким образом, цифровизация информационного пространства создает благоприятные условия для участия молодежи в процессах реидеологизации, однако делает этот процесс ситуативным и фрагментированным. Анализ эмпирических данных фокус-групп показывает, что молодые люди проявляют интерес к политике через посредство популярных блогеров, чья риторика

строится на провокациях, эмоциональной вовлеченности и развлекательной подаче. Доверие к платформам вроде TikTok и Telegram обусловлено восприятием контента как «подлинного» и «народного», что, однако, снижает критическое отношение к получаемой информации. Молодежь отдает предпочтение каналам, сочетающим патриотическую, лояльно-критическую и скептическую повестки, а также ценит блогеров за их эксцентричность и близость к социальным запросам аудитории.

Можно утверждать, что в современных условиях политическая акселерация молодежи не проявляется в традиционном виде, а скорее наблюдается процесс аполитизации, где политическая информация и социальные вопросы начинают сливаться, а критическое восприятие информации уступает место эмоциональному отклику и развлекательным форматам. Молодежь, вовлеченная в политический дискурс через социальные сети, становится участником не столько осознанных политических процессов, сколько воспринимает их через призму лайков, эмодзи и карнавальных форматов комментирования, тем самым определяя лидеров, что создает ситуацию, в которой политическая активность скорее выражается в пассивном участии и реакции, чем в глубоком аналитическом осмыслении политических проблем.

Выводы по четвертой главе:

Четвертая глава демонстрирует сложный и противоречивый характер идеологических процессов в постсоветской России. В условиях цифровой трансформации, обострения геополитических вызовов и роста внутреннего социального запроса на ценностную определенность, российское общество переживает этап реидеологизации — перехода от отказа от идеологии к её новой актуализации.

Философский дискурс фиксирует разнообразие подходов: от поддержки идеологического возрождения как формы национальной консолидации до опасений по поводу усиления идеологического контроля и репрессий. Важным

трендом становится переосмысление гуманизма, культуры и коммунитаризма как альтернативных оснований идеологического единства, а также попытки философов выйти за пределы академических институций и влиять на общество через прямую практическую деятельность.

Историческая память, особенно образ СССР, оказывается важнейшей ареной идеологических дебатов. Наблюдается рост аксиологической ресоветизации массового сознания на фоне негативной оценки 1990-х годов. Цифровая среда усиливает конкуренцию нарративов: социальные сети и видеоплатформы формируют новые формы коллективной памяти, миксующие мифологизированные, критические и эстетические представления о советском прошлом.

Особое внимание уделено молодёжи как ключевому субъекту идеологических трансформаций. Цифровая социализация, эмоциональное восприятие информации, чувствительность к символике делают её уязвимой к манипуляциям, но одновременно — способной к генерации новых идеологических смыслов. Молодёжная идеологическая активность сегодня проявляется в гибридных формах, размывающих границы между протестом и лояльностью, между онлайном и офлайном, между личным и политическим.

В целом, идеология в современной России утрачивает черты строго доктринальной системы и превращается в гибкий, эмоционально нагруженный и медиапосредованный конструкт, способный адаптироваться к быстрой смене повестки. Реидеологизация представляет собой не возврат к советскому типу идеологического господства, а поиск новых форм смыслового единства в условиях ценностной фрагментации и кризисов коллективной идентичности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование процессов реидеологизации в контексте современной социально-политической философии позволило проанализировать трансформацию идеологического дискурса под влиянием революции коммуникативных технологий, опосредующей появление цифровой медиасреды.

Анализ степени разработанности позволил определить следующие перспективы исследования феномена реидеологизации. Во-первых, необходимо преодолеть дисциплинарную фрагментацию и выявить пересечения и точки расхождения в понимании идеологии и её трансформаций в философии, политологии и социологии. Во-вторых, следует исследовать, как цифровизация влияет на механизмы идеологической трансляции и манипуляции общественным сознанием в эпоху постправды. В-третьих, обращение к символическим и мифологическим аспектам идеологии позволяет проследить, как через культурные коды воспроизводятся и трансформируются господствующие нарративы.

В первой главе диссертационного исследования было показано, что реидеологизация представляет собой адаптацию идеологических систем к изменяющимся технологическим условиям. Историософский анализ позволил зафиксировать ключевые технологические сдвиги — от массовой печати до цифровых медиа — определившие формы и механизмы трансформации идеологи как формы общественного сознания. Если в XIX веке распространение грамотности способствовало омассовлению идеологических концептов, то появление в XX веке радио и телевидение способствовали переходу идеологического дискурса в аудиовизуальный формат. В XXI веке цифровая среда усилила полиморфность и фрагментацию идеологического пространства, усложняя взаимодействие власти и общества.

Цифровая реидеологизация представляет собой новый этап в развитии идеологических процессов, в котором доминируют алгоритмическое управление, интерактивность и децентрализация производства смыслов. Цифровые платформы не только навязывают идеологические конструкции через алгоритмы, но и формируют среду для активного участия масс в их создании, что приводит к радикальному изменению субъектности в идеологической сфере: пользователи становятся не только потребителями, но и соавторами идеологических нарративов. Визуальный и меметический характер современной идеологии упрощает доступ к сложным идеологическим концептам, однако одновременно снижает уровень критического осмысления. Кроме того, развитие искусственного интеллекта создаёт условия для формирования в будущем гибридных идеологических феноменов, возникающих на пересечении человеческого и машинного мышления.

Во второй главе диссертационного исследования была изучена эволюция механизмов формирования, распространения и усвоения идеологических смыслов, связанная с изменением субъектно-объектных отношений в идеологических процессах цифрового пространства.

Публичная медиа активность традиционных **пол**итических акторов (ранее выполнявших роль производителей идеологического контента), задавая он медиаповестки, вызывает незапланированные сетевые дискуссии и реакции, Алгоритмическое управление политическим смыслом усиливает влияние рекомендательных механизмов платформ на идеологическую социализацию, ограничивая доступ к альтернативным позициям и меняя традиционные модели взаимодействия власти и общества.

Творческая элита, благодаря своим профессиональным навыкам в области символического производства, приобретает центральную роль в процессах цифровой реидеологизации, активно влияя на трансформацию идеологических кодов. Расширение цифровых каналов распространения смыслов способствует росту политической значимости творческих деятелей, что выражается в их активном участии в формировании идеологической

повестки. Размывание границ между частным и публичным в цифровую эпоху способствует усилению эмоциональной мобилизации и институционализации новых форм политического воздействия, в которых искусство становится инструментом трансформации общественного сознания.

В третьей главе диссертационного исследования посвящена трансформаци современного кинематографа в условиях цифровой эпохи. Доказывается, что однозначные пропагандистские установки уступают место нарративам, встроенным в развлекательные и художественные форматы, незаметно вовлекающие зрителя в идеологические дискурсы. В то же время осознание манипулятивной природы политического дискурса не ведет к его активному переосмыслению, а, напротив, сопровождается пассивным принятием, формируя циничную и скептическую, но не критически мыслящую аудиторию.

Возвращение архаического мифического мышления через визуальные медиа усиливает влияние упрощенных нарративов, которые заменяют сложные политические концепции. Американский политический кинематограф конструирует устойчивый мономиф демократических ценностей, который транслируется через различные медиа-платформы, обеспечивая его воспроизводство в массовом сознании. Визуальные нарративы, интегрированные в цифровую среду, оказываются более мощным инструментом идеологического воздействия, чем текстовая информация, так как вызывают эмоциональную вовлеченность аудитории и способствуют распространению заданных смыслов через сетевые сообщества и стриминговые платформы.

Цифровые технологии, радикально изменив способы восприятия политических нарративов, сделали фантастические и фэнтезийные жанры удобным инструментом идеологической коммуникации. Алгоритмы медиаплатформ создают иллюзию выбора, на деле предлагая унифицированный контент, соответствующий идеологическим стандартам крупных корпораций. В результате массовая культура и кинематограф упрощают восприятие

политической реальности, адаптируя сложные социальные вопросы к ожиданиям широкой аудитории, что способствует формированию стереотипных и мифологизированных образов современности.

В четвертом параграфе исследована роль советской ностальгии в процессах реидеологизации современного российского медиапространства. Образ СССР конструируется и переосмысливается через призму современных политических, культурных и экономических запросов, что приводит к его идеализации, критике или переосмыслению в новых идеологических координатах. Традиционные СМИ и цифровые платформы активно создают динамичные и зачастую противоречивые нарративы о советском прошлом, отражающие внутренние идеологические разломы российского общества.

Деполитизация отдельных аспектов советского наследия (эстетики, быта) сопровождается реполитизацией вопросов, касающихся власти и идеологии, что указывает на продолжающийся поиск общественного консенсуса между прошлым и настоящим. Кризис эстетического и этического восприятия советского наследия проявляется в межпоколенческих различиях, где старшие поколения склонны к реставрационной ностальгии, а молодёжь—к рефлектирующему осмыслению советского опыта через призму современной культуры и медиа.

Советское наследие в медиапространстве становится объектом не только эмоциональной и интеллектуальной рефлексии, но и инструментом политической легитимации. Исторические фигуры и ключевые символы советской эпохи используются для формирования новых идентичностей, что приводит к их репрезентации в диапазоне от сакрализации до гротеска.

Цифровая реидеологизация молодежи характеризуется ситуативностью и фрагментарностью, проявляясь в интеграции политических смыслов в эмоционально насыщенный развлекательный контент. В новых условиях блогеры и цифровые лидеры мнений становятся ключевыми субъектами идеологической трансформации, формируя гибридные установки молодежного сознания.

Современные идеологические процессы, формирующеся в условиях кризиса цивилизационных смыслов, глобальных конфликтов и технологических инноваций (цифровизации общественной жизни), требуют все более активного вовлечения философии в идеологическое конструирование. С одной стороны, возникает риск утраты философией научной автономии, с другой — открываются новые перспективы для ее практического влияния на социально-политические трансформации.

Таким образом, реидеологизация в цифровую эпоху определяется сложным взаимодействием технологий, политики, медиа и культуры, сопровождается переосмыслением субъектности идеологического процесса и формированием новых механизмов идеологического контроля и влияния. Современная цифровая среда трансформирует способы производства, распространения и восприятия идеологических смыслов, что требует модернизации философского подхода к анализу этих процессов. В дальнейшем можно углубиться в механизмы алгоритмического контроля идеологических смыслов, изучать советскую ностальгию в современной массовой культуре, рассмотреть, развитие жанров массовой культуры как идеологического инструмента, формирующего политическую повестку, сравнить западные и восточные подходы к цифровому контролю идеологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов, Р.Н. Отношение к позднему советскому прошлому как объект социологического исследования / Р.Н. Абрамов // Общественные науки и современность. – 2019. – № 5. – С. 108-120.

2. Абрамов, Р.Н. «Советский чердак» российской блогосферы: анализ ностальгических виртуальных сообществ / Р.Н. Абрамов // Интеракция. Интервью. Интерпретация. – 2011. – Т. 5, № 6. – С. 88-102.

3. Абрамова, С.Б. Молодежь региона в поисках гражданской идентичности: цифровое участие и модель наблюдателя / С.Б. Абрамова, Н.Л. Антонова // Регионология. – 2023. – № 31 (2). –С. 393–410.

4. Абрамова, С.Б. Реализация функций гражданского общества в цифровой партисипации молодежи / С.Б. Абрамова, Н.Л. Антонова // Дискурс-Пи. – 2024. – № 21 (1). – С. 152-171.

5. Авдеева, В.С. Политический и властный: грани субъекта в поле политики / В.С. Авдеева // Ecce Homo. – 2022. – № 2(4). – С. 27-44.

6. Адамьянц, Т.З. Смыслы и смысловые нюансы на открытых интернет-платформах как предмет социологического изучения (на примере блогов патриотической направленности в «Дзене») / Т.З. Адамьянц // Социологическая наука и социальная практика. – 2023. – № 11 (4). – С. 204–220.

7. Адорно, Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / Т. Адорно, М. Хоркхаймер. – М.: Наука, 1997. – 314 с.

8. Аласания, К.Ю. Разрушение духовных ценностей России как цель современной цивилизационной войны / К.Ю. Аласания, Е.Н. Мощелков // Социум и власть. – 2024. – № 4(102). – С. 58-69.

9. Алейников, А.В., Медиатизация коммуникаций как фактор трансформации ценностных ориентаций российской молодежи: тенденции и риски (часть 2) / А.В. Алейников, Д.А. Мальцева, П.Р. Тузова // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2022. – № 18 (4). – С. 406–424.

10. Александер, Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология / Дж. Александер. – М.: Праксис, 2013. – 640 с.

11. Александрова, И.Н., Деятельность комсомола как фактор формирования ценности знаний в общественном сознании юношества на рубеже 1950-1960-х годов / И.Н. Александрова, А.А. Слезин // Научный диалог. – 2019. –№ 4. – С. 168-183.

12. Алехнович, А.С. Гражданство, нация и государство: проблема политического субъекта / А.С. Алехнович // Вопросы социальной теории. – 2019. – Т. 11. – С. 8-27.

13. Алиев, Р.Т. Комикс как отражение социокультурной динамики в американской массовой культуре / Р.Т. Алиев // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2015. – № 1 (42). – С. 320-326.

14. Альтюссер, Л. Ленин и философия / Л. Альтюссер. М.: Ад Маргинем, 2005. – 176 с.

15. Альтюссер, Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) / Л. Альтюссер // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. – 2011. – № 3. – С. 14-58.

16. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества / Б. Андерсон. – М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 289 с.

17. Андерсон, П. Истоки постмодерна / П. Андерсон. – М.: Территория будущего, – 2011. – 200 с.

18. Антоновский, А.Ю. Несоизмеримость и коммуникация: к эволюционно-коммуникативному повороту в философии науки / А.Ю. Антоновский // Эпистемология и философия науки. – 2022. – Т. 59, № 4. – С. 92-110.

19. Антоновский, А.Ю. Системно-коммуникативная теория: структура, аномалии, применение / А.Ю. Антоновский, Н.Н. Погожина // Человек. – 2023. – Т. 34, № 5. – С. 7-28.

20. Арон, Р. Опиум интеллектуалов / Р. Арон. – М.: Издательство АСТ, 2015. – 480 с.

21. Артамонов, Д.С. Историческая наука, историческая память и идеология / Д.С. Артамонов // Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы - 2021. Этика как наука и профессия: Материалы конференции, Санкт-Петербург, 18–20 ноября 2021 года. – СПб: Сборка, 2021. – С. 292.

22. Артамонов, Д.С., Цифровая философия истории: постановка проблемы / Д.С. Артамонов, В.Б. Устьянцев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2020. –Т. 20, № 1. – С. 4-9.

23. Артамонов, Д.С., Политика памяти в интернет-мемах: от визуализации истории к фейкам / Д.С. Артамонов, С.В. Тихонова // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 5. – С. 75-87.

24. Артамонова, У.З. «Попкорн-дипломатия»: роль американских блокбастеров в вопросах миропорядка / У.З. Артамонова // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2022. – № 3. – С. 76-90.

25. Арутюнян, Э.Г. Новые медиа как субъект политической коммуникации / Э.Г. Арутюнян, А.В. Байчик, И.Н. Блохин, Д.В. Петросян // Litera. – 2024. – № 7. – С. 1-11.

26. Ассман, А. Новое недовольство мемориальной культурой / А. Ассман. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 281 с.

27. Атаманенко, А.А. «Политический театр» и «политический кинематограф»: комиксное мышление в восприятии политической реальности / А.А. Атаманенко // Вопросы политологии. – 2024. – Т. 14, № 4 (104). – С. 1241-1248.

28. Атаманенко, А. Матрица политических сюжетов в неполитическом пространстве / А. Атаманенко // Generation PP. Приложение к журналу «Публичная политика». – 2022. – Т. 1, № S5. – С. 130-140.

29. Афанасов, Н.Б. Киберфеминизм как научная фантастика. Нарисовано в Японии / Н.Б. Афанасов // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2022. – Т. 4, № 1. – С. 71-95.

30. Афанасьев, И.А. Контуры российской патриотической идеологии: к

проблеме конструирования / И.А. Афанасьев, С.В. Тихонова // Власть. – 2007. – № 1. – С. 65-70.

31. Багдасарян, В.Э. Восприятие СССР в историческом сознании современного российского социума: тенденции ресоветизации (по материалам социологических опросов) / В.Э. Багдасарян // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2022. – № 1. – С. 7-19.

32. Байрау, Д. Интеллигенция и власть: советский опыт / Д. Байрау // Отечественная история. – 1994. – № 2. – С. 91-110.

33. Бакунцев, А.В. Лекция И. А. Бунина «Великий дурман» и ее роль в формировании литературной репутации писателя / А.В. Бакунцев // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2012. – №4. – С. 72-78.

34. Баль, М. Визуальный эссенциализм и объект визуальных исследований / М. Баль // Логос. – 2012. – № 1 (81). – С. 212-249.

35. Балынская, Н.Р. Журналистика как специфический субъект политической коммуникации / Н.Р. Балынская // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2006. – № 7. – С. 224-227.

36. Банных, С. Звезда YouTube Михаил Гулевский: «Да что вы пристали ко мне с этой дорогой!» / С. Банных // Комсомольская Правда в Липецке. – 2013, ноябрь 29.

37. Барт, Р. Мифологии / Р. Барт. – М.: Академический проект, 2019. – 351 с.

38. Барт, Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры / Р. Барт. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. – 272 с.

39. Барт, Р. Camera lucida / Р. Барт. – М.: Ad Marginem, 1997. – 512 с.

40. Бауман, З. Текучая современность / З. Бауман. – М.: Питер, 2008. – 238 с.

41. Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература,

1990. – 543 с.

42. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.

43. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М.: Academia, 1999. – 783 с.

44. Белов, С.И. Манипулятивный потенциал массовой культуры как инструмента политического воздействия / С.И. Белов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2024. – Т. 26, № 2. – С. 254–262.

45. Белов, С.И. Восприятие мемориального конфликта вокруг фильма «Смерть Сталина» в среде российских интернет-пользователей / С.И. Белов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2020. – № 1. – С. 36-46.

46. Белоусов, А.Б. В постматериалистическом тренде: мотивация участников протеста в сквере у Театра драмы в Екатеринбурге / А.Б. Белоусов, Д.А. Давыдов, Е.С. Кочухова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 6. – С. 53-72.

47. Беляева, Н.М. Воспитание гражданской активности молодежи в рамках государственной молодежной политики / Н.М. Беляева // Вестник Пермского университета. Политология. – 2012. – № 4. – С. 126-136.

48. Бернацкий, А.А. «ЖД» Д.Л. Быкова: информационно-психологическая война «против» и «за» Россию? / А.А. Бернацкий // Экология языка и коммуникативная практика. – 2016. – № 1. – С. 212-238.

49. Бернацкий, А.А. Симптомы информационно-психологической войны в творчестве Л.Е. Улицкой / А.А. Бернацкий // Экология языка и коммуникативная практика. – 2019. – № 1. – С. 71-88.

50. Биккенин, Н.Б. Социалистическая идеология / Н.Б. Биккенин. – М.: Прогресс, 1980. – 205 с.

51. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, 2000. – 389 с.

52. Бодрийяр, Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту / Ж. Бодрийяр. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – 196 с.

53. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр. – М.: Рипол-классик, 2015. – 240 с.

54. Бойм, С. От остранения к стебу: риторика свободы в русской культуре XX в. / С. Бойм; // Культуральные исследования / под ред. А. Эткинда, П. Лысакова. – СПб; М.: ЕУ СПб, Летний Сад, 2006. – С. 91-125.

55. Бойм, С. Будущее ностальгии / С. Бойм. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 844 с.

56. Болдарева, Т. Стратегия исследования политического времени и пространства в новейшей драматургии / Т. Болдарева // Филология и культура. – 2016. – № 3. – С. 73-78.

57. Борисенко, К.С. Идеология как предмет научного дискурса / К.С. Борисенко // Гуманитарий Юга России. – 2024. – Т. 13, № 3. – С. 56-65.

58. Борщевский, Г.А. Традиционные российские ценности: институциональный анализ / Г.А. Борщевский // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2023. – № 4(111). – С. 67-93.

59. Браун, Д. Воплощая харизматичную аффективность: пример Брюса Ли / Д. Браун // Corpus Mundi. – 2020. – № 1(3). – С. 14-52.

60. Бридж, М. Мультфильм как пропаганда Путина / М. Бридж // The Times. – 2018, 18 ноября.

61. Бродовская, Е.В. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи / Е.В. Бродовская, Т. Хуанг // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2019. –№ 5. – С. 3–18.

62. Бубнов, А.Ю. Память о распаде СССР в контексте разломов общественного сознания современной России (на материалах Telegram) / А.Ю. Бубнов, М.А. Савельева // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2022. – № 6. – С. 79-97.

63. Бурдейный, В.В. Интернет как средство политической коммуникации / В.В. Бурдейный // Социально-политические науки. – 2022. – Т. 12, № 1. – С. 70-76.

64. Бутина, С.Л. Трансформация мифологии в аспекте становления государственности / С.Л. Бутина // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2002. – № 3. – С. 67-82.

65. Быков, И.А. Интернет-пространство как фактор формирования политических идеологий / И.А. Быков // Труды X всероссийской объединенной конференции «Интернет и современное общество». – СПб: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2007. – С. 186-188.

66. Быков, И.А. Киберпространство как фактор развития политических идеологий / И.А. Быков // Политическая наука. – 2008. – № 2. – С. 79-98.

67. Ван Дейк, Т. Язык. Познание. Коммуникация / Т. Ван Дейк. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 320 с.

68. Ван Дейк, Т. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. Ван Дейк. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», URSS, 2013. – 344 с.

69. Василенко, Л.А., Гибридность цифрового общества: инновационная реальность или утопия? / Л.А. Василенко, Н.Н. Мещеряков // Философия науки и техники. – 2023. – Т. 28, № 1. –С. 48-65.

70. Васильева, В.А. Революция 1917 года в постсоветских телевизионных сериалах: деконструкция значения и трансформация нарратива / В.А. Васильева // Международный журнал исследований культуры. – 2018. – № 31 (2). – С. 35-63.

71. Вершинин, М.С. Политическая коммуникация в информационном обществе / М.С. Вершинин. – СПб: Изд-во Михайлова В.А. 2001. – 253 с.

72. Водак, Р. Политика страха. Что значит дискурс правых популистов? / Р. Водак. – М.: Гуманитарный центр, 2018. – 404 с.

73. Волков, В. Общественность: забытая практика гражданского

общества / В. Волков // Pro et Contra. – 1997. – Т. 2, № 4. – С. 77-91.

74. Волков, Ю.Г. Образы идеологии и гуманизма в современной России / Ю.Г. Волков. М.: КноРус, 2016. – 208 с.

75. Волкова, А.В. Современная публичность и публичные ценности: российские и зарубежные практики / А.В. Волкова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. – 2014. – № 1. – С. 111-118.

76. Волкова, А.В. Цифровая бдительность: этика сетевой коммуникации и пределы гражданского контроля / А.В. Волкова // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2019. – № 3. – С. 59-64.

77. Володенков, С.В. Влияние технологий интернет-коммуникаций на современные общественно-политические процессы: сценарии, вызовы и акторы / С.В. Володенков // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2019. – № 5. – С. 341-364.

78. Вълкова, Н «Я вам протру глаза». Глава района обматерил инспектора ГИБДД / Н. Вълкова // Российская газета – Столичный выпуск. – 2012, октябрь 31.

79. Гаджиев, К.С. Метаморфозы идеологии в век информатики / К.С. Гаджиев. – М.: Университетская книга, 2016. – 456 с.

80. Гаджиев, Х.А. Цифровое пространство как поле политического противостояния власти и оппозиции / Х.А. Гаджиев // Политическая наука. – 2020. – № 3. – С. 147-171.

81. Гигаури, Д.И., Виртуальная идентичность в социальных сетях и видеоблогах: обзор политического контента в TikTok / Д.И. Гигаури, П.Р. Тузова // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2021. –№ 6. – С. 47-69.

82. Гирц, К. Интерпретация культур / К. Гирц. М.: Росспэн, 2004. – 406 с.

83. Гирц, К. Идеология как культурная система / К. Гирц // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 1. – С. 5-38.

84. Головченко, В.И. Особенности трактовок государственной

идеологии в научном дискурсе современной России / В.И. Головченко // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2023. – Т. 23, № 2. – С. 190-195.

85. Голофаст, А.В. Политический субъект как категория философской рефлексии / А.В. Голофаст // Полилог. – 2022. – Т. 6, № 3.

86. Голышева, О.Н. Трансформация политического субъекта в условиях глобализации / О.Н. Голышева, О.А. Останина // Вестник Вятского государственного университета. – 2019. – № 3. – С. 23-29.

87. Горан, В.П. Древнегреческая мифологема судьбы / В.П. Горан. – Новосибирск: Наука, 1990. – 334 с.

88. Грамши, А. Тюремные тетради. Часть первая / А. Грамши. – М.: Издательство политической литературы, 1991. – 564 с.

89. Грачев, М.Н. Политика: коммуникационное измерение / М.Н. Грачев. – Тула: Издательство Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, 2011. – 172 с.

90. Грейдина, Н.Л. Медиамемы как векторы политической коммуникации (на материале английского и русского языков) / Н.Л. Грейдина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2021. – Т. 18, № 2. – С. 5-10.

91. Григорьева, Т.Г. Цифровое пространство как среда формирования и распространения идеологии экстремистской направленности /Т.Г. Григорьева // Вестник северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: История. Политология. Право. – 2022. – № 3(27). – С. 10-13.

92. Губанов, А.В. Социальные сети как новый инструмент государственного и муниципального управления в Российской Федерации / А.В. Губанов, В.В. Зотов // Коммуникология. – 2017. – Т. 5, № 4. – С. 83-92.

93. Гуревич, А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников / А.Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1989. – С. 219-220.

94. Гуревич, П.С. Философская экспертиза идеологии / П.С. Гуревич // Философская антропология. – 2018. – № 1. – С. 8-26.

95. Гусейнов, А.А. Философия и идеология (к столетию «Философского парохода») / А.А. Гусейнов // Вопросы философии. – 2023. – № 9. – С. 5–13.

96. Гусейнов, А.А. Идеология в России: прошлое и настоящее / А.А. Гусейнов // Вопросы философии. – 2023. – № 1. – С. 5-9.

97. Давыдов, Д.А. И сказал Интернет: сотворим нетократию по образу и подобию нашему. Критический взгляд на концепцию посткапитализма А. Барда и Я. Зодерквиста / Д.А. Давыдов // Дискурс-Пи. – 2022. – Т. 19, № 4. – С. 66-81.

98. Даль, Р.А.Полиархия: участие и оппозиция / Р.А. Даль. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2010. – 288 с.

99. Дворников, А.А., Технология «цветных» революций / А.А. Дворников, В.В. Смирнов // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. – 2010. – № 4-1. – С. 120-124.

100. Дегтярев, Е.В. Темные фигуры: Социально-философский анализ фильмов Джона Карпентера / Е.В. Дегтярев. – М.: Высшая школа экономики, 2023. –

101. Дейнека, О.С., Феномен постматериалистических ценностей и проблема политической стабильности / О.С. Дейнека, Р.Р. Хабибулин // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1. – С. 1525.

102. Делёз, Ж., Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – Екатеринбург: У-Фактория, 2010. – 892 с.

103. Демидов, А.И. Политический ресурс идеологии / А.И. Демидов // Вестник Поволжской академии государственной службы. – 2012. – № 1(30). – С. 53-58.

104. Демидов, А.И. Идеология как инструмент политической коммуникации и власти / А.И. Демидов // Власть. – 1998. – № 8–9. – С. 41-47.

105. Демидов, А.И. Мир политики. Философское измерение / А.И. Демидов. – М.: Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2018. – 272 с.

106. Белякова, Е.В. Демоны и еретики в культуре переходной эпохи:

историко-литературные и мировоззренческие контексты в исследовательской перспективе / Е. В. Белякова, Л. И. Журова, К. А. Костромин [и др.] // Quaestio Rossica. – 2023. Т. 11, № 2. – С. 633-656.

107. Джеймисон, Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / Ф. Джеймисон. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. –808 с.

108. Дженкинс, Г. Конвергентная культура. Столкновение старых и новых медиа / Г. Дженкинс. – М.: Рипол, 2019. – 384 с.

109. Долгов, А.Ю. От ностальгии к осмыслению настоящего: СССР в представлениях разных поколений / А.Ю. Долгов, Е.Ю. Мелешкина, О.А. Толпыгина // Политическая наука. – 2021. – № 1. – С. 245-273.

110. Долгов, А.Ю. «Онлайн-память» о советском прошлом: социальные сети как альтернативные арены споров об СССР / А.Ю. Долгов // Политическая наука. – 2022. – № 1. – С. 191–204.

111. Дорофеев, Д.Ю. Образ человека и визуализация политической коммуникации в эпоху постмодерна / Д.Ю. Дорофеев, В.Н. Семенова // Вестник Санкт-Петербургского университета.Философия и конфликтология. – 2020. – Т. 36, Вып. 4. – С. 687–699.

112. Дорофеев, К., Губернаторам предстоит командная игра в соцсетях / К. Дорофеев, Е. Ладинова // Известия. – 2017, февраль 17.

113. Дугин, А.Г. Проект «Евразия» / А.Г. Дугин. – М.: Эксмо Яуза, 2004. – 512 с.

114. Дугин, А.Г. Философия политики / А.Г. Дугин. – М.: Арктогея, 2004. – 614 с.

115. Дюркгейм, Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм. – М.: Канон, 1995. – 349 с.

116. Елисеев, А.Л. Государственная молодежная политика: от прошлого к настоящему / А.Л. Елисеев // Вестник государственного и муниципального управления. – 2015. – № 1. – С. 76-81.

117. Ермолаев, В.П. Социальная сеть ВКонтакте как современный канал политической / В.П. Ермолаев // Информационные войны. – 2017. – №. 3(43). –

P. 47-55.

118. Ефременко, Д.В. Обретая уверенность в собственном прошлом. российские идентичность и политика памяти на новой исторической развилке / Д.В. Ефременко // Политическая наука. – 2023. – №2. – С. 15-45.

119. Жабский, М.И. Социология кино / М.И. Жабский. – М.: Канон+, Реабилитация, 2020. – 512 с.

120. Жижек, С. Возвышенный объект идеологии / С. Жижек. – М.: Художественный журнал, 1999. – 237 с.

121. Жуков, Д.С.. Искусственный интеллект для общественно-государственного организма: будущее уже стартовало в Китае / Д.С. Жуков // Журнал политических исследований. – 2020. – № 4(2). – С. 70–79.

122. Жукоцкая, А.В. Старые опасения и новые идеологии / А.В. Жукоцкая // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. – 2015. – № 2(14). – С. 10-21.

123. Завершинский, К.Ф. Политический миф в структуре современной символической политики / К.Ф. Завершинский // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 6. – 2015. – Вып. 2. – С. 16-25.

124. Зверева, Г.И. Рядовой пользователь социальных медиа как историк: способы создания исторического нарратива на YouTube / Г.И. Зверева // Преподаватель XXI век. – 2019. – № 4 (2). – С. 323-337.

125. Зевако, Ю.В., Медиапространство политики памяти об эпохе политических репрессий (на примере тематических интернет-проектов) / Ю.В. Зевако, Д.Н. Караваева // Уральский исторический вестник. – 2020. – № 2(67). – С. 107-115.

126. Зиновьев, А.А. Идеология партии будущего / А.А. Зиновьев. М.: Канон+, 2023. –264 с.

127. Зубанова, Л.Б., Сетевые проекты: потенциал воздействия на аудиторию (на примере проекта «Вдудь») / Л.Б. Зубанова, Н.Л. Зыховская // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2018. – № 30. – С. 119–126.

128. Зубанова, Л.Б. Медиа-репрезентации памяти: доминирующие коды прочтения травматичных событий в интернет-пространстве / Л.Б. Зубанова // Дискурс-Пи. – 2020. – № 4 (41). – С. 26–39.

129. Зубофф, Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / Ш. Зубофф. – М.: Издательство Института Гайдара, 2022. – 784 с.

130. Иванов, А.Г. Политика как пространство эксплуатации идеологиями социальных мифов / А.Г. Иванов // Известия Саратовского государственного университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2017. – Т. 17, №. 1. – С. 13-18.

131. Иванов, В.Н., Политические ценности российского общества (результаты сравнительного проекта) / В.Н. Иванов, М.М. Назаров, Е.А. Кублицкая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2018. – Т. 18, № 3. – С. 470-480.

132. Ивлев, С.В. Социально-политические коммуникации в контексте идеологического дискурса / С.В. Ивлева // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 15, № 2. – С. 244-253.

133. Иглтон, Т. Идея культуры / Т. Иглтон. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 192 с.

134. К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО. Париж: ЮНЕСКО, 2005.

135. Какохо, Т.Г. Правовая идеология «сервисного государства» / Т.Г. Какохо // Правовая культура. – 2023. – № 2(53). – С. 18-19.

136. Кантор, В. Революция как сон разума / В. Кантор // Социологическое обозрение. – 2018. – Т. 17, № 2. – С. 226-241.

137. Кара-Мурза, А.А. Как идеи превращаются в идеологии: российский контекст / А.А. Кара-Мурза // Философский журнал. – 2012. – № 2(9). – С. 27-44.

138. Касамара, В.А. YouTube-блогеры как агенты политической социализации российских школьников / В.А. Касамара, А.А. Сорокина,

А.Н. Шилина // Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки. – 2021. – № 3. – С. 7-21.

139. Каспэ, С.И. Еще о понятии политической формы:форма и субъект (Ответ Михаилу Ильину) / С.И. Каспэ // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2015. – № 2(77). – С. 54-65.

140. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура Т. 1: Власть идентичности / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

141. Кастельс, М. Власть коммуникации / М. Кастельс. – М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2016. – 564 с.

142. Келле, В.Ж. Коммунизм и гуманизм (Коммунистическая идеология - самая гуманная идеология) / В.Ж. Келле. – М.: Знание, 1962. – 48 с.

143. Керимов, Т. «Онтологический поворот» в социальных науках: возвращение эпистемологии / Т. Керимов // Социологическое обозрение. – 2022. –Т. 21, № 1. – С. 109-130.

144. Кирчанов, М.В. Научно-фантастические сериалы «Звёздный путь» и «Вавилон 5» как формы конструирования политической и мемориальной культур / М.В. Кирчанов // Концепт: философия, религия, культура. – 2022. – № 4. – С. 115–137.

145. Киселева, Л.С. Цифровая трансформация общества: тенденции и перспективы / Л.С. Киселева, А.А. Семенова // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. – 2018. – № 4(34). – С. 157-169.

146. Кислицын, С.А. Политические практики функционирования элиты, контрэлиты и фронды в истории России / С.А. Кислицын, Ю.Б. Нектаревская // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2019. – № 6. – С. 137-141.

147. Киссинджер, Г. Искусственный разум и новая эра человечества / Г. Киссинджер, Э. Шмидт, Д. Хаттенлокер. – М.: Альпина ПРО, 2022. – 216 с.

148. Ковалев, А.А. Информационные технологии «цветных революций» как угроза национальному менталитету / А.А. Ковалев // Социально-

политические исследования. – 2023. – № 2(19). – С. 22-35.

149. Когай, А.Д. Цифровые поколения как целевые аудитории медиакоммуникаций: проблемы классификации и определения границ / А.Д. Когай // Коммуникативные исследования. – 2024. – №2. – С. 235-252.

150. Козин, Н.Г. Идентификация. История. Человек / Н.Г. Козин // Вопросы философии. – 2011. – № 1. – С. 37-48.

151. Козин, Н.Г. Искушение либерализмом / Н.Г. Козин // Вопросы философии. – 2006. – № 9. – С. 47-66.

152. Коломиец, Я.Ю. Концепция «Второй устности» У. Онга и ретрайбализация общества посредством социальных сетей в XXI веке. Часть 1 / Я.Ю. Коломиец // Вопросы теории и практики журналистики. — 2017. — Т. 6, № 3. — С. 418-429.

153. Кольев, А.Н. Политическая мифология: реализация соц. опыта / А.Н. Кольев. – М.: Логос, 2003. – 382 с.

154. Комаров, Д. Депутатов оценят по-своему. В думе Екатеринбурга создается комиссия по этике / Д. Комаров // Коммерсантъ (Екатеринбург). – 2015, октябрь 27.

155. Комков, О.А. К вопросу об экзистенциальном статусе культуры в философии истории Карла Ясперса / О.А. Комков // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. –№ 4. – С. 118-126.

156. Королева, М.А. Цифровая стратегия средств политической коммуникации в социальных сетях / М.А. Королева // Актуальные исследования. – 2023. – № 7-1(137). – С. 99-104.

157. Коростиченко, Е.И. Материалистическая философия Мишеля Онфре / Е.И. Коростиченко // Вопросы философии. – 2024. – № 7. – С. 184-192.

158. Коростиченко, Е.И. Атеология и критика религии в философии Мишеля Онфре / Е.И. Коростиченко // Вопросы философии. – 2024. – № 8. – С. 180-188.

159. Корякин, И. Жителей Хакасии отправили в лес. Чем запомнилась

«Прямая линия» губернатора республики / И. Корякин // Коммерсант FM. – 2017, ноябрь 15.

160. Красин, Ю.А. Идеологический плюрализм и метаидеология нового гуманизма / Ю.А. Красин // Вестник Института социологии. – 2015. – № 1(12). – С. 34-59.

161. Кронгауз, М.А. Краткий курс новояза / М.А. Кронгауз // Вопросы литературы. – 2015. – № 1. – С. 7-20.

162. Кузнецов, В.Н. Российская идеология 21. – М.: Книга и бизнес, 2004. – 551 с.

163. Кузнецов, И.И., Репрезентация политических идей в современных западных кинокомиксах / И.И. Кузнецов, А.А. Атаманенко // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2024. – № 3. – С. 336-342.

164. Кузнецов, И.И. Массовая культура как среда политической социализации молодежи / И.И. Кузнецов, Е.В. Куликова, Ю.В. Петрова // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2022. – № 5. – С. 68-88.

165. Куликова, Д.Н. Кино как инструмент мягкой силы государства на примере кинематографа Испании и США / Д.Н. Куликова // Идеи и идеалы. – 2023. – Т. 15, № 2. – Ч. 2. – С. 459–475.

166. Куренной, В.А. Философия фильма: упражнения в анализе / В.А. Куренной. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 232 с.

167. Лаврикова, А.А. Субъект политического участия: подход к интерпретации понятия / А.А. Лаврикова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2019. – № 2(59). – С. 74-78.

168. Ланье, Дж. 10 аргументов удалить все свои аккаунты в социальных сетях / Дж. Ланье. – М.: Бомбора, 2019. – 192 с.

169. Лапшин, А.О. Глобализация и цифровое общество: заметки на полях / А.О. Лапшин // Власть. – 2019. – Т. 27, № 1. – С. 63-68.

170. Лассуэлл, Г. Техника пропаганды в мировой войне / Г. Лассуэлл. –

М.: ИНИОН РАН, 2021. – 341 с.

171. Латур, Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.

172. Ле Гофф, Ж. Цивилизация Средневекового Запада / Ж. Ле Гофф. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 568 с.

173. Ле Гофф, Ж. С Небес на Землю (Перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе XII—XIII вв.) / Ж. Ле Гофф // Одиссей. Человек в истории. – М.: Наука, 1991. – С. 25-44.

174. Лексин, В. Идейная трансформация советских обществоведов в «перестроечно-постперестроечный» период (о книге С.Г. Кара-Мурзы «Между идеологией и наукой») / В. Лексин // Российский экономический журнал. – 2014. – № 2. – С. 70-100.

175. Ленин, В.И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии / В.И. Ленин. – М.: Политиздат, 1984. – 478 с.

176. Летняков, Д.Э. Политико-идеологические тренды постсоветских обществ: попытка обобщения / Д.Э. Летняков // Полис. Политические исследования. – 2018. –№ 1. – С. 129-142.

177. Лёкен, Е.В. «Вы тоже можете быть такими, как мы»: образ американизированной Европы в фильмах плана Маршалла / Е.В. Лёкен // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». – 2017. – № 4 (1). – С. 29–46.

178. Либерман, С. Космотехника и космоопера «Mass Effect»: будущее, смерть и выход из капитализма / С. Либерман // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2023. – № 6(152). – С. 105-122.

179. Либерман, С.А. Алармический дискурс будущего: от киберпанка к экологии / С.А. Либерман // Человек. – 2022. – Т. 33, № 3. – С. 119-137.

180. Линченко, А.А. Тридцать лет спустя: распад СССР в телевизионной журналистике и интернет-пространстве современной России / А.А. Линченко, О.В. Головашина // Вестник Московского университета. Серия 12:

Политические науки. – 2022. – № 6. – С. 56-781.

181. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – М.: Алетейя, Санкт-Петербург, 1998. – 160 с.

182. Липсет, С. Политический человек: социальные основания политики / С. Липсет. – М.: Мысль, 2016. – 613 с.

183. Листвина, Е.В. Социокультурные риски цифровизации современного общества / Е.В. Листвина // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2019. – Т. 1, № 3. – С. 78-82.

184. Листвина, Е.В. Современные социокультурные коммуникации: трансформации в цифровую эпоху / Е.В. Листвина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2021. – № 4. – С. 386-389.

185. Ловинк, Г. Критическая теория Интернета / Г. Ловинк. – М.: Ad Marginem: Музей современного искусства «Гараж», 2019. – 304 с.

186. Логинов, А.В. Ни конфликта, ни согласия: изображая идеологию в современной России / А.В. Логинов, Д.В. Руденкин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2020. – № 2. – С. 341-355.

187. Лотман, Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики / Ю.М. Лотман. – Таллинн: Ээстираамат, 1973. – 135 с.

188. Лукач, Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике / Г. Лукач. – М.: Логос-Альтера, 2003. – 416 с.

189. Луков, В.А. «Хорошее общество» и «цифровое общество» / В.А. Луков // Горизонты гуманитарного знания. – 2019. – № 3. – С. 3-15.

190. Макгован, Т. Облик героя: необходимая тьма темного рыцаря / Т. Макгован // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2019. – № 3. – С. 16-48.

191. Маклюэн, М. Понимание медиа: Внешние расширения человека / М. Маклюэн. – М.: Кучково поле, 2022. – 464 с.

192. Маклюэн, М. Война и мир в глобальной деревне / М. Маклюэн,

К. Фиоре. – М.: АСТ; Астрель, 2012. – 219 с.

193. Маленко, С.А. Идеологема «волков и овец»: американские фильмы ужасов в производстве массовой культуры / С.А. Маленко // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2018. – № 6(18). – С. 93-102.

194. Маленко, С.А., Возвышенная жертвенность или тотальная месть: образы науки и ученого в американском фильме ужасов / С.А. Маленко, А.Г. Некита // Философия науки и техники. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 131-143.

195. Малинова, О.Ю. Концепт идеологии в современных политических исследованиях / О.Ю. Малинова // Политическая наука. – 2003. – №4. – С. 8-30.

196. Малинова, О.Ю. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам / О.Ю. Малинова // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 6. – С. 139–158.

197. Манапова, А.Б. Образ жизни и теория постматериалистических ценностей Р. Инглхарта / А.Б. Манапова // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 32. – С. 2167-2170.

198. Мангейм, К. Идеология и утопия / К. Мангейм. – М.: ИНИОН РАН, 1992. – 245 с.

199. Марков, Б.В. Незавершенная революция: политическая философия Франкфуртской школы / Б.В. Марков // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Философия и конфликтология. – 2018. – №1. – С. 79-90.

200. Маркова, С.С. Языковые проявления гибридизации жанра современной публичной речи / С.С. Маркова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – № 6. – С. 131-137.

201. Маркс, К. Полное Собрание Сочинений, издание 2-е / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Издательство политической литературы, 1965. Т. 39. – 747 с.

202. Маркс, К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1988. – 574 с.

203. Маркузе, Г.И. Одномерный человек. Исследование идеологии

развитого индустриального общества / Г.И. Маркузе. – М.: Refl-book, 1994. – 368 с.

204. Маршак, А.Л. Культура как основа современной российской идеологии: проблемы и перспективы / А.Л. Маршак // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2017. – № 4. – С. 503-512.

205. Масловский, М.В. Цивилизационный дискурс российской политической элиты в контексте интерпретаций модерности / М.В. Масловский // Власть и элиты. – 2019. – Т. 6, № 1. – С. 15-31.

206. Мартьянов, В.С. Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции / В.С. Мартьянов, Л.Г. Фишман. – М.: Весь Мир, 2010. – 256 с.

207. Матц, У. Идеологии как детерминанта политики в эпоху модерна / У. Матц // Полис. Политические исследования. – 1992. – № 1. – С. 130-145.

208. Мацкевич, М.Г. Времена выбирают: образы желаемого прошлого глазами россиян / М.Г. Мацкевич // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2023. – № 4(111). – С. 113-140.

209. Митчелл, Дж. Что такое визуальная культура? / Дж. Митчелл // Логос. – 2004. – № 3 (44). – С. 69–91.

210. Митченков, М. ЖКХ — это три веселые буквы / М. Митченков // Коммерсант FM. – 2015, февраль 17.

211. Морозов, Е. Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети / Е. Морозов. – М.: Corpus, 2014. – 528 с.

212. Москвин, Д.Е. «Долгая лениниана»: эволюция образа Ленина в отечественной визуальной культуре / Д.Е. Москвин // Символическая политика: Сборник научных трудов / ред. О.Ю. Малиновой. – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2014. – С. 128-144.

213. Медведева, Д.А., Стратегии роста международных стриминговых сервисов: Netflix и Disney / Д.А. Медведева, А.С. Новоселов, А.О. Гостилович // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика.

Социология. Менеджмент. – 2023. – № 6. – С. 19-31.

214. Межуев, В.М. Философия как идеология / В.М. Межуев // Философский журнал. – 2017. – № 4. – С. 171-180.

215. Меркулов, П.А. Молодежные организации РСФСР начала 1920-х годов / П.А. Меркулов // Управленческое консультирование. – 2017. – № 1. – С. 196-204.

216. Милованова, М.В., Интернет-мемы как актуальный феномен политической интернет-коммуникации в России / М.В. Милованова, Е.В. Терентьева // Гуманитарные и социальные науки. – 2022. – Т. 93, № 4. – С. 58-66.

217. Мозжилин, С.И. Образ будущего в условиях постправды / С.И. Мозжилин, А.В. Рязанов // Манускрипт. – 2021. – Т. 14, № 6. – С. 1160-1164.

218. Мозжилин, С.И. Совесть и идеология / С.И. Мозжилин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2021. – №. 2. – С. 148–152.

219. Молотов, К.И., Способы конструирования экспертной позиции в YouTube: видео популярных блогеров-историков о сталинских репрессиях / К.И. Молотов, А.С. Максимова, Д.О. Хлевнюк // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 5(165). – С. 92-117.

220. Моска, Г. Правящий класс / Г. Моска // Социологические исследования. – 1994. – № 10. – С. 192-193.

221. Москаленко, О.А. Визуальная мифологизация власти в англоязычном медиадискусе как средство конструирования российской действительности / О.А. Москаленко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2020. – №4. – С. 33-52.

222. Московичи, С. Социальные представления: исторический взгляд / С. Московичи. – М.: Психологический журнал, 1995. – 352 с.

223. Мошкин, С.В. Политика памяти об Октябрьской революции 1917 г. / С.В. Мошкин // Научный журнал «Дискурс-Пи». – 2021. – Т. 18, № 3. – С. 64–75.

224. Мощелков, Е.Н. «Русская идея»: прошлое и настоящее / Е.Н. Мощелков // Вестник Российской нации. – 2015. – № 2(40). – С. 70-80.

225. Мураще нков, С.В. Социальные сети как инструмент организации эффективной политической коммуникации гражданского общества и органов власти в современной России / С.В. Мураще нков // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2016. – № 4. – С. 35–40.

226. Мусаелян, Л.А. Тревожные мысли философа по поводу особенностей современной общественной жизни и некоторых проблем образования в эпоху тотальной цифровизации / Л.А. Мусаелян // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2023. – №. 3. – С. 349–364.

227. Мусихин, Г.И. Очерки теории идеологий / Г.И. Мусихин. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 288 с.

228. Мусихин, Г.И. Политический миф как разновидность политической символизации / Г.И. Мусихин // Общественные науки и современность. – 2015. –№ 5. – С. 102-117.

229. Назаров, М.М., Популярные журналисты и блогеры в российской информационной среде: доверие и социальные представления аудитории / М.М. Назаров, В.Н. Иванов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2024. – Т. 24, № 2. – С. 387-403.

230. Назаров, М.М. Производство согласия: объяснительная модель функционирования медиа / М.М. Назаров // Наука. Культура. Общество. – 2022. –№4. – С. 8-21.

231. Напалкова. И.Г., Интернет-мем как метод политической коммуникации / И.Г. Напалкова, А.С. Семенов // Гуманитарные и политико-правовые исследования. – 2022. – № 2(17). – С. 55-72.

232. Невважай, И.Д. Логики власти / И.Д. Невважай, Н.Ю. Денисова // Цифровой учёный: лаборатория философа. – 2024. – Т. 7, № 2. – С. 81-90.

233. Невважай, И.Д. Коммуникативный правогенез / И.Д. Невважай // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2018. – № 4(123). – С. 216-223.

234. Некита, А.Г., Идеология суррогатного постапокалипсиса: биополитика киберпространства в голливудском фильме ужасов / А.Г. Некита, С.А. Маленко, О.В. Широкова // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2021. – № 2(41). – С. 102-114.

235. Некита, А.Г. Антропология оборотничества: американские фильмы ужасов в геополитических трансмутациях визуальной культуры / А.Г. Некита // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2018. – № 6(18). – С. 84-92.

236. Никифоров, А.Л. Какое будущее ждет человечество? / А.Л. Никифоров // Философский журнал. – 2021. – № 3. – С. 82-95.

237. Новицкая, Т.Е. Агентность и отчуждение в условиях цифрового капитализма / Т.Е. Новицкая // Труды Белорусского государственного технологического университета. Серия 6: История, философия. – 2023. – № 1(269). – С. 181-186.

238. Нойс, Б. Дни минувшего будущего: состояние акселерационизма / Б. Нойс // Логос. – 2018. – Т. 28, № 2. – С. 126–129.

239. Носова, С.С. Метаморфозис и цифровое сетевое общество / С.С. Носова // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 475. – С. 5-14.

240. Обедин, В. Глава Якутии повздорил с «Аэрофлотом» / В. Обедин, В. Петрова // Коммерсантъ. 2018, февраль 19.

241. Овакимян, М.А. Проблемы и перспективы взаимодействия муниципальной власти, предпринимательства и местной власти: опыт России / М.А. Овакимян // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки Северо-Кавказской академии государственной службы. – 2012. – № 2. –

С. 38–45.

242. Ойзерман, Т.И. Формирование философии марксизма / Т.И. Ойзерман. – М.: Мысль, 1962. – 462 с.

243. Ольденбург, Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества / Р. Ольденбург. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 456 с.

244. Орлов, М.О., Приватность в условиях цифровизации: правовые и экономические аспекты / М.О. Орлов, М.А. Шаткин // Социологические исследования. – 2019. – № 4. – С. 15-26.

245. Орлов, М.О. Роль коммуникации в политической жизни современного общества / М.О. Орлов, С.А. Данилов // Философия и общество. – 2008. – № 4(52). – С. 126-131.

246. Павлов, А.В. «Симпсоны» как феномен идеологии и политики / А.В. Павлов, С.А. Сидоркин // Полис. Политические исследования. – 2007. – № 5. – С. 81-91.

247. Павлов, А.В. От социальной аллегории к политическому высказыванию: академическая рецепция американского хоррора XXI века / А.В. Павлов // Антиномии. – 2023. – Т. 23, Вып. 2. – С. 77-96.

248. Павлов, А.В. Враги по разуму: робот как революционный субъект / А.В. Павлов // Социология власти. – 2017. – № 29 (2). – С. 116-132.

249. Павлов, А.В. Ренессанс Ленина в «западном марксизме»: случай Славоя Жижека / А.В. Павлов // Тетради по консерватизму. – 2017. – № 2. – С. 21-34.

250. Пак, А.В. Образ В. И. Ленина в российской массовой культуре XX-XXI вв. и в сознании современных россиян / А.В. Пак // Историческая психология и социология истории. – 2022. – № 1. – С. 49-72.

251. Панарин, А.С. Искушение глобализмом / А.С. Панарин. – М.: Эксмо, 2003. – 416 с.

252. Парсонс, Т. О социальных системах / Т. Парсонс. – М.: Академический проект, 2002. – 830 с.

253. Пеннер, Р.В. Поколения Франкфуртской школы: генезис критической теории и ее современность / Р.В. Пеннер, С.В. Тихонова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2024. – Т. 40, № 1. – С. 81-96.

254. Петухов, В.В. Идейно-политические предпочтения россиян: смена дискурса / В.В. Петухов // Социологическая наука и социальная практика. – 2020. – Т. 8, № 4(32). – С. 25-43.

255. Платтс, Т. Обнаружение зомби в социологии поп-культуры / Т. Платтс // Археология русской смерти. – 2017. – № 4 (1). – С. 151–173.

256. Полосин, А.В. Шаг вперед: проблема мировоззрения в современной России / А.В. Полосин // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2022. – № 3. – С. 7-23.

257. Поповкин, А.В. Может ли патриотизм стать новой идеологией России? / А.В. Поповкин // Россия и АТР. – 2023. – № 4(122). – С. 10-21.

258. Поцелуев, С.П. Идеологическая акселерация школьной молодежи как эффект новых медиа: к постановке вопроса / С.П. Поцелуев, Т.А. Подшибякина, М.С. Константинов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2022. – № 24 (3). – С. 573–585.

259. Прокопенко, Т.В. Роль социальных медиа в политической коммуникации / Т.В. Прокопенко // Коммуникология. – 2020. – Т. 8, № 4. – С. 22-36.

260. Прудникова, Т.Ю. Десакрализация образа материализацией телесности (на примере изображений В. И. Ленина) / Т.Ю. Прудникова // Vita Cogitans: Альманах молодых философов. – 2013. – № 8. – С. 51-60.

261. Пырма, Р.В. Влияние цифровых коммуникаций на политическое участие / Р.В. Пырма // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2019. – № 9(4). – С. 63–69.

262. Радиков, И.В. Поиск идеологических ориентиров в постсоветской России / И.В. Радиков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2019. – № 1(834). –

С. 54-75.

263. Разлогов, К.Э. Экран как мясорубка культурного дискурса / К.Э. Разлогов // Экранная культура. Теоретические проблемы: сб. статей. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2012. – С. 8-15.

264. Ребрина, Л.Н. Интернет-мем как актуальный формат политической коммуникации Германии (на материале тематической группы «Олаф Шольц») / Л.Н. Ребрина, Л.Н. Шамне // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 38-58.

265. Ребрина, Л.Н. Интернет-мемы как актуальный феномен политической интернет-коммуникации в Германии: тематическая группа «Большая коалиция» / Л.Н. Ребрина // Научный диалог. – 2022. – Т. 11. № 4. – С. 239-257.

266. Резник, Ю.М. Должна ли философия служить государству? / Ю.М. Резник // Вестник Российского философского общества. – 2022. – № 3-4. – С. 6-42.

267. Рейнгольд, Г. Умная толпа: Новая социальная революция / Г. Рейнгольд. – М.: Фаир-Пресс, 2006. – 416 с.

268. Рикёр, П. Время и рассказ. Т.1 . Интрига и исторический рассказ / П. Рикёр. – М.; СПб.: Университетская книга, 1998. – 313 с.

269. Розенко, С.В. Цифровые технологии как средство развития террористической идеологии в Российской Федерации: проблемы противодействия и наказуемости / С.В. Розенко // Oeconomia et Jus. – 2023. – № 3. – С. 96-103.

270. Романова, А.П. «Советская ностальгия» несоветского цифрового поколения. Российской Федерации / А.П. Романова, М.М. Федорова // Южно-российский журнал социальных наук. – 2021. – Т. 22, № 1. – С. 6-18.

271. Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / ред. В.С. Мартьянова, Л.Г. Фишмана. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 334 с.

272. Рубцов, А.В. Иллюзии деидеологизации. Между реабилитацией

идеологического и запретом на огосударствление идеологии / А.В. Рубцов // Вопросы философии. – 2018. – № 6. – С. 66-75.

273. Русакова, О.Ф., Политика исторической памяти и Великая Отечественная война / О.Ф. Русакова, В.М. Русаков // Евразийский журнал региональных и политических исследований. – 2017. – № 1(17). – С. 34–39.

274. Русакова, О.Ф. Дискурс государственной политики памяти как фактор формирования национальной идентичности современной России / О.Ф. Русакова // Дискурс-Пи. – 2023. –Т. 20, № 2. – С. 32-51.

275. Русакова. О.Ф., Интернет-технологии в политической коммуникации: вызовы и возможности / О.Ф. русакова, Е.Г. Грибовод // Дискурс-Пи. – 2021. – Т. 18, № 3. – С. 176-185.

276. Рюмина, М.Т. Цифровое общество и проблема человека / М.Т. Рюмина // Науковедческие исследования. – 2020. – № 2. – С. 79-89.

277. Рябов, О.В. «В лесу есть медведь»: Медвежья метафора как оружие «холодной войны» / О.В. Рябов // «Русский медведь»: история, семиотика, политика. – М., 2012. – С. 175-192.

278. Сабирова, Р.Н. Значение экранизаций эпоса «Рамаяна» в контексте социально-политических событий в культуре современной Индии / Р.Н. Сабирова // Культурный код. – 2023. – №1. – С. 25-37.

279. Саидов. А.С. Политическое действие субъекта: специфика и структура / А.С. Саидов, М.Р. Саидова // Известия Института философии, политологии и права имени А. Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан. – 2017. – № 2. – С. 80-87.

280. Самойлов, Д.Е., Лениниана новейшего времени / Д.Е. Самойлов, Д.Я. Северюхин // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2021. – № 2. – С. 118-131.

281. Самостиенко, Е.В. Digital Humanities в русскоязычном контексте: траектория институционализации и механизмы формирования автономных зон / Е,В. Самостиенко // Вестник Вятского государственного университета. – 2018. – № 4. – С.37-45.

282. Саракаева, А.А. Политическая философия китайских исторических сериалов / А.А. Саракаева // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2020. – № 4. – С. 152-186.

283. Сафронов, Н.А. К вопросу о концептуальных основах государственной идеологии России / Н.А. Сафронов // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 7(223). – С. 96-97.

284. Сафронов, Э.Е. Трансформации капитализма в XXI веке: концепция «надзорного капитализма» Шошаны Зубофф / Э.Е. Сафронов // Социологические исследования. – 2021. – № 4. – С. 165-172.

285. Сафронов, Э.Е. Постправда, или Коммуникативная логика цифрового капитализма / Э.Е. Сафронов // Знание. Понимание. Умение. – 2023. – № 3. – С. 96-106.

286. Сахарова, С.А. Концепт идеологии: треки эволюции / С.А. Сахарова // Дискурс. – 2024. – Т. 10, № 3. – С. 19-31.

287. Северина, Е.А. Специфика гибридных жанров в СМИ и причины их гибридизации (на материале современного немецкоязычного фельетона) / Е.А. Северина // Вопросы прикладной лингвистики. – 2020. – № 39. – С. 82-105.

288. Скиперский, А.В. Поверхности протеста: особенности политического письма в современной России / А.В. Скиперский // Политическая лингвистика. – 2014. – № 1. – С. 108-113.

289. Скоробогатов, В.В., Основные теоретические подходы к исследованию интернет-мема как технологии современной политической коммуникации / В.В. Скоробогатов, Е.С. Сухарева // Общество: политика, экономика, право. – 2021. – № 8(97). – С. 17-22.

290. Скочилова, В.Г. Идеология в политическом процессе современной России / В.Г. Скочилова // Вестний Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2010. – №3 (11). – С. 76-85.

291. Славин, Б.Ф. Идеология возвращается / Б.Ф. Славин. – М.: Социально-гуманитарные знания, 2009. – 648 с.

292. Слотердайк, П. Критика цинического разума / П. Слотердайк. – М.:

Издательство Ивана Лимбаха, 2021. – 800 с.

293. Смирнов, А.В. Цифровое общество: теоретическая модель и российская действительность / А.В. Смирнов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2021. – № 1(161). – С. 129-153.

294. Соловьев, А.И. Политические коммуникации / А.И. Соловьев // Политология: Лексикон. – М.: РОССПЭН, 2007. – С.462-473.

295. Соловьев, А.И. Политическая идеология: логика исторической эволюции / А.И. Соловьев // Полис. Политические исследования. – 2001. – № 2. – С. 5–23.

296. Соловьев, Э.Ю. Философия как критика идеологий. Часть I / Э.Ю. Соловьев // Философский журнал. – 2016. – № 4. – С. 5-17.

297. Сонина, Е.О. Конструирование идеологического дискурса в информационном обществе / Е.О. Сонина // Вопросы управления. – 2023. – Т. 17, № 6. – С. 5-18.

298. Сорокин, А.А. Опыт контент-анализа патриотического дискурса в информационной картине ведущих телеграм-каналов России / А,А. Сорокин // Вестник Академии медиаиндустрии. – 2024. – № 1 (37). – С. 63–76.

299. Спиридонова, В.А. Образ Ленина: Традиции «пересмешничества» или новый взгляд? / В.А. Спиридонова // Новое искусствознание. – 2021. – № 3. –С. 91-99.

300. Срничек, Н. Капитализм платформ / Н. Срничек. – М.: НИУ ВШЭ, 2019. – 128 с.

301. Срничек, Н., Изобретая будущее. Посткапитализм и мир без труда / Н. Сринчек, А. Уильямс. – М.: Strelka Press, 2019. – 336 с.

302. Ставицкий, А.В. Методологические особенности исследования современного мифа в контексте постнеклассической науки / А.В. Ставицкий // SocioTime / Социальное время. – 2020. – № 2. – С. 46-55.

303. Стародубцева, М.А. Закрепление на законодательном уровне правового статуса студенческих антитеррористических отрядов как мера

противодействия распространению идеологии терроризма в цифровую эпоху / М.А. Стародубцева // Современный ученый. – 2022. – № 1. – С. 294-298.

304. Степанов. М.А. Кино как опыт извергнутых медиа / М.А. Степанов // Международный журнал исследований культуры. – 2016. – № 6. – С. 156-165.

305. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., утвержденная Указом Президента РФ от 9 мая 2017 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 290.

306. Строева, О.В. Судьба антиутопий и неолиберальные ценности в современной сериальной продукции / О.В. Строева // Наука телевидения. – 2020. – № 4. –С. 11-29.

307. Стюарт, Дж. Исчезнет ли когда-нибудь с наших экранов клише о «русских злодеях»? / Дж. Стюарт // The Guardian. – 2017, 15 июля.

308. Суворова, А.Ю. Политические коммуникации: сущность, структура и современные тенденции развития / А.Ю. Суворова // Государственная служба. 2016. – № 6. – С. 105–109.

309. Суслов, И.В., Тихонова С.В. Как идеологи определяют идеологию: А.Г. Дугин / И.В. Суслов, С.В. Тихонова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2024. – Т. 24, № 4. – С. 394-399.

310. Сыродеева, А.А. Философия и идеология: иллюзия деидеологизации (обзор «круглого стола») / А.А. Сыродеева // Вопросы философии. – 2018. – № 7. – С. 207-217.

311. Сычев, А.А., Социология за пределами реальности: постгуманизм и биополитика в сериале «Мир Дикого Запада» / А.А. Сычев, Е.А. Коваль, С.Г. Ушкин // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 6 (160). – С. 141-172.

312. Талапина, Э.В. Использование искусственного интеллекта в государственном управлении / Э.В. Талапина // Информационное общество. – 2021. – № (3). – С. 16–22.

313. Тарасов, А. Черная кошка на красном фоне. Провинциальные впечатления / А. Тарасов // Октябрь. – 1998. – № 10. –С. 154–159.

314. Тимофеева, Л.Н. Политическая коммуникативистика: проблемы становления / Л.Н. Тимофеева // Полис. Политические исследования. – 2009. – № 5. – С. 41-54.

315. Тимофеева, Л.Н. Политическая коммуникативистика: мировая и российская проекции / Л.Н. Тимофеева // Политическая наука. – 2016. – № 2. – С. 74-100.

316. Титов, В.В. Стратегии социального протеста молодежи в Рунете: сравнительный анализ поколений Y и Z / В.В. Титов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 3. – С. 139–158.

317. Тихонова, С.В. Мифологические основания социального феномена компьютерной игры / С.В. Тихонова // Социальная политика и социология. – 2009. – № 1(43). – С. 199-212.

318. Тихонова, С.В. Социально-онтологический статус мифа / С.В. Тихонова // Философия и общество. – 2008. – № 3. – С. 44-57.

319. Тихонова, С.В. Историческая память в социальных медиа / С.В. Тихонова, Д.С. Артамонов. – СПб: Алетейя, 2021. – 264 с.

320. Тихонова, С.В. Как цифровые котики приручают идеологию: котоконтент советской ностальгии в роли идеологического медиатора / С.В. Тихонова // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2024. – Т. 6, № 4. – С. 194-214.

321. Тихонова, С.В. Великие стройки коммунизма в зеркале советской ностальгии / С.В. Тихонова // Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований. – 2024. – № 3(8). – С. 276-301.

322. Тихонова, С.В. Телесность отечественного вампира в контексте советской ностальгии / С.В. Тихонова // Corpus Mundi. – 2023. – № 1. – С. 29-49.

323. Тихонова, С.В., Нейросети как актор социально-эпистемических арен: этические проблемы / С.В. Тихонова, Д.С. Артамонов // Философия науки

и техники. – 2024. – Т. 29, № 1. – С. 73–83.

324. Тищенко, Н.В. Идеология в контексте культурных практик: Л. Альтюссер, А. Грамши, Г. Дебор / Н.В. Тищенко // Общество: философия, история, культура. – 2018. – №1. – С. 143-147.

325. Товбин, К.М. Традиционалистская философия: версия Дугина / К.М. Товбин // Аналитика культурологии. – 2014. – № 3(30). – С. 46-63.

326. Токвиль, А. Старый порядок и революция / А. Токвиль. М.: Московский философский фонд, 1997. – 260 с.

327. Траси, Д. Элементы Идеологии. Ч.1. Идеология в собственном смысле слова. Гл. 11. Размышления о предшествующем и о способе Кондильяка анализировать мысль / Д. Траси // Вопросы философии. – 2013. – № 8. – С. 149-154.

328. Трунов, А.А. Идеология и интеллектуалы в эпоху медиакратии / А.А. Трунов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2019. – № 44 (4). – С. 729–737.

329. Труфанова, Е.О. Субъект: вызовы цифровизации / Е.О. Труфанова // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2024. – Т. 6, № 4. – С. 215-234.

330. Труфанова, Е.О., Трансформации культурной идентичности в цифровую эпоху / Е.О. Труфанова, Ш.Д. Хан // Вопросы философии. – 2022. – № 12. – С. 84-94.

331. Тузиков, А.Р. Масс-медиа: идеология видимая и невидимая / А.Р. Тузиков // Полис. Политические исследования. – 2002. – № 5. – С. 123-133.

332. Тузиков, А.Р. Проблемы консолидации социума и структурно-технологические особенности идеологического конструирования социальной реальности / А.Р. Тузиков // Безопасность Евразии. – 2004. – № 2. – С. 446-453.

333. Тузовский, И.Д. От «Информационного общества» к «Цифровой эпохе»: гипотетическое моделирование идеального типа / И.Д. Тузовский // Вестник культуры и искусств. – 2020. – № 2(62). – С. 78-86.

334. Тхориков, Б.А., Интернет-коммуникации государственных

гражданских служащих: международный опыт и российская практика / Б.А. Тхориков, В.В. Корнев // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2018. – № 4. – С. 633-639.

335. Уайт, Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века / Х. Уайт. – М.: Кабинетный ученый, 2023. – 528 с.

336. Уильямсон, Т. Кабинетная философия / Т. Уильямсон // Эпистемология и философия науки. – 2019. – № 56(2). – С. 19-25.

337. Уледов, А. Общественная психология и идеология / А. Уледов. – М.: Мысль, 1985. – 268 с.

338. Уль, К. Поколение между «героическим прошлым» и «светлым будущим»: роль молодежи во время «оттепели» / К. Уль // Антропологический форум. – 2011. – № 15. – С. 279-326.

339. Урри, Дж. Как выглядит будущее? / Дж. Урри. – М.: Дело, 2018. – 351 с.

340. Ушкин, С.Г. Симулякры и симуляция в зеркале современной киноиндустрии / С.Г. Ушкин // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2010. – № 3. – С. 94-100.

341. Ушкин, С.Г. Практики использования чат-ботов с искусственным интеллектом российскими подростками / С.Г. Ушкин, Е.А. Коваль // Социология науки и технологий. – 2024. – Т. 15, № 4. – С. 124-141.

342. Ушкин, С.Г. Жить с Алисой: как голосовые помощники трансформируют практики коммуникации? / С.Г. Ушкин, Е.А. Коваль, А.Н. Яськин // Журнал исследований социальной политики. – 2022. – Т. 20, № 3. – С. 361–376.

343. Фадеева, Л.А. Национализм vs. Глобализм в интеллектуальном дискурсе / Л.А. Фадеева // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2017. – № 3. – С. 302-308.

344. Фадеева, Л.А. Ответственность интеллектуалов: краеугольный камень или камень преткновения интеллектуального сообщества? /

Л.А. Фадеева // Вестник Пермского университета. Серия Политология. – 2007. – № 2. – С. 11-18.

345. Фаст, О.Ф., Отдельные аспекты сущности краудфандинга. Краудфандинговые платформы / О.Ф. Фаст, Л.А. Джуккаева // Базис. – 2024. – № 2(16). – С. 15-19.

346. Федоров, А.В. Трансформации образа России на западном экране: от эпохи идеологической конфронтации (1946-1991) до современного этапа (1992-2010) / А.В. Федоров. – М.: Информация для всех, 2013. – 221 с.

347. Филиппова, В.В. Научная институализация / В.В. Филиппова // Сфера политики. – 2023. – № 1. – С. 3-10.

348. Фишер, М. Капиталистический реализм. – Ультракультура 2.0, 2010. – 144 с.

349. Фишман, Л.Г. Закат «общества труда»: современная идеологическая констелляция / Л.Г. Фишман // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2016. – № 3(82). – С. 116-129.

350. Фишман, Л.Г. «Культура отмены» в России: от неприятия к ограниченному применению? / Л.Г. Фишман // Антиномии. – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 70-82.

351. Фишман, Л.Г. Обойдемся без миссии. Почему постсоветская номенклатура не может выработать национальную идеологию? / Л.Г. Фишман // Дискурс-Пи. – 2023. – Т. 20, № 2. – С. 52-67.

352. Флад, К. Политический миф: Теоретическое исследование / К. Флад. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 265 с.

353. Фонарев, М.А. Роль «цветных революций» на постсоветском пространстве: опасность для России / М.А. Фонарев // Вопросы политологии. – 2012. – № 3(7). – С. 194-201.

354. Фуко, М. Что такое Просвещение? / М. Фуко // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. – М.: Праксис, 2002. – С. 335-337.

355. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ, 2007. – 588 с.

356. Хабермас, Ю. Техника и наука как «идеология»: сборник статей / Ю. Хабермас. – М.: Праксис, 2007. – 201 с.

357. Хабермас, Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества / Ю. Хабермас. – М.: Весь Мир, 2016. – 344 с.

358. Хабермас, Ю. Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика / Ю. Хабермас. – М.: Новое литературное обозрение, 2025. – 104 с.

359. Хазыр, У.Н. Современное антизападничество в России и Турции: сравнительный анализ неоевразийства Дугина и неоосманизма Давутоглу / У.Н. Хазыр // Политическая наука. –2023. – № 2. – С. 295-314.

360. Харви, Д. Состояние постмодерна: исследование: исследование истоков культурных изменений / Д. Харви. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 576 с.

361. Хлевнюк, Д.О., Родины нашего страха: рецепция фильма Юрия Дудя «Колыма» в социальных сетях / Д.О. Хлевнюк, А.С. Максимова // Интеракция. Интервью. Интерпретация. – 2021. – Т. 13, № 4. – С. 28–46.

362. Храпов, С.А. Национальная идентичность современной России: поиск модели и риски конструктивного формирования / С.А. Храпов, С.Е. Крючкова // Вопросы философии. – 2025. – № 2. – С. 5-15.

363. Храпов С.А. Информационный фактор формирования новой национальной идентичности республики Казахстан: оппозиции образов «Свой-Иной/Другой-Чужой-Враг» / С,А. Храпов. М.С. Топчиев // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. – 2024. – № 2(68). – С. 135-149.

364. Целыковский, А.А. Проект «НМДНИ»: исследование социальной рецепции / А.А. Целыковский, И.В. Суслов, А.Г. Иванов, С.П. Сидоров // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2023. – № 1. – С. 136-161.

365. Чебан, А.А. Особенности формирования глобальной идеологии цифровизации в сетевом обществе: политологический анализ / А.А. Чебан // Вопросы политологии. – 2023. – Т. 13, № 3(91). – С. 1064-1072.

366. Чекунова, М.А. «Дискурсивная демократия» и специфика государственно-властного дискурса в условиях развития цифровых коммуникаций / М.А. Чекунова // Ценности и смыслы. – 2018. – № 6 (58). – С. 22–48.

367. Чердаков, О.И. Идеология виртуальной реальности и права, или роль права в сохранении HOMO SAPIENS в эпоху цифровой революции / О.И. Чердаков, А.Л. Журавлев // Вестник Международного юридического института. – 2019. – № 1(68). – С. 93-98.

368. Чернышов, А.Г. Искусственный интеллект в качестве новой религии и идеологии цифровых данных / А.Г. Чернышов // Власть. – 2019. – Т. 27, № 2. – С. 76-83.

369. Чубаров, И. Левая критика в эпоху платформенного капитализма / И. Чубаров, Е. Сеченова // Логос. – 2019. – Т. 29, № 6 (133). – С. 275-308.

370. Шабров, О.Ф. Понятие политического: возможна ли политическая наука? / О.Ф. Шабров // Власть. – 2016. – Том. 24, № 9. – С. 51-61.

371. Шапинская, Е.Н. Советское ретро в нарратологии цифровой эпохи / Е.Н. Шапинская // Ярославский педагогический вестник. – 2022. – № 1(124). – С. 202-209.

372. Шахназаров, К.Г. Когда ломают статуи Ленина, в этом есть что-то антирусское / К.Г. Шахназаров // Тетради по консерватизму. – 2014. – № 1.

373. Шварцмантель, Д. Идеология и политика / Д. Шварцмантель. – Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2009. – 312 с.

374. Шевченко, В.Н. Зачем нужна обществу публичная философия? / В.Н. Шевченко // Философский журнал. – 2014. – № 1(12). – С. 5-18.

375. Шелест, В.В. Травестирование культового образа Ленина в постсоветском кино на материале фильмов «Комедия строгого режима» и «Деревня Хлюпово выходит из союза» / В.В. Шелест // Культура и искусство. –

2020. – № 1. – С. 27-42.

376. Шелест, В.В. Политический театр эпохи перестройки: спектакль М. А. Захарова «Диктатура совести» (Ленком, 1986) / В.В. Шелест // Временник Зубовского института. – 2020. – № 4(31). – С. 170-188.

377. Шентякова, А.В. Мобилизация политического протеста молодежи и российские видеоблогеры: результаты когнитивного картирования / А.В. Шентяков, Н.В. Гришин // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2021. – № 3(2). – С. 88–109.

378. Шестирикова, М. Министр соцразвития Самарской области предложила одиноким мамам выращивать еду на огородах / М. Шестирикова // Комсомольская Правда в Самаре. – 2018, декабрь 28.

379. Шибаршина, С.В. Эволюция алгоритмов: на пути к технократии? / С.В. Шибаршина // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2023. – Т. 7. – № 3. – С. 228-235.

380. Шилова, С. И.о. главы управы Марьино подал в отставку из-за конфликта жены / С. Шилова // Российская газета. – 2013, июль 9.

381. Шиповалова, Л.В. Как возможна пост-нормальная наука? / Л.В. Шиповалова // Эпистемология и философия науки. – 2022. – Т. 59, № 3. – С. 61-73.

382. Шнирельман, В. Александр Дугин: возведение моста между эсхатологией и конспирологией / В. Шнирельман // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2016. – Т. 34, № 4. – С. 194-221.

383. Штейнман, М. Неполитический потенциал политического мифа в массовой культуре / М. Штейнман // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия Политология. История. – 2009. – № 1. – С. 38-52.

384. Штоп-Рутковска, К. Киберпамять, или о чем мы не помним в сети. Анализ локальной памяти: Белосток и Люблин / К. Штоп-Рутковска // Социологические исследования. – 2015. – № 4. – С. 130–139.

385. Шуб, М.Л. Основные стратегии российской государственной

политики памяти в контексте современного кинематографа / М.Л. Шуб // Дискурс-Пи. – 2020. – № 40 (3). – С. 88–100.

386. Шулепова Е. Прокуратура требует наказать депутата / Е. Шулепова // Российская газета. – 2012, ноябрь 9.

387. Шумилина, И.В. Особенности экранного конструирования образа президента США: Голливуд — медиа — политика / И.В. Шумилина // Наука телевидения. – 2022. – № 1. – С. 113–158.

388. Эннкер, Б. Формирование культа Ленина в Советском Союзе / Б. Эннкер. – М.: РОССПЭН, 2011. – 438 с.

389. Эпштейн, А. Арт-активизм третьего срока Путина. Наследники московского концептуализма и соц-арта в XXI веке / А. Эпштейн // Неприкосновенный запас. – 2018. – № 1. – С. 219-237.

390. Юдина, Т.Н., Динамика политико-идеологических ориентаций населения России в постсоветский период / Т.Н. Юдина, Ю.Н. Мазаев, С.В. Бабакаев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2020. – Т. 20, № 3. – С. 582-594.

391. Юршина, М. Законотворчество вышло в соцсети / М. Юршина // Известия. – 2017, Март 13.

392. Яковлев, М.В. Идеология: противоположность марксистско-ленинской и буржуазных концепций / М.В. Яковлев. М.: Мысль, 1979. – 270 с.

393. Яковлев, М.В. Киберпсихология управления массовым сознанием в современном государстве / М,В. Яковлев // Дискурс-Пи. – 2024. – Т. 21, № 3. – С. 42-59.

394. Яковлев, М.В. Государство датификации и его дисциплинарные техники: направленность социально-политической трансформации / М.В. Яковлев // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2023. – № 71. – С. 246-259.

395. Яковлев, М. В. Цифровой авторитаризм: концептуальные основания и модель легитимации / М,В. Яковлев // Вопросы философии. – 2022. – № 8. – С. 45-54.

396. Ярская-Смирнова, Е.Р., «Веселые, непонимающие и бессердечные»? О феномене Питера Пэна / Е.Р. Ярская-Смирнова, Г.Г. Карпова, М.А. Ворона // Неприкосновенный запас. – 2008. – № 6. – С. 161-177.

397. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. М.: Политиздат, 1991. – 527 с.

398. Adamec, J. LENIN DNES. Jaký byl „vůdce světové revoluce“ a jak by rozuměl současnosti? / J. Adamec // Respekt. – 2020, 18. Dubna.

399. Alexander, J.C. Performative revolution in Egypt: an essay in cultural power / J.C. Alexander. – L.: Bloomsbury Academic, 2012. – 164 p.

400. Alford, M. Reel Power: Hollywood Cinema and American Supremacy / M. Alford. – New York, Pluto Press, 2010. – 236 p.

401. Alford, M., National Security Cinema: The Shocking New Evidence of Government Control in Hollywood / M. Alford, T. Secker. – Bath, Oddfiger Books, 2017. – 264 p.

402. Almeyda Sarmiento, J., Subjetividad de trinchera: una interpretación del pensamiento de Michel Onfray / J. Almeyda, R. Lima // Estudos Contemporâneos da Subjetividade. – 2022. – Vol. 12, №. 2. – P.256-269.

403. Anderson, B. Preemption, Precaution, Preparedness: Anticipatory Action and Future Geographies / B. Anderson // Progress in Human Geography. – 2010. – № 34(6). – P. 777–798.

404. Aneesh, A. Virtual Migration: The Programming of Globalization / A. Aneesh. – Durham: Duke University Press, 2006. – 216 p.

405. Anik, M.H., Embracing AI Assistants: Unraveling Young Researchers Journey with ChatGPT in Science Education Thesis Writing / M.N. Anik, S. Raaz, N. Khan // Int J Artif Intell Educ. – 2024.

406. Appadurai, A. The Future as Cultural Fact: Essays on the Global Condition / A. Appadurai. – London: Verso, 2013. – 336 p.

407. Aragonés, G. La llamada de la dacha / G. Aragonés // La Vanguardia. – 2020, 27 de mayo.

408. Arnold, E. Digital Humanities: Is it Research or is it Service? / E. Arnold // Digital Humanities München. – 2020, 26 Juli.

409. Assmann, J. Communicative and Cultural Memory / J. Assmann // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook / A. Erll, A. Nünning (Eds). – Berlin, New York: De Gruyter, 2008. – P. 109-118.

410. Balkin, J.M. Cultural software: A theory of ideology / J.M. Balkin. – New Haven: Yale University Press, 1998. – 360 p.

411. Barbuceanu, C.D. Teaching the Digital Natives / C.D. Barbuceanu // Revista de Stiinț e Politice. – 2020. – № 65. – P. 136–145.

412. Bartels, K. Public Encounters: the History and Future of Face-to-face Contact Between Public Professionals and Citizens / K. Bartels // Public Administration. – 2013. – Vol. 91, Iss. 2. – P. 469-483.

413. Başlamyzh, C. Yalnız bir insan / C. Başlamyzh // Medya Günlüğü. – 2019, 8 Mart.

414. Becker M. «I Hate Hippies»: South Park and the Politics of Generation X / M. Becker // Taking South Park seriously / J.A. Weinstock (Ed.). – NY: State University of New York Press, 2008. – P. 145-164.

415. Beckert, J. Imagined Futures: Fictional Expectations and Capitalist Dynamics / J. Becket. – Harvard University Press, 2016. – 358 p.

416. Bell, D. The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties D. Bell. – New York: Collier Books, 1962. – 484 p.

417. Bell, D. The End of Ideology Revisited / D. Bell // Government and Opposition. – 1988. – № 2. – P. 131-154.

418. Bennett, T.M. One World, Big Screen: Hollywood, the Allies, and World War II / T.M. Bennet. Chapel Hill: UNC Press Books, 2012. – 362 p.

419. Berardi, F. After the Future / F. Berardi. – Chico: AK Press, 2011. – 202 p.

420. Blackburn, M., Escaping the Long Shadow of Homo Sovieticus: Reassessing Stalin's Popularity and Communist Legacies in Post-Soviet Russia / M. Blackburn, D. Khlevnyuk // Communist and Post-Communist Studies. – 2024. –

№ 1. – P. 154-173.

421. Bloch, E. Das Prinzip Hoffnung / E. Bloch. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1985. – 548 c.

422. Boot, M. «Joker» nails the nihilism and opportunism of populist firebrands / M. Boot // The Washington Post. – 2019, October 7.

423. Bonnette, L.M. Conclusion.: It's Still Bigger Than Hip-Hop: The Future of Rap and Politics / L.M. Bonnete // Pulse of the People: Political Rap Music and Black Politics. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2015. – P. 140-154.

424. Bory, P. Challenging the Network Ideologies // The Internet Myth: From the Internet Imaginary to Network Ideologies. – London: University of Westminster Press, 2020. – P. 117-128.

425. Boudon, R. The analysis of ideology / R. Boudon. – Cambridge: Polity Press, 1989. – 264 p.

426. Brady A.-M. Marketing Dictatorship: Propaganda and Thought Work in Contemporary China / A.M. Brady. – Lanham: Rowman & Littlefield, 2008. – 246 c.

427. Breitweg, F., et al. House of Cards: The American Machiavelli / F. Breitweg // Politik in Fernsehserien: Analysen Und Fallstudien Zu House of Cards, Borgen & Co / N. Switek (Ed.). – Transcript Verlag, 2018. – P. 243–270.

428. Brinker, F. Superhero Blockbusters: Seriality and Politics / F. Brinker. – Edinburgh University Press, 2022. – 240 p.

429. Broe, D. Post Corona Film and Television: Stream It, Skip It, or Revolutionize It? / D. Broe // Framework: The Journal of Cinema and Media. – 2020. – № 61(2). – P. 202-216.

430. Bryzgel, A. Politics and identity / A. Bryzgel // Performance art in Eastern Europe since 1960. – Manchester University Press, 2017. – P. 223–297.

431. Budabin, A., Celebrity, disruption and neoliberal development / A. Budabin, L. Richey // Batman Saves the Congo: How Celebrities Disrupt the Politics of Development. – Minneapolis; London: University of Minnesota Press, 2021. – P. 1-28.

432. Bury, R. «A small Christmas for me»: A Study of Binge-Watching and

Fan Engagement on Reddit / R. Bury // Binge-Watching and Contemporary Television Research / M. Jenner (Ed.). – Edinburgh University Press, 2021. – P. 40-58.

433. Camus, A. Neither Victims nor Executioners / A. Camus. – New York: Liberation, 1960. – 24 p.

434. Castells, M. The Rise of the Network Society / M. Castells. – Oxford; Malden, Mass: Blackwell Publishers, 2000. – 626 p.

435. Castells, M. Communication, Power and Counter-power in the Network Society / M. Castells // International Journal of Communication. – 2007. – № 1. – P. 238–266.

436. Castells, M. Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age / M. Castells. – Cambridge; Malden: Polity PressPolity Press, 2015. – 320 p.

437. Caulfield, T. Science, Celebrities, and Public Engagement /T. Caulfield, D. Fahy // Issues in Science and Technology. – 2016. – № 32(4). P. 24-26.

438. Cernison, M. Social Media Activism: Water as a Common Good / M. Cernison. – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2019. – P. 139-164.

439. Chaisty, P. Putin's Nationalism Problem / P. Chaisty, S. Whitefield // Ukraine and Russia: people, politics, propaganda and perspectives / A. Pikulicka-Wilczewska, R. Sakwa (Eds.). – Bristol: E-International Relations Publishing, 2016. – P. 157–163.

440. Charbel, H. The Irreplaceable Man / H. Charbel // Asharq Al-Awsat. – 2017 October 16.

441. Chavkin, D. Star Trek: Designing the Final Frontier: How Midcentury Modernism Shaped Our View of the Future / D. Chavkin, B. McGuire. – San Rafael: Weldon Owen, 2021. – 168 p.

442. Cheney-Lippold, J. A New Algorithmic Identity: Soft Biopolitics and the Modulation of Control / A. Cheney-Lippold // Theory Culture & Society. – 2011. – № 28(6). – P. 164–181.

443. Chuhg, B. Narrating Failure vc Jins return to rap in the United States /

B. Chung // Biography. – Vol 41, № 3. – P. 568-586.

444. Colleoni, E. Echo chamber or public sphere? Predicting political orientation and measuring political homophily in Twitter using big data / E. Colleoni, A. Rozza, A. Arvidsson // Journal of Communication. – 2014. – № 2. – P. 317–332.

445. Conway, J. After Politics/After Television: Veep, Digimodernism, and the Running Gag of Government / J. Conway // Studies in American Humor. – 2016. – № 2. – P. 182–207.

446. Deacon, D., Mediatization: key concept or conceptual bandwagon? / D. Daecon, J. Stanyer // Media, culture & society. – 2014, August 8.

447. Dean, J. Crowds and Party / J. Dean. – London; Brooklyn, NY: Verso, 2016. – 296 p.

448. Dean, J. Blog Theory: Feedback and Capture in the Circuits of Drive / J. Dean. – London: Polity Press, 2010. – 140 p.

449. Dencik, L. Social Media and the «New Authenticity» of Protest / L. Dencik // Critical Perspectives on Social Media and Protest: Between Control and Emancipation. – London: Rowman & Littlefield, 2015. – P. 203-218.

450. Denisenko, V.V. The Communicative Function of Law in a Digital State / V.V. Denisenko // Kutafin Law Review. – 2023. – Vol. 10, № 3. – P. 495-514.

451. Dijk van Teun, A. Ideology: A Multidisciplinary Approach / A. Dijk van Teun. – London; Thousand Oaks, Calif.: Sage Publications, 1998. – 388 p.

452. Dittmer J. Popular Culture, Geopolitics, and Identity / J. Dittmer. – New York, Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2010. – 181 p.

453. Dixon, W.W. Streaming: Movies, Media, and Instant Access / W.W. Dixon. – University Press of Kentucky, 2013. – 204 p.

454. Dreher R. Biden’s Late Brezhnev Period / R. Dreher // The American Conservative. – 2022, 15 April.

455. Eagleton, T. Ideology: An Introduction / T. Eagleton. – London; New York: Verso, 1991. – 268 p.

456. Eagleton, T. The Ideology ofther Aesthetic / T. Eagleton. – Oxford: Blackwell, 1990. – 436 p.

457. Elkin-Koren, N. Contesting algorithms: Restoring the public interest in content filtering by artificial intelligence / N. Elkin-Koren // Big Data & Society. – 2020. – № 7(2). – P. 1-13.

458. Endo, R. Putin is Stalin's most consistent supporter / R. Endo // Sankei Shimbun. – 2017, November 26.

459. Engelstad, F. Strategic Communication and Institutional Change // Institutional Change in the Public Sphere: Views on the Nordic Model / F. Engelstad et al (Eds.). – Berlin/Boston: De Gruyter, 2017. – P. 139-141.

460. Engström, M. Contemporary Russian messianism and new Russian foreign policy / M. Engstrom // Contemporary Security Policy. – 2014. – № 3 (35). P. 365-379.

461. Enjolras, B., The Digital Transformation of the Political Public Sphere: A Sociological Perspective / B. Enjolras, K. Steen-Johnsen // Institutional Change in the Public Sphere: Views on the Nordic Model / F. Engelstad et al (Eds.). – Berlin/Boston: De Gruyter, 2017. – 105-113.

462. Erll, A. Memory in Culture / A. Erll. – London: Palgrave Macmillan, 2011. – 209 p.

463. Faraoni, S. Persuasive Technology and Computational Manipulation: hypernudging Out of Mental Self-Determination / S. Faraoni // Frontiers in Artificial Intelligence. – 2023. – №. 6. – P. 1–14.

464. Fattor, E.M. American Empire and the Arsenal of Entertainment: Soft Power and Cultural Weaponization / E.M. Fattor. – New York, Palgrave Macmillan, 2014. – 235 p.

465. Filho, A.A. História do Saber enquanto determinante do Filosofar: Uma breve introdução a Filosofia da História de Michel Onfray / A.A. Filho // Revista Dialectus. – 2013. – № 2. – P. 165-179.

466. Freeden, M. Editorial: Political ideology at century’s end / M. Freeden // The Journal of Political Ideologies. – 2000. – Vol. 5. – № 1. – P. 5–15.

467. Freeden, M. Ideology and political theory / M. Freeden // Journal of political ideologies. – 2006. – Vol. 11, № 1. – P. 3–22.

468. Freeden, M. Thinking politically and thinking ideologically / M. Freeden // Journal of political ideologies. – 2008. – Vol. 13, № 1. – P. 1–10.

469. Freeden, M. Loose Talk Costs... Nothing / M. Freeden // The Journal of Political Ideologies. – 2018. – Vol. 23, №. 1. – P. 1-9.

470. Freeden, M. The coming realignment of ideology studies / M. Freeden // Journal of Political Ideologies. – 2019. Vol. 24, №. 1. – P. 1-10.

471. G.-Stolz, B. Transnational Bingeing: Conclusion / B. G.-Stolz, R. Watts, M. Jenner // Binge-Watching and Contemporary Television Research / M. Jenner (Ed.). – Edinburgh University Press, 2021. – P. 201-204.

472. Gaillard, Ch. Proudhon et Michel Onfray, deux philosophes plébéiens / Ch. Gaillard // Revue internationale de philosophie. – 2020. – № 293. – P. 27-31.

473. Geertz, C. Blurred genres. The refiguration of social thought /C. Geertz // Local knowledge. Further essays in interpretive anthropology / C. Geertz. – N.Y.: Basic Books, 1983. – P. 19–35.

474. Gekker, A. Playing with Power: Casual Politicking a New Frame for Political Analysis / A. Gekker // The Playful Citizen: Civic Engagement in a Mediatized Culture / R. Glas, S. Lammes, M. De Lange, J. Raessens, I. De Vries (Edc.). – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2019. – P. 87-419.

475. Gerbaudo, P. The Platform Party: The Transformation of Political Organisation in the Era of Big Data / P. Gerbaudo // Digital Objects, Digital Subjects: Interdisciplinary Perspectives on Capitalism, Labour and Politics in the Age of Big Data / D. Chandler, C. Fuchs (Eds.). – London: University of Westminster Press, 2019. – P. 187-198.

476. Gerring, J. Ideology: A definitional analysis / J. Gerring // Political research quarterly. – 1997. – № 50 (4). – P. 957-994.

477. Gibson-Graham, J.-K. A postcapitalist politics / J.-K. Gibson-Graham. – Minneapolis; London: University of Minnesota Press, 2006. – 324 p.

478. Giesen, B. Triumph and Trauma / B. Giesen. – Boulder: Paradigm publishers, 2004. – 212 p.

479. Gilder, G. Life After Television / G. Gilder. – New York: W.W. Norton & Company, 1994. – 228 p.

480. Głowacka-Grajper, M. Memory in Post-Communist Europe: Controversies over Identity, Conflicts, and Nostalgia / M. Głowacka-Grajper // East European Politics and Societies. – 2018. – № 4. – P. 924-935.

481. Gonzalez, G.A. The Politics of Star Trek: Justice, War, and the Future / G.A. Gonzales. – New York: Palgrave Macmillan US, 2015. – 228 p.

482. Górski, G. Czy likwidacja pomników Lenina to zwycięstwo cywilizacji śmierci nad cywilizacją życia? / G. Gorski // wPolityce.pl. – 2017. 20 sierpnia.

483. Gouldner, A.W. The dialectic of ideology and technology. The origins, grammar and future of ideology / A.W. Gouldner. – N.Y.: Seabury press, 1976. – 328 p.

484. Gray, J.S. «Vote or Die, Bitch». The Myth that Every Vote Counts and the Pitfalls of a Two-Party System / J.S. Gray // South Park and philosophy : you know, I learned something today / R. Arp (Eds). – Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2006. – P. 121-128.

485. Groening, S. Cynicism and Other Postideological Half Measures in South Park / S. Groening // Taking South Park seriously / J.A Weinstock (Ed.). – NY: State University of New York Press, 2008. – P. 113-138.

486. Güller, M.A. Kemalist-Bolşevik ittifakının 100. Yıldönümü / M.A. Guller // Cumhuriyet. – 2020, 27 Mayıs.

487. Hafez, F. Political Beats in the Alps: On Politics in the Early Stages of Austrian Hip Hop Music / F. Hafes // Journal of Black Studies. – 2016. – № 47(7). – P. 730–752.

488. Hall, S. Notes on Deconstructing «the Popular» / S. Hall // Cultural Theory and Popular Culture / J. Storey (Ed.). – Athens: University of Georgia Press, 1998. – P. 442-453.

489. Hardy, J. Critical political economy of the media. An Introduction / J. Hardy. – London; New York: Routledge, 2014. – 266 p.

490. Hartle, J.F. Art Contra Politics: Liberal Spectacle, Fascist Resurgence /

J.F. Hartle // Spectres of Fascism: Historical, Theoretical and International Perspectives / S. Gandesha (Ed.). – London: Pluto Press, 2020. – P. 241-260.

491. Harvey, M. Celebrity Influence: Politics, Persuasion, and Issue-Based Advocacy / M. Harvey. – Lawrence: University Press of Kansas, 2017. – 264 p.

492. Hepp, A. Mediatization: theorizing the interplay between media, culture and society / A. Hepp, S. Hjarvard, K. Lundby // Culture & Society. – 2014. – № 37 (2). – P. 314–324.

493. Herman, E. The propaganda model revisited / E. Herman // Monthly Review. – 1996. – №. 3. – P. 115–164.

494. Huyssen, A. Present Pasts: Media, Politics, Amnesia / A. Huyssen // Public Culture. – 2000. – № 12(1). – P. 21-38.

495. Ideology and discontent / D.E. Apter (Ed.). – London: Glencoe, etc., 1964. – 350 p.

496. Jaber, R. Discussions about Gorbachev's «historical mistake» on the anniversary of the fall of the Berlin Wall / R. Jabber // Asharq Al-Awsat. – 2019, November 9.

497. Jameson, F. Archaeologies of the Future: The Desire Called Utopia and Other Science Fictions / F. Jameson. – New York: Verso, 2005. – 522 p.

498. Jenkins, T. Superheroes, Movies, and the State: How the U.S. Government Shapes Cinematic Universes / T. Jenkins, T. Secker. – Lawrence: University Press of Kansas, 2022. – 336 c.

499. Jensen, K.B. New Media, Old Methods - Internet Methodologies and the Online/Offline Divide / K.B. Jensen // The Handbook of Internet Studies / M. Consalvo, C. Ess (Eds.). – Oxford, UK: Wiley-Blackwell, 2011. – P. 43–58.

500. Jimenez, D. Is Donald Trump the New Mikhail Gorbachev? / D. Jimenez // The American Conservative. – 2017, November 18.

501. Jungherr, A. Artificial Intelligence and Democracy: A Conceptual Framework / A. Jungherr // Social Media + Society. – 2023. – № 9(3). – P. 1-14

502. Kalinin, I. Nostalgic Modernization: The Soviet Past as Historical Horizon / I. Kalinin // Slavonica. – 2011. – №. 2. – P. 156-166.

503. Kang, J.M. A New Style of K-Drama in Netflix Originals: Generic and Stylistic Experiments in Korean «Genre Dramas» / J.M. Kang // Streaming Video: Storytelling Across Borders / A.D. Lotz, R. Lobato (Eds.). – NY: Press, 2023. – P. 171–187.

504. Kaprāns, M. Hegemonic representations of the past and digital agency: Giving meaning to «The Soviet Story» on social networking sites / M. Kaprans // Memory Studies. – 2016. – № 9(2). – P. 156–172.

505. Karlsen, R. Followers are opinion leaders: The role of people in the flow of political communication on and beyond social networking sites / R. Karlsen // European Journal of Communication. – 2015. – № 30(3). – P. 301–318.

506. Kasamara, V. Post-Soviet Collective Memory: Russian Youths about Soviet Past / V. Kasamara, A. Sorokina // Communist and Post-Communist Studies. – 2015. – № 2-3. – P. 137-145.

507. Kellner, D. Western Marxism / D. Kellner // Modern Social Theory: An Introduction / A. Harrington (Ed.). – Oxford, GB: Oxford University Press, 2004. – P. 154-174.

508. Khrushcheva, N. Comrade Trump / N. Khrushcheva // Project Syndicate. – 2020, 13 February.

509. Khrushcheva, N. Trump's coronavirus lies and propaganda suggest America needs its own «perestroika» / N. Khrushcheva // NBC News. – 2020, 25 May.

510. Khruscheva, N. «Mi abuelo desaprobaría lo que está haciendo Vladimir Putin» / N. Khrushcheva // La Nación. – 2021, 18 de septiembre.

511. Kirby, A. Digimodernism. How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture / A. Kirby. – New York, London: Continuum, 2009. – 292 c.

512. Koh, M.C. ChatGPT as a Tool to Improve Access to Knowledge on Sexually Transmitted Infections / M.C. Koh, J.N. Ngiam, P.A. Tambyah, S. Archuleta // Sexually Transmitted Infections. – 2024. – Vol. 100, №. 8. – P. 528–531.

513. Kooijman, J. The Desert of the Real: America as Hyperreality / J. Kooijman // Fabricating the Absolute Fake: America in Contemporary Pop Culture. – Revised Edition, Amsterdam University Press, 2013. – P. 69–94.

514. Krajewski, A. Obalanie pomników Waszyngtona, a stawianie na cokołach Lenina, nie wróży zbyt dobrze / A. Krajewski // Dziennik Gazeta Prawna. – 2020, 27 czerwca.

515. Kuzio, T. Russian and Ukrainian elites: A comparative study of different identities and alternative transitions / T. Kuzio // Communist and Post-Communist Studies. – 2018. – Vol. 51, № 4. – P. 337–347.

516. Kwak, N. Perceptions of Social Media for Politics: Testing the Slacktivism Hypothesis / N. Kwak, D.S. Lane, B.E. Weeks, D.N Kim, S.S. Lee, S. Bachleda // Human Communication Research. – 2018. – № 44(2). – P. 197-221.

517. Kwet, M. Digital Colonialism: US Empire and the New Imperialism in the Global South / M. Kwet // Race & Class. – 2019. – № 60(4). – P. 3-26.

518. Laclau, E. On Populist Reason / E. Laclau. – London: Verso, 2005. – 296 p.

519. Lane, R. Political ideology: Why the American common man believe what he does / R. Lane. – N.Y.; Glencoe, 1962. – 536 p.

520. Lattanzio, R. Michael Moore Calls «Joker» a Masterpiece: «The Greater Danger to Society May Be If You Don’t See This Movie» / R. Lattanzio // IndieWire. – 2019. October 5.

521. Lee, M. Nostalgia as a Feature of Glocalization: Use of the Past in Post-Soviet Russia / M. Lee // Post-Soviet Affairs. – 2011. – №. 2. – P. 158-177.

522. Lee, S.S., When Social Media Get Political: How Perceptions of Open-Mindedness Influence Political Expression On Facebook / S.S. Lee, D. Lane, N. Kwak // Social Media + Society. – 2020. – № 6(2). – P. 1-12.

523. Lipset, S.M. Ideology and no end: The controversy till now / S.M. Lipset // Encounter. – 1972. – № 39. – P. 17-22.

524. Littell, R. «Koba»: les derniers jours de Staline sous la plume de / R. Little // L'Opinion: [journal]. – 2019, 3 Juil.

525. Lobato, R., Imagining Global Video: The Challenge of Netflix / R. Lobato, A.D. Lotz // Journal of Cinema and Media Studies. – 2020. – № 59(3). – P. 132–136.

526. Lund, M. The Mutant Problem: X–Men, Confirmation Bias, and the Methodology of Comics and Identity / M. Lund // European Journal of American Studies. – 2015. – № 3. – С.10–12.

527. Macleod, A. Fake News, Russian Bots and Putin's Puppets / A. Macleod // Propaganda in the Information Age Still Manufacturing Consent / A. MacLeod (Ed.). – New York: Routledge, 2019. – P. 1-19.

528. Malinova, O. Constructing the Collective Trauma of The Hard 1990s as a Disregarded Tool of Legitimation for Putin's Authority / O. Malinova // Nationalities Papers. – 2022. – № 3. – P. 619-623.

529. Mandraud, I. L'impossible inhumation de Lénine / L. Mandraud // Le Monde: [journal]. – 2017, 25 Avr.

530. Markovsky, A. The Democrats: The Party of Kremlin Dreamers / A. Markovsky // American Thinker. – 2019, 12 February.

531. Marshall, P.D. Celebrity, Politics, and New Media: An Essay on the Implications of Pandemic Fame and Persona / P.D. Marshall // International Journal of Politics, Culture, and Society. – 2020. – №. 1 (33). – P. 89–104.

532. McQuillan, D. Algorithmic paranoia and the convivial alternative / D. McQuillan // Big Data & Society. – 2016. – № 3(2).

533. Melley, T. The public sphere hero: Representations of Whistleblowing in U.S. Culture / T. Melley // Whistleblowing Nation: The History of National Security Disclosures and the Cult of State Secrecy / K. Mistry, H. Gurman (Eds.). – Columbia University Press, 2020. – P. 213–242.

534. Mirowski, P. Never Let a Serious Crisis Go to Waste: How Neoliberalism Survived the Financial Meltdown / P. Mirowski. – London; New York: Verso, 2013. – 480 p.

535. Mishra, A. National vs. Local Celebrity Endorsement and Politics / A. Mishra // International Journal of Politics, Culture, and Society. – 2014. – №

27(4). – P. 409-425.

536. Miskimmon, A., Forging the world: Strategic narratives and international relations / A. Miskimmon, B. O'Loughlin, L. Roselle. – University of Michigan Press. 2017. – 360 p.

537. Mlonyeni, P.M.T. Personal AI, deception, and the problem of emotional bubbles / P.M.T. Mlonyeni // AI & Soc. – 2024.

538. Moser, K. The Sensorial, Biocentric Philosophy of Michel Serres and Michel Onfray / K. Moser // Pacific Coast Philology. – 2018. – № 53. – P. 84-93.

539. Moser, K. Michel Onfray's Biosemiotic, Materialistic, and Post-Monotheistic Reworking of Human and Other-Than-Human Semiosis / K. Moser // Contemporary French Environmental Thought in the Post-COVID-19 Era. Sustainable Development Goals Series. – Cham: Palgrave Macmillan, 2022. – 331 p.

540. Mouffe, C. On the Political / C. Mouffe. – London: Routledge, 2005. – 160 p.

541. Munck, R. The Difficult Dialogue: Marxism and Nationalism / R. Munck. – London; Atlantic Highlands, NJ: Zed Books, 1986. – 200 p.

542. Negroponte, N. Being Digital / N. Negroponte. – New York: Knopf, 1995. – 264 p.

543. Nemitz, P. Constitutional democracy and technology in the age of artificial intelligence / P. Nemitz // Philosophical Transactions of the Royal Society A: Mathematical, Physical and Engineering Sciences. – 2018. – № 376. – P. 1-25.

544. Neumann, I.B. Grab a Phaser «Ambassador»: Diplomacy in Star Trek / I.B. Neumann // Millennium: Journal of International Studies. – 2001. – № 30 (3). – P. 603-624.

545. Nodé, J-B. Karabakh: l'Arménie est piégée par l' «amitié " russe / J-B Node // l'Obs. – 2020, 29 septembre.

546. Novak, N. Practical Geopolitics in Cinematic Narratives of Marvel's the Avengers Film Franchise / N. Novak // Central European Journal of International and Security Studies. – 2021. – №. 5(2). – P. 4-22.

547. Nozick, R. Why Do Intellectuals Oppose Capitalism? / R. Nozick // Cato

Policy Report, January–February. – 1998. – Vol. 20, №. 1. – P. 1-16.

548. Nye, J. Public Diplomacy and Soft Power / J. Nye // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 2008. – № 616. – P. 94-109.

549. O'Callaghan, D., Down the (White) Rabbit Hole: The Extreme Right and Online Recommender Systems / D. O'Callaghan, D. Greene, M. Conway, J. Carthy , P. Cunningham // Social Science Computer Review. – 2015. – Vol. 33(4). – P. 459–478.

550. O'Gorman D. Review [Review of Utopia and Dystopia in the Age of Trump: Images from Literature and Visual Arts, by B. Brodman & J. E. Doan] / D. O'Gorman // Utopian Studies. – 2021. – № 32(3). – P. 707–713.

551. Onfray, M., Éducation, libération de soi: entretien avec Michel Onfray / Educação, libertação de si: entrevista com Michel Onfray / M. Onfray, F. Narita // Cadernos CIMEAC. – 2012. – Vol. 2, №5. – P. 3-12.

552. Ong, W.J. Orality and Literacy: The Technologizing of the Word / W.J. Ong. – London: Methuen, 1982. – 268 p.

553. Pardy, B. The Militarization of Marvel's Avengers / B. Pardy // Studies in Popular Culture. – 2019. – № 42(1). – P. 103–122.

554. Pariser, E. The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You / E. Pariser. – New York: Penguin Press, 2011. – 312 p.

555. Parkin, F. Max Weber / F. Parkin. – London: Tavistock Publications, 1982. – 123 p.

556. Pautz, M.C. Argo and Zero Dark Thirty: Film, Government, and Audiences / M.C. Pautz // Cambridge University Press Political Science and Politics. – 2015. – №. 48 (1). – P. 120-128.

557. Perceval, A. France et URSS, mêmes combats, même issue / A. Perceval // AgoraVox. – 2020, 29 février.

558. Pianini, D., Democratic Process and Digital Platforms: An Engineering Perspective / D. Pianni, A. Omicini // The Future of Digital Democracy / P. Contucci, A. Omicini, D. Pianini, A. Sîrbu (Eds.). – Heidelberg: Springer Verlag, 2019. – P. 83-96.

559. Plantin, J.-Chr. Infrastructure Studies Meet Platform Studies in the Age of Google and Facebook / J.-Chr. Plantin // New Media & Society. – 2018. – Vol. 20, № 1. – P. 293–310.

560. Postman, N. Amusing Ourselves to Death: Public Discourse in the Age of Show Business / N. Postman. – New York: Penguin Books, 1985. – 197 p.

561. Poster, M. The Second Media Age / M. Poster. – Cambridge: Polity Press, 1995. – 204 p.

562. Post-Soviet Nostalgia: Confronting the Empire's Legacies / O. Boele, B. Noordenbos, K. Robbe (Eds.). – New York: Routledge, 2021. – 254 p.

563. Raidt, J., Whither America? A Strategy for Repairing America's Political Culture / J. Raidt, E. Tauscher. – Report. Atlantic Council, Washington, 2017. – P. 56-65.

564. Rainie, L., Networked: The New Social Operating System / L. Rainie, B. Wellman. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 2012. – 380 p.

565. Rancière, J. The Politics of Aesthetics. Continuum, 2004. – 132 p.

566. Ramadan, T. The Hotline helped the world avoid a nuclear war between Moscow and Washington / T. Ramadan // Al Arabiya. – 2020. October 16.

567. Reisigl, M. Discourse and discrimination / M. Reisigl, R. Wodak. – London; New York: Routledge, 2001. – 298 p.

568. Rheingold, H. The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier / H. Rheingold. – Cambridge: MIT Press, 2000. – 484 p.

569. Rigney, A. The Afterlives of Walter Scott: Memory on the Move / A. Rigney. – Oxford University Press, 2012. – 328 p.

570. Rosa, H. Social Acceleration: A New Theory of Modernity / H. Rosa. – New York: Columbia University Press, 2013. – 514 p.

571. Rosell, C. Michel Onfray «In the University they teach a philosophy that is not practicable» / C. Rosell // Revista de occidente. – 2014. – № 398-399. – P.163-176.

572. Rüesch, A. Denkmäler sind zum Denken da / A. Rüesch /// Neue Zürcher Zeitung. – 2017, 4 September.

573. Sandrier, A. Michel Onfray, d'Holbach redivivus? / A. Sandrier // Critique. – 2006. – № 713. – P. 838-843.

574. Sandvoss, C. The Politics of Against: Political Participation, Anti-Fandom, and Populism / C. Sandvoss // Anti-Fandom: Dislike and Hate in the Digital Age / M. Click (Ed.). – New York: NYU Press, 2019. – P. 125-146.

575. Saunders, R.A. Imperial Imaginaries: Employing Science Fiction to Talk About Geopolitics / R.A. Saunders // Popular Culture and World Politics.Theories, Methods, Pedagogies / F. Caso, C. Hamilton (Eds.). – Bristol, UK: E-International Relations, 2015. – P. 149-159.

576. Saunders, R. Popular Geopolitics and Nation Branding in the Post-Soviet Realm / R. Saunders. – New York, Routledge, 2017. – 278 p.

577. Schumann, A. Music at war: reggae musicians as political actors in the Ivoirian crisis / A. Schumann // Journal of African Cultural Studies. – 2015. – № 27(3). – P. 342–355.

578. Scott, S. YouTube’s algorithm is spreading a series of unfortunate far-right events / Scott // The Drum. – 2019, 14 May.

579. Sedikides, C. Nostalgia: Conceptual Issues and Existential Functions / C. Sedikides, T. Wildschut, D. Baden // Handbook of Experimental Existential Psychology. – 2008. – P. 200-214.

580. Segaard, S. The Institutional Anchoring of Social Media Venues as Arenas for Local Political Communication.: Perceptions by Voters and Politicians / S. Segaard // Institutional Change in the Public Sphere: Views on the Nordic Model / K. Steen-Johnsen, F. Engelstad, H. Larsen, J. Rogstad, D. Polkowska, A.S. Dauber-Griffin, A. Leverton. – Berlin/Boston: De Gruyter, 2017. – P. 118-138.

581. Shalaby, A. Classification for the digital and cognitive AI hazards: urgent call to establish automated safe standard for protecting young human minds / A. Shalaby // DESD 2. – 2024. – № 17.

582. Shirky, C. Cognitive Surplus: How Technology Makes Consumers into Collaborators / C. Shirky. – L.: Penguin Books, 2011. – 260 p.

583. Steil, B. Regarder une carte de l'Europe suffit à comprendre la politique

russe vis-à-vis de l'Ouest / B. Steil // Slate.fr. – 2018, 28 mars.

584. Steiner, E. Commercial Constructions of Binge-Viewers: A Typology of the New and Improved Couch Potato as Seen on TV / E. Steiner // Binge-Watching and Contemporary Television Research / M. Jenner (Ed.). – Edinburgh University Press, 2021. – P. 65–81.

585. Stepa, V. Muutis planeeti, kuid kaotas Venemaal / V. Stepa // Postimees. – 2021, 2. märts.

586. Stuttaford, A. Her Inner Brezhnev / A. Stuttaford // National Review. – 2018, November 28.

587. Sunstein, C.R. Democracy and filtering / C.R. Sunstein // Communications of the ACM. – 2004. – № 12. – P. 57–59.

588. Švec M., Legal Frameworks for the PhygitalConcept / M. Svec, A. Madleňák // European Journal of Science and Theology. – 2019. – № 13(6). – P. 209–217.

589. Taïeb, E., House of Cards: Monsters in Politics / E. Taieb, L. Garnier. – NED-New edition. Intellect, 2022. – 150 p.

590. Tait, R. Czech communists confront bitter legacy of Prague Spring / R. Tait // Guardian. – 2018, 14 august.

591. The end of ideology debate / C.I. Waxman (Ed.). – N.Y.: Simon and Schuster, 1968. – 420 p.

592. The Politics of the Marvel Cinematic Universe / N. Carnes, L.J. Goren (Eds.). – Lawrence: University Press of Kansas, 2023. – 456 p.

593. Thompson, J.B. Studies in the Theory of Ideology / J.B. Thompson. – Cambridge: Polity; Berkeley: University of California Press, 1984. – 368 p.

594. Thomson, A. Memory and Remembering in Oral History / A. Thompson // The Oxford Handbook of Oral History / D.A. Ritchie (Eds.). – Oxford University Press, 2011. – P. 77-95.

595. Thompson J.B. Ideology and Modern Culture: Critical Social Theory in the Era of Mass Communication / J.B. Thompson. – Oxford: Polity Press, 1990. – 376 p.

596. Thorson, K. Facing an Uncertain Reception: Young Citizens and Political Interaction on Facebook / K. Thorson // Information, Communication & Society. – 2014. – № 17(2). – P. 203-216.

597. Timmermans, J. Playing with Others: The Identity Paradoxes of the Web as Social Network / J. Timmermans // Playful Identities: The Ludification of Digital Media Cultures / V. Frisse, S. Lammes, M. De Lange, J. De Mul, J. Raessens. – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2015. –P. 289-290.

598. Tolson, A.A. New Authenticity? Communicative Practices on YouTube / A.A. Tolson // Critical Discourse Studies. – 2010. – № 7(4). – P. 277–289.

599. Traube, E.G. Secrets of Success in Postmodern Society / E.G. Traube // Culture/Power/History: A Reader in Contemporary Social Theory / G. Eley, S. Ortner, N. Dirks (Eds.). – Princeton, N.J.: Princeton UP, 1994. – P. 557-585.

600. Traverso, E. Left-Wing Melancholia: Marxism, History, and Memory / T. Traverso. – New York: Columbia University Press, 2016. – 312 p.

601. Trottier, D. Digital Vigilantism as Weaponisation of Visibility / D. Trottier // Philosophy & Technology. – 2017. – Vol. 30, № 1. – P. 55–72.

602. Trottier, D. Revisiting Privacy in Public Spaces in the Context of Digital Vigilantism / D. Trottier // Surveillance, Privacy and Public Space / B.C. Newell, T. Timan, B.-J. Koops. – London: Routledge, 2018. – P. 141–156.

603. Twenty Years after Communism: The Politics of Memory and Commemoration / M. Bernhard, J. Kubik (Eds.). – Oxford: Oxford University Press, 2014. – 384 p.

604. Ulbricht, L. Scraping the demos. Digitalization, web scraping and the democratic project / L. Ulbricht // Democratization. – 2020. – № 27(3). – P. 426–442.

605. Vasterman, P. Media-hype. Self-reinforcing news waves, journalistic standards and the construction of social problems / P. Vasterman // European Journal of Communication. – 2005. – № 20 (4). – P. 508-530.

606. Vint, S. Programming the Future: Politics, Resistance, and Utopia in Contemporary Speculative TV / S. Vint, J. Alexander. – New York: Columbia University Press, 2022. – 256 p.

607. Weeks, R. History by HBO: Televising the American Past / R. Weeks. – Lexington: University Press of Kentucky, 2022. – 258 c.

608. Weintz, S. Why the biggest Russian nuclear bomb was useless in battle / S. Weintz // The National Interest. – 2018. – September 17.

609. Weldes, J. Popular Culture, Science Fiction, and World Politics: Exploring Intertextual Relations / J. Weldes // To Seek Out New Worlds.Science Fiction and World Politics. – New York, 2003. – P. 1-30.

610. Wien, C. Much ado about nothing Five media hypes in a comparative perspective / C. Wien // From Media Hype to Twitter Storm / P. Vasterman. – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2018. – P. 149-166.

611. Williamson, K. The March of the New American Leninists / K. Williamson // National Review. – 2021, 16 December.

612. Wright, W. Six Guns and Society: A Structural Study of the Western / W. Wright. – Berkley; Los Angeles, 1975. – 240 p.

613. Xu, F. Historical Films: Beyond National Imagination / F. Xu // Transformation of Contemporary Film Genre. – Palgrave Macmillan, Singapore, 2022. – P. 147-179.

614. Žižek, S. More on Joker: From Apolitical Nihilism to a New Left, or Why Trump is no Joker / S. Žižek // The Philosophical Salon. – 2019, November 11.

615. Žižek, S. Violence: Six Sideways Reflections / S. Žižek. – New York: Picador, 2008. – 276 p.

616. Yunyi, B., German leftist: «The Chinese know that their true defender is the CCP» / B. Yunyi, L. Aixin // Global Times. – 2021, May 14.